

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ им. ПЕТРА ВЕЛИКОГО
(КУНСТКАМЕРА)

НЕМЦЫ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ
БИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
XVIII—XX вв.

Выпуск 9

Санкт-Петербург
2015

ББК 63.3(2)
УДК 94(470.23-25):929(=112.2)"17/21"
Н50

Утверждено к печати Ученым советом МАЭ РАН

Рецензенты:

*канд. культурологии Е.В. Васильева,
канд. ист. наук Ю.В. Бучатская*

Н50 Немцы в Санкт-Петербурге: Биографический аспект. XVIII–XX вв. Вып. 9 / Отв. ред. Т.А. Шрадер. СПб., 2015. — 390 с.

ISBN 978-5-88431-284-5

В девятом сборнике «Немцы в Санкт-Петербурге: биографический аспект. XVIII–XX вв.» представлены научные статьи о жизни и многообразной деятельности жителей Санкт-Петербурга немецкой национальности на протяжении трех веков.

Читатель познакомится с судьбами отдельных личностей, семей и немецких организаций, внесших вклад в развитие многообразных сфер жизни столицы России.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся историей России, Санкт-Петербурга и судьбами горожан.

*Издание осуществлено
из средств бюджета Генерального консульства
Федеративной Республики Германия в Санкт-Петербурге
в рамках программы по поддержке немецкого меньшинства
под патронажем Фонда поддержки и развития русско-немецких
отношений «Русско-немецкий центр встреч при Петрикирхе
в Санкт-Петербурге».*

ISBN 978-5-88431-284-5

© МАЭ РАН, 2015

© А.Ю. Харитоновна, обложка, 2015

К ЧИТАТЕЛЮ

Научный сборник «Немцы в Санкт-Петербурге: биографический аспект» (вып. 9) издается в год 70-летнего юбилея Победы Советского Союза над фашистской Германией. Миллионы граждан нашей страны боролись с фашизмом и приближали Великую Победу. Но при этом нельзя забывать, что трудолюбивый германский народ на протяжении веков имел контакты с Россией, многие жили здесь из поколения в поколение, некоторые приезжали в страну, чтобы открыть свои таланты и осуществить свои планы. Вклад немцев в развитие промышленности, науки, искусства России был значительным. Память и человеческие отношения между гражданами страны (в том числе и ее столицы) с немцами сохранялись с ранних времен до нашего времени.

В представленном сборнике можно ознакомиться с жизнью многих российских граждан немецкой национальности за период с XVIII по XX в. В статьях, подготовленных на базе разносторонних материалов научными сотрудниками различных учреждений России, краеведами, любителями истории, а также потомками старинных родов и семей, проживавших в Санкт-Петербурге, раскрывается многообразная деятельность немцев в России, их контакты в многонациональном Санкт-Петербурге. Эти связи помогают читателю лучше узнать о некоторых интересных страницах из истории города.

XVIII век

В.И. Богданов, Т.И. Малова

АТАНАСИУС КИРХЕР И ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПРОНИЦАЕМОСТИ КРИСТАЛЛИЧЕСКОЙ ЗЕМНОЙ КОРЫ

Глубинное строение и динамика земных недр, землетрясения и вулканизм, связь поверхностных и подземных вод, деформации земной поверхности, вековые колебания уровней морей и океанов, климатические изменения — эти темы издавна привлекали внимание исследователей. Неудивительно, что уже в первом отечественном академическом журнале «Примечания на Ведомости» эти вопросы неоднократно освещались¹. Однако в XIX в., когда получили распространение взгляды на практическую непроницаемость кристаллической коры, представления о подземных «пустотах» и «водных жилах», обеспечивающих связь поверхностной и подземной гидросферы, были почти забыты. Прорыв в этом направлении намечился лишь в XX в., начиная с работ профессора С.С. Шульца, и завершился полным фиаско сейсмического прогноза результатов сверхглубинного бурения на Кольском полуострове.

Настоящая статья посвящена А. Кирхеру, немецкому ученому XVII в., одному из последних представителей эпохи Возрождения, апологету повсеместной проницаемости земной коры.

Атанасиус Кирхер (1602–1680).

Гравюра из книги
«Подземный мир» (1664)

Стихии Неба, Земли и Океана одухотворялись и обожествлялись с незапамятных времен. О причинах морских приливов сообщают китайские писатели: «Вода есть кровь Земли, а приливы — биение ее пульса»; «приливы обусловлены дыханием Земли». Согласно древним майя, Вселенная состоит из тринадцати небес и девяти подземных миров, божества которых определяют течение природных процессов². Фалес Милетский (Thalés, ок. 624–547 до н.э.) выводил из воды все явления природы. Морская вода, по его мнению, поступает в земные полости под действием ветра, а затем поднимается под давлением к поверхности, питая реки. Существует, однако, мнение Плутарха (Plútarchos, ок. 46–126), что Фалес «научился полагать воду первоначалом всего» у египтян. В Древнем Египте и Вавилоне, задолго до космографий древнегреческой цивилизации, зародились представления о том, что Земля окружена не только «плоским» морем, но и небесным, а также подземным океаном, порождающим Нил³, от максимального разлива которого всецело зависело процветание страны:

*Слава Тебе, Нил, выходящий из земли,
Приходящий, чтобы оживить Египет!..⁴*

Египтяне и Фалес считали причиной разливов Нила летние ветры — «эстии» («бореи»), сдерживающие его течение, Геродот (Hēródotos, ок. 495 — ок. 430 до н.э.) предполагал влияние притяжения Солнца, а Эфор из Кимы (Éphor, 400–330 до н.э.) — слабую проницаемость ила. Представления о постепенном «высыхании» морей развивали Анаксимандр (Anaximandros, ок. 610–546 до н.э.), Анаксагор (Anaxagóras, ок. 500–428 до н.э.) и Демокрит (Dēmókritos, ок. 460–370 до н.э.). Демокрит первый «показал связь неба с земными явлениями». В частности, он исследовал причины разливов Нила. Диоген (Diogénēs, V в. до н.э.) полагал, что «не может быть такого, чтобы земля в одних местах была сухая, а в других — чрезмерно влажная; ведь она вся насквозь просверлена множеством сообщающихся между собой проходов, и по ним влага поступает из мокрых мест в сухие»⁵. Эзопу (Áisōpos, VI–V вв. до н.э.) приписывается миф о Харибде, которая «после первого глотка сделала видимыми горы, во второй раз хлебнув, обнажила и долины. Если же вздумается и в третий раз выпить воды, то нам [кораблестроителям] станет бесполезным наше искусство».

Источником пресной воды Платон (Plátōn, 427–347 до н.э.) считал Тартар, куда по подземным каналам поступает морская вода. «Доходя

в своем стремлении до места, называющегося нижним, вода разливается по рекам, текущим изнутри Земли, и наполняет их, подобно водоводам, а убегая оттуда и притекая сюда, опять обогащает здешние потоки, которые от избытка вод вливаются и в каналы, и в землю и, достигнув до известных мест по принятому направлению, образуют моря, озера, реки и источники»⁶. Он же упоминает о всемирном «неимоверном потоке, третьем по счету перед Девкалионовым».

Согласно Аристотелю (Aristotélēs, 384—322 до н.э.), воды атмосферных осадков и тающих снегов сначала проникают в подземные пещеры путем фильтрации через грунты, затем распространяются в виде водяного пара по системам подземных каналов и протоков и, наконец, испаряются, снова конденсируясь в атмосфере. Аристотель описывал пещеры, «где, как считается, море по протокам проходит под землею»; объяснял соленость морских и подземных вод; критиковал Платона за представления о Тартаре как источнике всех рек⁷.

По-видимому, Посидоний (Poseidónios, ок. 135—51 до н.э.), первый после Пифея из Массалии (Pytheas, IV в. до н.э.), описал суточные, месячные и даже годовые лунные приливы. К сожалению, сочинения Пифея и Посидония дошли до нас лишь в пересказах Полибия (Polýbios, ок. 201—120 до н.э.), Страбона (Strábōn, ок. 63 до н.э. — ок. 20 н.э.) и других ученых и писателей⁸. Причины периодических разливов Нила подытожил Тит Лукреций Кар (Titus Lucretius Carus, ок. 99—55 до н.э.)⁹, а Публий Овидий Назон (Publius Ovidius Naso, 43 до н.э. — 17 н.э.), считавший вслед за Лукрецием Каром, что «ничего постоянного нету на свете», поэтизировал многие примеры интересующих нас изменений:

*Здесь открывает природа источники новые, там же
Старые уничтожает. Земля ль сотрясается — и реки
Вновь вытекают одне, а другие скрываются в землю¹⁰.*

Марк Витрувий Поллион (Marcus Vitruvius Pollo, I в. до н.э.) изложил теорию круговорота воды, напоминающую современную. Он считал, что воды тающих снегов просачиваются в землю горных областей и появляются вновь у их подножий в виде родников. Луций Анней Сенека (Seneca Lucius Annaeus, ок. 4 до н.э. — 65 н.э.), напротив, отрицал инфильтрацию осадков. Однако многие взгляды Сенеки предвосхищали современные представления о землетрясениях и взаимоотношении вод и суши¹¹. Закария ибн Магомед ибн Махмуд аль-Казвини

(Zakariyyā ibn Muhammad ibn Mahmūd al Qazīnī, ок. 1203–1283) сообщал, что «в различные периоды четырех времен года, и в первый и последний дни месяца, и в определенные часы ночи и дня море получает какую-то способность поднимать свои воды». Далее, описав связь приливов с движением Солнца и Луны, он объяснил ее «согреванием» вод и завершил фрагмент высказыванием пророка: «Воистину ангел, что сидит над морем, ставит свою ногу в море, и вот наступает прилив; потом он поднимает ее, и вот наступает отлив»¹².

Отношение суши и моря привлекало Данте Алигьери (Dante Alighieri, 1265–1321): «20 января 1320 г. под своды Веронской капеллы стекается цвет общества, чтобы заслушать рассуждение о взаимоотношении земного шара и водной его оболочки. “De aqua et terra” — так кратко гласит заглавие речи; а автор ее — великий чародей Средневековья — бессмертный творец “Божественной комедии” — Dante Alighieri». «Антитеза “поэзия–физика”, “поэзия–гидрология” есть порождение современности, чуждое античному миру и Средним векам». Отношение к природе современников той эпохи — «не формула, оторванная от жизни, а частица самой жизни, ключ к ее пониманию»¹³. Леонардо да Винчи (Leonardo da Vinci, 1452–1519) отстаивал значение опыта в познании природы, выступая против схоластики. «Мы видим, что сфера воды, — писал он, — явно разной толщины от поверхности до дна... Всякая стихия подвижная и жидкая необходимо имеет поверхность сферическую»¹⁴. Французский естествоиспытатель Бернар Палисси (Palissy Bernard, ок. 1510–1589), по-видимому, первым озвучил близкие к современным представления о круговороте воды в природе¹⁵.

Два наиболее влиятельных немецких ученых — астроном и геометр Иоганн Кеплер (Kepler Johann, 1571–1630) и естествоиспытатель, географ и математик Атанасиус Кирхер (Kircher Athanasius, 1601–1680) — развивали идеи Аристотеля и его последователей. И. Кеплер допускал воздействие Солнца и Луны на приливы, но в «Гармонии мира» (1619) утверждал, что Земля подобна большому животному, поглощающему морскую воду, пресная вода — это конечный продукт обмена веществ. Галилео Галилей (Galileo Galilei, 1564–1642) сожалел, что такой выдающийся ум высказался по этому вопросу в духе мистификаций, но сам лишь связал причину регулярного характера приливов с вращением Земли¹⁶.

В 1664 г. А. Кирхер опубликовал знаменитый труд «Подземный мир»¹⁷. В этом сочинении, пользовавшемся большой популярностью

у ученых XVII в., он обобщил разнообразные сведения о вулканах Земли, поверхностной и подземной гидросфере, морских течениях и ветрах, кругообороте воды в природе. На основании этих материалов и собственных экспериментов он пришел к заключению, что морская вода поступает по подземным каналам в огромные пустоты в недрах Земли, откуда после возгонки вытекает, питая родники и реки. Местоположения таких стоков отмечены на составленной им карте мира водоворотами в Балтийском, Белом, Каспийском, Норвежском, Персидском, Черном и других морях, сообщающихся с ближайшими бассейнами подземными протоками. В частности, мифический Мальстрем у Лофотенских островов близ берегов Норвегии, с его точки зрения, связан подземной протокой с водоворотом на севере Ботнического залива, а последний — с водоворотом в Белом море. Таким же образом Каспийское море соединено подземными протоками с Черным морем и Персидским заливом. Многие из гравюр, украшающих текст «Подземного мира», воспроизвел позднее в «Курьезном мире» Эверхард Гвернери Хаппелиус (Happelius Everhard Gverner, 1647–1690), представивший свой вариант карты мира, сходной в основных географических и гидрографических чертах с картой А. Кирхера¹⁸.

Примерно в это же время французские ученые Пьер Перро (Perrault Pierre, 1608–1680) и Эдм Мариотт (Mariotte Edme, 1620–1684) показали, что источником воды в бассейне р. Сены являются осадки, а английский астроном Эдмунд Галлей (Halley Edmund, 1656–1742) оценил с научных позиций огромное значение кругооборота воды¹⁹. В 1687 г. Исаак Ньютон (Newton Isaac, 1643–1727) изложил теорию приливообразующей силы, заложившую основания для последующих исследований. Одновременно он провозгласил всеобщую убыль вод Мирового океана и восполнение их «парами», производимыми «Солнцем, неподвижными звездами и кометными хвостами»²⁰. Эти представления дожили до настоящего времени.

В 1702 г. шведский ученый Урбан Хьярне (Hjärne Urban, 1641–1724) обработал разосланную ранее анкету о реках и озерах Швеции и Финляндии и пришел к заключению о постепенном понижении уровня Балтийского моря. Это понижение он объяснил «опорожением» бассейна, давлением паров и движением влаги в системе каналов, соединяющих дно моря с центральным «подземным резервуаром». В 1719 г. шведский естествоиспытатель Эмануэль Сведенборг (Swedenborg Emanuel, 1688–1772) высказал сомнения в существовании пустот и объяснил понижение уровня полярных морей оттоком

вод к экватору в результате вращения Земли. И хотя он исходил из картезианских взглядов о вытянутых вдоль осей вращения фигурах планет, это не помешало ему сформулировать правильные выводы. Э. Сведенборгу также принадлежит первая известная нам оценка скорости векового понижения уровня Балтийского моря «в 4 или 5 шведских альна за 70 лет» (~3,8 см в год)²¹.

В начале 30-х годов XVIII в. в целях разработки рекомендаций по защите Голландии и Равенны от наводнений, голландский физик Николас Гартзекер (Hartsoeker Nicolaas, 1656–1725) и итальянский астроном Эустахио Манфреди (Manfredi Eustachio, 1674–1739) обобщили исторические и современные материалы и независимо друг от друга пришли к одному выводу о «возвышении морских вод». Их аргументы — обилие атмосферных осадков, вынос реками в море твердых фракций, необходимость надстройки защитных дамб в Голландии и уменьшение высот древних сооружений над современным уровнем морей²².

Начало новому этапу изучения феномена Фенноскандии было положено упсальским профессором Андерсом Цельсием (Celsius Anders, 1701–1744), астрономом и физиком, обратившим внимание на перемещение построек вслед за отступающим Балтийским морем, обмеление гаваней, возвышение подводных скал. Его объяснение феномена — уменьшение объема водных масс в результате нарушения баланса в кругообороте воды за счет изменения вкладов речного стока, осадков, поглощения вод организмами, фильтрации через «отверстия» в дне моря. Скорость понижения уровня Балтийского моря была оценена им в ~1,3 см в год (45 шведских десятичных дюймов за 100 лет). Карл Линней (Linné Carl von, 1707–1778), знаменитый натуралист и единомышленник А. Цельсия, по-видимому, первый из исследователей связал с изучением древних морских террас надежду на определение скорости «убыли воды» в прежние эпохи. К. Линней «подтвердил мнение Цельсия, заключив притом, как и француз Бенуа Мальет (Maillet Benoît de, 1656–1738) в 1740 г., что некогда весь земной шар был покрыт водою, и доказывал, что морская вода есть начало всех родов земель и камней». Результаты этих исследований обобщил Олаф Далин (Dalin Olaf, 1708–1763), который первым объявил, что ранее территория Швеции представляла собой архипелаг²³.

Однако островная история ущемляла национальную гордость шведов и противоречила Библии в вопросе о возрасте Земли. С этих позиций Якоб Ричардсон (Richardson Jacob, 1687–1759) выступил с кри-

тикой представлений Цельсия—Линнея—Далина, а епископ и естествоиспытатель Йохан Броваллиус (Browallius Johan, 1707—1775) отверг это учение и объяснил многие привлекавшиеся сторонниками А. Цельсия факты «ошибками измерений и действием ветров»²⁴. На этом этапе исследований были высказаны различные взгляды на характер изменения уровня морей и океанов. Так, французский естествоиспытатель Жорж-Луи Леклерк де Бюффон (Buffon Georges-Louis Leclerc de, 1707—1788), отмечая, что по наблюдениям некоторых физиков «в четыре тысячи лет, считая от сего времени, Балтийское море, коего глубина почти в 30 сажень, будет открытою и сухою землею», писал, что «если бы деланы были подобные наблюдения по всем странам света, то... нашлось бы вообще, что море повсюду отступает»²⁵. В то же время Й. Броваллиус утверждал, что одно и то же море «может в одном месте возвышаться, а в другом на столько же понижаться и что потому уровень моря всегда постоянен». К тому времени уже были известны наблюдения французской экспедиции в Перу, засвидетельствовавшей, что наряду с «огнедышащим» отмечается также «водоизливающий» режим извержений вулканов. Например, извержения вулкана Котопакси («Горящая глыба») 24 июня и 9 декабря 1742 г. сопровождались наводнениями и селями²⁶.

В 1765 г. финский землемер Эфраим Отто Рунеберг (Runeberg Ephraim Otto, 1722—1770) и шведский астроном Бенгт Фернер (Ferner Bengt, 1724—1802) обосновали альтернативные идеи о кажущемся понижении уровня моря в результате поднятия земной коры. Э.О. Рунеберг основывает свои выводы на изучении структуры и трещиноватости пород в горных выработках. В качестве причины, по которой «в Швеции бывает больше прибылой земли», он называет морозы и лед, «приподнимающий» валуны. Б. Фернер обсуждал свою точку зрения со многими специалистами в Европе, в частности с известным итальянским математиком Паоло Фризи (Paolo Frisi, 1728—1784), считавшим возможным поднятие коры только в сейсмоактивных районах, и объяснявшим понижение уровня морей в полярных широтах охлаждением и сжатием Земли, увеличением скорости ее вращения и оттоком по этой причине океанских вод к экватору²⁷. Аргументированные идеи были высказаны также шотландским геологом Джоном Плейфэром (Playfair John, 1748—1819) и немецким геологом Леопольдом фон Бухом (Buch Leopold von, 1774—1853). Первый из них объяснил феномен силами «минеральных областей», а Л. фон Бух после путешествия по Скандинавии писал: «Равновесие океана не до-

пускает падения его уровня. Так как факт повышения береговой линии в Швеции несомненен, то остается предположить, что Швеция медленно приподнимается»²⁸.

В 1836 г. Э.Х. Ленц (1804–1865) опубликовал статью о феномене колебаний уровня Каспийского моря, в которой рассмотрел два предположения о природе понижения его уровня: испарение и истечение вод через протоки в Персидский залив и Черное море²⁹. Однако выводы Э.Х. Ленца необоснованны, поскольку гидравлические связи между бассейнами не обязательно должны реализовываться в виде проток А. Кирхера, а «оконечности» последних не обязательно должны фиксироваться водоворотами. Превышение же уровней различных акваторий необходимо определять относительно эквипотенциальной поверхности.

Успехи теории четвертичного оледенения стимулировали дальнейшее изучение феномена. В 1842 г. французский математик Джозеф Адемар (Adhémar Joseph, 1797–1862), опираясь на эксцентricность земной орбиты и прецессию оси вращения Земли, высказал предположение о чередовании ледниковых эпох в Северном и Южном полушариях, вызывающем широтную асимметрию изменений уровня Мирового океана. В 1865 г. шотландский геолог Томас Джеймисон (Jamieson Thomas, 1829–1913) обосновал идею о податливости коры под нагрузками ледниковых щитов и упругом последствии в процессе их исчезновения. Эта идея развивалась в рамках зарождавшейся гипотезы изостазии³⁰. В 1888 г. знаменитый геолог Эдуард Зюсс (Suess Eduard, 1831–1914) заявил, что в Балтийском море «налицо опорожнение водоема» и что сдвиг береговой линии обусловлен климатическими и гидрологическими факторами. Практически одновременно Герард де Геер (De Geer Gerard, 1858–1943) опубликовал первые карты изобаз послеледникового поднятия Скандинавии и Канады, составленные по результатам определения высот древних морских террас с известным возрастом. Его выводы о совпадении площадей оледенения и областей поднятия, характере деформаций, поднятия коры лежат в основе гипотезы гляциоизостазии. В 1893 г. Ф.Ю. Левинсон-Лессинг (1861–1939) рассмотрел комплексную проблему вековых колебаний суши и моря. Его предположения о существовании симметричных относительно экватора широтных изменений уровня Мирового океана разделялись впоследствии многими учеными³¹.

Для современного этапа исследований характерен широкомасштабный комплексный подход к изучению атмосферы, океана и внут-

ренного строения Земли с ярко выраженной тенденцией привлечения новых прецизионных наземных, спутниковых и космических методов исследований. Проблема оценки возраста океана и атмосферы и объемов «скрытых» от нас подземных флюидов обусловлена принимаемыми моделями происхождения и эволюции Солнечной системы. На различных этапах эта проблема решалась по-разному: оценки варьировали в широких диапазонах. Отметим, что существенные глобальные изменения уровня Мирового океана связаны с климатическими изменениями, в частности с эпохами гляциации и дегляциации в истории геологического развития Земли и, возможно, с предполагаемым парниковым эффектом и сопутствующим ему потеплением климата в XX в.³²

Подводя итог, зададимся вопросом: имеется ли прогресс в изучении проницаемости земной коры и, следовательно, в оценке масштабов массообмена гидросферы? Эти вопросы, интересовавшие наших предшественников исключительно с философских позиций, приобретают в наше время сугубо практический интерес³³. Многие идеи о развитии нашей планеты, ранее опиравшиеся на предположения о существовании подземных «пещер» и «резервуаров», после А. Кирхера были переориентированы на привлечение экзогенных факторов. Например, в статье о феномене вековых колебаний уровня Каспийского моря Э.Х. Ленц заключает: «Итак, мы должны думать, что вливающаяся в Каспийское море вода убывает от одного лишь испарения». Однако пренебрежение геотектоническими условиями в регионе и доминирование климатической концепции при объяснении феномена привело в конце 70-х годов XX в. к полному фиаско прогноза дальнейшего его понижения, сменившегося «катастрофическим» для ряда стран повышением уровня³⁴.

Континуальные идеи XIX–XX вв. способствовали распространению взглядов об идентичности физических свойств небольших образцов и горных пород в больших объемах. Это обстоятельство приводило к смещению оценок физико-механических, реологических и фильтрационных свойств реальной коры и, следовательно, к искажению картины строения и протекающих в земной коре процессов³⁵. Как известно, результаты «сверхглубинного» бурения на Кольском полуострове явились полной неожиданностью для сторонников традиционной методологии интерпретации геофизических материалов, подтвердив отсутствие «базальтового» слоя, выделяемого по сейсмическим данным. Эти материалы совместно с результатами анало-

гичного бурения в районах Арендал (Норвегия), Сильян (Швеция) и Оберпфальц (Германия) свидетельствуют о повсеместной трещиноватости кристаллической коры и осадочного чехла вплоть до глубин порядка 10 км и косвенным образом — о высокой степени проницаемости и деформируемости земной коры³⁶. Проблема совместного изучения геодинамических процессов и вековых колебаний уровней должна решаться на фундаментальной обсерваторской основе, в рамках долговременных международных программ, опирающихся на традиционные и перспективные методы исследований.

В заключение отметим, что идея о проницаемости земной коры, намеченная еще в античное время и обобщенная А. Кирхером в знаменитом «Подземном мире», оказалась востребованной лишь в настоящее время. Век дифференциации знаний, «безумных» гипотез и постулируемых теорий не оставил надежды на ее своевременную реализацию. Нет сомнений, что и сама эта идея, и имя Атанасиуса Кирхера займут достойное место в пантеоне будущей науки. И. Кеплеру принадлежит глубокая мысль о «вредности единодушного мнения философов», а Г. Галилей в письме своему ученику Каstellи от 14 декабря 1613 г. задавался вопросом: «Кто возьмет на себя поставить предел человеческому духу? Кто решится утверждать, что мы знаем все, что может быть познано в мире?»³⁷

1. [Эйлер Л.] О приливе и отливе // Исторических, генеалогических и географических примечаний в Ведомостях. 1729. Ч. 90–91. С. 361–368; О трясении Земли // Там же. 1731. Ч. 58–60. С. 237–248; [Гмелин И.Г.] О местах, огонь из себя выбрасывающих // Примечания на Ведомости. 1733. Ч. 11–16. С. 41–64; О происхождении рек // Там же. 1733. Ч. 34–35. С. 135–(142); [Рихман Г.В.] О достойных примечаниях переменах, которым поверхность Земли от времени до времени подвержена бывает // Там же. 1739. Ч. 89–96. С. 353–383; [Крафт Г.В.] Подлинное и обстоятельное описание <...> Ледяного Дома <...> / Печатано при Имп. Академии наук. 1741. 36 с., VI табл.; [Гришов А.Н.] Разсуждение о землетрясениях и огнедышащих горах <...> // Новые ежемесячные сочинения. 1794. Ч. 91–100. Генварь–Октябрь. С. 3–44, 15–67, 65–84, 69–91, 15–46, 9–43, 29–60, 12–42, 27–59, 39–71; 1795. Ч. 104. Февраль. С. 92–97; [Крафт В.Л.] Физическое познание воды на земном шаре находящейся // Месяцеслов исторический и географический на 1778 г. С. 94–133; и др.

2. Дарвин Д.Г. Приливы и родственные им явления в Солнечной системе / Отв. ред. А.Д. Добровольский. М., 1965. С. 63; Кинжалов Р.В. Культура древних майя / Отв. ред. Ю.В. Кнорозов. Л., 1971. С. 275–293.

3. *Францев Ю.П.* У истоков религии и свободомыслия. М.; Л., 1959. С. 538–541.

4. *Матье М.Э.* Искусство Древнего Египта. М., 1970. С. 13, 84.

5. *Сенека Л.А.* Философские трактаты. О природе / Пер. с лат., вступ. ст. и коммент. Т.Ю. Бородай. СПб., 2000. С. 290–291.

6. «Если бы, медную взяв наковальню, метнуть ее с Неба, / В девять дней и ночей до Земли бы она долетела; / Если бы, медную взяв наковальню, с Земли ее бросить, / В девять же дней и ночей долетела б до Тартара тяжесть» (*Гесиод* (Теогония, 722); *Платон* (Федон, 112 а, с; Критий, 111 е, d, 112 а; Тимей, 22 а, b)).

7. *Аристотель.* Метеорологика (А, 14, 352 а; В, 1, 353 b; В, 3, 357 b; В, 7, 365 b).

8. *Дарвин Д.Г.* Указ. соч. С. 67; *Полибий.* Всеобщая история в сорока книгах / Пер. с греч. Ф.Г. Мищенко, с его предисл. и примеч. (1899). СПб., 1995. Т. III. Кн. 34. С. 125; *Страбон.* География в 17 книгах / Пер. с греч., ст. и коммент. Г.А. Стратоновского, ред. С.Л. Утченко, О.О. Крюгер. М., 1994. С. 97–111; *Broche Gaston-E.* Pytheas le Massaliote. Decouvreur de l'extreme occident et du Nord de l'Europe. P., 1935. [4], 260 p.

9. *Лукреций Кар.* О природе вещей. V, 480.

10. Превращения Публия Овидия Назона / Пер. с лат. Ф. Матвеева. М., 1876. Кн. IX–XV. С. 216, 219–220.

11. *Уист Р. де.* Гидрогеология с основами гидрологии суши / Пер. с англ. В.А. Иванова, под ред. и с предисл. И.С. Зекцера, В.С. Ковалевского. М., 1969. С. 12; *Дерпгольц В.Ф.* Вода во Вселенной, в космосе, на малых телах Солнечной системы, в атмосферах, на поверхности и в недрах планет. Л., 1971. С. 200; *Сенека Л.А.* Указ. соч. С. 250–292, 315–343.

12. *Дарвин Д.Г.* Указ. соч. С. 64–65; *Darwin G.H.* The Tides and Kindred Phenomena in the Solar System. 3rd ed. L., 1911. P. 81.

13. *Рундо А.М.* Балтийское море в представлении гидрологов ныне и двести лет тому назад. Пг., 1922. С. 3–4.

14. *Леонардо да Винчи.* Избранные произведения: в 2 т. Т. I / Пер., ст., коммент. В.П. Зубова, Н.Б. Иванова. СПб., 2000. С. 283.

15. *Уист Р. де.* Указ. соч. С. 12.

16. *Ioannis Kepleri Harmonices Mundi.* Lincii Austriae. 1619. Liber IV. P. 105–176; *Дерпгольц В.Ф.* Указ. соч. С. 201; *Дарвин Д.Г.* Указ. соч. С. 68–69.

17. *Athanasii Kircheri Mundus Subterraneus.* Quo subterrestris mundi opificium, universae denique naturae divitiae, abditorum efectuum causae demonstrantur. Amsterdami, 1664. Т. I. [32], 346, [6] p.; Т. II. [12], 487, [9] p.

В отличие от первых членов Петербургской академии наук А. Кирхер мало известен современным исследователям. В Большой советской энциклопедии его имя не упомянуто, но и в иностранных источниках ему уделяется скромное место. Имеются даже разночтения в датах его жизни: 2 мая 1602 г. — 30 октября 1680 г. (*Bechstein Ludwig.* Zweihundert deutsche Männer in Bildnissen...

Leipzig, 1854; *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедическая библиотека. СПб., 1895. Т. XV: Кирхер. С. 148; и др.) и 2 мая 1601 г. — 28 (27) ноября 1680 г. (Encyclopaedia Britannica. Cambridge, 1911. Vol. XV: Kircher. P. 827; The New Encyclopaedia Britannica. Chicago, 1993. Vol. VI: Kircher. P. 885).

А. Кирхер — монах-иезуит, немецкий ученый, занимавшийся естественными науками, физикой, математикой, лингвистикой, а также древностями, теологией, музыкой. В Вюрцбурге стал профессором философии, математики и восточных языков, затем переехал в Авиньон, потом — в Рим. Один из ученивших людей своего времени, он до последних дней жизни был просветителем, распространяя культурную, научную и курьезную информацию из европейских источников и иезуитских архивов. Исследования А. Кирхера охватывают многие вопросы географии, астрономии, математики, натуральной истории и других отраслей науки и натурфилософии. Его методы исследований опираются как на смелые эксперименты, так и на традиционную схоластику. Считается, что А. Кирхер не сделал существенных открытий, но его обширные публикации, прекрасно и богато проиллюстрированные, продолжают будить воображение многих исследователей. Он написал около 44 книг, более 2000 манускриптов и собрал одну из первых коллекций по натуральной истории.

18. Everhardi Gverneri Happelii Mundi Mirabilis tripartite... Cosmographia. Ulm. 1687. Frontispis, [10], 800, [32] p.

19. *Угем Р. де.* Указ. соч. С. 13; [*Perrault Pierre*]. De l'Origine des Fontaines. P., 1674. [27], 353 p.; и др.

20. *Ньютон И.* Математические начала натуральной философии / Пер. и коммент. А.Н. Крылова // Ньютон И. Собр. трудов. М.; Л., 1936. Т. VII. Гл. V. С. 658.

21. *Hjärne Urban.* Den Korta Anledningen til Åthskillige Malm och Bergarters, Mineraliers och Jordeslags efterspörjande och angifwande beswerad och förklarad. Stockholm, 1702; *Swedenborg E.* Om Watnens Högd och förra werldens starcka Ebb och Flod, Bewjs utur Swerige. Stockholm, 1719; [*Гмелин И.Г.*] Указ. соч. С. 49.

22. Cours de Physique accompagné plusier pièces concernant la physique que ont deja paru, et d'un extrait critique des lettres de M. Leeuwenhoek, par feu M. Hartsoeker. A la Hate, Chez Jean Swart. 1730. [46], 324, [8], 120, 66, [1] p.; *С.Р.* Разсуждение о вопросе, убывает ли на шаре земном количество воды или постоянно одно и то же количество ея сохраняется? // Новые ежемесячные сочинения. 1786. Ч. V. Ноябрь. С. 19–26.

23. *Celsii A.* Anmärkning om vatnets förmiskande så i Östersjön som Vesterhafvet / Kongl. Swenska Wetenskaps Academiens Handlingar. Stockholm, 1743. Vol. 4. P. 33–50; Carl Linnaei Öländska och Gothländska Resa. Stockholm; Upsala, 1745. 344, 30 p.; *С.Р.* Указ. соч. С. 37; *Далин Олаф.* История Шведского государства / Пер. с нем. изд. 1747 г. Р. Цебрикова. СПб., 1805. Ч. I. Кн. 1. [6], II, XXII, 472 с.; Кн. 2. 957 с.

24. *Browallius J.* Betänkande om Vattuminskningen, hvaruti denna Läran efter den heliga skrift, naturens lagar och förfarenheten pröfvas, samt oriktig befinnes. Stockholm, 1755. 250, [22], 2 p.; *C.P. Указ. соч. Ч. VII. С. 87–88.*

25. [*Бюффон Ж.Л.Л.*] Всеобщая и частная естественная история... / Пер. с фр. П. Иноходцева, Н. Озерецковского. СПб., 1793. Ч. II. 401 с.

26. [*Гришов А.Н.*] Указ. соч. С. 3–44.

27. *Runeberg E.O.* Anmärkningar om någre förändringar på jord-ytan i allmänhet, och under de kalla Climat i Synnerhet // Kongl. Vetenskaps — Academiens Handlingar. 1765. Vol. XXVI. P. 81–115; *Ferner Bengt.* Tuisten om Vattu-minskningen // Kongl. Vetenskaps Academiens, Tal.-o.-svar. Stockholm, 1765. 31 Julii. 53 p.; *Paulli Frisii operum, tomus tertium, Cosmographiam, Physicam et Mathematicam continens.* Mediolani, 1785. 561, 9 p.

28. *Playfair J.* Illustrations of the Huttonian Theory of Earth. Edinburg, 1802. 528 p.; *Buch L.* Reise durch Norwegen und Lappland. Berlin, 1810. Bd. I. 486 s.; Bd. II. 408 s.; *Лэйэльд Ч.* Основные начала геологии или новейшие изменения Земли и ее обитателей / Пер. с англ. А. Мина. М., 1866. Т. XII, 462 с.; и др.

29. *Ленц Э.Х.* О изменении уровня Каспийского моря // Журнал Министерства внутренних дел. 1836. Ч. 20. № 5. С. 187.

До 1766 г. парижский туаз равнялся 6 королевским футам (1,94904 м) или 43,84 вершкам; 52 туаза ~101 м.

30. *Adhémar J.* Révolutions de la mer-géluges périodiques. P., 1860. VII, 359 p.; *Jamieson T.F.* On the history of the last geological changes in Scotland // The Quarterly Journal of the geological Society of London. 1865. Vol. 21. № 1. P. 161–203; *Мушкетов И.В., Мушкетов Д.И.* Физическая геология. Л.; М., 1935. Т. I. 908 с.

31. *Suess E.* Das Antlitz der Erde. Bd. II. Praga; Vienna; Leipzig, 1888. 704 s.; *Рундо А.М.* Указ. соч. С. 11–13; *De Geer G.* Om Skandinaviens nivåförändringar under kvartärperioden // Geologiska Föreningens i Stockholm Förhandlingar. 1888. № 10. P. 366–379; 1890. № 12. P. 61–110; *Левинсон-Лессинг Ф.Ю.* О вековых перемещениях суши и моря // Ученые записки Дерптского университета. 1893. № 1. С. 79–116.

32. *Fjeldskar W., Cathles L.* The present rate of uplift of Fennoscandia implies a low-viscosity asthenosphere // Terra Nova. 1991. Vol. 3. № 4. P. 393–400; *Николаев Н.И.* Новейшая тектоника и геодинамика литосферы. М., 1988. 492 с.; *Орленок В.В.* История океанизации Земли. Калининград, 1998. 248 с.; *Вуд Дж.* Происхождение Луны // Спутники планет / Под ред. Дж. Бернса, пер. с англ. и под ред. В.Г. Демина, В.Г. Курта. М., 1980. С. 561–578; *Альвен Х., Арпенниус Г.* Эволюция Солнечной системы / Пер. с англ. К.В. Краснобаева, Г.А. Мерсова, И.В. Орфанова; под ред. Г.И. Петрова. М., 1979. С. 431–451; *Океан наступает? Парниковый эффект и поднятие уровня моря: сб. ст. / Пер. с англ. А.О. Селиванова; под ред. М.К. Барта, Дж.Г. Тайтуса, под ред. и с предисл. П.А. Каплина. М., 1989. 368 с.*

33. Брундтланд Г.Х. Наше общее будущее / Пер. с англ., под ред. С.А. Евтева, Р.А. Перелета. М., 1989. 375 с.

34. Ленц Э.Х. Указ. соч. С. 187; Богданов В.И. Феномен вековых колебаний уровня Каспийского моря как объект фундаментальных обсерваторских исследований // Геодезия и картография. 1998. № 7. С. 41–46.

35. Современные проблемы новейшей тектоники и геоморфологии (к 100-летию со дня рождения профессора С.С. Шульца). СПб., 1997. С. 16–17, 19–23.

36. Богданов В.И.: 1) Геофизические и геодинамические аспекты модели трещиноватой земной коры // Геофизические исследования литосферы Европейского Севера СССР. Апатиты, 1989. С. 12–22; 2) Физическая модель трещиноватой земной коры Балтийского кристаллического щита // Тез. докл. V Междунар. конф. по проблемам физической метрологии. СПб., 2002. С. 54–61.

37. Кудрявцев П.С. Курс истории физики: учеб. пособие для студ. М., 1974. С. 40, 42.

Архимандрит Августин (Никитин)

НЕМЕЦКАЯ СРЕДНЕВЕКОВАЯ КНИЖНОСТЬ НА БЕРЕГАХ НЕВЫ

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1983 г. весь христианский мир отметил 500-летие со дня рождения основоположника немецкой Реформации Мартина Лютера. Этот год стал юбилейным и для одного из крупнейших рукописных и книжных собраний, в котором хранятся ценные материалы по истории западной Церкви: в 1983 г. исполнилось 200 лет со времени основания библиотеки Санкт-Петербургского университета.

Собрание университетской библиотеки начало складываться задолго до основания университета: в декабре 1783 г. Учительской семинарии, учрежденной в Петербурге, была передана библиотека крупного библиофила П.Ф. Жукова, содержащая, в частности, немало редких и ценных западных изданий. Значительную роль в дальнейшем пополнении собрания средневековой книжности сыграли дары, приносимые университету выдающимися деятелями отечественной культуры. В 1819 г. был образован Санкт-Петербургский университет, созданный на основе Учительской семинарии. Это явилось большим событием в истории русской культуры; с этого времени также увеличились поступления западных старинных книг в университетскую библиотеку. В том же 1819 г. действительный статский советник Д.М. Алопеус, находившийся в Берлине, «узнав об учреждении в Санкт-Петербурге университета и предвидя всю ту пользу, какую учреждение оного произвести долженствует, пожелал и со своей стороны содействовать тому некоторым образом через доставление нескольких книг для умножения библиотеки университета». Вскоре книги в трех ящиках были отправлены в Петербург на корабле «Август-Вильгельм» «с капитаном оного Зауэром»¹.

КНИЖНОЕ СОБРАНИЕ ИЗ ЛЕЙПЦИГА

Среди поступивших в Петербургский университет книжных собраний одним из первых по времени явилось собрание лейпцигского профессора Карла-Фридриха-Христиана Венка (1784–1828). По словам его биографа, профессор Венк «потратил огромные силы и средства на соби́рание редких книг, благодаря чему им была составлена библиотека, замечательная не столь множеством, сколь ценностью книг»².

В 1838 г., вскоре после кончины профессора Венка, его библиотека была выставлена на продажу. Через русское посольство в Саксонии сведения об этом поступили в Петербург. Из Лейпцига был доставлен «Каталог Венковой библиотеки», содержащий описание более трех тысяч книг. В июне 1830 г. библиотека Венка в составе 3220 томов была доставлена в Петербургский университет.

В состав библиотеки Венка входили рукописи XII–XVI вв. Старейшая из рукописей собрания Венка и старейшая в университетской библиотеке латинская рукописная книга — «Дигесты» (собрания извлечений из трудов римских канонистов, переписанные на пергамене в XII в. в одном из городов Северной Италии). Рукопись содержит глоссы, принадлежавшие одному из основателей итальянской школы римского права — магистру Булгарису (XII в.), и представляет собой один из древнейших списков этого текста. Ценность манускрипта возрастает еще в связи с одним обстоятельством. В XIV в. рукопись принадлежала капитулу Бамбергского архиепископства, и на полях многих листов «Дигесты», начиная с 19-го и почти до конца рукописи (насчитывающей 209 л.), переписаны тексты актов XIV в., отражавшие каноническую практику Бамбергской архиепископской канцелярии³.

В составе лейпцигского собрания в университетскую библиотеку поступило 37 инкунабулов — более трети принадлежащей ныне университетской библиотеке коллекции первопечатных книг. Среди инкунабулов Венка — полные своды памятников римского и канонического права в лучших изданиях, с великолепными миниатюрами и инициалами, множество изданий, вышедших из знаменитых типографий Майнца, Нюрнберга, Базеля, Венеции, Парижа и Лиона, а также богато украшенный том «Саксонского зеркала» Эйке фон Репгова — памятника немецкого права, напечатанного в Аугсбурге в 1486 г. (собрание библиотеки СПбГУ, № 31).

Заслуживает упоминания и конвюлют (сборник нескольких изданий в одном переплете), содержащий в числе прочих «Устав (правила)

Папской канцелярии Папы Павла II (№ 58), напечатанный в 1470 г. Ульрихом Ханом». В мире сохранилось не более одного-двух экземпляров этого издания. Судя по записям на полях, в XV в. этот том принадлежал какому-то студенту или магистру Гейдельбергского университета. Ценность петербургского экземпляра увеличивается интересными записями на полях со сведениями об избрании Папы Сикста IV и изменениях и дополнениях, внесенных им в «Правила».

Немецкие первопечатные книги поступали в собрание Петербургского университета и в последующие годы. На сегодняшний день здесь имеется 31 инкунабула: 9 из них напечатаны в Страсбурге, 6 — в Нюрнберге, по 4 — в Аугсбурге и Кёльне, по 1 — в Лейпциге, Майнце и Шпейере, Любеке и Рейтлингене⁴.

ПОЛОЦКОЕ КНИЖНОЕ СОБРАНИЕ

В 1830 г. Петербургскому университету была передана библиотека Иезуитской коллегии в Полоцке: более 5000 томов, «между коими, как сообщал историк В.В. Григорьев, нашлись редкие сочинения по богословию, словесности, философии, истории и математике»⁵. В состав полоцкого собрания входил ряд первопечатных изданий, таких как богословский трактат Иоанна Нидера (№ 54), «Книга хроник» Гартмана Шеделя в аугсбургском издании 1497 г. (№ 72).

Из Полоцкой коллегии иезуитов в университетскую библиотеку поступил и монументальный труд Иоганна Якоба Гофмана «Всеобщий историко-географический, хронологический, поэтико-филологический лексикон», изданный в Базеле в 1677–1683 гг. Это сочинение в четырех томах (форматом в лист) вмещает обилие разнообразных сведений по разным отраслям знания. При детальном изучении этого старинного издания обнаружилось, что с внутренней стороны переплета «Лексикона», сквозь наклеенный на него лист бумаги, просвечивали печатные строчки. Это был текст, напечатанный крупным готическим шрифтом, кое-где виднелись красные и синие заглавные буквы.

В 1964–1965 гг. было произведено раскрытие переплетов «Лексикона» и из них были извлечены 68 листов и 26 небольших фрагментов листов старинного издания. Среди обнаруженных листов оказался последний лист с выходными данными. Текст гласил: «Напечатано Петером Шеффером из Гернсхейма, в благородном городе Майнце, изобретателе этого печатного искусства, в лето от Воплощения Господня 1484, в 10-й день ноября завершено». Известно, что Шеффер

был учеником и помощником Иоганна Гутенберга, изобретателя книгопечатания.

Найденные листы оказались фрагментами «Краковского миссала» — католического служебника. Известно, что всего пять его экземпляров хранится в польских библиотеках, по одному — в книжных собраниях Чехословакии, США и ФРГ. В нашей стране до 1965 г. был известен всего один неполный экземпляр, хранящийся в Российской национальной библиотеке (РНБ). Последний из дошедших до наших дней десятый экземпляр «Краковского миссала» занял почетное место в собрании инкунабулов библиотеки университета⁶.

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

Находка, сделанная в 1964 г. при раскрытии «Лексикона», явилась действенным стимулом для внимательного изучения переплетов других старинных изданий. Так, из форзаца фолианта «Реституций» Юстиниана был извлечен фрагмент пергамена XI в. Этот уникальный фрагмент оказался листом (116-м) миссала с формулярами праздников франкского происхождения: архангела Михаила, святых Регимия, Германа, Веста и Леодегардия⁷.

При исследовании старинных переплетов были сделаны и другие находки. В переплете конволюта, содержавшего две книги парижского издания начала XIII в. (1512 и 1514 гг.), были найдены фрагменты 11 книг того же времени. Здесь, среди прочих листов, оказались отрывки из свода канонического права — «Декреталии» Папы Григория IX, богословские комментарии к «Сентенциям» средневекового богослова Петра Ломбардского.

Дальнейшие поиски также дали существенные результаты. Так, из тисненых переплетов трехтомного издания юридических комментариев Паоло де Кастро (изданных в Лионе в 1543 г.), были извлечены 96 листов первопечатных изданий. Один из фрагментов оказался частью сборника проповедей известного богослова Иоганна Нидера (сконч. в 1438 г.), напечатанного в Шпейере Петером Драхом в 1479 г., другой — вышедшим из типографии страсбургского печатника Мартина Флаха изданием проповедей Петра де Палуде (сконч. в 1342 г.). Таким образом удалось пополнить университетское собрание инкунабулов еще двумя значительными памятниками средневековой христианской культуры.

Среди других находок такого рода выделяется латинская грамматика Элия Доната. Это был самый популярный учебник на протяжении

нии всего Средневековья; началам латинской грамоты «по Донату» обучались все грамотные люди средневековой Европы. «Донаты» начал печатать еще Гутенберг, а всего в первые десятилетия книгопечатания, до 1500 г., вышло в свет около 370 изданий этого учебника. Однако все они дошли до нас только в отрывках. Учебник Доната, обнаруженный в одном из старинных переплетов, — фрагмент очень редкого лейпцигского издания 1516 г. Это издание отсутствует не только в таких крупных собраниях как РНБ или библиотека Британского музея в Лондоне; его нет и в библиотеке Лейпцигского университета. Лейпцигский «Донат» отпечатан крупным красивым шрифтом, на первой странице в красной рамке помещен герб города Лейпцига⁸.

Три почти полных экземпляра книг второй половины XI в. были обнаружены в пергаменном переплете большого тома — собрания сочинений Аристотеля в лионском издании 1590 г. Особый интерес представляет одна из них — это снабженный превосходными иллюстрациями — гравюрами на дереве — «Малый катехизис» Мартина Лютера. Родоначальник немецкой Реформации принадлежал к числу наиболее часто издававшихся авторов XVI столетия. Количество изданий его «Малого катехизиса» практически неисчислимо, но сохранились они весьма плохо именно в силу популярности и широкого употребления в лютеранской среде. В издании, обнаруженном в переплетах, помимо гравюр, поясняющих каждое положение христианской молитвы и заповедей, имеются ноты к сочиненным Мартином Лютером духовным песнопениям. До недавних пор в собрании Санкт-Петербургского госуниверситета не было ни одного издания «Катехизиса» Лютера XVI в. В других отечественных и зарубежных библиотеках они также встречаются довольно редко и представляют ценный источник для изучения истории немецкой Реформации.

Другая книга, извлеченная из этого же переплета, — это лютеранский полемический трактат, направленный против всех инаковерующих: католиков («папистов»), кальвинистов и анабаптистов. Он был напечатан в Урселе издателем Николаем Генрихом. Конец последнего листа с датой выхода книги в свет оказался утраченным⁹.

КНИЖНОЕ СОБРАНИЕ П.Я. АКТОВА

Редкие образцы средневековой книжности пополняли университетское собрание на протяжении всего XIX столетия. Некоторые из них поступили сюда из собрания одного из крупных библиофилов

ХІХ в. П.Я. Актова¹⁰. Сын священника из Костромской губернии, П.Я. Актов в 1816 г. окончил курс Костромской семинарии. Впоследствии в течение 14 лет он служил в Туле, а затем, с 1838 г., вплоть до своей кончины в 1842 г. — в Петербурге¹¹.

Книжное собрание Актова представляло исключительную ценность. В нем насчитывались 352 пергаменные и бумажные рукописи, среди них — латинский служебник ХІ в., молитвенник времен Карла Великого, постановления Базельского собора XV в., папская булла того же времени.

Часть собранных сокровищ Актов начал продавать уже в 1838 г., вскоре после переезда в Петербург. Окончательную же распродажу собранных им рукописей и книг осуществила его вдова — В. Актова. Продать библиотеку целиком в одни руки ей не удалось, так как у крупных книгохранилищ в то время не было необходимых для этого средств. Распроданная по частям библиотека Актова влилась во многие книжные собрания. Известно, что часть книг предлагала приобрести и Санкт-Петербургская духовная академия. Некоторые из книг, принадлежавших Актову, попали и в собрание Петербургского университета (всего 17 книг и 1 рукопись). Поныне украшением библиотеки университетского собрания инкунабулов является Библия, напечатанная Генрихом Эггештейном в Страсбурге в 60-х годах XV в. (№ 9). Это шедевр раннего типографского искусства: в книге 23 выполненных от руки многокрасочных инициала и многочисленные красные и синие рубрики. Интересен и другой инкунабул (№ 15) — «Описание путешествия в Святую землю Бернарда фон Брейденбаха», изданное в Майнце в 1486 г. участником путешествия художником Эрхардом Ройвихом. Художник снабдил книгу многочисленными иллюстрациями — гравюрами на дереве, выполненными по сделанным им во время странствий рисункам.

Из собрания Актова в университетскую библиотеку поступили не только старинные западноевропейские книги, но и сочинения отечественных авторов. Среди них — имеющее прямое отношение к истории Реформации сочинение митрополита Стефана Яворского «Камень веры». Один из виднейших церковных деятелей начала XVIII в. — митрополит Стефан Яворский (1658–1722), которого Петр I за его латинскую образованность и западнические симпатии назначил сначала местоблюстителем патриаршего престола, а затем и главой только что учрежденного Синода, был скрытым противником Петровских реформ. Его книга, формально направленная против

лютеранского исповедания и содержащая защиту догматов и традиций православия, была направлена и против царя, стремившегося по примеру протестантских государей подчинить церковь императорской власти и широко привлекавшего для осуществления своих реформ иноземцев-лютеран. Поэтому «Камень веры» мог быть напечатан только в 1728 г., когда ни Петра I (сконч. в 1725 г.), ни автора книги уже не было в живых.

ДАЛЬНЕЙШИЕ ПРИОБРЕТЕНИЯ НЕМЕЦКИХ ИЗДАНИЙ

Во второй половине XIX в. университетское книжное собрание продолжало пополняться редкими немецкими книгами. Так, после 1852 г. в составе библиотеки профессора-филолога Ф.К. Фрейтага сюда поступил подготовленный Ульрихом фон Гуттенем (1488–1523) полемический сборник «О Константиновом даре» (№ 188), куда вошло и сочинение итальянского гуманиста Лоренцо Валлы (1407–1457).

В числе книг профессора М.С. Куторги (1809–1886), основателя школы всеобщей истории в Петербургском университете, библиотекой была приобретена «Книга хроник» Шеделя в нюрнбергском издании Кобергера 1493 г. (№ 73). В 1896 г. в составе книг известного публициста Н.Н. Страхова в университетскую библиотеку поступили, в частности, трактат Генриха Корнелия Агриппы Неттсгеймского «О тщете наук» (№ 10), а также произведения предшественника немецкой Реформации Иоганна Рейхлина (№ 425) и соратника Мартина Лютера — Филиппа Меланхтона (1497–1560) (№ 355).

В следующем, 1897 г. университетское книжное собрание пополнилось редким изданием из собрания академика К.Н. Бестужева-Рюмина (1829–1897), который с 1865 г. был профессором русской истории в Санкт-Петербургском университете. В составе библиотеки К.Н. Бестужева-Рюмина в университетское собрание поступила греческо-латинская Библия базельского издания 1550 г. (№ 63). Это издание Библии с параллельными греческим и латинским текстами было осуществлено в связи с реформационным движением, так же как и греческое издание Библии, вышедшее в Базеле в 1545 г. с предисловием Филиппа Меланхтона (№ 61), и издание еврейского текста Ветхого Завета с латинским переводом и комментариями (№ 64), осуществленное известным гебраистом Себастьяном Мюнстером.

В составе университетского собрания хранятся и другие литературные памятники, имеющие непосредственное отношение к исто-

рии Реформации. Например, «Жития отцов» Г. Майора с предисловием Мартина Лютера (№ 344), а также жизнеописание Мартина Лютера (“*Historia de vita et actis Martini Lutheri*”) (Виттенберг, 1549), принадлежащее перу Ф. Меланхтона. Что касается других сочинений Меланхтона, то в университетском собрании имеется несколько изданий его трудов. Самое раннее из них поступило из собрания Страхова в 1896 г. — “*Loci communes rerum theologicarum*” (Базель, 1521) (№ 355). Еще две работы Меланхтона — “*De locus communibus ratio*” и “*Sermo de corrigendis studiis*” — содержатся в средневековом печатном сборнике “*De ratione studii*” (Базель, 1541) (№ 189). В другой книге, “*Platina V. von der Bapts und Keiser leben*” (Страсбург, 1546) (№ 404), также помещено сочинение Ф. Меланхтона под названием “*Oration oder Predig in der leich doctor Martin Luthers gehalten, anno 1546*”. Весьма символично, что перечень редких книг университетского собрания открывает исторический документ, относящийся к начальному периоду Реформации, — «Протест курфюрстов, князей, а также графов, владельных господ, городов и сословий Аугсбургского исповедания» (№ 1)¹².

Все перечисленные издания, вышедшие в свет после 1500 г., являются лишь небольшой частью университетского собрания палеотипов. Немецкие издания представлены здесь целым рядом центров книгопечатания: вместе с 32 страсбургскими изданиями книг немецких печатников университетское собрание палеотипов насчитывает 146 единиц. Из этого числа в Кёльне издано 17 книг, в Лейпциге — 16, в Нюрнберге — 13, во Франкфурте-на-Майне — 12, в Хагенау и Виттенберге — по 11, в Майнце — 10. В остальных городах (Аугсбург, Ингольштадт, Магдебург, Марбург, Тюбинген, Франкфурт-на-Одере, Фрейбург в Брейсгау, Цвиккау, Шлеттштадт, Эрфурт) — от 1 до 6 книг¹³.

Известно, что немецкие печатники трудились и за пределами своих земель. Одним из них был Феоль Швайпольц, работавший в Кракове и издавший здесь в 1491 г. первую славянскую печатную богослужебную книгу кириллического шрифта — «Октоих» («Осьмогласник»). Это издание, некогда широко распространенное в славянских странах, представляет сейчас большую библиографическую редкость. «Осьмогласник» краковского издания с XVII в. находился в пределах России и имел хождение на Русском Севере, где и сохранился до наших дней в старообрядческой среде. Экземпляр краковского издания «Осьмогласника» был приобретен летом 1965 г. научной экспедицией Государственного Русского музея в деревне Заозерье Холмогорского

района Архангельской области (владельцы — старообрядцы Н.Е. Вальков и Я.Л. Зыков). В декабре того же года эта книга была передана в библиотеку Ленинградского университета (№ 84).

НЕМЕЦКИЕ ИЗДАНИЯ КНИГ О РОССИИ

Первые печатные сочинения, в которых говорилось о Московии на основе собственных впечатлений, появились в конце XV в. (итальянцы Барбаро и Контарини). В начале XVI в. были изданы работы (Павел Иовий и др.), основанные на рассказах русских послов. Классическим сочинением, ставшим образцом для последующих книг этого рода, были «Записки о московитских делах» С. Герберштейна.

Немецкий дипломат Сигизмунд Герберштейн (1486—1566) посетил Россию в 1517 и 1526 гг. во главе имперского посольства во время княжения Василия Ивановича. За время пребывания в Москве (около 16 месяцев за два периода) посол, используя знание одного из славянских языков, ознакомился не только с местным бытом, но и с русскими летописями, церковными и юридическими документами, выдержки из которых он и привел в своем сочинении (древнерусский церковный Устав и Судебник Ивана III, послание и правила митрополита Иоанна и «Вопрошание» Кирика). Труд Герберштейна впервые был издан на латинском языке в Вене в 1549 г. В собрании Санкт-Петербургского университета имеется базельское переиздание 1551 г. Интересно отметить, что в пространный заглавии вышедшего в Базеле в 1556 г. дополненном издании «Записок» имеется следующая фраза: «Вставлены также различные сведения о религии и о том, что не согласуется с нашей религией».

Кроме базельских изданий 1551 и 1556 гг., в университетском собрании хранятся и многочисленные немецкие переводы «Записок» середины XVI в. Среди них — редчайшее издание (Вена, 1557) немецкого пересказа «Записок», выполненного самим Герберштейном. Этим экземпляром пользовался русский филолог А.И. Малеин при подготовке своего перевода латинского издания 1556 г. Перевод Малеина вышел в свет в 1908 г. в серии переводов трудов иностранцев о России. Это издание до сих пор остается образцовым по тщательности подготовки.

Среди других книг университетского собрания особого внимания заслуживает латинское сочинение главы Папского посольства в 1581—1582 гг. к Ивану IV — иезуита Антонина Поссевина (1534—1611) «Московия и другие сочинения» (Кёльн, 1587). Венчает XVI в. свод «Со-

чинения разных авторов о московских делах», изданный на латинском языке в 1600 г. А. Вехелем во Франкфурте-на-Майне в серии собраний исторических сведений о различных государствах.

Из литературы о путешествиях XVII в. самым известным является «Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно» Адама Олеария. Это путешествие относится к разряду распространившихся в XVII в. «ученых» путешествий. Немецкий востоковед Адам Олеарий (1603–1671) был секретарем шлезвиг-гольштейнского посольства в Россию в 1633–1634 гг. и в Персию в 1635–1639 гг. (путь посольства проходил через Россию). Он также посетил Москву в 1643 г. В собрании университетской библиотеки представлено несколько изданий «Описания», в том числе два экземпляра второго, дополненного издания (Шлезвиг, 1655).

Наличие в библиотеке Санкт-Петербургского университета большого количества экземпляров сочинений как Герберштейна, так и Олеария объясняется тем, что почти в каждом из поступивших в университетскую библиотеку книжных собраний профессор-историков непременно имелись эти издания. Здесь же можно отметить, что первый русский перевод «Описания» Олеария, оставшийся в рукописи, был сделан еще в конце XVII в., вероятно, с гамбургского издания 1696 г. Лучший и самый полный русский перевод А.М. Ловягина вышел в 1906 г.

Особое место среди сочинений о России занимает книга австрийского дипломата А. Мейерберга (1612–1688) «Путешествие в Московию». Во главе имперского посольства Мейерберг посетил Россию в 1661–1663 гг. Его книга вышла, вероятно, в 1644 г. (в ней нет выходных данных). К этому сочинению приложен прекрасный перевод на латинский язык «Соборного уложения» царя Алексея Михайловича. Этот экземпляр поступил в собрание СПбГУ в 1832 г. в числе книг известного исследователя древнерусского права Г.А. Розенкампа¹⁴.

Но от путешествия Мейерберга осталось не только его «Описание». В начале XIX в. отечественный исследователь Ф. Аделунг обнаружил и издал в 1827 г. альбом Мейерберга — 131 лист с 250 рисунками, сделанными участниками путешествия Сторном и Пюманом. Вероятно, самому Мейербергу принадлежат объяснительные подписи к рисункам на немецком языке. Зарисовки русских городов, встречавшихся на пути следования посольства, изображения торжественных религиозных процессий и т.д. делают альбом Мейерберга интереснейшим источником по истории Русского государства и церкви.

Необходимо отметить, что многие авторы, писавшие тогда о России, весьма субъективны в своих оценках русских нравов и обычаев, духовной культуры. Например, конфессиональные предрассудки, традиции европейской художественной культуры помешали многим авторам понять и по достоинству оценить одно из величайших достижений церковного искусства — русскую иконопись (хотя они часто рассуждают о ней).

Не менее интересно и важно другое издание, имеющее отношение к России. Это опубликованная в Нюрнберге в 1678 г. книга чешского путешественника Бернгарда-Леопольда-Франциска Таннера, содержащая описание путешествия польско-литовского посольства в Москву в 1678 г. Находясь в польской свите, Таннер составил подробное описание путешествия, в котором содержатся интересные сведения о русских церковных обычаях.

НИЖНЕРЕЙНСКАЯ КНИЖНОСТЬ И РОССИЯ

В дополнение к сказанному можно привести один эпизод из истории церковно-литературных связей России с Голландией, расположенной в низовьях Рейна. В книжном собрании СПбГУ хранится интересное издание Нового Завета, напечатанное параллельно на голландском и церковно-славянском языках (приобретено у В. Актовой). Титульный лист и левая сторона каждой страницы содержат голландский текст; на правой стороне страниц отпечатан кириллицей текст церковно-славянский. Это издание было осуществлено по распоряжению Петра I.

По заказу царя голландский печатник Ян ван Дурен издал в 1717 г. голландскую половину книги. Славянский текст был допечатан в доставленных в Россию экземплярах в типографии Александро-Невского монастыря. Задача задуманного Петром I двуязычного издания состояла в следующем: он хотел подобным изданием облегчить своим подданным, хорошо знакомым с текстом Нового Завета в церковно-славянском переводе, изучение голландского языка. Однако судьба издания сложилась неудачно: многие отпечатанные в Голландии экземпляры были повреждены при доставке их морем в Петербург; количество допечатанных в России в 1718 г. экземпляров, по некоторым данным, не превышало двух десятков¹⁵.

Кроме того, не удалось достичь буквального совпадения параллельных текстов: кальвинистская версия голландского перевода расходилась с традиционной версией славянского перевода. Все это

обусловило крайнюю редкость голландско-петербургского издания Нового Завета. Известно, что один экземпляр находился в частном собрании в Париже, второй — в герцогской библиотеке Вольфенбюттеля (Нижняя Саксония). В России, естественно, сохранилось больше экземпляров этого издания: помимо университетского, в настоящее время учтены экземпляры, хранящиеся в ГБЛ (Москва), РНБ (С.-Петербург) и Библиотеке Академии наук (БАН) (С.-Петербург)¹⁶.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Тема, связанная с историей русско-немецких книжных связей, неисчерпаема. Одним из ее аспектов является изучение истории книг и рукописей, владельцы которых сменяли друг друга на протяжении нескольких столетий. Так, на книге Дж. Кардано (№ 106) имеется владельческая запись Иеремии Ульмана (1567–1629), лютеранского проповедника. Одним из владельцев некоторых книг, хранящихся ныне в собрании СПбГУ, был поэт Фридрих Бенедикт Карпцов (1649–1699), происходивший из семьи известных лютеранских богословов.

В книжном собрании университета имеется трактат «О разделении природы» Иоанна Скотта Эриугены (IX в.) — крупнейшего богослова раннего Средневековья. Долгое время этот трактат существовал только в рукописных списках, и лишь в 1681 г. был напечатан в Оксфорде. Университетский экземпляр этого редкого издания в кожаном с золотым тиснением переплете XVIII в. происходит из библиотеки известного немецкого философа Артура Шопенгауэра (1788–1860), о чем свидетельствует его запись на форзацном листе: «Купил эту книгу на публичном аукционе в Лейпциге в ноябре 1850 г.»¹⁷

Недостаток места вынуждает ограничиться обзором лишь одного из книгохранилищ города на Неве. Подобный обзор можно было бы провести с использованием сведений об истории западной книжности других петербургских библиотек, таких как БАН и РНБ. Чтобы составить некоторое представление о тех рукописных и книжных богатствах, которые могут быть использованы при составлении такого обзора, можно привести всего лишь один пример.

В рукописном собрании РНБ имеется сборник начала XV в., на котором вытиснено: “Jan Hussi. Sermo contra interdictum”. В библиотеку этот сборник поступил в 1805 г. в составе собрания П.П. Дубровского¹⁸. Эта рукопись, написанная на латыни и отличающаяся простотой оформления, уникальна. Она содержит проповеди, автором которых был Ян Гус. Он держал рукопись в руках, работал над ней. Это под-

тверждается не только собственноручной подписью Яна Гуса (встречающейся четыре раза). На многих страницах видны следы чтения и правки Яна Гуса — короткие замечания и пометы. Это своего рода авторская корректура — редчайший из сохранившихся от того времени примеров работы знаменитого автора, предшественника Реформации, над своим текстом¹⁹.

Завершая краткий обзор русско-немецких церковно-литературных связей, можно отметить, что на протяжении нескольких столетий отношения между двумя великими народами не раз омрачались войнами и политическим противоборством. Но при этом нельзя забывать и о светлых периодах в истории наших взаимоотношений. Уже со времен Средневековья в обоих государствах находились выдающиеся представители своего народа, которые призывали к сохранению и упрочению мирных отношений. Одним из них был немецкий поэт Пауль Флеминг (1609–1640), который посетил Россию в составе немецкого посольства, направлявшегося в Персию. Адам Олеарий включил в свое «Описание» отдельные стихотворения Флеминга, написанные им во время путешествия. Флеминг посвятил Москве три сонета, переведенные в XVIII в. А.П. Сумароковым. Весьма актуально звучат слова немецкого поэта, содержащие обращение к России:

...Дай небо, чтобы ты была благополучна,
Безбранна, с тишиной своею неразлучна.
Чтоб твой в спокойствии блаженный жил народ!
Прими сии стихи. Когда я возвращуся,
Достойно славу я твою воспеть потщуся
И Волгу похвалой промчу до рейнских вод.

1. *Горфункель А.Ф., Николаев Н.И.* Неотчуждаемая ценность. Л., 1984. С. 10.

2. *Wenk C.F.* Opuscula academica. Leipzig, 1834. S. XIII.

3. Помимо актов Бамбергского архиепископства, в собрании СПбГУ имеется редкое печатное издание «Свода законов Майнцского архиепископства» (№ 476), а также «Хроника Любека» (№ 78) (издание первой половины XVI в.) и «Индюльгенции главных церквей города Рима» (№ 34) (напечатано Теобальдом Шенкбехером ок. 1473 г.).

4. См.: Каталог инкунабулов. Л., 1967. С. 10.

5. *Григорьев В.В.* С.-Петербургский университет в течение первых 50 лет его существования. СПб., 1870. С. 78.

6. *Горфункель А.Х., Николаев Н.И.* Указ. соч. С. 91.

7. *Мурьянов М.Ф.* Древнейший пергамен Ленинградского университета // Вестник ЛГУ. 1964. № 20. Вып. 4. С. 151.
8. *Горфункель А.Х., Николаев Н.И.* Указ. соч. С. 92–94.
9. Там же. С. 95.
10. См.: *Берков П.Н.* П.Я. Актов, забытый собиратель древнерусских рукописей и старопечатных книг // ТОДРЛ. Л., 1958. Т. 14. С. 637–643.
11. *Никольский Н.К.* Рукописная книжность древнерусских библиотек (X–XVII вв.). СПб., 1914. Вып. 1: А–Б. С. 22–23.
12. *Горфункель А.Х., Николаев Н.И.* Указ. соч. С. 54, 58.
13. Каталог палеотипов. Л., 1977. С. 13.
14. *Горфункель А.Х., Николаев Н.И.* Указ. соч. С. 87–88.
15. *Пекарский П.П.* Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 2. С. 404–408.
16. *Зернова А.С., Каменева Т.Н.* Сводный каталог книг кирилловской печати XVIII в. М., 1968.
17. *Горфункель А.Х., Николаев Н.И.* Указ. соч. С. 99.
18. Впервые краткое описание этого сборника было сделано чешским исследователем В. Флайшгансом (*Flajshans V.* Knihy ceske v knihovnach svedskych a ruskych. Praha, 1897. S. 49).
19. *Мыльников А.С.* Книга, которую держал Ян Гус // Книга. М., 1976. № 32. С. 176.

М.М. Сафонов

ПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА ПЕТРА III НА СТРАНИЦАХ «ЗАПИСОК ЕКАТЕРИНЫ II»

21 апреля 1771 г. Екатерине II исполнилось 42 года. В этот день она начала работу над своими автобиографическими записками, охватывающими время от рождения Екатерины до свадьбы; заканчивались они более чем пикантно: августейшая особа решила публично рассказать о том, как провела свою первую брачную ночь. Это единственный в истории пример «откровений» такого рода. В записках говорилось о том, как великий князь Петр Федорович, «хорошо поужинав, пришел спать, и когда он лег... заснул и проспал очень спокойно до следующего дня <...> и в этом положении дело оставалось в течение девяти лет без малейшего изменения»¹.

Этим лирическим пассажем мемуары и заканчивались. Создается впечатление, что ради этой многозначительной фразы — «в этом положении дело оставалось в течение девяти лет без малейшего изменения» — и были написаны «откровеннейшие», уникальные в своем роде мемуары.

Они открывались посвящением подруге — графине П.А. Брюс, которой мемуаристка могла сказать все, не опасаясь, что это может повлечь за собой последствия («à la quelle je puis tout dire sans que cela tire à la consequence»²). Заканчивались мемуары негласным вопросом, который не мог не встать перед читателем. Это и были те последствия (la consequence), на которые якобы мемуаристка не рассчитывала, откровенничая с Брюс. Дело в том, что читатель ее рукописи прекрасно знал, что через девять лет — 20 сентября 1754 г. — родился великий князь Павел Петрович, а потому невольно вопрошал: «А Петрович ли?» У читающего, во всяком случае, не могло не зародиться сомнений в законности цесаревича. Фраза о девяти годах платонической жизни была составлена так хитро, что читающий ее оставался

в недоумении: то ли в жизни новобрачных через девять лет что-то изменилось, и тогда на свет появился сын, то ли рождение первенца после девяти бесплодных лет никак с брачной жизнью Екатерины не было связано? Не высказываясь прямо, императрица подталкивала читателя к вопросу: «Был ли Павел сыном Петра III?» Поразительно, с какой легкостью императрица, обычно сдержанная и скрытная, не желавшая никого пускать в свой внутренний мир, приглашала посторонних заглянуть в замочную скважину своей опочивальни. Ради чего она была готова вывернуть наизнанку и сделать предметом обсуждения свою интимную жизнь?

Для этого были особые причины. Первое десятилетие царствования императрицы прошло под знаком борьбы между группировками Н.И. Панина и Г.Г. Орлова вокруг вопроса о соправительстве Екатерины и Павла. После смерти Петра III семилетний Павел наследовал его долю во владении герцогства Гольштейн-Готторпского и титул герцога Шлезвиг-Гольштейн-Готторпского. Ввиду малолетства цесаревича Екатерина II управляла этой долей голштинских владений как опекун. Патримониальное владение сына со временем могло создать опасную для ее власти ситуацию, при которой пока еще несовершеннолетний российский великий князь, политический соперник матери, станет полноправным немецким герцогом, владеющим территорией, служащей источником доходов и людских ресурсов. Екатерина опасалась, что, став совершеннолетним германским великим князем, Павел будет держать себя независимым от русской императрицы и превратится в орудие иностранной державы, враждебной России. Екатерина II была заинтересована в том, чтобы лишить сына патримонии, пока он не успел стать совершеннолетним. Эту точку зрения поддерживал и Панин. Но воспитатель наследника исходил из того, что, поскольку права Павла как немецкого владетельного герцога в результате такой уступки ущемлялись, потеря патримониальных владений должна быть компенсирована предоставлением новых прав в самой России путем объявления его соправителем своей матери.

11/22 апреля 1767 г. в Копенгагене был подписан предварительный договор, на основании которого Екатерина именем сына отказалась от прав на Шлезвиг и уступила Дании герцогство Гольштейн-Готторпское в обмен на графства Ольденбургское и Дельменхорстское, которые тут же передавались младшей линии герцогского дома в лице герцога и епископа Любского Фридриха-Августа. Таким образом за Павлом оставался только титул наследника Норвежского, герцога

Шлезвиг-Гольштинского, графа Ольденбургского и Дельменхорстского. Но этот договор должен был вступить в силу по достижении Павлом совершеннолетия, после того как он сам его одобрит³. Однако если совершеннолетие российского великого князя не было определено законодательством, что давало возможность продлевать малолетство цесаревича в зависимости от ситуации, то совершеннолетие Гольштейн-Готторпского герцога согласно немецким законам оканчивалось с наступлением девятнадцатого года. Это время неумолимо приближалось.

20 сентября 1772 г. Павлу исполнилось 18 лет. Никаких придворных торжеств по этому случаю не было. В октябре цесаревичу пошел 19-й год, признаваемый сроком совершеннолетия для германских князей, а потому императрица торжественно отеклась от управления его наследственными владениями в Гольштинии и передала их ему. Но сделала она это келейно в личных покоях, в присутствии лишь Панина и голштинского министра при датском дворе К. Сальтерна. 21 мая 1773 г. Панин и Сальтерн подписали трактат об уступке Дании Шлезвига и Гольштинии. Павел санкционировал этот договор, а затем, 14 июля, передал приобретенные посредством этого обмена графства Ольденбург и Дельменхорст коадьютору Любскому Фридриху Августу⁴. 29 сентября 1773 г. Екатерина осуществила хитрый политический маневр: заменила превращение ребенка во взрослого официальным обращением мальчика в мужчину. Совершеннолетие наследника, имевшее важное общественно-политическое значение, императрица подменила семейным торжеством и в свадебных празднествах «растворила» сам факт достижения наследником взрослого возраста. За неделю до этого она лишила Панина поста обер-гофмейстера, бывший воспитатель получил благодарственный рескрипт и был осыпан милостями⁵. Богато одарив, Панина разлучили с совершеннолетним наследником и выдворили из дворца вместе с планами соправительства. Екатерина одержала победу и над сыном, и над его сторонниками⁶.

Именно в это опасное для ее власти время, в преддверии совершеннолетия сына, Екатерина начала работу над своими автобиографическими записками. Первая редакция записок стала ярким свидетельством придворной борьбы начала 1770-х годов и состояла из трех частей. Первая, начатая 21 апреля 1771 г., была написана, когда борьба вокруг соправительства только вступала в решающую стадию⁷. Работа над последней, третьей, частью⁸ велась в 1773 г.⁹, когда эта борьба уже завершилась победой Екатерины.

У читателя должно было зародиться сомнение в законности рождения Павла. Если Павел не сын Петра III, то прав на престол у этого юноши не больше, чем у Екатерины, — главное, что должен был вынести читатель из знакомства с мемуарами императрицы. Таков был расчет мемуаристики. Пожалуй, мемуары Екатерины ярче всего рисуют отношение матери к сыну, хотя о Павле в них нет ни слова. Ради того, чтобы не допустить его к трону, мать не брезговала никакими средствами. Благодаря «нескромности» матери вопрос о происхождении Павла должен был стать предметом салонных пересудов.

«Откровения» матери о том, как она на протяжении девяти лет не могла стать женщиной, появились как нельзя вовремя: накануне совершеннолетия наследника. Перефразируя известное выражение, можно было спросить: «А предки кто?» Ответ: мать — Екатерина, отец — бог весть... Более того, для наследования российского трона было не столь важно, являлся ли Павел сыном Петра III. Петр не назначил его наследником престола, это сделала Екатерина. И чей он в действительности сын, было неважно с юридической точки зрения: ведь закон Петра I о престолонаследии позволял монарху назначить себе преемника, не стесняясь узами родства. А вот наследовать владения отца в Голштинии и титул герцога мог только сын Петра III. Когда стал решаться вопрос об этих немецких владениях, тогда и понадобилась публичная «исповедь» женщины, якобы обделенной сексуально. В этой ситуации и потребовалось заронить зерно сомнения в законность происхождения Павла, который в таком случае не может и не должен оспаривать у матери российский престол¹⁰. При этом вопрос, являлся ли Павел действительно «бастардом», оставался открытым, так что репутация Екатерины не пострадала, потому что отцовство Петра III не исключалось, а только было под вопросом.

Правильность обмена Голштинии, то есть лишения Павла патримонии, никакому сомнению не подлежала, потому что такова была воля самого Петра Федоровича. Заключительный аккорд записок содержал доказательство этого тезиса. В последнем абзаце третьей части записок Екатерина писала о том, что осенью 1750 г. начались переговоры между датским посланником Р.-Ф. Линаром и канцлером А.П. Бестужевым относительно обмена Голштинии на Ольденбург и Дельменхорст. Бестужев «в качестве русского великого канцлера очень желал этого обмена, чтобы устранить это препятствие союзу между Россией и Данией, интересы которых во многих отношениях совершенно однородны. Граф Бестужев не отступил перед необычной

любовью, которую питал великий князь к Голштинии, где он родился; он приступил к переговорам и почти добился согласия великого князя (“il... parvint presque à persuader le grand Duc”)¹¹. Я поговорю об этом впоследствии¹², — заключила мемуаристка. Разумеется, никакого «впоследствии» не последовало: записки на этом оборвались. Иначе пришлось бы рассказать, что «согласия» на обмен Петр так и не дал.

Только учитывая все эти обстоятельства, можно правильно оценить достоверность «Записок Екатерины II» и составить верное представление о каждом персонаже, описанном в них. Ни один из историков династии Романовых Гольштейн-Готторпских этого не сделал, поэтому все герои «Записок Екатерины II», включая ее, вошли в литературу в искаженном виде. Но особенно «не повезло» ее мужу Петру III, свергнутому с престола, а затем и убитому при неясных обстоятельствах. Очевидно, «Записки» были призваны морально оправдать и то и другое, а воцарение жены Петра III представить как совершенно естественное и неизбежное.

В «Записках» Екатерины II три главных действующих лица: императрица Елизавета Петровна, ее племянник великий князь Петр Федорович и его жена великая княгиня Екатерина Алексеевна. Точнее говоря, четыре. Незримо присутствует еще один персонаж — великий князь Павел. Хотя в прямом смысле его нельзя назвать действующим персонажем, потому что в тот период, который охватывает первая редакция «Записок», цесаревич еще не успел родиться. Тем не менее Павел, даже еще не появившийся на свет, незримо присутствует в тексте и оказывает существенное влияние на поведение главных персонажей. Главный антигерой записок — грубая, деспотичная и любвеобильная императрица Елизавета. Жертвой ее капризов становится юная и непосредственная, даже немного наивная, почти еще ребенок, принцесса Ангальт-Цербстская. Она ни на что не претендует и хочет в своем поведении сообразовываться со вкусами и привычками императрицы и ее племянника, вначале жениха, а потом мужа. Девушка восхищает всех своей красотой и искренностью. Она старается так же красиво и модно одеваться, причесываться и танцевать, как императрица. Но у принцессы это получается немного лучше, чем у государыни. Увядаящая императрица, погрязшая в пороках, ханжа и лицемерка, ревнивая и подозрительная ко всем, кто моложе и красивее ее, начинает преследовать «соперницу», кристально чистую в нравственном отношении, безгрешную в вопросах веры, безукоризненно соблюдающую религиозные обряды, наконец, идеальную жену. Пово-

дом для преследования послужило то, что принцесса, ставшая российской великой княгиней, выйдя замуж за племянника императрицы Гольштейн-Готторпского герцога Петра Ульриха, в православии Петра Федоровича, недостаточно сильно любит мужа и не рождает ему детей.

Для того чтобы показать, насколько необоснованны эти обвинения, а также и то, что никаких иных причин для конфликтов Малого и Большого дворов¹³ не было, мемуаристка разворачивает большое полотно, на котором с мельчайшими подробностями представлены ее отношения с супругом и августейшей теткой. При этом сквозь призму этих отношений проводится мысль о том, что ни муж, ни императрица не были в такой степени достойны российского трона, как она. Мемуаристка вложила все свое мастерство в создание портрета мужа, чтобы у читателя не могло возникнуть ни малейшего сомнения на этот счет. Это было особенно важно в тот момент, когда, отеснив совершеннолетнего сына от трона, Екатерина должна была доказать всему свету, что она занимает престол, потому что более всех достойна его. Создавая портрет великого князя Петра, мемуаристка решала эту двойственную задачу: чем ничтожнее и мельче Петр, тем возвышеннее и благороднее Екатерина. Портрет Петра — это обратная сторона портрета Екатерины. Удалось ли ей это?

Впервые мемуаристка увидела своего будущего мужа в 1739 г. в Эйтине: «Он казался тогда благовоспитанным и остроумным, однако за ним уже замечали наклонность к вину и большую раздражительность из-за всего, что его стесняло». Ребенок привязался к матери Екатерины, но ее «терпеть не мог». Одиннадцатилетний Петр завидовал свободе своей троюродной сестры, «тогда как он был окружен педагогами и все шаги его были распределены и сосчитаны». Екатерина обращала на него мало внимания. Но она оказалась взволнованной, когда 4 года спустя герцог Гольштейн-Готторпский был объявлен наследником российского престола. Родители принцессы стали предназначать ее в жены Петру, и девочка в глубине души понимала, что эта была самая выгодная партия из всех возможных. В январе 1744 г. императрица Елизавета пригласила мать Екатерины вместе с дочерью приехать в Россию на смотрины. Родители колебались, но девочка настояла. Более того, четырнадцатилетняя невеста, почти уже сговоренная с братом матери Георгом Людвигом, решила пожертвовать своим будущим семейным счастьем с обожавшим ее голштинским принцем ради открывавшейся перед ней более заманчивой перспективы в России.

Описывая приезд в Москву, представление императрице и великому князю, Екатерина лишь упоминает о том, какую роль играл ее суженый в этих церемониях¹⁴. Но не дает ему никаких характеристик, ничего не говорит о том, какое впечатление произвел на нее будущий муж. Мемуаристка отмечает: во время болезни Петр оказывал ей знаки внимания и нисколько не изменился после того, как она выздоровела¹⁵. Екатерина ничего не говорит о своем внешнем виде после выздоровления, хотя из описания болезни нетрудно заключить, что выглядела девочка плохо: 27 дней между жизнью и смертью, 16 кровопусканий, иногда по 4 раза в день, ежедневные приступы лихорадки по 16 часов¹⁶. Но это никак не изменило отношения к ней Петра. Екатерина замечает: «По-видимому, я ему нравилась» («Je parus lui plaire»). Что же касается чувств самой мемуаристки, то она передает их так: «Не могу сказать, чтобы он мне нравился или не нравился; я умела только повиноваться. Дело матери было выдать меня замуж. Но, по правде, я думаю, что русская корона больше мне нравилась, нежели его особа»¹⁷ («Je ne peux pas dire qu'il me plut, ni que il me déplut; je ne savais qu'obéir et s'étais à ma mère à me marier, mais au vrai je crois que la couronne de Russie me plaisait plus que sa personne»)¹⁸.

Итак, по собственному признанию, Екатерину более всего интересовала российская корона, Петр же представлялся ей прежде всего средством, благодаря которому эта корона могла бы оказаться на ее голове. Шестнадцатилетний жених «был довольно красив» («il était assez goli»), до того как переболел оспой, но мал ростом и совсем ребенок («mais fort petit et très enfant»). С Екатериной он «говорил об игрушках и солдатах» («il me parlait de jouets et de soldats»), «которыми был занят с утра до вечера». Она слушала его из вежливости и в угоду ему, часто зевала, но не покидала его. Он же полагал, с что с ней надо говорить. Но поскольку Петр говорил только о том, что любил, он забавлялся, говоря с ней подолгу¹⁹ («Je l'écoutais par politesse et par complaisance et souvent je bâillais sans démêler la raison, mais je ne le quittais pas, et lui aussi croyait qu'il fallait me parler, et comme il ne parlait que de ce qu'il aimait, il s'amusait beacoup en me parlant longtems»)²⁰.

Мемуаристка сознавала, что найдется немало людей, которые были свидетелями ее тесного общения с Петром в это время²¹. Для того чтобы дезавуировать их возможные свидетельства, Екатерина поместила в свой текст такой пассаж: «Многие приняли это за настоящую привязанность, особенно те, кто желал нашего брака». Но в действительности этой вот «la vraie affection», которую можно перевести и как

«привязанность» и «любовь» или просто как «нежность», не было. Никаких чувств и эмоций: «Jamais nous n'avons eu en ensemble le langage de la tendresse» («Когда мы были вместе, у нас никогда никакой нежности не было»). Обычно этот пассаж переводят так: «Молодые никогда не говорили на языке любви», но это литературный перевод. Екатерина же имеет в виду не столько «l'amour», сколько говорит об отсутствии в их отношениях каких-либо эмоций вообще, подразумевает полную асексуальность жениха. Не девушка должна ее инициировать, пишет мемуаристка, скромность не позволила бы сделать это, если бы она ощутила нечто подобное, в ее душе было достаточно врожденного благородства, чтобы не сделать первый шаг. Он же об этом даже не догадывался. Это обстоятельство не располагало Екатерину в пользу жениха. Ведь девушки, хорошо воспитанные, любят нежности и ласковые речи, особенно тех, кого они могут слушать, не краснея²².

За исключением того, что Петр не проявлял себя как существо противоположного пола, он вел себя вполне достойно и действовал в интересах Екатерины²³. Что касается отсутствия эмоций со стороны великого князя, уместно вспомнить, что сообщала по этому поводу Екатерина в конце 1750-х годов в «Автобиографической записке» (написанной, когда она еще не знала, что Петр будет убит и ей придется оправдывать его свержение и расправу над ним). Впечатление от первой встречи в 1739 г.: «Красив, любезен, хорошо воспитан, словом, чудеса рассказывали об этом одиннадцатилетнем ребенке»²⁴ («Réelement était beau, aimable, bien élevé; enfin l'on criait au miracle de cet enfant»²⁵). Приведем другое впечатление — от второй встречи пять лет спустя, уже в Москве: «Великий князь... занялся мною, и я ему так понравилась, что он целую ночь от этого не спал и что Брюммер (воспитатель Петра. — М.С.) велел ему сказать вслух, что он не хочет никого другого, кроме меня». Екатерина нашла его еще совсем ребенком «во всех его речах», хотя на следующий день ему исполнилось 16 лет. Принцесса была этим удивлена, но не более: «Он мне не совсем, однако, не нравился. Он был красив, и я так часто слышала о том, что он много обещает, что я долго этому верила»²⁶. Рассказав о возвращении из Киева, Екатерина поместила в этом раннем тексте такое признание: «Великий князь любил меня страстно (курсив мой. — М.С.), и все содействовало тому, чтобы надеяться на счастливое будущее»²⁷.

После свержения и убийства Петра «любил страстно» превратилось в полное безразличие: «Когда мы были вместе, у нас не было никакой нежности». Однако то, что писала Екатерина в «Автобиогра-

фической записке», когда Петру еще предстояло стать императором, не может служить доказательством того, что так и было в действительности. Ведь и в этом тексте великая княгиня представляет такой образ своего мужа, который в тот момент она находила выгодным для себя создать. Есть независимые свидетельства об отношениях жениха и невесты, которые показывают, что в более раннем тексте конца 1750-х годов великая княгиня была гораздо ближе к истине, чем 15 лет спустя, когда, уже императрицей, создала первую редакцию своих мемуаров.

18 февраля 1744 г., вскоре после приезда в Москву, мать Екатерины Иоганна Елизавета сообщила мужу в Цербст: «Наша дочь стяжала полное одобрение. Государыня ее ласкает, наследник любит ее» («Le successeur l'aime») ²⁸. Если даже допустить, что герцогиня Ангальт-Цербстская могла принимать желаемое за действительное, то о подлинном отношении Петра к своей невесте свидетельствует такой факт. Когда в июне 1744 г. в Москве получили письмо отца Екатерины, выразившего согласие на ее брак с великим князем, Петр, по словам биографа императрицы, «совсем оглупел от радости: он прыгал, смеялся, носил письмо в рукаве, беспрестанно его целовал, всем прочитывал» ²⁹. «Я никогда не воображала, — удивлялась Иоганна Елизавета в письме к мужу, — чтоб великий князь, не сомневающийся в твоём согласии, мог быть до такой степени тронут твоим письмом» ³⁰. Показательно удивление княгини-матери эмоциям великого князя: она же знала, что Петр любит ее дочь, но не представляла, что он настолько влюблен.

Учитывая все это, нетрудно заключить, что объяснение Екатерины в первой редакции мемуаров своих несложившихся отношений с женихом его асексуальностью сильно «хромает». Между тем эта тема развивается в тексте воспоминаний, и чем более она развивается, тем менее в нее верится. Екатерина старается внушить читателю: не она виновата в том, что отношения не сложились, всецело виноват великий князь. Это был первый и самый главный пункт ее плана, который сложился в ее голове, когда она прибыла в Россию. Если она не смогла этого достичь, то либо обстоятельства были не расположены к тому, чтобы это произошло, либо провидению это не было угодно. Причина крылась в личности Петра Федоровича: «Son esprit était toujours très enfant» («Его ум все еще был ребяческим, несмотря на то что во время болезни корью он очень вырос физически»). «Вместо того чтобы познавать язык любви, он по-прежнему по-детски развлекался игрой

в войну. Болезнь значительно способствовала телесному росту, но ум его был все еще ребяческий». «Cette maladie le fit grandir considérablement de corps, mais son esprit était toujours très enfant; il s'amussait dans sa chambre à enrégimenter ses valets de chambre, ses laquais, ses nains, ses cavaliers (je crois que j'avais aussi un grade); il les exerçait et les dressait»³¹. Переводчик перевел этот фрагмент так: «Он забавлялся в своей комнате тем, что обучал военному делу своих камердинеров, лакеев, карлов (кажется, у меня был чин); упражнял их и муштровал»³². Этот перевод не совсем точный. «Enrégimenter» следует перевести как «распределять по полкам», а «dresser» в данном случае означает одевать в военную форму, то есть обмундировать. Материалы Тайной экспедиции свидетельствуют, что именно этим занимались в ближайшем окружении наследника: людей из обслуживающего персонала двора наследника расписывали по военным единицам и снимали с них мерки, чтобы сшить соответствующую форму, обмундирование³³. Показательно употребление глагола «s'amuser», то есть «забавляться, развлекаться». Мемуаристка этим глаголом старается подчеркнуть: речь идет именно о детских забавах, а не о чем-то серьезном. Однако обмундирование «военнослужащих» из комнатных слуг, распределение их по родам войск наводит на мысль о чем-то более значительном и опасном для власти, нежели детская игра. Сами экзерциции по возможности производились втайне от его губернаторов, которые пренебрегали своими обязанностями, обращались с Петром грубо и неловко и часто передавали его на руки слуг, особенно тогда, когда не могли сами справиться.

Заключительный вывод новеллы о «детских играх»: благодаря дурному воспитанию либо по природным склонностям, «он был неукротим в своих желаниях и страстях» («il était indomptable dans ses volontés et passions»). Это важнейшая характеристика личности Петра. Екатерина отметила, что впоследствии ей придется неоднократно говорить об этом, поэтому сейчас она ограничится лишь фразой: «Тогда я была поверенной его ребячеств» («Alors j'étais la confidente des ses enfantillages») ³⁴. Оправдание своему поведению, точнее говоря, соучастию в «enfantillages», мемуаристка находила в том, что не она должна была исправлять Петра, поэтому она не мешала ему ни говорить, ни действовать.

Другими словами, Екатерина вполне осознанно, а не по принуждению была соучастницей того, что разрушило ее семейное счастье и превратило брачные узы в недоразумение. В основании всего этого

лежала природная детскость великого князя, еще совсем ребенка, с сильными страстями и желаниями, которые пока проявлялись лишь в детских играх.

Заметим, что в «Автобиографической записке», написанной при жизни Петра, не говорится ни о военных занятиях великого князя, ни о его инфантильности. Тема «экзерциций» возникает лишь в первой редакции как некий ключ, с помощью которого можно понять, в чем была причина несчастий Екатерины, навлекшей на себя гнев императрицы. В «Автобиографической записке» метаморфоза в отношениях жениха и невесты объяснена чисто физиологически.

Как уже отмечалось, Петр был красив, любезен, отлично воспитан. Но в конце 1744 г. по пути из Москвы в Петербург он заболел оспой и очень изменился: не просто утратил былую красоту, а стал уродливым. И именно это заставило Екатерину испытывать совсем иные чувства к жениху: «Он только что оправился от оспы, лицо его было совсем обезображено и распухло до крайности; словом, если бы я не знала, что это он, я ни за что не узнала бы его; вся кровь во мне застыла при виде его и, если бы он был немного более чуток, он не был бы доволен теми чувствами, которые мне внушил. Он каждый вечер ужинал у меня, но чем ближе подходило время к моей свадьбе, тем больше я желала бы последовать за матерью»³⁵.

В раннем тексте физическое безобразие Петра явилось причиной того, что Екатерина переменяла к нему отношение и вместо предстоящей свадьбы предпочитала вернуться домой. В первой редакции упоминается о том, что мемуаристка испугалась, когда впервые увидела Петра, обезображенного следами оспы. Но главная причина отчуждения от жениха заключалась не в том, что он стал неузнаваем. Хотя великий князь очень вырос, Екатерина с первого взгляда поняла, что Петр «был таким же ребенком», каким она его оставила³⁶ («Il était aussi enfant que je l'avais laissé»)³⁷. Именно в этом заключалась главная причина будущего семейного разлада. Поэтому, когда весной 1744 г. начались приготовления к свадьбе, Екатерина не могла слышать без отвращения любые упоминания об этом дне. Не потому, что жених был уродлив, но оттого что она не видела у него признаков мужчины. Инфантильность жениха проявлялась и в том, что он не выносил сентиментальной чувствительности в отношениях с невестой и вообще не жаждал видиться с ней. Иногда по вечерам он заходил в покои невесты, «но у него не было никакой охоты приходить туда; он предпочитал играть в куклы (“jouer aux poupées”) у себя; меж-

ду тем ему уже исполнилось тогда 17 лет, мне было 16; он был на год и три месяца старше меня»³⁹. Другими словами, наивная шестнадцатилетняя девочка уже тогда понимала, что уместнее был «язык любви», а не «игра в куклы». Указание на разность возрастов должно было подчеркнуть, что по развитию она превосходила своего суженого и болезненно переживала эту ситуацию. Когда с наступлением хорошей погоды Екатерина переселилась в Летний дворец, Петр сократил свои посещения. «Этот недостаток внимания и эта холодность с его стороны»⁴⁰ («ce manque d'attention et cette froideur de sa part») накануне свадьбы не располагали Екатерину к жениху, и чем ближе становился этот день, тем больше невеста сознавала, что ее ждет «очень неудачный брак» («très mauvais mariage»)»⁴¹.

Интересно объяснение Екатерины по поводу своей позиции. Будучи слишком гордой, она считала себе выше того, чтобы жаловаться. Более того, она вела себя так, чтобы никто даже не догадывался, что она считала себя нелюбимой. Она слишком высоко ценила себя, чтобы допускать, что ею могут пренебрегать⁴². Иными словами, со стороны все выглядело вполне пристойно. Не случайно Екатерина подчеркнула это обстоятельство: оно было призвано объяснить, почему ее «признания» так расходятся с тем, что видели придворные и близкие ей люди. Более того, Петр имел обыкновение обходиться и разговаривать с фрейлинами императрицы слишком свободно («Grand Duc avait certaine manière libre et des propos avec les filles d'honneur de l'Impératrice»⁴³). Екатерина скрывала это от всех, а он даже не догадывался о тех душевных переживаниях, которые она испытывала.

Свадьба ничего не изменила в их отношениях: «Мой домашний уголок, — писала мемуаристка, — далеко не был приятен (“Mon chez moi n'était guère agréable”). У великого князя все были какие-то ребячества, он вечно играл в военные действия, окруженный прислугой и любя только ее»⁴⁴ («Chez le Grand Duc il n'avait que des enfances; il était toujours à jouer avec des fonctions militaires, entouré de domestiques et n'aimant qu'eux»)»⁴⁵.

В первые дни брака Екатерина пришла к безжалостному заключению: «Je fis une cruelle réflexion pour lui les premiers jours de mon mariage». Чтобы не превратиться в самое несчастное существо на Земле, она решила не любить своего мужа. Екатерина рассчитывала на взаимность, но ждать ее от Петра не приходилось, ведь он почти не смотрел на нее и говорил только о куклах («Il ne parle que de poupées»), обращал больше внимания на других женщин, чем на нее. Поэтому, по мнению

Екатерины, следует обуздывать себя и не проявлять нежности, когда приходится быть с ним наедине («*bride en main s'il vous plait en fait de tendresse vis-à-vis de ce monsieur*»). Все последующее время Екатерина не отступала от этого правила, но она никому не открывала, что руководствовалась им. Твердое решение («*résolution ferme*») заключалось в том, чтобы никого не любить, если человек не отвечает ей взаимностью. Ее сердце всецело и безгранично принадлежало бы мужу, который любил бы только ее. Мужу, с которым она никогда не опасалась бы дурачеств, которые ей приходилось терпеть от Петра («*avec lequel je aurais point eu à appréhender les incartades que j'avais à encourir avec celui-ci*»). Она была уверена, что от мужа зависит любовь жены, если у нее доброе сердце и мягкий характер. Любезность и хорошие манеры завоюют ее сердце⁴⁶.

Мемуаристка дает понять, что никаких свидетельств современников на этот счет не может быть, потому что она свое решение тщательно скрывала от всех. Если же возникнут показания, свидетельствующие об обратном, то они будут следствием неосведомленности очевидцев. Таким образом, Екатерина сразу же предупреждала вопрос, который мог появиться у читателей ее мемуаров: почему она не пошла навстречу своему мужу и, видя индифферентность своего супруга, не взяла ситуацию в свои руки, не была с ним нежной? Оказывается, она стремилась застраховать себя от будущих несчастий. Поэтому на равнодушие мужа она отвечала той же монетой. Однако в построениях мемуаристки нетрудно увидеть явные нестыковки. Как согласовать утверждение Екатерины о полнейшем безразличии к ней ее супруга с тем, что он целовал письмо отца невесты, когда тот дал согласие на брак дочери, или с ее более ранним свидетельством о том, что она настолько понравилась Петру, что он не мог даже заснуть и говорил, что не хочет никого, кроме нее⁴⁷.

В первой редакции асексуальность Петра выводится из его ребячества, проявлением чего были его детские военные игры. Но тогда откуда мог взяться интерес этого юноши «ко всяким другим», к которым он проявлял больше внимания, чем к жене, например к молоденьким фрейлинам? Очевидно, Екатерина пишет заведомую неправду. Ей необходимо убедить читателя: она абсолютно невиновна в том, что их семейная жизнь не задалась, виноват только Петр.

Екатерина назвала еще одну причину, по которой в их семейной жизни образовалась трещина. Отто Брюммер, воспитатель Петра, вызвал Екатерину в Россию, она была ему благодарна за это. Весной

1746 г. его фавор был на исходе, и Брюммер просил у своей протекже поддерживать его акции в глазах императрицы. Петр ненавидел своего воспитателя «от всего сердца» и не любил, когда его жена вела с Брюммером «слишком заметные беседы» («il n'aimait pas même que j'eusse avec lui des entretiens trop marqués»)⁴⁸.

В «Автобиографической записке» отношения Екатерины с Брюммером представлены более драматично: они явились яблоком раздора для молодоженов. Согласно «Автобиографической записке», Петру нашептывали, что его жена любит Брюммера. Петр стал его ненавидеть. Елизавета Петровна хотела вменить в преступление Екатерине ее привязанность к шведскому королю, с которым поссорили великого князя. Но Петр не стал из-за этого хуже обращаться с женой. Тогда императрица сама заговорила с племянником о его жене. Петра убедили заставить жену отказаться от дружбы с Брюммером. Петр очень грубо заговорил об этом с женой и пересказал ей речи тетушки. Возмущенная Екатерина возразила мужу, что никакая сила не заставить ее пренебречь обязательствами, которые она имела перед этим человеком. Он был ей настоящим другом. Ни интриги, ни недовольство не заставят ее поступиться чувством чести. Петр придирался к супруге, но ее твердость от этого только увеличивалась⁴⁹.

Как видим, причина разлада политическая, а негодование великого князя отнюдь не свидетельствует о равнодушии Петра к супруге, скорее наоборот, речь идет о ревности.

Во время болезни Петра зимой и весной 1746 г. Екатерина интересовалась состоянием его здоровья в силу природной отзывчивости. Но она была очень застенчива и сдержанна по отношению к нему («J'avais beaucoup de timidité et de retenue vis-à-vis de lui»), впрочем, как и по отношению к Елизавете. Екатерине казалось, что муж, так же как и императрица, намерен напасть на нее («tomber sur le corps»)⁵⁰.

Для того чтобы показать различие характеров («à développer les caractères»), Екатерина поместила в текст такой анекдот. Елизавета часто обедала со своими конфидентами («ses plus intimes confidens»)⁵¹ в комнате, которая примыкала к покоям великого князя. Петру пришла в голову фантазия посмотреть, что происходит в этой комнате. Он сделал дырки в двери, но не удовольствовался тем, что смотрел сам. Петр хотел, чтобы все, кто его окружал, пользовались этими дырками («jouit de cette vue»). Супруга предупреждала его, что это принесет ему неприятности. Однажды Екатерина (благодаря своей уступчивости) была вовлечена в это действие, но более не желала повторять

этого. Муж лишь усмехнулся ее словам и призывал подсматривать даже камер-фрау М. Крузе (она увидела там графа Разумовского в домашнем халате). Этот эпизод, следов которого нет в «Автобиографической записке», был призван проиллюстрировать тезис о детской наивности мужа. Его действия подаются как неумная шалость ребенка. Весь анекдот должен был еще раз подчеркнуть, насколько Екатерина, в сущности тоже еще ребенок, была «выше» в своем развитии, чем ее супруг.

Далее рассказывается, как императрица отругала Петра за его нелепую выходку, но его жене не сказала ни слова. Императрица знала, что Екатерина отговаривала мужа совершать этот поступок. Из этой сцены читатель должен был заключить, что гнев Елизаветы, обрушившийся позже на великокняжескую чету, часто труднообъяснимый, был вызван дурачествами великого князя, не способного вести себя подобно взрослому. Именно потому, что Петр вел себя как ребенок и в качестве супруга, все «шишки» за несчастливую семейную жизнь сыпались на голову «несчастной» Екатерины. Ее обвинили в том, что она любит «другого» хотя имя этого «другого» старались не произносить.

Камер-юнкеру П.А. Девьеру императрица приказала следить за великокняжеской четой и тайно надзирать за поведением камер-лакея А.Г. Чернышева, который был любимцем великого князя. В мае 1746 г. Девьер стал свидетелем того, как Екатерина разговаривала 4–5 минут через полуоткрытую дверь своей комнаты с Андреем Чернышевым. На следующий день А. Чернышев вместе со своим двоюродными братьями, служившими при Малом дворе скороходами, был удален в Оренбург. День спустя в обер-гофмейстерины Екатерине назначили «самую злую и самую капризную женщину изо всего двора» М.С. Чоглокову. При первой встрече она передала великой княгине «комплимент» императрицы: «Вы очень упрямы». Что именно имела в виду Елизавета, девушка отгадать не могла. А на следующий день к ней пожаловала сама императрица. Она обвинила мать Екатерины в том, что та ввела ее в заблуждение, когда утверждала, что ее дочь выходит замуж «по склонности» («par inclination»). Елизавета Петровна прямо заявила, что она «отлично знает»: ее невестка любит «другого» («un autre»)⁵², но его имя не назвала. Об этом было сообщено великому князю. Екатерина хотела увидеть его реакцию: Петр, казалось, обиделся. Крузе сообщила ему, что Екатерина любит Петра Чернышева. Мемуаристка поклялась мужу, что это не так. Она была чрезвычайно

удивлена, что заподозрили Петра Чернышева, с которым она едва даже говорила, а не его двоюродного брата Андрея — признанного любимца великокняжеской четы. Именно его Петр постоянно посылал к жене, она всегда видела этого лакея в апартаментах мужа, где говорила с ним и они шутили. Екатерина была привязана («*affection-pais*») к нему, а еще в большей степени — сам Петр. Он был особенно дорог молодым супругам тем, что напаивал Крузе, и они могли скакать и прыгать («*sauter et gambader*») ⁵³ сколько угодно.

Анализируя, мемуаристка пришла к любопытному выводу, в справедливости которого она не сомневалась. Вся эта странная история разыгралась потому, что «в то время очень были заняты тем, чтобы поссорить меня с великим князем» ⁵⁴ («*l'on était fort occupé alors à brouiller le Gr. Duc et moi*») ⁵⁵. Подтверждение этому Екатерина видела в том, что через некоторое время Девьер, который следил за ними, без видимой цели однажды заявил, что он заметил склонность великого князя к девице Карр, фрейлине императрицы, а в другой раз поведал ей о его симпатии к девице Татищевой.

Мемуаристка старается убедить читателя в том, что полная асексуальность Петра явилась главной причиной семейного разлада. Но сумасбродная императрица виновницей этого объявила Екатерину. Девушка в целях самосохранения запретила себе любить мужа, а ее огульно обвинили в том, что она влюблена в другого. В результате выдуманного обвинения, в основании которого было неестественное поведение Петра, Екатерина подверглась притеснениям: ей запретили посещать уборную императрицы, и обращаться к Елизавете теперь она должна была не напрямую, а только через Чоглокову. Нелепость августейшего поведения заключалась еще и в том, что императрица ставила перед собой цель поссорить супругов, тогда как, напротив, нужно было укреплять их союз. Зачем императрица это делала, в первой редакции объяснение не дается. Видимо, читатель, уже насыщенный о взбалмошных капризах Елизаветы, не должен был удивляться отсутствию логики в действиях императрицы.

Однако в таком построении мемуаристики были слабые места. Чтобы выстроить такую схему событий, ей пришлось пойти на некоторые отступления от образа совершенно равнодушного к ней Петра, который до этого она старательно создавала. Не может не вызвать удивления то, как Петр, смутившись от вопроса жены, неожиданно произносит: «Мне хотелось бы, чтобы вы любили меня так, как любите Чернышева» («*Je voudrais que vous m'aimiez autant que vous aimez*

Czernischew»)»⁵⁶. Эта фраза звучит странно в устах человека, который даже не догадывался о необходимости использовать «le language de la tendresse» («язык нежности»), не проявлял ни малейшего желания стать любимым своей женой. Не менее неожиданно выглядит и другая реплика великого князя. Когда Петр услышал, что его жена влюблена в Петра Чернышева, великий князь доверительно заметил: «Откровенно скажу вам, что мне трудно было этому поверить и что меня тут сердило, так это то, что вы не доверили мне, что имели склонность к другому, чем я»⁵⁷ («Je vous dirai sincèrement, que j'ai eue de la peine à croire cela et que ce qui me fachait en cela, c'est que vous ne me'eussiez pas confié que vous aviez de l'inclination un autre que moi»⁵⁸). Такая фраза предполагает иную систему отношений между супругами, нежели та, которая, по словам мемуаристки, у них сложилась. Если Петр считал невероятным то, что его жена не была с ним настолько откровенна, чтобы сказать, что увлечена другим, следовательно, в их семье царили доверие друг к другу и безграничная откровенность. Очевидно, мемуаристка чувствовала, что этот диалог находится в некотором противоречии с тем, что она прежде рисовала черными красками, но отказаться от него не могла. Этот диалог был ей необходим, чтобы подвести читателя к мысли о полной нелепости затеи императрицы. Поэтому реплику супруга она поспешила окрестить «чрезвычайно странной», то есть редкой и необычной («fort singulier»)»⁵⁹.

Но можно ли верить мемуаристке? Ответ дает сравнение описания этого эпизода в первой редакции с сюжетом в «Автобиографической записке». Здесь все рассказано по-другому. Один из камердинеров (подразумевается Андрей Чернышев) часто приносил вино Крузе и выпивал с нею. В это время он выпытывал у Крузе все, что она замышляет против великокняжеской четы, старался выяснить планы императрицы на этот счет, затем сообщал Екатерине. Но поскольку, чтобы не возбудить подозрений, делать это он мог только в комнатах великого князя, Екатерина была вынуждена часто там появляться. Три-четыре раза Крузе застала их во время разговора и, приревновав Чернышева к великой княгине, выдумала историю о том, что жена наследника влюблена в камер-лакея. Поскольку Крузе напивалась каждый вечер и у нее проявлялись приступы благосклонности к своей подопечной, во главе двора великой княгини поставили М.С. Чоглокову. Разгневанная императрица устроила невестке разнос. Она заявила, что ей хорошо известны все «плутовские проделки и хитрости»⁶⁰ Екатерины. Так обычно переводят слова Елизаветы. Но «mes tours fourbes

et mes finesses» имеет более конкретный смысл. Императрице известно о челночных заходах невестки в комнаты мужа, которые делаются вовсе не для того, чтобы увидиться с супругом. Когда Екатерина ходит на половину мужа, то она делает это из-за его камердинеров. Именно она виновата в том, что ее брак все еще не завершен («mon mariage n'était pas encore consommé»⁶¹). Причем «consommé» может означать в этом контексте и потерю девственности, и рождение ребенка. Императрица заявила, что если Екатерина не любит великого князя, то Елизавета не виновата в этом, ибо она не выдавала ее замуж против воли.

Однако, помимо сексуально-лирического подтекста этой эскапеды, в обвинениях Елизаветы явственно звучали политические нотки. Государыня обвиняла невестку в том, что она действует согласно инструкциям своей матери и изменяет ей, российской императрице, ради прусского короля. Елизавету настраивал против невестки главный недоброжелатель Екатерины — канцлер А.П. Бестужев. Именно он обвинял великую княгиню в симпатиях к Швеции и Пруссии. Понятны становятся и «санкции» против Екатерины: запрет писать родителям, посещать уборную императрицы, приказание обращаться к Елизавете только через посредство Чоглоковой, стремление обергофмейстерины пресечь все контакты жены Петра с придворными, попытки полностью ее изолировать⁶². По наветам Бестужева Елизавета постоянно ссорила Екатерину с Петром, так что вновь поставленному во главе двора великому князю В.Н. Репнину приходилось мирить супругов.

Эпизод с разномом Екатерина в «Автобиографической записке» объяснила следующим образом: «Вся эта сцена была только для того, чтобы запугать или держать меня в страхе»⁶³ («Toute cette scène n'était que pour me faire ou tenir en peur»)⁶⁴.

На самом деле Екатерина прекрасно знала, за что ее преследовали. Ни о какой «любви» к камер-лакею речь не шла. Когда Петра Чернышева допрашивали в Тайной канцелярии, ни одного вопроса на амурную тему ему не было задано. В следственных материалах нет ни малейшего намека на то, что кто-либо подозревал великую княгиню в симпатиях к красивому слуге. Братья Чернышевы были высланы, потому что камер-лакей Андрей нарушил строжайший запрет императрицы передавать конфиденциальные сведения Малому двору. Екатерина и А. Чернышев были пойманы с поличным и подверглись репрессиям. Чернышева с двоюродными братьями выслали из столи-

цы, а Екатерине запретили писать родителям и посещать убожную Елизаветы. Странная «кара» за «амур» с лакеем, но вполне оправданное наказание за сбор секретной информации⁶⁵.

Как мы видели, в «Автобиографической записке» не упоминаются детские военные игры Петра, а сам он «страстно любит» Екатерину, ни слова не говорится об инфантилизме мужа. Поэтому конфликт в императорском семействе нельзя объяснить так, как это делается в первой редакции мемуаров, — что великий князь отставал в своем развитии. Это вовсе не значит, что «Автобиографической записке» можно больше верить, нежели первой редакции мемуаров. Однако при анализе образа Петра следует столь же мало доверять и автору первой редакции, изобразившему великого князя асексуальным мальчиком, ребячество которого повлекло за собой притеснения Малого двора и прежде всего Екатерины. Необходимо иметь в виду, что созданный коварным пером мемуаристки образ неразвившегося мальчика представляет собой смыслообразующий стержень, вокруг которого выстроены сюжетные коллизии этого текста. Но к реальному Петру Федоровичу этот образ не имеет отношения. На протяжении всего текста первой редакции Екатерина развивает главную мысль: ребячество Петра, его игра в военные действия являлись оборотной стороной ее страданий.

Летом 1746 г. в Петергофе «великий князь снова свел в полк всех своих кавалеров и лакеев и устроил под окнами кордегардию, полутайком, полукрыто»⁶⁶ («Le Gr. Duc de nouveau enregimeta tous ses cavaliers et ses valets, et etablit sous ses fenêtres un corps de garde, moitié furtif, moitié public»⁶⁷). Когда Елизавета разрешила ему поехать в Ораниенбаум, «как только он там очутился — все стало военным; он с кавалерами весь день проводил в кордегардии или в других военных упражнениях». Екатерина же была вынуждена скучать в одиночестве⁶⁸, жизнь ее «стала невыносимой». Ей приходилось вести «ненавистный образ жизни». Романы разжигали ее воображение. Но она и без этого была достаточно жива («assés vive»), и эта живость («vivacité») усиливалась из-за ненавистной жизни, которую ее заставляли вести. Она постоянно была предоставлена сама себе, скуке и подозрениям, которые ее окружали. Врач, лечивший Екатерину от головных болей и бессонницы, был осведомлен о той жизни, которую ее заставляли вести, и об обстоятельствах ее отношения к мужу⁶⁹ («les circonstance dans les quelles je me trouvais tant vis-à-vis mon époux»)⁷⁰.

К отрицательным чертам своего мужа Екатерина относила то, что он был «крайне болтлив»⁷¹ («d'une indiscretion extrême»)⁷². Поэтому от него приходилось скрывать все, что могло повредить великокняжеской чете⁷³. В этом смысле Екатерина представляла собой полную противоположность мужу. Еще хуже выглядело то, что, когда Екатерину бранили, Петр покидал ее или часто сам начинал бранить⁷⁴.

Екатерина обстоятельно описала, как изменился Малый двор после того, как во главе его Елизавета поставила Н.Н. Чоглокова. Режим содержания Петра Федоровича ужесточился. От наследника удаляли преданных ему людей из обслуживающего персонала: некоторых отсылали в Голштинию, а иных заключали в крепость. Мемуаристка утверждала, что якобы не знает истинную причину этих «репрессий», но полагает, что она заключалась в «болтливости» или «легкомыслии в речах» великого князя⁷⁵ («ce furent ses indiscretion-là ou quelques propos inconsiderés pareils»⁷⁶). По словам Екатерины, ее муж «был труслив сердцем и слаб головою, вместе с тем он обладал пронизательностью, но вовсе не рассудительностью; он был очень скрытен, когда, по его мнению, это было нужно, и вместе с тем чрезвычайно болтлив, до того, что если он брался смолчать на словах, то можно было быть уверенным, что он выдаст это жестом, выражением лица, видом или косвенно»⁷⁷.

Иными словами, Петр (благодаря своим личным качествам) был сам во всем виноват. Но не только он страдал от этого, но и заставлял страдать жену, даже не подозревая, что является источником мучений супруги. Будучи разлучен со всеми, кого подозревали в привязанности к нему, Петр не имел рядом никого, кто мог бы облегчить его печаль, поэтому он обращался к жене: с ней он мог быть вполне откровенным, она понимала тяжесть его положения. Петр вызывал у Екатерины жалость. Но Петр сильно злоупотреблял ее состраданием. Во время его посещений она очень уставала, потому что в течение нескольких часов он ходил с ней по комнатам, ни разу не присев. Помимо усталости, Петр вызывал у нее скуку. Он говорил с ней «о подробностях по военной части» («de détails militaires»)⁷⁸. Что же касается Екатерины, то она не давала ему возможности заметить, что изнемогала от скуки и усталости. Она знала, что в то время это было для него единственным развлечением («l'unique amusement»)⁷⁹. Но он об этом даже не догадывался⁸⁰. То есть он развлекался, а она из милосердия терпела!

Подлинной причиной этих репрессий было создание при Малом дворе так называемого «полка его высочества», «комнатной гвардии»

Петра III. Дело в том, что в покоях великого князя было создано особое подразделение, члены которого обучали Петра военным приемам. Причем в созданном подразделении великий князь не был командиром. Он не учил, а учился военному ремеслу. Этот «полк», составленный из комнатных служителей, носил особые мундиры с офицерскими знаками, имел военную амуницию. Следствие, которое велось по поводу «комнатной гвардии» Петра III в Тайной канцелярии в 1746–1747 гг.⁸¹, а потом было возобновлено в 1754–1755 гг., выявило ряд поразительных фактов. Закупка военного снаряжения — саблей, ружей, касок, гренадерских шапок, супервестов — и пошив особых мундиров со специфическими знаками различий требовали денежных средств. Следствие столкнулось с любопытнейшим фактом: деньги на вооружение брались в долг у С.Г. Строганова, а посредником в этой операции выступала великая княгиня Екатерина⁸². Очевидно, военные экзерциции мужа она считала полезными, по всей видимости, они не только поощрялись ею, но она сама по мере возможности принимала в них участие. Не любя охоту, Екатерина постоянно стреляла в уток и упражнялась в верховой езде (ездил по-мужски, в мужском костюме, на мужском седле). Созданная полулегально, собственная военная единица наследника могла бы быть успешно использована либо для охраны великого князя, либо для каких-либо наступательных действий. И Петр, и Екатерина понимали, что для сохранения великого князя в качестве наследника необходимо располагать хотя бы минимумом военной силы. Без нее не обойтись в том случае, если Елизавета или ее окружение захотят переменить престолонаследие в пользу другого претендента. Военная страсть Петра поощрялась Екатериной, которая понимала значение военной силы, особенно если наследственные права пришлось бы защищать или отстаивать с оружием в руках. В этом она не хотела признаваться, когда писала свои мемуары, и открещивалась от «комнатной гвардии», представляя мужа нелепым солдафоном и подчеркивая различия их характеров⁸³.

Мемуаристка старается как можно ярче продемонстрировать это различие. Она любила чтение, как и Петр. Но он читал рассказы о разбойниках на больших дорогах или романы, которые были не в ее вкусе. Затем следует кардинальный вывод: «Никогда умы не были менее сходны, чем наши; не было ничего общего между нашими вкусами, и наш образ мыслей, и наши взгляды на вещи были до того различны, что мы никогда ни в чем не были согласны, если бы я часто не прибегала к уступчивости, чтобы его не задевать прямо». Однако в отдель-

ные моменты Петр слушался свою жену, как правило, когда он находился в отчаянии (что было довольно часто, потому что Петр был труслив и не очень умен⁸⁴).

Приговор суровый и несправедливый. Сохранился каталог библиотеки Петра Федоровича, который свидетельствует, что круг чтения великого князя был совершенно иной, его читательские интересы были значительно шире⁸⁵. Мемуаристка намеренно свела их к рассказам о разбойниках и дешевым романам, чтобы показать умственное убожество своего мужа. Это давало возможность поставить себя значительно выше его и подчеркнуть свою непричастность ко всему, что он делал. Между тем откровенные беседы, которые Петр вел с Екатериной весной 1747 г., имели место именно в то время, когда в Тайной экспедиции допрашивали и пытали людей из ближайшего окружения великого князя, в том числе Андрея Чернышева, контакты которого с великой княгиней повлекли за собой высылку, а потом и арест слуг Петра, принимавших участие в деятельности его «комнатной гвардии»⁸⁶. Поскольку их расспрашивали о тех военных занятиях, которые с таким сарказмом впоследствии описала мемуаристка, то «милитаристские» беседы мужа не могли не касаться и положения жены. Но именно это обстоятельство тщетно пыталась скрыть мемуаристка, всеми правдами и неправдами дистанцируясь от них.

Весной 1747 г., когда двор переехал в Летний дворец, «я все более и более старалась сохранить расположение и доверие, — пишет Екатерина, — которые оказывал мне великий князь, и когда он не бывал в моей комнате, я шла к нему со своей книгой и читала в то время, как он пиликал на скрипке»⁸⁷ («je cultivais de plus en plus l'affection et la confiance que le Grand Duc me marquait, et lorsqu'il n'était point dans ma chambre, j'allais dans la sienne avec mon livre et le lisais tandis qu'il raclait du violon»)⁸⁸. Более того, Екатерина, чтобы сохранить доверие мужа, позволяла ему предаваться любимому занятию.

После назначения Н.Н. Чоглокова милость Крузе по отношению к великокняжеской чете увеличилась: «Она доставляла великому князю, — писала Екатерина, — столько детских игрушек, сколько ему было угодно; он их любил до безумия» («Des jouets d'enfants tant qu'il voulut; il les aimait à la folie»). Но так как он не посмел бы воспользоваться ими в своей комнате, не подвергаясь расспросам Чоглокова, великий князь был принужден играть в куклы лишь в постели («ne joue avec ses poupées qu'au lit»). «Отужинав, он раздевался и приходил в мою комнату, ложился; я вынуждена была делать то же самое, чтобы

мои горничные удалялись и чтобы можно было запереть двери; тогда Крузе, которая спала рядом с моей комнатой, приносила ему столько кукол и игрушек («tant de poupées et de jouets»), что вся постель ими была покрыта. Я позволяла им делать это, однако иногда меня немного бранили за то, что я не проявляла достаточного интереса к этой приятной забаве («Je les laissais faire, cependant quelquefois j'étais un peu grondé de ce que je ne prenais pas assez d'intérêt à cet agréable amusement»⁸⁹), которая охотно продолжалась с десяти часов до полуночи или до часу»⁹⁰. Чтобы правильно оценить эту сцену, надо иметь в виду, что именно мемуаристка называет их «игрушками». По свидетельству одного из наставников великого князя Я. Штелина, «игрушки» — это оловянные солдаты и манекены⁹¹.

По словам Екатерины, она делала это, чтобы смягчить огорчения мужа, вызванные удалением от него близких ему людей: вначале любимца А. Чернышева, потом любимых камердинеров и лакеев, затем членов Малого двора П. Девьера и А. Вильбоа, преступления которых заключались лишь в том, что они были заподозрены в преданности великому князю и его жене.

Примечательно, что военные экзерциции также подаются как ребячество: «agréable amusement», то есть приятное развлечение, игра в «poupées et jouets», в куклы, забавы с игрушками. Степень самопожертвования Екатерины такова, что она не только позволяет играть в своей спальне, но и сама принимает участие в играх. Показательно и указание на кровать как место действия, где разворачиваются «военные игры», и на время — до часу ночи (вместо того чтобы avoir «en ensemble le langage de la tendresse»). Однако, несмотря на саркастический подтекст описанной сцены, она не оставляет сомнений в том, что Екатерина позволяла производить военные упражнения мужа в собственной комнате и не только не препятствовала им (а ведь они разрушали ее семейное счастье), но и сама принимала в них участие⁹².

Ее «самопожертвование» дошло до того, что она, чтобы не потерять расположения мужа, позволила заменить собой тех «военных» из великокняжеской обслуги, которые были изгнаны из Малого двора. Когда летом 1747 г. двор переехал в Петергоф, великий князь не смел больше составлять полки из окружавших его людей («enrégimenter son monde»). Он забавлялся тем, что обучал Екатерину военным упражнениям («il s'amusa... à m'apprendre l'exercice militaire»). Благодаря его заботам мемуаристка, даже когда составляла свои «Записки», могла исполнять все ружейные приемы с точностью самого опытного грена-

дере. Он также ставил жену в караул на несколько часов с мушкетом на плече возле двери между своей и ее комнатами. Когда он позволял («il m''était permis»)⁹³ ей покинуть пост, она предавалась чтению.

Вновь военное обучение подается как забава, своеобразное развлечение великого князя — «il s'amusa». Подчеркивается и семейная иерархия: он ставил в караул («il me mettait»), снимал с караула («il m''était permis»). Муж командует, жена подчиняется. Но подчеркивается, что она делает это вопреки своим желаниям. Супруги противопоставляются: он забавляется детским солдафонством, она читает серьезные книги (письма госпожи Севинье, произведения Вольтера).

Куклы и игрушки, с которыми самозабвенно развлекался великий князь, повлекли за собой новые притеснения, которые выглядели так же нелепо, как и предыдущие. По возвращении в город летом 1747 г. игра Петра и Крузе в постели Екатерины возобновилась. В один из дней, когда игра была в самом разгаре, в дверь, закрытую на ключ, постучала Чоглокова. Крузе дрожала от страха («l'article des jouets»). Крузе пошла к двери, а Екатерина с мужем стали прятать игрушки под одеяло. Поймать с поличным играющих Чоглоковой не удалось. По всей видимости, Чоглокова что-то узнала об игрушках («elle avait eu vent des jouets») и искала подтверждения, но не нашла. Тем не менее несколько дней спустя один из камер-интендантов («maître d'hôtel») Крамер, большой друг Крузе, блюда которого нравились великому князю, был удален из двора без видимой причины («sans rimes ni raison»)⁹⁴. Это очень огорчило Петра и Екатерину⁹⁵. Заметим, в этой ситуации Екатерина вновь спасает мужа, но страдает из-за его ребячества. В силу сложившихся обстоятельств оба супруга стали неразлучными («étion devenu inséparable par nécessité»). На самом же деле Крамер был удален потому, что следствие по поводу «комнатной гвардии» установило, что этот камер-интендант Петра отвечал за обмундирование неформальной военной единицы великого князя.

Екатерине казалось, что императрица вечно была ею недовольна («Il me semblaît qu'elle me boudait toujours»⁹⁶). Великая княгиня старалась соблюдать уважение и должное повиновение Ее Величеству во всем, что касалось лично ее («en mon particulier»). Великий князь был менее сговорчив («en peu moins traitable»), хотя тогда он был еще послушен, но делал это нехотя. «Его ребячество и болтливость» («ses enfances et ses indiscretions») причиняли ему много вреда и лишали его уважения людей. Екатерина осмелилась откровенно поговорить об этом с мужем. Но Петру это не понравилось. Он заявил, что ему

не нужны ее наставления, как и наставления других. Может быть, она неудачно высказалась («aussi grandes verités») ⁹⁷, но ему вбили в голову, что жена не может управлять мужем. Петр прислушивался к ее советам только в случае крайней необходимости или когда находился в беде.

Другими словами, как бы ни старалась мемуаристка отвлечь беды, которые на них обрушились, все было бесполезно. Если бы все зависело только от нее, дела пошли бы по-другому. Будь она на его месте, с ней бы не позволили обращаться, как с ним. С одной стороны, она научилась бы не давать поводов для этого, с другой — отвечала бы с большей последовательностью и твердостью, нежели он ⁹⁸.

Получается, что во всем виноват Петр: он не гибок, не уступчив и в то же время мягкотел. К портрету мужа, и без того отталкивающему, Екатерина добавила еще одну негативную черту — вульгарные манеры. По словам мемуаристки, постоянно вращаясь в обществе лакеев и не имея лучшей компании, Петр привык к грубым и пошлым выражениям. В хорошем обществе, даже если такие выражения употребляли в шутку, они считались бы грубыми ругательствами. Во время обеда в Царском Селе в присутствии свиты императрицы Петр в шутку назвал генерала А.Б. Бутурлина «сукиным сыном». Екатерина покраснела от стыда. Она понимала, что эта грубая выходка вызовет пересуды при дворе. Бутурлин пожаловался Елизавете. Императрица приказала придворным больше не ходить обедать к великому князю, а Петру она заявила, что он не умеет себя вести и поэтому они не будут к нему ходить. Хотя и Екатерине, и Петру нравилось принимать у себя свиту императрицы, «великий князь от радости все испортил» ⁹⁹ («Le Grand Duc par trop de gaité gâta tout» ¹⁰⁰). Вывод мемуаристки состоял в следующем: Петр должен был в большей степени вызывать жалость, а не злопамятство. Это был легкомысленный поступок молодого человека, опьяневшего от радости. Человека, вынужденного обретаться в дурной компании, в которой его тетушка и ее приспешники держали его взаперти ¹⁰¹.

Нелепым ребячеством выглядели и его ухаживания за другими женщинами. Весной 1749 г. в подмосковном Покровском Петр и Екатерина обедали у императрицы. За столом находилась и вдова камергера И.А. Долгорукова, фаворита Петра II. Во время обеда великий князь напился, а после завел пьяные разговоры с Н.Б. Долгоруковой. Он не называл ее иначе, как прекрасная вдова («la belle veuve»), увидался около нее и ухаживал за ней. Эта привязанность продолжалась в течение всего пребывания в Москве, но она не шла далее взглядов

и речей. Вдова «обращалась с ним как с ребенком» («elle le traitait en enfant») ¹⁰². Кроме нелепых детских амуров, Петр тогда же оскандалился: опьянел настолько, что его качало из стороны в сторону, а вокруг огромная толпа смотрела на это. Екатерина ехала в карете. Ей было стыдно за мужа, но она была не в состоянии исправить ситуацию ¹⁰³.

И вновь противопоставление. У Петра роль ведомого, Екатерина — заботливая нянька этого мальчишки. Она старается вести его по верному пути; когда она не может вмешаться или повлиять на него, Петр постоянно попадает впросак. В конце июня 1749 г. в Троицком монастыре в Петров день Петр решил развлечься («se divertir») ¹⁰⁴. Он устроил бал, но поскольку не было ни танцоров, ни музыкантов, он сам играл на скрипке, а горничные Екатерины и лакеи Петра танцевали. Этот бал крайне утомил Екатерину, она взяла в руки книгу и стала читать в уголке. Петр был навеселе, поэтому он не стал ей мешать, в противном случае ей было бы не избежать брани ¹⁰⁵. Пьяный бездельник развлекается с лакеями, для нее же такое времяпрепровождение неприемлемо, она предпочитает интеллектуальные занятия. Праздный же Петр ругал бы ее за такой выбор, если бы не был навеселе. Не маловажно, что это пьяное веселье происходит в монастыре, да еще в день св. апостолов Петра и Павла. Так что уклонение Екатерины от участия в этом непотребстве это поступок христианский.

В сентябре 1749 г. во время обеда в Тайницком фельдмаршал А.Б. Бутурлин напоил великого князя до такой степени, что вино вызвало у него судороги, гримасы и кривляния («toutes sortes de contorsions, de grimaces et de simagrées») ¹⁰⁶, столь же смешные, сколь и неприятные. Это не нравилось императрице. Поскольку тогда Екатерина принимала искреннее участие во всем, что касалось ее мужа, слезы хлынули из ее глаз из-за непристойности, с которой он вел себя за столом. Сидевшая рядом с Екатериной М.Е. Шувалова, оценившая по достоинству поведение жены Петра, обратила внимание императрицы на это обстоятельство. Елизавета быстро встала из-за стола, а Петр отправился на охоту, несмотря на то что был пьян ¹⁰⁷. Акценты, здесь расставлены, как и прежде: Петр куролесит, Екатерина из-за выходок мужа страдает, рада бы помочь ему, но не может.

К отрицательным чертам образа Петра следует также отнести и то, что великий князь постоянно дулся на жену. В качестве примера меуаристка приводит такой факт. Екатерина в разговоре с фавориткой императрицы М.Е. Шуваловой признала, что великокняжеской чете

было известно о болезни Елизаветы. В конечном счете Екатерина предстала в выигрышном свете перед царицей в связи с тем, что беспокоилась о ее здоровье. Но когда Петр узнал об этом, он стал бранить жену и дулся на нее несколько дней. Впрочем, это была обычная манера его поведения: он дулся из-за всякого пустяка («chose à laquelle il était naturellement fort enclin et qu'il pratiquait toujours pour la moindre bagatelle»¹⁰⁸).

Создается впечатление, что каждый эпизод, рассказанный мемуаристкой, вводится в текст только для того, чтобы показать еще одну негативную черту Петра и с ее помощью обличить великого князя. Неприглядно выглядит Петр Федорович в описании игры с женой в ломбер. Эта игра не приносила Екатерине удовольствия, потому что она всегда оказывалась перед выбором: или проиграть, или быть обруганной. Она играла лучше, чем Петр, более осторожно. Но иногда ей приходилось проигрывать, чтобы избежать ругательств, которыми сопровождался каждый ее выигрыш¹⁰⁹.

Петр подается как жертва деспотичной и недалекой императрицы. Но и сам он недалеко ушел от своей тетушки. В конце июня 1748 г. Петр устроил встряску жене за то, что она заснула на канаве после обеда. Он считал большим преступлением «спать после обеда или поздно вставать». Петр терпеть не мог этот придворный обычай, введенный ленью, праздностью и безделием. Хотя сам великий князь после обеда не спал, но пребывал в безделье в течение целого дня¹¹⁰. Иначе говоря, супруг Екатерины был лицемерен и бездеятелен. Возникает вопрос: можно ли назвать праздным человека, который самозабвенно муштрует своих «солдат»? Можно, в том случае, если в этой «муштре» не видеть ничего серьезного, рассматривать это занятие как пустое развлечение.

Описание того, как Петр бранил жену («il me gronda d'importance»)¹¹¹, понадобилось мемуаристке для того, чтобы осудить супруга устами императрицы. Когда Елизавета увидела красные от слез глаза невестки и узнала, в чем дело, она вынесла вердикт: «Великий князь упрям и капризен» («Grand Duc était entêté et capricieux»)¹¹².

Между делом сообщается, что во время религиозных праздников, которые требовали ночного бдения и присутствия в церкви, «великий князь обыкновенно прикидывался, что ему именно в этот день нездоровится»¹¹³ («Le Gr. Duc feignait ordinairement une indisposition ce jour-là»¹¹⁴). Удручающее впечатление производит эпизод, в котором рассказывается, как Петр нарушал посты. Малому двору в этот период

разрешали есть только грибы и рыбу. У Петра же всегда был хороший аппетит, он чувствовал себя очень голодным, хотя с помощью лакеев в течение всего поста тайком ел мясо. При этом лакеи, принося мясо в кармане, сильно рисковали¹¹⁵. Разумеется, его супруга вела себя как истинная христианка, то есть противоположным образом: и посты соблюдала, и церковь посещала. Нередко рисковала своим здоровьем, чтобы соблюсти все формальности, предписанные религиозным ритуалом.

Но этот «деспот в быту» был еще более опасен, когда дело касалось Отечества и веры. Летом 1748 г. Крузе сменила П.Н. Владиславова. Петр сожалел об этом больше, чем Екатерина, потому что камер-фрау доставляла ему игрушки. К Владиславовой великий князь питал предубеждение, прежде всего потому, что она была русской, в то время как Крузе происходила из Голштинии. Так вводится одно из главных обвинений против Петра: он был русофобом. По словам мемуаристки, ее супруг питал необычную страсть («*passion extraordinaire*») «к этому клочку земли», Голштинии. Там он родился, но покинул родную землю в возрасте двенадцати-тринадцати лет. Петр постоянно говорил о ней, и его воображение распалялось. Он называл эту страну восхитительной. Поскольку никто из слушавших его не бывал там, он рассказывал о ней небывалые вещи («*des contes à dormir debout*»¹¹⁶) и сердился, когда ему не верили. Страсть к этому клочку земли сделала из него отъявленного лгуна. Екатерина пыталась этому противостоять, как могла, но успеха не имела. Буквально на ее глазах развилась эта постыдная и вредная склонность. Чем старше он становился, тем с большим озлоблением выслушивал противоречия, раздражался. В конце концов его ослепление дошло до такой степени, что в глубине души он убедил себя в том, что его измышления — непререкаемая истина. Кроме того, у Петра была отличная память. Он рассказывал много раз одну и ту же историю, каждый раз точно воспроизводя то, что уже говорил, но добавлял новые эпизоды, которых ранее не было¹¹⁷.

Примечателен эпизод, в котором рассказывается о симпатиях Петра к Е.И. Бирон, принцессе Курляндской. Во время игры в трисет великий князь играл с принцессой, и у него пробудился интерес к этой девушке («*се jeu lui donna du goût pour elle*»). Главное ее достоинство, в его глазах, заключалось в том, что она ощущала себя дочерью родителей, которые не были русскими («*elle se trouvait née de parens qui n'étaient pas Russes*»). С этого времени Петр стал чувствовать сильнее-

шее расположение («une très grande prédilection») ко всем иностранцам и питать отвращение («aversion») ко всему, что было русским или стремилось стать таковым («ce qui était russe ou tenait à la russe»). Кроме того, что принцесса была иностранкой, она имела в глазах великого князя еще одну ценность: она охотно говорила по-немецки. Этого было достаточно, чтобы Петр «загорелся» («tout en feu») ¹¹⁸. И это несмотря на то, что принцесса курляндская была некрасива, кривобока и горбата ¹¹⁹.

Следует отметить, что в этом полном неприкрытого сарказма описании мемуаристка употребляет титул Петра «Son Altesse Impériale», то есть «его императорское высочество», рассказывая об отвращении ее мужа ко всему русскому. Употребление этого титула в рассказе о любовной истории должно было заставить задуматься читателя: перед ним будущий российский император — и он ненавидит все русское!

Кроме этого, у Петра была еще одна особенность, неприемлемая для русского православного человека. Петр невзлюбил Владиславову потому, что она была набожной, а он терпеть не мог набожности. «Но его высочество, — формулирует свой приговор Екатерина, — никоим образом не был к ней привязан («mais Son Altesse Impérial n'y était aucunement attachée»). Напротив, он воображал, что держится лютеранской веры, в которой был воспитан. Но в глубине души не имел никакой» («il ne tenait à rien») ¹²⁰. У него не было никакого понятия ни о догмах христианской церкви, ни о морали. Петр был атеистом, каких мемуаристка в своей жизни никогда не встречала. При этом он боялся черта и Бога, но чаще всего презирал и того, и другого в зависимости от того, представлялся ли к этому случай или его захватывало минутное настроение ¹²¹.

Ярчайшая характеристика! Но к лицу ли она малому дитя, играющему в куклы? Это скорее портрет взрослого человека со сложившимися жизненными максимами, зрелого вольтерьянца. Приведенный фрагмент более характеризует мемуаристку, ее приемы подачи материала, убеждения читателя. Важнейшие характеристики личности Петра представлены как бы между делом, в рассказе о самом главном. Очевидно, мемуаристка не просто описывала эпизоды своей жизни в хронологической последовательности, а тщательно отыскивала приемы морального уничтожения свергнутого мужа. Но так, чтобы эта цель не была прямолинейно заявлена, чтобы дискредитация выглядела естественно и правдоподобно.

Этот атеист был, оказывается, эгоистом, бездельником. Это особенно ярко проявилось во время их пребывания в Москве зимой 1749 г. Там Петра и Екатерину разместили в покоях, которые представляли собой длинный ряд комнат с общим выходом. Так что ни один из супругов не мог двинуться, не доставив неудобства другому. У мужа Екатерины были только два занятия: одно из них — «пилить на скрипке», другое — дрессировать пуделей для охоты. С семи утра до поздней ночи Екатерина слушала нестройные звуки, которые супруг извлекал с чудовищной силой («avec une force extrême») ¹²² из своей скрипки, либо вой и ужасный скулеж пяти-шести собак, которых он нещадно лупил в оставшееся время. Екатерина была измучена и страдала от той и другой «музыки». И чем же занималась эта несчастная? Она читала серьезные книги. Контраст налицо: муж, упрекающий жену в безделье и предающийся нелепым и жестоким занятиям, и жена, читающая серьезнейшие книги.

Этот «садист» оказался еще и трусом. В Москве Елизавета серьезно заболела. От Петра и Екатерины болезнь императрицы тщательно скрывали, а их самих не выпускали из комнат. «Великий князь в особенности, как всегда трусливый, не знал, какому святому поклониться» ¹²³. Жена же являла полную противоположность ему. Она вдохнула в него мужество, просила быть веселым и спокойным. Именно она предложила мужу план действий на случай кончины Елизаветы. Екатерина уверяла, что откроет двери запертому в своих покоях Петру. В крайнем случае он сможет выпрыгнуть в окно. Великая княгиня назвала ему имена военных, на которых он может рассчитывать. Сказанного оказалось достаточно, чтобы Петр успокоился и вернулся к своим собакам и скрипке («le porta à s'en tenir à ses chiens et son violon») ¹²⁴. Откуда у жены наследника, занимавшейся только нарядами, украшениями, танцами, а также чтением серьезных книг, такие связи с офицерами (один из них командует полком, другие служат в лейб-компани)?

В ноябре 1749 г., когда Екатерина лежала в постели с сильной лихорадочной и зубной болью, супруг не желал отказываться от своих любимых развлечений («amusemens dont il n'aurait pas démordu») — скрипки и собак, даже если бы супруга умерла от этого («si même il avait pu supposer que j'en réferais»). Когда Екатерина с сильнейшей зубной болью ехала из Москвы в одних санях с мужем, он с трудом согласился на то, чтобы жена опустила перед собой маленькую тонкую занавеску из тафты, которая защищала ее от порывов ветра: Петр

не выносил, чтобы закрывали сани («il ne souffrait point quelques tems qu'il fit qu'on couvrit ce traîneau») ¹²⁵. Екатерина в трагических тонах описала последствия этой поездки, закончившейся операцией по удалению зуба. Даже Елизавета прослезилась при виде страданий невестки. Но Петр, когда жене стало легче, после того как ей удалили кусок челюстной кости, на первой же прогулке «и не подумал даже закрыть сани, хотя было очень холодно» («mais jamais le Grand Duc ne pensa pas même à fermer son traîneau») ¹²⁶.

Однако когда читаешь новеллу о вырванном зубе, невольно закрадывается подозрение: не для того ли здесь описаны душераздирающие подробности, чтобы вызвать у читателя жалость и дать ему почувствовать всю глубину низости мужа Екатерины. Между тем весь этот horror — не что иное, как выдумка. Даже в старости у Екатерины были целы все зубы. Правда, «одного верхнего зуба не доставало» ¹²⁷, как засвидетельствовал ее кабинет-секретарь А.М. Грибовский. Однако из описания мемуаристки нетрудно заключить, что хирург Гюйон удалил ей нижний зуб. И в Записках Екатерины есть подтверждение тому, что был удален именно нижний зуб. Мемуаристка пишет, что после прогулки по городу в открытых санях она почти месяц не могла выйти из своей комнаты, «ибо правая челюсть и подбородок внизу совершенно посинели» ¹²⁸ («car la mâchoire droite et le bas du menton m'étaient bleus et mertris») ¹²⁹.

Совершенно возмутителен эпизод, в котором рассказывается, как супруг «ухаживал» за принцессой Курляндской. В марте 1750 г. во время пребывания двора в Царском Селе Екатерина во время ужина, почувствовав сильную головную боль, вышла из-за стола и отправилась в постель. В этот вечер Петр ухаживал за принцессой Курляндской более обыкновенного («avait courtoisé plus que de coutume») ¹³⁰. Это было замечено Владиславовой. Когда Екатерина собиралась отойти ко сну, Владиславова, видя, что ей нездоровится, приписала недомогание Екатерины ревности к принцессе. Она осуждала Бирон, ругала Петра за дурной вкус, бранила за то, как он поступал с женой. Все это заставило Екатерину расплакаться: она терпеть не могла, когда ее жалели. Екатерина легла в постель и заснула. Явился сильно пьяный великий князь и тоже лег. Первые девять лет брака он нигде не спал, кроме ее постели. Петр знал, что жена болела, но тем не менее разбудил ее, чтобы поговорить о принцессе Курляндской, ее обаянии. Екатерина была раздражена тем, что этот пьяный человек разбудил ее среди ночи для того, чтобы завести малоприятный разговор. Она ска-

зала ему несколько слов, дав почувствовать свое настроение, и сделала вид, что снова заснула. И то и другое его задело, он несколько раз грубо толкнул ее в бок локтем, повернулся спиной и уснул. Екатерина проплакала всю ночь. То ли великий князь все забыл, то ли ему стало стыдно наутро, но он ни сказал об этом ни слова и больше не вспоминал¹³¹.

Вся соль этой сцена была вовсе не в том, что она представляла супруга мемуаристки грубым мужланом, недостойно обращавшимся со своей женой. Пикантность этого ночного действия заключалась в том, что этот отвратительный эпизод имел место в супружеской постели, и читатель должен был почувствовать, что великий князь вовсе не был мужланом, ощутить всю нелепость ситуации, когда молодой муж, вместо того чтобы посвятить себя супруге, начинает рассказывать ей о своих платонических чувствах к другой девушке. Данный эпизод был помещен в текст уже после рассказа мемуаристки о том, как ее обвиняли в том, что у наследника до сих пор нет детей, в то время как виноват в этом был Петр. Теперь была помещена наглядная иллюстрация того, как он проводил ночи с женой. Это описание должно было раскрыть всю безрадостность супружеской жизни мемуаристки.

Мемуаристка пишет, что Петр совершенно не скрывал от нее своего увлечения, однако сказал ей, что это была прекрасная дружба («une belle amitié»)¹³². Екатерина охотно верила этому, потому что знала: дальше нежных взглядов не пойдет «ввиду особенностей названного господина, которые были все те же, хотя прошло уже около пяти лет», как они были женаты¹³³. Объяснение этих «особенностей» мемуаристка отложила на потом и, как всегда, вложила самое главное в уста персонажа второго плана.

Разгневавшись на то, что Екатерина появилась в новом модном платье, Елизавета сорвала свой гнев на невестке. Государыня велела ей передать, чтоб она не смела появляться перед ней в такой одежде и с такой прической. Вместе с тем она поручила Чоглоковой выбрать ее за то, что, будучи замужем четыре года, она до сих пор не имеет детей. Императрица заявила, что вина в этом лежит только на Екатерине («que la faut n'en pouvaît être qu'à moi»¹³⁴). Елизавета высказала предположение: видимо, у нее есть какое-то тайное приспособление, о котором не знают, и поэтому она пришлет опытную женщину для того, чтобы осмотреть ее («j'avais quelque difformité de construction secrète qu'on ignorait, et qu'à cet effet elle m'enverrait une sage femme pour

me visiter»¹³⁵). Обычно этот пассаж переводят так: императрица имела в виду скрытый дефект телосложения, о котором никто не знал¹³⁶. Но, видимо, под «difformité de construction secrète qu'on ignorait» следует подразумевать тайное приспособление, позволяющее избегать беременности. Екатерина ответила, что не может противиться воле государыни. Великий князь, бывший невольным свидетелем этого разговора, на этот раз встал на сторону жены. То ли он чувствовал, что вина лежала не на супруге («que le tort n'étais pas de mon côté»¹³⁷), а на нем самом, то ли счел себя оскорбленным, но великий князь резко ответил Чоглоковой относительно детей и осмотра. Пока они ругались, Екатерина рыдала. Когда она обсуждала с Владиславовой все произошедшее, камер-фрау сказала: «Как же вы можете быть виноваты в том, что у вас нет детей, если вы еще девица»¹³⁸. При этом она произнесла фразу, которая, несомненно, является ключевой: «Ее величество должна была бы обвинять в этом своего племянника или себя за то, что женила его слишком молодым» («Sa Majesté devrait s'en prendre à son neveu ou à elle même de l'avoir marié trop jeune»)¹³⁹.

Вся интрига с отсутствием детей вложена в уста постороннего человека, а не декларируется от первого лица. Это делается, чтобы все выглядело убедительно. Однако сомнительно, чтобы Владиславова позволила бы себе осуждать императрицу, заявляя, что ее величество должна была бы обвинять прежде всего себя. Очевидно, чувствуя это, мемуаристка добавила: «Я же много времени спустя узнала, что граф Лесток советовал императрице женить великого князя не ранее, чем ему исполнится 25 лет, но императрица пренебрегла его советом»¹⁴⁰. В чем же заключалась проблема — в медицинских или психологических причинах, мемуаристка не сочла нужным разъяснить. Но она убедила читателя в том, что подозрения императрицы, а может быть, и читающих ее сочинение в том, что она искусственно избегала беременности, были абсолютно беспочвенны. На этот раз, как всегда, виноват был великий князь. Из-за него Екатерину едва не подвергли унижительной процедуре. Кстати, мемуаристка ничего не сообщила об осмотре, был он отменен или его все-таки производили. Представляется невероятным, чтобы императрица, желавшая упрочить престолонаследие, досконально не прояснила важнейший для нее вопрос, почему у великокняжеской четы до сих пор нет детей.

Нетрудно заметить, что и в вопросе деторождения распределение вины осуществлено мемуаристкой по той же схеме, которая просматривается на протяжении всего текста Записок: она абсолютно

ни при чем, Петр — кругом виноват. Поскольку эта схема трещит по швам там, где ее можно проверить, думается, и в этом случае доверять Екатерине нельзя.

Одним словом, муж Екатерины был несостоятелен как супруг и как политическая фигура. В политике он оставался таким же ребенком, как и в семейной жизни. Петр вел себя как ребенок, когда пытался интриговать. Например, он пожаловался пьяному А.П. Бестужеву на грубое обращение Чоглокова. Бестужев обещал осадить его и отозвался нелестно о Чоглокове. Екатерина объяснила Петру, что если бы Чоглоков узнал о словах Бестужева, то никогда не простил бы ему их. Петр вообразил, что может заслужить дружбу Чоглокова, если расскажет ему об отзыве Бестужева. В итоге Чоглоков и Бестужев окончательно рассорились, Петр же ничего не приобрел от этой ссоры¹⁴¹.

Мимоходом мемуаристка сообщает о непоследовательности Петра, управлявшего Голштинским герцогством. Поначалу он старался расплатиться с долгами Голштинии, понизив оклады чиновников, но его бережливость оказалась кратковременной. Очень быстро отыскали слабую сторону Петра: он велел завербовать отряд драгун, и долги остались. Ребяческая страсть к военным забавам взяла верх над соображениями государственного интереса.

Чтобы убедить в этом читателя Екатерина, поместила в текст такой эпизод. В первую неделю Великого поста 1750 г. Чоглокова предложила великому князю сходить в баню, чего ранее Петр никогда не делал, потому что не переносил жар. Великий князь заявил, что считает этот обычай предрассудком, и категорически отказался. Чоглокова настаивала, ссылаясь на то, что этого хотела Елизавета. Она обвинила наследника в недостатке уважения к императрице и пригрозила, что за это его могут заключить в Петропавловскую крепость. Великий князь задрожал («frémît»)¹⁴² при этих словах и в свою очередь спросил, говорит ли она от своего имени или от имени императрицы. Чоглокова от прямого ответа уклонилась, но предупредила о последствиях, которые может повлечь за собой его неразумное поведение («sa conduite inconsidérée»). Императрица уже не раз грозила ему крепостью («Sa Majesté l'avait menacé plus d'une fois déjà de la forteresse»), и у нее были на это основания. Чоглокова напомнила наследнику о том, что случилось с сыном Петра Великого, оттого что он не хотел повиноваться. Тут великий князь сбавил тон и заявил, что он герцог Голштинский и наследник и прибыл в Россию не по своей воле. Он никогда не мог бы поверить, что здесь его подвергнут такому постыдному

обращению. Если императрица была недовольна им, то ей следовало бы просто выслать его на родину. Великий князь задумался, а потом начал плакать. Прежде чем уйти, он обменялся с Чоглоковой ругательствами. Екатерина хранила молчание и, когда к ней обращались, старалась умиротворить обе стороны. Когда великая княгиня осталась одна, она задумалась над словами Чоглоковой и пришла к заключению, что угрозы крепостью исходили от императрицы. Екатерина увидела в них сильнейшее озлобление («une grande animosité») к великому князю. После этого разговора императрица перестала целовать руку великого князя, что являлось признаком того, что он впал в немилость. Екатерина поняла, что заключавшиеся в этом разговоре намеки были брошены с намерением дать почувствовать великому князю, насколько его поведение неразумно («avaient été jetés à dessein pour fair sentir au Grand Duc l'inconséquence de sa conduite»). Несколько раз его пытались отправить в баню, но он проявлял упрямство и каждый раз вспоминал, что его обидели, пригрозив заключить в крепость. Несмотря на отказ императрицы при встрече целовать «его проклятую руку», Петр не связывал угрозу заключения в крепость с чем-либо иным («il n'y attachait point d'autres raisons»), кроме нежелания отправиться в баню. Ему не дали понять другие причины («ne lui en avait-on donné à connaitre d'autres»), а он не потрудился отгадать их («et il n'eut garde de deviner»).

Екатерина предположила, что угрозы были связаны с «делом егерей» («affaire des chasseurs»). В то время она еще точно не знала завязки («au juste le noeud») этого дела. Поэтому мысль о нем лишь промелькнула в ее голове («ne me vint que foiblement dans l'esprit»). Много позже, когда Екатерина уже имела представление, в чем оно состояло, она сопоставила его с тем временем, когда прозвучали угрозы крепостью, и с отказом императрицы целовать руку великому князю. Тогда великая княгиня пришла к заключению, что слова Чоглоковой были связаны именно с этим делом («ces propos s'étaient tenus par analogie à cette affaire»)¹⁴³.

В изложении этого эпизода нетрудно заметить желание мемуаристки показать полное отсутствие проницательности у Петра и стремление подчеркнуть, что проницательна была именно она, хотя располагала меньшими сведениями для умозаключений.

В чем же состояло дело егерей? Осенью 1749 г. Петр пришел в комнату Екатерины. Он был очень подавлен («avec une mine fort consternée»). Екатерина сразу заметила, что он чем-то огорчен. Но поскольку она

не догадывалась, что это могло быть, сделала вид, будто ничего не заметила. Спустя некоторое время Петр решил снять груз, который лежал у него на сердце. Он сообщил, что его егеря, которых он любил, были арестованы и препровождены в Тайную канцелярию. Екатерину это нисколько не тронуло. Но Петр сказал, что опасается, как бы это не имело для него последствий («*que cela ne fut de conséquence pour lui*»). Великая княгиня спросила тогда, как ему пришла в голову эта идея. Петр сознался, что егеря сообщили ему о том, что поручик И. Батурин был ему сильно предан. Батурин говорил с Петром во время охоты и уверил его в своей преданности, а также в преданности к нему Бутырского полка. Батурин добавил, что не признает никого своим государем, кроме Петра («*qu'il ne connaissait de maître que lui*»)¹⁴⁴. Имело место еще несколько встреч егерей, великого князя и этого офицера. Петру стало известно, что Батурин тоже арестован. У Екатерины сложилось впечатление, что муж признался лишь наполовину («*le Grand Duc ne me faisait qu'une demi-confiance*»). Ей казалось, что он опасался рассказать ей все, так как боится, что она не одобрит его неосторожность («*son imprudence*»). Хотя Екатерина жалела мужа, потому что он страдал, и старалась утешить, но две-три недели это дело его мучило («*le tracassa beaucoup*»). Но поскольку великому князю ничего не говорили и это дело не имело для него никаких последствий, он мало-помалу забыл о нем.

Спустя несколько лет после воцарения Екатерины материалы дела попали ей в руки. Оно было передано Елизавете для постановки решения, но дело оказалось слишком объемным, поэтому императрица до конца жизни так и не составила верного представления о нем и, наверное, даже не прочла его. «Это дело, быть может, было одним из самых серьезных в ее царствование, хотя оно было затеяно неразумно и неосторожно» («*Cette affaire était peut être une des plus sérieuses de son règne, quoiqu'elle fut tramée inconsidérablement et sans prudence*»). Это был заговор в полном смысле слова («*C'était, puisqu', il faut trancher le mot, une conspiration dans toutes les forms*»). Батурин убедил сотню солдат своего полка принести клятву великому князю. Он сказал, что на охоте получил согласие великого князя на то, чтобы его возвели на престол («*Il disait avoir obtenu à la chasse le consentement de ce prince de le placer sur le trône*»)¹⁴⁵. Под пыткой Батурин признался в том, что имел контакты с Петром через его егерей. На него донес гренадер, которого он пытался привлечь к заговору. Цель этого предприятия заключалась в том, чтобы «возвести великого князя на престол,

заклучить императрицу в монастырь и перерезать всех, кто... мог сопротивляться его планам»¹⁴⁶. Сопоставляя материалы дела с ужасом, который испытывал великий князь, и с тем, что он тогда говорил, Екатерина не сомневалась: ему все было хорошо известно. Егеря же не захотели или не осмелились дать показания против него. Елизавета, хотя и не знала подробностей дела, потеряла к Петру остаток уважения, который имела до этого. Поэтому она перестала целовать его руку и косвенно выразила свой гнев некоторое время спустя, пригрозив ему крепостью за то, что он не хотел мыться в бане. Упомянув о дальнейшей судьбе Батурина, его заключении, ссылке на Камчатку и побеге в Европу, мемуаристка заключила: «Я должна отдать справедливость истине и рассказывать вещи, как они были на самом деле. Именно с этого времени я стала замечать, как росла в уме великого князя жажда царствовать, ему хотелось этого до смерти. Но он не пытался что-либо сделать, чтобы стать достойным этого»¹⁴⁷ («Depuis cette époque, j'ai vue croître dans l'esprit du Grand Duc la soif de régner; il en mourait d'envie, mais il ne tâchait pas rien de s'en rendre digne»¹⁴⁸).

Итак, Петр представлен как человек, который не только не обладал никакой проницательностью, поскольку не увидел связи между делом Батурина и угрозами заточить его в крепость, но и вовсе не имел качеств политического игрока: позволил втянуть себя в настоящий заговор, который, однако, был организован из рук вон плохо. Он, как мальчишка, испугался, когда заговор был раскрыт, и по-ребячески о нем забыл, когда дело утихло. Его жена Екатерина, во-первых, абсолютно ничего не знала о заговоре (это особо подчеркивается, в том числе с помощью построения рассказа о признаниях Петра), во-вторых, была истинным ангелом-утешителем своего нерадивого мужа. Противопоставление супругов — лейтмотив всего сочинения.

Ключевая для всего текста мемуаров фраза — «il ne tâchait pas rien de s'en rendre digne»: хотя муж Екатерины жаждал царствовать, он никогда не был достоин трона. «Никогда не был достоин трона» — эта фраза могла бы послужить эпиграфом ко всему сочинению Екатерины. «Записки Екатерины II» были составлены как неопровержимое доказательство этого тезиса. Но поскольку мы видели, какие приемы использовались мемуаристкой для того, чтобы выдать это повествование за абсолютную истину, текст Екатерины доказывает лишь ее желание во что бы то ни стало дискредитировать образ Петра, чтобы представить свое воцарение как нечто совершенно неизбежное. Но к реальному образу Петра Федоровича образ, представленный на

страницах Записок, не имеет никакого отношения. Это становится очевидно, если сопоставить его с образом великого князя на страницах второй редакции записок, созданной двадцать лет спустя. Но это уже особый сюжет.

1. Записки, начатые 21 апреля 1771 г. // Записки императрицы Екатерины Второй. М., 1989. С. 71–72.

2. *Mémoires commencés le 21 d'avril 1771* // Сочинения императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей и с объяснительными примечаниями академика А.Н. Пыпина. СПб., 1907. Т. XII. С. 5

3. *Кобеко Д.Ф.* Цесаревич Павел Петрович (1754–1796). СПб., 1883. С. 76–77.

4. *Мартенс Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1883. Т. 7. С. 445.

5. *Шильдер Н.К.* Император Павел Первый. СПб., 1901. С. 87–88.

6. См. подробно: *Сафонов М.М.* Завещание Екатерины II. СПб., 2002. С. 20–68.

7. Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 1–72.

8. Там же. С. 143–194.

9. О датировке третьей части см. подробно: *Сафонов М.М.* «Записки...» Екатерины II о себе и Романовых // Вестник архивиста. 2013. № 3. С. 82.

10. Сексуальные откровения Екатерины II и происхождение Павла I // *Reflexions on Russia in the Eighteenth Century* / Ed. by J. Klein, S. Dixon, M. Fraanje. Vien, 2001; *Сафонов М.М.* О происхождении Павла I // Император Павел I — взгляд XXI века. СПб., 2004. С. 5–20.

11. *Mémoires commencés le 21 d'avril 1771*. С. 186.

12. Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 193–194.

13. См. подробно: *Сафонов М.М.* Большой двор против Малого // Российский императорский двор и Европа: диалоги культур: тр. Государственного Эрмитажа. СПб., 2007. Т. XXXVI. С. 95–101.

14. В Москве при первой встрече с Елизаветой Петр пришел со своим двором. Подал руку матери и повел к царице. Во время беседы матери с Елизаветой, великий князь беседовал с Екатериной. Отвел в их комнаты, ужинали вместе с его двором. Удалился к себе. На следующий день, 10 февраля, у него день рождения. Обедали.

15. Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 17, 22, 28–31, 39, 41, 42, 44.

16. «Я похудела, как скелет, выросла, но лицо и черты мои удлиннились; волосы у меня падали, и я была бледна смертельно. Я сама находила, что страшна, как пугало, и не могла узнать себя. Императрица прислала мне... банку румян и приказала нарумниться», — говорится во второй редакции записок, составленной в первой половине 1790 г. (Собственноручные записки, начатые императрицей Екатериной II // Записки императрицы Екатерины Второй. С. 213).

17. Там же. С. 44.

18. Mémoires commencés le 21 d'avril 1771. С. 45.

19. Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 45.

20. Mémoires commencés le 21 d'avril 1771. С. 45.

21. По этому поводу мать Екатерины Иоганна Елизавета писала своему мужу. См. ниже.

22. «...ce n'étais pas à moi à l'entamer, la modestie me l'aurait defendu, si j'en avias sentie, et la fierté naturelle de mon âme était suiffisante pour m'empêcher de faire les premiers pas; pour lui il ne s'en avisait pas seulement, ce qui, à dire la verité, ne me préparait pas infiniment en sa faveur; les filles, on a beau dire quelque bien élevées qu'elles soient, aiment les douceurs et les propos tendres, surtout de ceux, de qui elle peuvent les entendre sans rougir» (Mémoires commencés le 21 d'avril 1771. С. 45).

23. Уверял Екатерину, что епископ С. Теодорский сможет убедить ее в правильности православия, поправлял ее произношение, когда она готовилась произнести Символ веры, накануне помолвки прислал невесте часы и великолепный веер (Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 45, 48, 50).

24. Там же. С. 469.

25. Mémoires commencés le 21 d'avril 1771. С. 443.

26. Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 478.

27. Там же. С. 482.

28. *Siebigk F.* Katarina der Zweiten brautreise nach Russland 1745. Dessau, 1873. S. 45; *Бильбасов В.А.* История Екатерины Второй. Берлин, 1900. Т. I. С. 81.

29. Там же. С. 120.

30. *Siebigk F.* Op. cit. S. 69.

31. Mémoires commencés le 21 d'avril 1771. С. 58.

32. Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 59.

33. РГАДА. Ф. VII. Оп.1. № 1174. Л. 20–21, 26–32.

34. Mémoires commencés le 21 d'avril 1771. С. 58.

35. Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 483.

36. Там же. С. 64.

37. Mémoires commencés le 21 d'avril 1771. С. 62.

38. Там же. С. 64.

39. Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 66.

40. Там же.

41. Mémoires commencés le 21 d'avril 1771. С. 65.

42. Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 67.

43. Mémoires commencés le 21 d'avril 1771. С. 65.

44. Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 74.

45. Mémoires commencés le 21 d'avril 1771. С. 74.

46. Там же. С. 75; Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 75.

47. Там же. С. 476.

48. Mémoires commencés le 21 d'avril 1771. С. 81.
49. Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 486—487.
50. Mémoires commencés le 21 d'avril 1771. С. 82.
51. Там же. С. 83.
52. Там же. С. 85.
53. Там же. С. 87.
54. Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 89.
55. Mémoires commencés le 21 d'avril 1771. С. 87.
56. Там же. С. 86.
57. Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 88.
58. Mémoires commencés le 21 d'avril 1771. С. 87.
59. Там же.
60. Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 488.
61. Mémoires commencés le 21 d'avril 1771. С. 459.
62. Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 488—499.
63. Там же. С. 488.
64. Mémoires commencés le 21 d'avril 1771. С. 460.
65. См. подробно: Сафонов М.М. Полк его высочества // Петербургский журнал. 2014. № 2. С. 16—37.
66. Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 94.
67. Mémoires commencés le 21 d'avril 1771. С. 92.
68. Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 94.
69. Там же. С. 96.
70. Mémoires commencés le 21 d'avril 1771. С. 94.
71. Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 102.
72. Mémoires commencés le 21 d'avril 1771. С. 99.
73. Тема болтливости великого князя постоянно возникает в мемуарах. Когда лакей Т. Евреинов сообщил Екатерине, что А. Чернышев содержится под арестом в Рыбачьей слободе, он умолял ее скрыть это от великого князя, «который был крайне болтлив». В тот момент, когда из-за интриги с девицей Кошелевой Н.Н. Чоглокову грозила отставка, Крузе умоляла Екатерину «ничего не говорить великому князю». «Все повторяли мне вечно эту просьбу, — подчеркивает мемуаристка, — во всех случаях, когда мне что-нибудь рассказывали». Тем не менее Екатерина пересказала новость мужу, не упоминая Крузе, и при этом прибавила, что «малейшая его болтливость помешает отставке Чоглоковых». Мемуаристка надеялась, что первые порывы радости пройдут раньше, чем Петр «будет иметь случай как-нибудь проболтаться» (Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 101—103, 134).
74. Там же. С. 102.
75. Там же. С. 105.
76. Mémoires commencés le 21 d'avril 1771. С. 102.
77. Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 105.
78. Mémoires commencés le 21 d'avril 1771. С. 101.

79. Там же. С. 102.
80. Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 104.
81. Сафонов М.М. «Комнатная» гвардия // Междунар. науч.-практ. конф. «Военное дело России и ее соседей в прошлом, настоящем и будущем», 29–31 марта 2005 г., Санкт-Петербург. М., 2006. С. 559–364.
82. РГАДА. Ф. VII. Оп. 1. № 1174. Л. 47–48 об.; Сафонов М.М. Воспоминания в Царском Селе (Екатерина II против Екатерины Великой) // Царское Село на перекрестке времен и судеб. СПб., 2010. С. 184–185.
83. См. подробно: Сафонов М.М. Великий князь Петр Федорович и полк его высочества // Немцы в Санкт-Петербурге: Биографический аспект. XVIII–XX вв. СПб., 2013. С. 7–16.
84. Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 102.
85. См. подробно: Лярская Е.П. Библиотека Петра III в Картинном доме (Ораниенбаум) // Русские библиотеки и их читатель. Л., 1983.
86. РГАДА. Ф. 1062. Оп. 1. № 1062. Л. 62–131; № 1174. Л. 1–130. См. подробно: Сафонов М.М. Полк его высочества // Петербургский журнал. 2014. № 2. С. 16–37.
87. Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 106.
88. Mémoires commencés le 21 d'avril 1771. С. 103–104.
89. Там же. С. 104.
90. Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 107.
91. Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. 1866. Кн. IV. С. 70.
92. См. подробно: Сафонов М.М. Екатерина II — солдат Петра III // Петербургский журнал. 2014. № 1. С. 41–59.
93. Mémoires commencés le 21 d'avril 1771. С. 105.
94. Там же. С. 108.
95. Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 111–112.
96. Mémoires commencés le 21 d'avril 1771. С. 109.
97. Там же. С. 110.
98. Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 113–114.
99. Там же. С. 121.
100. Mémoires commencés le 21 d'avril 1771. С. 117.
101. Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 122.
102. Mémoires commencés le 21 d'avril 1771. С. 152.
103. Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 155–156.
104. Mémoires commencés le 21 d'avril 1771. С. 154.
105. Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 157.
106. Mémoires commencés le 21 d'avril 1771. С. 160.
107. Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 164–165.
108. Там же. С. 145.
109. Там же. С. 132.
110. Там же. С. 130.

111. Mémoires commencés le 21 d'avril 1771. С. 126.
112. Там же. С. 127.
113. Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 152.
114. Mémoires commencés le 21 d'avril 1771. С. 149–150.
115. Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 186.
116. Mémoires commencés le 21 d'avril 1771. С. 133.
117. Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 137–138.
118. Mémoires commencés le 21 d'avril 1771. С. 171.
119. Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 176.
120. Mémoires commencés le 21 d'avril 1771. С. 134.
121. Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 138.
122. Mémoires commencés le 21 d'avril 1771. С. 142.
123. Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 146.
124. Mémoires commencés le 21 d'avril 1771. С. 144.
125. Там же. С. 167.
126. Там же. С. 169.
127. *Грибовский А.М.* Записки о императрице Екатерине Великой. М., 1864. С. 23–25.
128. Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 174.
129. Mémoires commencés le 21 d'avril 1771. С. 169.
130. Там же. С. 178.
131. Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 185.
132. Mémoires commencés le 21 d'avril 1771. С. 171.
133. Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 177.
134. Mémoires commencés le 21 d'avril 1771. С. 172.
135. Там же.
136. Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 178.
137. Mémoires commencés le 21 d'avril 1771. С. 173.
138. Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 178–179.
139. Mémoires commencés le 21 d'avril 1771. С. 173.
140. Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 179.
141. Там же. С. 159–160.
142. Mémoires commencés le 21 d'avril 1771. С. 176.
143. Там же. С. 177.
144. Там же. 165.
145. Там же. С. 166.
146. Записки, начатые 21 апреля 1771 г. С. 158.
147. Там же. С. 172.
148. Mémoires commencés le 21 d'avril 1771. С. 167.

Г.А. Фафурин

**АКАДЕМИК ИОСИФ АДАМ БРАУН (1712–1768)
КАК ЧИТАТЕЛЬ И ПОКУПАТЕЛЬ КНИГ
В КНИЖНОЙ ЛАВКЕ
ПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

История чтения, а равно и читателеведение как отрасли книговедения стали привлекать отечественных ученых сравнительно недавно, поэтому серьезных исследований по этой тематике немного, публикаций и специально посвященных этим вопросам монографий еще меньше¹. Между тем в западном мире проблемами чтения разных (в зависимости от образования и культурного уровня) слоев населения давно и успешно занимаются ученые многих специальностей — историки, филологи, культурологи, книговеды, библиотечные работники². Чем далее мы погружаемся в глубь веков, тем труднее найти непосредственные свидетельства того, что читали люди в России. Еще больше сложностей встречается на этом пути, когда человек — иностранец на русской службе, — тут в поисках ответов на этот вопрос может помочь лишь счастливый случай, а источником для подобных книговедческих разысканий могут служить порой самые неожиданные документы. Так, о составе личной библиотеки академика Петербургской академии наук и преподавателя философии и астрономии академической гимназии Иосифа Адама Брауна (1712–1768)³ мы можем судить по переписке его вдовы, Анны Елизаветы Браун⁴, с Канцелярией Академии наук.

Профессор И.А. Браун родился в г. Аш в Богемии в 1712 г. в семье пастора. Образование получил в Веймаре и Лейпциге, по рекомендации Л. Эйлера был приглашен в Петербургскую академию наук в 1746 г. и тогда же был назначен ее членом, за годы пребывания в стенах академии преподавал в академической гимназии и университете при академии философию, физику, занимался метеорологическими наблюдениями и астрономией, экспериментальной физикой, в об-

ласти которой сделал несколько серьезных исследований — открыл свойства замерзания и ковкости ртути, написал несколько книг и множество статей⁵. Браун принимал участие в восстановлении астрономической обсерватории после пожара 1747 г. С 1748 г. — профессор⁶ логики, метафизики и нравоучительных наук, а также член Исторического собрания академии. В 1762 г. вышел из печати Санкт-Петербургский календарь за 1761 г., в котором выписки из метеорологических наблюдений составлены Брауном⁷, с 1748 г. он систематически публикует результаты астрономических и метеорологических наблюдений в «Новых комментариях». В первом томе помещена заметка, написанная совместно с Н.И. Поповым⁸, о наблюдениях за энцикликой Солнца 14/15 июля того же года⁹. Вообще Брауном в этом журнале было опубликовано 25 обзоров, последний — в 11-м томе за 1763 г.¹⁰ По свидетельству А.Л. Шлёцера, Браун был «единственным немцем», с которым Ломоносов состоял «в хороших отношениях, потому что тот все переносил»¹¹. В 1764 г. Браун ответил на письмо Ломоносова по разным вопросам. Незадолго до смерти Ломоносов, всегда защищавший Брауна от академических интриг, предлагал назначить его конференц-секретарем Академии¹².

И.А. Браун умер в 1768 г. Президент Академии наук В.Г. Орлов в январе следующего года отдал распоряжение: «Покойного профессора Брауна вдове Елисавете Браунше выдать в награждение против прочих профессорских жен годовое его жалованье и с квартирными деньгами, всего 1010 руб., и притом вычесть имеющиеся на нем долговые деньги, а именно: а) за забранные им из немецкой книжной лавки от бывшего бухгалтера Прейсера¹³ и книгопродавца Вейтбрехта¹⁴ книги 179 руб., которые отдать комиссару Зборомирскому¹⁵; б) в Берлине книгопродавцам Гауде и Шпенеру¹⁶ же вместо 60 талеров 54 руб. 60 коп. и отдать их для пересылки книгопродавцу Вейтбрехту и о том Гауде и Шпенера уведомить»¹⁷.

Бухгалтер С. Прейсер, предшественник Вейтбрехта на посту заведующего иностранной книжной лавкой Академии наук, умер, поэтому не успел подготовить дела к передаче. Приходилось заново составлять реестры и каталоги, писать комиссионерам, выяснять, какие книги заказаны, а какие — нет, выполнены ли заказы, кто на самом деле кому должен и т.д. Дела по книжной лавке были настолько запущены, что новый заведующий, приступив к делу в мае 1765 г., занимался наведением порядка в отчетности еще два с половиной года. Проверая старые счета, Вейтбрехт, если обнаруживал долги или недо-

стачу, писал докладные записки в Канцелярию академии. Так было и в этом случае. «Что касается до долга г-на проф. Брауна в книжную лавку, то нашел я оный в старой книге покойного Прейсера и внес в свои новые книги. Часто говаривал я о том с г-ном Брауном, но он меня уверил, что заплатил и имеет в том квитанцию, которую хотел он приискать и мне показать. Доказательством сего долгу служит книга г. Прейсера, в которой нашел я также другой непохеренный счет для г-на статского советника Штелина¹⁸, который и показал мне старую в том расписку. Г-н проф. Браун, на сколько ни забирал книг в то время, что я находился при академии, всегда платил он по крайней мере в конце года. Февраля 16 дня 1769 г. Вейтбрехт»¹⁹.

Далее в этом же архивном деле, на л. 305–306, помещен перечень книг, взятых из лавки Брауном с 1755 по 1763 г. на сумму 177 руб. 45 коп. Дело кончилось тем, что уже вычтенные деньги были возвращены вдове по приказанию графа В.Г. Орлова, а мы благодаря этой тяжбе знаем, какие книги в течение восьми лет приобретал профессор философии И.А. Браун и, следовательно, можем судить о круге его чтения, интересах и литературных пристрастиях.

л. 305

Note aus der Akademische Buchhandlung

Год	Название в рукописной ведомости	Цена	Атрибутированное издание
	Genealogisches Handbuch	0-85	<i>Jacobi Christian Friedrich</i> . Europäisches genealogisches Handbuch: in welchem die neuesten Nachrichten von allen Häusern jetzregierender europäischer Kaiser und Könige, und aller geist- und weltlichen Chur- und Fürsten, wie auch Grafen des Heiligen Römischen Reichs, ingleichen von den Cardinälen, Mitgliedern der Ritter-Orden, auch Dom- und Capitularherren der Erz- und Hochstifter in Deutschland, befindlich... Leipzig: Gleditsch, 1751–1756. 4°. Журнал
	Krafft Physica. Tom III	0-75	<i>Krafft Georg Wolfgang</i> (1701–1754). Experimentorum physicorum praecipuorum brevis descriptio, in usum auditorium suorum edita à Georg. Wolffg. Krafft, Academiae Scientiarum Imperialis membro, et professor physices. Petropoli, typis Academiae, 1738. 278 p., 8°

Год	Название в рукописной ведомости	Цена	Атрибутированное издание
	Clarissa. 1, 2 Theil	1-15	<i>Richardson Samuel</i> (1689–1761). Lettres angloises, ou Histoire de miss Clarisse Harlove. Londres: chez Nourse libr., 1751. 240 p., 8°
	Methode pour apprendre français	1=	<i>Pipoulin-Delaunay Pierre</i> (1700–1767). Méthode pour apprendre à lire le françois et le latin... contenant aussi un Abrégé des sons exacts de la langue française... un Traité des accens et de la ponctuation... avec des Réflexions sur la méthode du Bureau typographique et un Plan nouveau d'une ortographe facile. Paris: C. Moette, 1741. XXXVI. 220 p., 8°
	Hollmanni Justis prud. natural.	0-35	<i>Hollmann Samuel Christian</i> (1696–1787). Jurisprudencia naturalis prima metaphysica. Vandenhoeck: Gottingæ, 1751. XVI, 306 S., [1] Bl.; 8°
	Horrebov initiamenta	0-10	<i>Horrebow Petrus</i> (1679–1764). Initiamenta philosophiae naturalis. Hafniæ: Pelt, 1754. 71 p., 12°
	Lulofi Erdbeschreibung	3-50	<i>Lulofs Johannes</i> (1711–1768). Einleitung zu der mathematischen n. physikalischen Kenntniss der Erdkugel. Aus d. Holland., von A.G Kästner. Göttingen u. Leipzig: In Elias Luzac des Jüngern Verlage, 1755. [6] Bl., 430, 174 S., [5] Bl., XV gef. Bl.: 15 Ill. (Kupferst.); 4°
1766	Hallische Zeitungen	0-80	Hallische gelehrte Zeitungen / Hrsg. von Christian Adolph Klotz. Halle: Curt, 1766. 8°
	Traité du Navire. Bouguer	3-75	<i>Bouguer Pierre</i> (1698–1758). Traité du Navire, de sa construction et de ses mouvemens/Par M. Bouguer. Paris: chez Ch. Ant. Jombert, 1746. 767 p., 4°
	Leçons de physique de Cotes	1=	<i>Cotes Roger</i> (1682–1716). Leçons de physique expérimentale sur l'équilibre des liqueurs, et sur la nature et les propriétés de l'air. Traduites de l'anglais de M. R. Côtes... [par Le Monnier]. À Paris: chez David fils, Libraire, rue Saint Jacques, à la Plume d' or, 1742. 490 p., 8°

Год	Название в рукописной ведомости	Цена	Атрибутированное издание
	Histoire naturelle. 8 Tomes	6-75	<i>Buffon Georges Louis Le Clerc de</i> (1707–1788), <i>Daubenton Louis Jean Marie</i> (1716–1800). Histoire naturelle générale et particulière avec la description du Cabinet du Roy. A Paris: de l'imprimerie royale, 1753. Т. 1–8, 12°
	Schwedische Ab-handlung. 18-e Bd.	0-75	<i>Kästner Abraham Gotthelf</i> (1719–1800). Abhandlungen der könig. Schwedische Academie der Wissenschaften aus der Naturlehre, Haushaltungskunst und Mechanik. Aus dem Swedisch übersetzt von Abr. Gotth. Kästner. Hamburg und Leipzig, bey Grunds Erben Hollens Witwe. Hamburg, 1749–1783. 43 Bde. 8°. Bd. 18 (1756)
	-----“----- Vol. IV, pars I	0-40	-----“----- Bd. IV, pars I. 1751
	Gesneri prima lin- geae	0-35	<i>Gesner Johann Matthias</i> (1691–1761). Primae lineae artis oratoriae. Jenae: Cuno ; 1753 ; 184 S., [2] Bl., 8°
	Arnolds. Poesie	0-20	Не установлено
	Junckeri linea pri- ma erudit.	0-80	<i>Juncker Christian</i> (1668–1714). Lineae primae eruditionis vniversae et historiae philosophicae ac speciatim earum disciplinarum, in quibus necesse est atque vtile instrui ac praeparari iuuenes studiosos in Academiis et Gymnasiis. Altenburg: Richter, 1714. 272, 206 S., [1] Bl., 4°
	Eberhardi Mathesi appl.	0-45	<i>Eberhard Johann Peter</i> (1727–1779). Beiträge zur Mathesi applicata, hauptsächlich zum Mühlenbau und Bergwerksmaschinen, zur Optik und Gnomonik. Halle im Magdeburgischen: Renger, 1757. 146 S., XII Bl., 8°
	Vogelii inst. chym.	0-80	<i>Vogel Rudolf Augustin</i> (1724–1774). Rud. August. Vogel... Institutiones chemiae ad lectiones academias accommodatae. Editio altera polita et locupletata. Lugduni Batav. & Lipsiae: apud Eliam Luzac, 1757. 404 S., 8°

Год	Название в рукописной ведомости	Цена	Атрибутированное издание
	Göttingische Zeitungen 1757 et 58	6=	Göttingische Zeitung von gelehrten Sachen. Göttingen: Universitäts-Buchhandlung, 1750–1758. 8°
	Baumgarten. Æstetica, pars II	0-30	<i>Baumgarten Siegmund Jakob</i> (1706–1757). Æstetica. Francfurt am Oder: Kleyb, 1758. Bd. 2. S. 401–623, 8°
	Pariser Egyptal Abhandlung, 13-e	1-35	Histoire de l'Académie Royale des Inscriptions et Belles-Lettres (1717–1843) ²⁰ . Журнал
	Hellots Färbekunst	0-50	<i>Hellot Jean</i> (1685–1766). Herrn Hellot, Mitglieds der Königl. Akademie der Wissensch. zu Paris und der Kön. Gesellsch. zu London, Färbekunst, oder Unterricht, Wolle und wollene Zeuge zu färben; Nebst Vorschriften wegen der Prüfungen durch Absieden. Aus dem Französischen übersetzt von Abraham Gotthelf Kästner, Math. P.P.O. zu Göttingen. Zweyte Aufl., welcher eine Nachricht von der Seidenfärberey beygefüget ist. Altenburg: Richter, 1765. [14] Bl., 468 S., 8°
	Tesmars von Pflanzen gebürge	0-80	Tesmar, Johannes (1643–1693). Zweyte Fortsetzung der vorläufigen Nachricht von einigen das Geschlecht der Pflanzen betreffenden Versuchen und Beobachtungen, von Joseph Gottlieb Kölreuter. Leipzig : in der Gleditschen Handlung, 1764. 128 S., 8°
	Inst. Physica	0-65	<i>Dalham Florian</i> (1713–1795). Floriani Dalham... Institutiones physicae: in usum nobilissimorum suorum auditorum adornatae, quibus ceu subsidium praemittuntur institutiones mathematicae. Tomus I, Institutiones mathematicas, nempe arithmeticas, geometriam et trigonometriam complectens. Viennae Austriae : typis Joannis Thomae Trattner... 1753. [2], 352, p., XIII p., 4°
	Schultze. Chymische Versuche	0-20	<i>Schulze Johann Heinrich</i> (1687–1744). Chemische Versuche. Halle: Waysenhaus, 1757. 156 S.: Ill., 8°

Год	Название в рукописной ведомости	Цена	Атрибутированное издание
	Pariser Physik Abhandlung, 6-12	9-45	Der Königl. Akademie der Wissenschaften in Paris physische Abhandlungen / Académie des Sciences (Paris). Breslau, verlegt Johann Jacob Korn, 1748–1759. Sechster Theil, welcher die Jahre, 1719, 1720, 1721 und 1722 in sich hält (1751). Zwoelfter Theil, welcher die Jahre 1737 und 1738 in sich hält (1756)
	Kästners Optic	3-40	<i>Kästner Abraham Gotthelf</i> (1719–1800). Mathematische Anfangsgründe. Th. 2, Abtheilung I. Mechanische und optische Wissenschaften. Abgefasst von Abraham Gotthelf Kästners, ersten Theiles, erste Abtheilung. Göttingen, im Verlage bey Vandenhöck und Ruprecht. 1759. XXII, 534 S., XIV Taf. (Kupfer), 8°
	Franklins. Briefe von der Electr.	0-35	<i>Franklin Benjamin</i> (1706–1790). Briefe von der Electricität (New Experimentals and Observations on electricity), übers. von J.C. Wilcke. Anmerkungen und Anhang. Leipzig: Kiese Wetter, 1758. [13] Bl., 354 S.: 1 Titeltkupfer., 8°
	Von Thermometern	0-30	<i>Micheli du Crest, Jacques Barthélemi</i> (1690–1766). Sammlung einiger kleinen Schriften von Thermometern und Barometern, durch den Verfasser der Methode eines Universalthermometers. Aus dem Französischen übersetzt und mit Anmerkungen von M. Joh. Ephem. Thenn. Augsburg, 1757. 80 S., 4°
	Naturgeschichte des Himmels	0-20	<i>Kant Immanuel</i> (1724–1804). Allgemeine Naturgeschichte und Theorie des Himmels, oder Versuch von der Verfassung und dem mechanischen Ursprunge des ganzen Weltgebäudes; nach Newtonischen Grundsätzen abgehandelt. Königsberg, Leipzig: Petersen, 1755. 3 Theile in 1 Bd., 8°
	Fragen über die Cometen	0-20	<i>Euler Leonhard</i> (1707–1783). Beantwortung verschiedener Fragen über die Beschaffenheit, Bewegung und Würckung der Cometen. Berlin: Haude, 1744. 56 S., 8°

Год	Название в рукописной ведомости	Цена	Атрибутированное издание
	Sturm, Colleg. experimentale	1-80	<i>Sturm Johann Christoph</i> (1635–1703). Collegium experimentale, Nuremberg: Endter. Vol. 1 (1676). 4°
	Sturm, physica electiva	4=	<i>Sturm Johann Christoph</i> (1635–1703). Physica electiva sive hypothetica, 1: Physica generalis / Johann Christophorus Sturm. Nürnberg, 1697. 4°
	Hartmanns Electricischen Kraft	0-55	<i>Hartmann Johann Friedrich</i> (?–1800). Abhandlung von der Verwandtschaft und Aehnlichkeit der electricischen Kraft mit den erschrecklichen Lufterscheinungen. Hannover, 1759. 8°
	Observation sur la Termometre	0-20	<i>Bianchy Jakob von</i> (1732–1785). Observations physiques [sic] sur le Barometre et Thermometre Reglé. Mannheim, 1758. 24 p., 8°
	Ledermillers von Saamen-Thiergens-Beyträge	0-70	<i>Ledermüller Martin Frobenius</i> (1719–1769). Physicalische Beobachtungen derer Saamenthiergens, durch die allerbesten Vergrößerungs-Gläser und bequemlichsten Microscope betrachtet, und mit einer unpartheyischen Untersuchung und Gegeneinanderhaltung derer Buffonischen und Leuwenhoeckischen Experimenten in einem Sendschreiben mit denen hierzu gehörigen Figuren und Kupfern einem Liebhaber der Natur-Kunde und Warheit mitgetheilet Nürnberg: bei George Peter Monath., 1756. 28 S., 8 Bl., 8 Ill. (Kupferst.). 4°
	Wincklers Physik	0-85	<i>Winkler Johann Heinrich</i> (1703–1770). Anfangsgründe der Physik. Leipzig: Verlegt Bernard Christoph Breitkopf, 1754. 806 S., 8°
	Thümmig, Inst.	1=	<i>Thümmig Ludwig Philipp</i> (1697–1728). Thümmigii Institutiones Philosophiae Wolfianae ²¹ . Francofurti et Lipsiae, 1746. Th. 1. [8] Bl., 511 p., 8°
	Klœckhofi de animi etc.	0-80	<i>Kloekhof Cornelius Albertus</i> (1707–1755). De morbis animi ab infirmato tenore medullae cerebri. Trajecti ad Rhenum: Vucht, 1753. 155 p., 8°

Год	Название в рукописной ведомости	Цена	Атрибутированное издание
	Göttingische Zeitungen 1759 et 60	6=	Göttingische Zeitungen, 1759 et 1760
	Comment. Lips. Vol. 8, pars I et II	0-80	Commentarii de rebus stietia naturali et medicina gestis. Lipsia: A.J.F. Gleditsch, 1752. Bd. 8 (1759)
	Lamberti photometria	1-40	<i>Lambert Johann Heinrich</i> (1728–1777). J.H. Lamberti... Photometria, sive de mensura et gradibus luminis, colorum et umbræ. Augustae Vindelicorum: V.E. Klett, 1760. [16], 547, [13] p., [8] pl., 8°
	Breve du Pape	0-02	<i>Clemente XIII</i> , Papa (1758–1769). Brefs de N. S. pere le pape Clement XIII, en faveur des Jesuites de France: Encyclical of Pope Clement XIII promulgated on September 13, 1758 / Iglesia Católica. S.I., s.a. (ca 1762). [24] p., 4°
	Memoires de l'Academie de Berlin. Tome VI	3=	Memoires de l'Academie Royale de Berlin ²² . Tome VI
	Leçons d'Optique de Caille	1-30	<i>La Caille, Nicolas Louis de</i> (1713–1762). Leçons élémentaires d'optique. Nouvelle édition, revue, corrigé & augmentée. Paris, Desaint, 1756. IV, 204 S. mit 12 gefalt. Kupfertaf., 8°
	-----d'Astronomie de le même	1-30	<i>La Caille Nicolas Louis de</i> (1713–1762). Leçons élémentaires d'astronomie. Paris: chez H.L. Guerin, 1755. 375 p., 8°
	Traité des Termometres de Hennert	0-30	<i>Hennert Johann Friedrich</i> (1733–1813). Traité des thermomètres, ou il est parté d'une nouvelle loix de la chaleur, propré à mesurer la dilatation des liqueurs. La Haye: Gosse, 1758. XVI, 171 p., 8°
	Winklers Physik	0-85	<i>Winkler Johann Heinrich</i> (1703–1770). Anfangsgründe der Physik. Leipzig: Verlegts Bernard Christoph Breitkopf, 1754. 806 S., 8°

Год	Название в рукописной ведомости	Цена	Атрибутированное издание
	Atlas caelestis	4-50	Atlas caelestis in quo mundus spectabilis et in eodem stellarum omnivm phoenomena notabilia, circa isparum lumen, figuram, faciem... magnitudines distantias, aliaque, secundum Nic. Copernici et ex parte Tychonis de Brahe hipotesin. Nostri intuitu, specialiter, respectu vero ad apparentios planetarum indagatv posibles e planetis primarus, et e luna habito... graphice descripta exhibentvr a Joh. Gabriele Doppelmaiero, J.J. Preisler del., J.C. Reinssperger sc. Norimbergae, Sump. Heredum Homannianorum, 1742
	Ludolfi. Chymie	2-50	<i>Ludolf Hieronymus von (1708–1764)</i> . D. Heiron. Ludolf's... Vollständige und gründliche Einleitung in die Chymie, darin nicht allein alle Chymische Arbeitet deutlich gezeigt und gründlich erkläret, sondern auch zu derselben Erläuterung die wichtigsten Versuche aus der Pharmacie, Metallurgie und Alchymie nebst allen Vortheilan treulich ausgeführt worden. Erfurt: J.H. Honnen, 1752. [18], 1104, [12] с. 20 л. фронт.-илл., 8°
	Kästners Elem. Mathes.	2-70	<i>Kästner Abraham Gotthelf (1719–1800)</i> . Mathematische Anfangsgründe: Fortsetzung der Rechenkunst in Anwendungen auf mancherley Geschäfte. 1, 3, 4 Geometrische Abtheilungen. Göttingen: im Verlage bey Vandenhöck und Ruprecht, 1758. 8°
	----- Prolect. Math.	0-45	<i>Kästner Abraham Gotthelf (1719–1800)</i> . De Restitutione mutui mutato pecuniae valore disserit praelectionesque suas indicat Abraham Gotthelf Kaestner, Lipsiae: litteris langhemianis, 1750. 12 p., 4°
	Hell. Ephemerides 1757, 58, 59 et 1760	3-20	<i>Hell Maximilian (1720–1792)</i> . Ephemerides astronomicae ad meridianum Vindobonensem, 1757–93. 4°

Год	Название в рукописной ведомости	Цена	Атрибутированное издание
	Kästners. Arithmetique. 2 Theile	1-45	<i>Kästner Abraham Gotthelf</i> (1719–1800). Anfangsgründe der Arithmetik, Geometrie, ebenen und sphärischen Trigonometrie und Perspectiv. Abgefassen von Abraham Gotthelf Kästners, ersten Theiles, erste Abtheilung. Göttingen, im Verlage bey Vandenhöck und Ruprecht. 1758. 8°
	Hooghe. Hyeroglyphes.	3-60	<i>Hooghe Romein de</i> (1645–1708). Hyeroglyphes des anciens Peuples, représentés en 63 superbes figures. Amsterdam: Arn. Henr. Westerhovius, 1735. 455 p., Register: 63 p., 4°
	Weidleri inst. Mathemat.	1-40	<i>Weidler Johann Friedrich</i> (1691–1755). D.Io. Friderici Weidleri Institutviones matheoseos, Selectis Observationibus illustratae, in usum praelectionum academicarum. Editio quinta. Wittenbergae: in officina Ahlfeldiana, literis Schlomahianis, 1759. 8°
	Artillerie	1-50	<i>Wolff Christian</i> (1679–1754). Der Anfangs-Gründe aller Mathematischen Wissenschaften... Zweyter Theil, welcher Die Artillerie, Fortification, Mechanick, Hydrostatick, Aerometrie und Hydraulick in sich enthält. Neue, verbesserte und vermehrte Auflage. Franckfurt und Leipzig, zu finden in der Rengerischen Buchhandlung, 1750–1757. 4 Teile in 3 Bänden. 8°
	Sächsische Ordnung etc.	1-25	<i>Hofmann Johann Gottlob</i> (1719–1797). Nach der erläuterten u. verbessert, churfürstl. Sächs Process-Ordnung eingerichteter modus procedendi in causis ordinaries, mit dem summar. Process von iesenhaver vermehrt. Leipzig: bey Hahn, 1763
	Verhandlung ?? der ?dmirien (нрзб.)	0-15	Не установлено

Год	Название в рукописной ведомости	Цена	Атрибутированное издание
	Eberharts Grunds der Naturlehre	0-75	<i>Eberhard Johann Peter</i> (1727–1779). Erste Gründe der Naturlehre: Johann Peter Eberhards Der Arzneigelahrtheit und Weltweisheit Doktors Erste Gründe der Naturlehre mit Kupfern und vollständigen Register. Halle: Renger, 1753. [23] Bl., 702 [i.e. 672] S., [8] Bl., X Faltbl., 8°
	Hist. de l'Acad. des Sc. 1741–1751	18-50	Histoire de l'Académie Royale des Science ²³ . 1741–1751
	----- du Cabinet du Roi. Tome 9-13	3-10	Histoire naturelle générale et particulière avec la description du Cabinet du Roi. Tome Neuvième. A Paris, de l'imprimerie royale. M. DCCXLIX. (1749–), т. 13
	----- le Centieme vol.	1-40	То же. Т. 100
	----- de meme 1752 ou tome de la N. Centure	2-80	То же. Paris, 1752
	Memoires de la Terre de Bertrand	0-50	<i>Bertrand Élie</i> (1713–1797). Mémoires sur la structure intérieure de la terre. Zurich: Heidegger, 1752. 166 p., 12°
	Fabrici Historii. 3. Th.	2=	<i>Fabricius Johannis Albert</i> (1668–1736). Historia bibliothecae Fabricinae, qua singuli ejus libri eorumque contenta, variae editiones etc. Wolfenbüttel, 1718–1724. 6 vol., 4°
	Iconologisches Wörterbuch	0-60	<i>Lacombe de Prezel Honoré</i> (1725–1789). Ikonologisches Wörterbuch, oder Einleitung zur Kenntnis der Gemälde, Bildhauerarbeiten, Münzen, Kupferstiche und dergleichen [et]c.: Mit verschiedenen aus den alten und neuern Dichtern genommenen Beschreibungen versehen / Aus dem Franz. des D. P. [i.e. Honoré Lacombe de Prezel] übers., u. mit vielen Anm. verm. Gotha: Mevius, Dietrich, 1759. [11] Bl., 428 S., 8°

Год	Название в рукописной ведомости	Цена	Атрибутированное издание
	Halleri physiologie. Tome II	3-40	<i>Haller Albrecht von</i> (1708–1777). <i>Elementa physiologiae corporis humani</i> . Lausannae: Bousquet, 1760. Т. 2. [5] Bl., 497 S., 4°
	Hills. Erzeugung der Phflanzen	0-40	<i>Hill John</i> (1716–1775). Entwurf eines Lehrgebäudes von Erzeugung der Pflanzen. Aus dem Englisch übers. und von Georg Leonhart Huth übersehen. Nürnberg: Seligmann, 1761. [3] Bl., 47 S., [1] Bl.: Ill., 8°
	Cosmographische Nachrichten	1-35	<i>Mayer Tobias</i> (1723–1762). Kosmographische Nachrichten und Sammlungen auf das Jahr 1748 zum Wachstume der Weltbeschreibung von den Mitgliedern der kosmographischen Gesellschaft. Wien: J.P. Krauß; Nürnberg, bey der homänischen Handlung druckts J.J. Fleischmann, 1750. [11] Bl., 104 S., [2] Bl., 419 S., [1] Bl., VII Bl., 4°
	Linnai. Fauna Suedica	1-25	<i>Linné Carl von</i> (1707–1778). <i>Caroli Linnaei... Fauna svedica, sistens animalia Suedicae regni: quadrupedia, aves, amphibia, pisces, insecta, vermes, distribute per classes et ordines, genera et species...</i> Ed 2-e. Stockholmiae: sumtu L. Salvii, 1761. [25] Bl., 578 S., [2] gef. Bl., 8°
	Hallers Werke	2=	<i>Haller Albrecht von</i> (1708–1777). Sammlung kleiner Hallerischer Schriften. Bern: gedruckt bey J.C. Heilmann, 1756. X, 391 S., 8°
	Heumanns comp. rei publ. litt.	0-60	<i>Heumann Christoph August</i> (1681–1764). <i>Conspectus reipublicae literariae, sive Via ad historiam literariam juventuti studiosae operta, a Christophoro Augusto Heumanno</i> . Ed. 4-e. Hanoverae, apud heredes Foersterum et fil. 1735. 456 p., 8°
	Unterrichte des Konigs von Preussen	0-50	<i>Meister Albrecht Ludwig Friedrich</i> (1724–1788). <i>Abhandlung von dem Kriegs-Unterrichte und Nachricht von den Königl. F*</i> . Göttingen: bey Victorinus Bossiegel, 1766. 67 S., 4°

Год	Название в рукописной ведомости	Цена	Атрибутированное издание
	Nieupoort Antiquit. Rom.	1=	<i>Nieupoort Willem Hendrik</i> (1670–1723). Explication abrégée des coutumes et cérémonies observées chez les Romains... Ouvrage écrit en latin par Nieupoort, et traduit par M. l'abbé ***[Desfontaines]. A Paris: chez Jean Desaint, 1741. XVII, [3], 415, 8 p.; 12°
	Michaelis. Compend. Teol.	0-60	<i>Michaelis Johann David</i> (1717–1791). Compendium theologiae dogmaticae. Goettingae: Vandenhoeck, 1760. LVI, 375 S., 8°
	Von der Gelehrtheit	2-40	<i>Flad Philipp Wilhelm Ludwig</i> . Entwurf einer Abhandlung von der Gelehrtheit und Wissenschaften, besonders dem Ursprung der Buchdrucker-Kunst zu Heidelberg. Heidelberg: bey J.J. Häner, 1760. 250 S., 4 Bl., 4°
	Halleri prima lin. physiol.	0-85	<i>Haller Albrecht von</i> (1708–1777). Halleri Prima linea physiologia. Gottingae: Vandenhoeck, 1747. [1] f., [6], 480 p., 4°
	Biphoff. Optische Beyträge	0-30	<i>Bischoff Johann</i> (1716–1779). Neue Optische Beyträge: hauptsächlich zu Vergrößerungsgläsern und einigen merkwürdigen Vortheilen bey Fernröhren. Ulm; Frankfurt; Leipzig: Gaum, 1760. 69 S., 8°
	Schuberti Consid. art. fidei	0-35	<i>Schubert Johann Ernst</i> (1717–1774). Consideratio articulorum fidei et dissensus in religione. Jenae: B. Joannis Adami Melchioris, 1751. 251 p., 8°
	Pariser anat. Abhandlung 4, 5, 8, 9-er Th.	5-40	Mémoires de l'Académie Royale de chirurgie (1743–1774) ²⁴ . Журнал
	Dictionnaire physique	7-20	<i>Paulian Aimé-Henri</i> (1722–1801). Dictionnaire de physique portatif, dans lequel on expose les découvertes les plus intéressantes de Newton & les notions géométriques nécessaires à ceux qui veulent se former une idée de la physique moderne. Par le père Aimé-Henri Paulian, prêtre de la Compagnie de Jésus, professeur de physique du Collège d'Avignon. Avignon: Girard, 1758. XVI, 352, 26 p.; planches; 8°

Год	Название в рукописной ведомости	Цена	Атрибутированное издание
	Wallerius Physische Chymie, 1-e Th.	1-20	<i>Wallerius Johan Gottschalk</i> (1709–1785). <i>Chymiae physicae, pars prima, de chemiae natura ac indole in genere ejusdem historia, characteribus, instrumentis tam passivis quam activis, operationibus denique et productis chemicis, systematica methodo, agens, a suecana, in linguam latinam translate et locupletata, ab auctore Joh. Gottschalk Wallerio. Stockholmiae, litteris et sumtibus L. Salvii, 1760. 448 p., 8 p. index, 4 tab., 8°</i>
	Schmeitzels Historie	0-85	<i>Schmeitzel Martin</i> (1679–1747). <i>Abriss zu einer vollständigen Reichs-Historie. Jena: Druck Fickelscherrs, 1728. 208 S., 4°</i>
	Göttingische Zeitungen, 1761, 1762	3-40	Göttingische Zeitung von gelehrten Sachen. Göttingen: Universitäts-Buchhandlung, 1761, 1762. 8°
	Mercure historique, 1760 et 1761	2-10	Mercure historique et politique des Pays-Bas (1759–1761) ²⁵ . Журнал
	Journal des Sçavans, 1760–1761	7-20	Le Journal des Sçavans ²⁶ . Журнал
	Hertel von Telescopien	0-45	<i>Hertel Christian Gottlieb</i> (1683–1743). <i>Vollständige Anweisung zum Glaß-Schleiffen, wie auch zu Verfertigung derer optischen Maschinen, welche aus geschliffenen Gläsern zubereitet und zusammengesetzt werden. Halle im Magdeburgischen: Renger, 1758. [14] Bl., 160 S., [6] Bl., XX Faltbl., 8°</i>
	Wolfii Aërometria	0-35	<i>Wolff Christian</i> (1679–1754). <i>Christiani Wolfii... Elementa matheseos universae... Genevae. Apud Henricum-Albertum Gosse, 1743–1752. T. 2: Qui mechanicam cum statica, hydrostaticam, aërometriam atque hydraulicam complectitur. 1746. VIII, 396 S., [30] gef. Bl., 8°</i>

Год	Название в рукописной ведомости	Цена	Атрибутированное издание
1755	Discours sur l'histoire, Bossuet	2-80	<i>Bossuet Jacques Benigne</i> (1627–1704). Discours sur l'histoire universelle...par Messire Jacques Bénigne Bossuet... Nouvelle édition. Paris: C. David, 1732. [2] Bl., 528 S., [4] Bl., 4°
1756	Peplier. Grammaire	0-35	<i>Des Pepliers Robert Jean</i> . Auf das neue übersehen, verbessert und vermehret. Leipzig: in der Weidmannischen Buchhandlung, 1753. [7] f., 492 p., [8] f., 72 p.; front.; 8°
1757	Compendium grammat. Morchira	0-30	Compendium grammaticae latinae, oder kurtzer Auszug aus der grösseren latenischen Grammatica Marchica... Leipzig: bey J.G. Dyck, 1746. 302 S., 8°
1758	Relationes de Libris. Vol. 1, 2, 3	4-80	<i>Michaelis Johann David</i> (1717–1791). Relationes de libris novis. Gottingae: apvd viduam Abrami Vandenhoeckii Bibliopol. Acad., 1752–1754. T. 1.1 (1752): VIII, 25, 264 S.; T. 1.2 (1752): S. 266–545; T. 1.3 (1752): 290 S.; 8°
1759	Tighaigne Zaziris	1-35	<i>Tighaigne de la Roche Charles François</i> (1722–1774). L'empire des Zaziris sur les humains ou la zazirocratie. Pekin, Dsmgtlfpqxz [i.e. Paris], 1761. XVI, 121 p., 12°
1760	Böhms Meßkunst	1-40	<i>Böhm, Andreas</i> (1720–1790). Gründliche Anleitung zur Meßkunst auf dem Felde, samt zweyen Anhängen vom Wasserwägen und von der unterirdischen Meß- und Markscheidekunst, zum Nutzen derer, denen an der Ausübung dieser Wissenschaften gelegen ist, hauptsächlich aber zum Gebrauche seiner Zuhörer aufgesetzt. Frankfurt u. Leipzig: bey H.L. Brönner, 1759. [8] Bl., 304 S., XXIV z.T. gef. Bl., 4°
1761	Poésies diverses	1=	<i>Friedrich</i> <Preußen, König, II>. Poésies diverses. A Berlin: chez C.F. Voss; à Gross-Glögau: chez Haude et Spenner, 1760. [2] Bl., 306 S., 8°

Год	Название в рукописной ведомости	Цена	Атрибутированное издание
1762	Succow. Naturlehre	1-50	<i>Suckow Lorenz Johann Daniel</i> (1722–1754). Entwurf einer Naturlehre. Jena: bey C.H. Cuno, 1761. 13 Bl., 602 S., 19 Bl.: Ill., 8°
1763	Ratio prælect. Wolfii	0-25	<i>Wolff Christian</i> (1679–1754). Ratio praelectionum Wolfianarum in mathesin et philosophiam universam et opvs Hugonis Grotii De Jure Belli et Pacis. Halae Magdeburg: Renger, 1735. 214 p., 8°

Summa 204-52.

Долгу на Брауне 179-02.

В материалах Канцелярии Петербургской академии наук сохранилось распоряжение: «Хотя по поданной от купца Вейтбрехта из долговых счетов бывшего бухгалтера Прейсера выписке и оказалось на покойном проф. Брауне за забранные им книги из немецкой книжной лавки казенного долгу 179-02, которая потому и вычтены были при даче жене его Браунше произведенного по примеру протчих профессорских вдов годового мужняго жалованья из 1010 руб. Однако она вдова Браунша представила, что те деньги 179 руб. и 2 коп. заплачены уже были мужем ея в помянутую книжную лавку при бывшем тогда в оной бухгалтере Прейсере, ссылаясь на покойного мужа своего речи, который тоже сам неоднократно книгопродавцу Вейтбрехту, когда он требовал сих от его денег, говаривал и уверял его, что он имеет данную ему в том от Прейсера квитанцию, которой, хотя и не мог отыскать, однако заподлинно утверждал, что он ее, конечно, имел, а могло, де, статься, что она утратилась у его с прочими письмами во время случившегося вскоре после уплаты тех денег в его квартире пожара, сверх же сего могло также (об) и то сделаться, что помянутый бухгалтер Прейсер счет оной для покойного Брауна позабыл почернить в своей книге, чему доказательством может служить найденный в той же книге подобный непохеренный счет для господина ст. советника Штели-на, но который предъявил данную ему от того Прейсера расписку, что по оному счету деньги были заплачены. Хотя же по сему и не можно заключить, чтобы и показанный долг на покойном профессоре Брауне также мог быть заплачен, однако комиссия за пристойное рассуди-

ла оставить сей долг помянутой вдове, нежели в сумнительных таких обстоятельствах вычетом онаго нанести ей может быть и напрасной убыток, тем наипаче, что и сам книгопродавец Вейтбрехт взятою от него справкою засвидетельствовал, что покойный Браун, сколько ни забирал книг в бытность его, Вейтбрехта, при оной книжной лавке, платил за оные всегда, по крайней мере при конце каждого года, и для того его сиятельство г-н академии директор граф В.Г. Орлов приказал вычтенныя те деньги из данного помянутой вдове Браунше в награждение годового мужа ея жалованья, 179-02 возратить ей от комиссара Зборомирского и оному дать на то ордер»²⁷.

Исходя из вышеприведенного перечня книг, приобретаемых профессором Иосифом Адамом Брауном в академической книжной лавке в течение длительного времени, можно сказать, что он вполне подходил под определение «человек эпохи Просвещения» — приобретал и читал книги различной тематики: от богословских трактатов до поэтических опытов прусского монарха. Однако бо́льшая часть книг относится прежде всего к его профессиональным интересам, их содержание посвящено специальным предметам, которые он преподавал в академической гимназии и университете: философии, экспериментальной физике и астрономии. Его интерес к справочным книгам по эфемеридам также непосредственно связан с занятиями в Академии наук — он участвовал в составлении и издании календарей, печатавшихся в академической типографии. Для этого ему был необходим и генеалогический справочник по правящим европейским династиям, поскольку надо было знать, под каким знаком зодиака был рожден тот или иной властелин, что указывалось в календарях. Изящная словесность занимает в приведенной таблице сравнительно мало позиций, скорее всего художественная литература приобреталась для семейного чтения, воспитания детей. Вероятно, для этих же целей была куплена и грамматика французского языка. Надо отметить и то обстоятельство, что Браун одновременно пользовался и услугами академической библиотеки, тем не менее нужные книги, несмотря на их дороговизну (стоимость перечисленных книг составляла пятую часть его годового дохода), предпочитал приобретать.

1. Нам уже приходилось писать об этом, см.: *Фафурин Г.А.* [Рецензия на кн.] Самарин А.Ю. Читатель в России во второй половине XVIII в. (по спискам подписчиков). М., 2000. 288 с. // Книжная старина: сб. науч. тр. / Сост. А.В. Вознесенский. СПб., 2008. Вып. 1. С. 268. О российских читателях

XVIII в. см.: *Копанев Н.А.* Петербургские подписчики на первое лондонское издание “Magasin des enfans” М. Лепренс де Бомон // *Solanus. N.S.* 2005. Vol. 19. P. 84–91; *Хотеев П.И.* 1) Немецкая книга и русский читатель в первой половине XVIII в. СПб., 2008; 2) Читатели Библиотеки Академии наук: по данным за 1724–1728 и 1731–1736 гг. СПб., 2010.

2. Из недавно опубликованного см.: *Chatelain Jean-Marc.* La bibliothèque de l’honnête homme: Livres, lecture et collections en France à l’âge classique / *Bibliothèque nationale de France.* P., 2003; переводные книги: История чтения в западном мире от Античности до наших дней / Ред.-сост. Г. Кавалло, Р. Шартье; пер. с фр. М.А. Руновой, Н.Н. Зубкова, Т.А. Недашковой. М., 2008; *Мангуэль А.* История чтения. М., 2008.

3. См. о нем: *Артемяева Т.В.* Философия в Петербургской академии наук в XVIII в. СПб., 2000. С. 123–136.

4. Браун Анна Елизавета, урожденная Гинц, или Гинс [Hintz], в первом браке за проф. Г.В. Рихманом, погибшем в 1753 г. при проведении опытов с атмосферным электричеством. Два его сына, Вильгельм и Фридрих, по достижении возраста были приняты в 1761 г. в академическую гимназию. В том же году вдова вышла замуж за проф. И.А. Брауна (Ломоносов глазами современников: Документы, письма, записки, статьи, эпитафии и панегирики, надписи / Сост. Г.Г. Мартынов; под ред. Б.А. Градовой. М., 2011. С. 456).

5. Перу И.А. Брауна принадлежат несколько опубликованных речей в академическом собрании: 1) О удивительной стуже искусством произведенной, от которой ртуть замерзла. СПб., [1761]; 2) Ответ на речь г. профессора Гришева о величинах и расстояниях небесных тел... (В сб.: Речи, говоренные в публичном собрании Академии наук... сентября 6 дня 1755 г. СПб., [1755]); 3) Слово о главных переменах атмосферы и о предсказании их... СПб., [1759]; эти речи изданы на латинском языке, см.: Сводный каталог книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII в., 1701–1800 / Отв. ред. А.И. Копанев, отв. сост. Е.А. Савельева, Т.П. Щербакова. Л., 1984. Т. 1. С. 146–147, № 483, 484. 26 октября 1753 г. проф. Браун представил отзыв на работу М.В. Ломоносова «Слово о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих» (Ломоносов глазами современников... С. 425, 426).

6. Михаил Васильевич Ломоносов: Переписка 1737–1765 / Сост. Г.Г. Мартынов; под ред. Б.А. Градовой. М., 2010. С. 480, прим.: Профессор (академик) — первоначально: член Петербургской академии наук, в обязанности которого вменялось вести работу в своей области, участвовать в заседаниях Академического собрания, сочинять книги и обучать молодых людей (студентов). По регламенту 1747 г. академики не должны были читать лекции в академическом университете, поэтому звания профессора и академика были отделены друг от друга.

7. Сводный каталог книг на иностранных языках... СПб., 2004. Т. 4. [Вып. 1]. С. 625, № 527.

8. Словарь русских писателей XVIII в. СПб., 1999. Вып. 2. С. 472.
9. Сводный каталог книг на иностранных языках... СПб., 2006. Т. 4. [Вып. 2]. С. 80.
10. Там же. СПб., 2004. Т. 4. [Вып. 1]. С. 474, № 5869.
11. Сб. ОРЯС. 1875. Т. 13. С. 240.
12. Михаил Васильевич Ломоносов: Переписка 1737–1765... С. 480.
13. Прейсер (Preiser) Сигизмунд — заведующий иностранной книжной лавкой Петербургской академии наук с 1740-х годов до 1763 г.
14. Вейтбрехт Иоганн Якоб (1744–1803) — заведующий иностранной книжной лавкой Петербургской академии наук в 1765–1768 гг. См. о нем: Фафурин Г.А. К истории академической книжной торговли в России в эпоху Екатерины II: деятельность Иоганна Вейтбрехта в Санкт-Петербурге. СПб., 2010.
15. Зборомирский Степан Васильевич — комиссар книжной лавки.
16. «Гауде и Шпенер» (Haude und Spener) — берлинская книготорговая фирма, имевшая длительные деловые отношения с Петербургской академией наук.
17. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 316. Л. 298.
18. Штелин Я.Я. (Stählin J.J., 1709–1785) — академик Петербургской академии наук.
19. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 316. Л. 301.
20. Histoire de l'Académie Royale des Inscriptions et Belles-Lettres (1717–1843). См.: Dictionnaire des journaux. 1600–1789 / Sous la dir. Jean Sgard. P.: Univ.; Oxford: Voltaire Foundation, 1991. 2 vol. Vol. (A–I). P. 539, № 601. (История Античности и Средних веков, вспомогательные исторические дисциплины, история техники и т.п. / Ред. Jean-Pierre Bougenville (1749–1753), Louis Dupuy (1753–1759), Charles Le Beau (1759–1777).)
21. В библиотеке М.В. Ломоносова также было это произведение, правда, другое издание, см.: Каталог книг личной библиотеки М.В. Ломоносова / Науч. ред. В.П. Леонов; сост. А.Е. Карначёв, И.Н. Лебедева, Е.А. Савельева. СПб., 2011. С. 138, № 53.
22. Memoires de l'Academie Royale de Berlin (1745–1769). См.: Dictionnaire des journaux. 1600–1789 / Sous la dir. Jean Sgard. P.: Univ.; Oxford: Voltaire Foundation, 1991. 2 vol. Vol. (J–V). P. 792, № 875.
23. Histoire de l'Académie Royale des Science (1702–1797). См.: Dictionnaire des journaux. 1600–1789 / Sous la dir. Jean Sgard. P.: Univ.; Oxford: Voltaire Foundation, 1991. 2 vol. Vol. (A–I). P. 546, № 608. С “Memoires” насчитывает всего 92 тома, последний вышел в 1797 г. (за 1792 г.).
24. Dict. (J–V). P. 791, №876. Вышло всего 5 томов, при жизни Брауна — 4. Т. 1 (1743); т. 4 (1758); т. 5 (1774).
25. “Mercure historique et politique” — журнал, основанный Ж.-А. Мобером (Jean Henri Maubert) и выходивший в Гааге в 1759–1761 гг., сообщал европейским читателям правительственные и общественные новости. См.: Dictionnaire des journaux. 1600–1789 / Sous la dir. Jean Sgard. P.: Univ.; Oxford: Voltaire Foundation, 1991. 2 vol. Vol. (J–V). P. 876, № 942.

26. Journal des Sçavans (1665–1792, 1797–1816). См.: Dictionnaire des journaux. 1600–1789 / Sous la dir. Jean Sgard. P.: Univ.; Oxford: Voltaire Foundation, 1991. 2 vol. Vol. (J–V). P. 645, № 710.

27. СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 316. Л. 307–307 об.

Е.М. Лупанова

ДИРЕКТОР НА ПЯТЬ ДНЕЙ. ПОЧЕМУ ИОГАНН БАКМЕЙСТЕР НЕ СТАЛ ВО ГЛАВЕ КУНСТКАМЕРЫ?

В мае 1771 г. скончался И.К. Тауберт, в течение долгого времени стоявший во главе Кунсткамеры и Библиотеки Петербургской академии наук. Широта интересов этого человека на ограничивалась собраниями академического музея, он также был переводчиком, историком, издателем¹. В результате следственного дела 1767 г. его полномочия по управлению Кунсткамерой и библиотекой были ограничены. Какие-либо решения он мог принимать только по согласованию с членами комиссии в составе П.С. Палласа, С.Г. Гмелина, К.Ф. Вольфа и О. Петрова. Первый отвечал за работу комиссии в целом и зоологические коллекции музея, С.Г. Гмелин — за ботаническое собрание, К.Ф. Вольф был специалистом в области анатомии, О. Петрову был поручен надзор за моделями, инструментами и этнографическими коллекциями. Тем не менее со смертью И.К. Тауберта встал вопрос о новом «надсмотрителе» академической библиотеки и Кабинета редкостей. Первым человеком, о котором вспомнили в этой связи члены комиссии Академии наук, был не один из них, узких специалистов, а унтер-библиотекарь И. Бакмейстер — человек широкой эрудиции, прекрасно образованный, владевший несколькими европейскими языками, а также арабским. Имея за плечами 12-летний опыт работы в должности унтер-библиотекаря и академического адъюнкта, он великолепно знал и книжное собрание, и музейные предметы.

В протоколе заседания от 7 мая 1771 г. записано: «Смотрение над Библиотекою и Кунсткамерою до будущего об оных нового распоряжения поручить на время адъюнкту Бакмейстеру и находящиеся в оных вещи велеть ему хранить в том же порядке, в каком они расположены по сочиненным при последней оных ревизии описям. Чего

ради здать ему на руки от оных палат ключи, так же и всем принадлежащим к ним служителям быть в послушании его Бакмейстера». Кроме факта вверения И. Бакмейстеру обширных бесценных коллекций, следует обратить внимание на то, что решение не было окончательным, в документе указывалось на временность положения, и полномочия академического асессора ограничивались следующим образом: «...минеральный, минц-кабинет оставить по-прежнему запечатанными до будущего рассуждения о них от его сиятельства Академии наук господина директора графа Владимира Григорьевича Орлова приказа, а находящиеся от оных в доме покойного статского советника Тауберта ключи взять в комиссию и хранить при оной». Вместе с тем И. Бакмейстеру предписывалось найти и представить комиссии каталоги этих двух кабинетов, а также «и все прочие к оному кабинету принадлежащие каталоги»².

И. Бакмейстер недолго возглавлял библиотеку и Кунсткамеру, хотя факт пусть даже кратковременно занятия столь высокой должности свидетельствует о большом его авторитете, доверии и уважении к нему. Один из вариантов объяснения заключается в предпочтении специализации — временное назначение не было затем закреплено, потому что музей, содержащий богатые естественно-научные коллекции, было решено передать математику (С.К. Котельникову). И. Бакмейстер, как специалист в области гуманитарных наук, остался на должности унтер-библиотекаря. Однако такое объяснение представляется не слишком убедительным. Если исходить из приоритетов естественно-научных коллекций Кунсткамеры перед библиотекой, логично было бы передать бразды правления естествоиспытателю, а не специалисту в области математики, имеющему дело с абстракцией. В тот момент достойные кандидаты работали в Кабинете редкостей, имели достаточный большой опыт и авторитет. Примером тому могут служить упомянутые члены комиссии, управлявшей Кунсткамерой и ограничивавшей полномочия И. Тауберта. Но очевидно, что опыта и авторитета было недостаточно.

Необходимо было утверждение позиций русской науки. Начало борьбы русских за свои права в Академии наук автор специального исследования этого вопроса относит к 1728 г., когда русские служащие академической типографии подали на имя императора челобитную, жалуюсь на задержку жалованья и крайнюю материальную нужду. Факт отражал утвердившуюся в Петербургской академии наук практику дискриминации русских в вопросах заработной платы.

Другие факты столкновения русских и иностранных интересов он усматривает в проекте президента Академии И.А. Корфа об учреждении «семинария для малолетних», судьбах первых русских ученых И.С. Горлицкого и В.К. Тредиаковского, учреждении Российского собрания и инциденте с московскими семинаристами, прибывшими в начале 1736 г. в Петербург для продолжения обучения. Пресловутое «немецкое засилье» в царствование Анны Иоанновны наложило свой отпечаток и на историю Академии наук³. В январе 1742 г. в Сенат было передано заявление директора академической Инструментальной палаты А.К. Нартова, в котором обращалось внимание правительства на антинациональный характер деятельности Академии, занимавшейся подготовкой иностранных и игнорировавшей подготовку отечественных, русских, ученых. Начатое по этому заявлению и на шумевшее следствие по делу о злоупотреблениях И.Д. Шумахера, возглавлявшего Кунсткамеру и Библиотеку Академии наук с 1724 г., породило активное обсуждение вопроса об ущемлении прав русских в Академии⁴. Главным предметом многочисленных споров середины XVIII в. между русскими и иностранцами была сама Академия с многочисленными рабочими местами, которые занимали иностранцы и к которым стремились русские⁵. Самый известный эпизод этой борьбы — патристические выступления М.В. Ломоносова. В свете описанных предшествующих событий в 1771 г. было чрезвычайно важно, чтобы новым «надсмотрителем» стал «природный русский».

На следующее заседание Канцелярии 12 мая 1771 г. явился президент Академии наук В.Г. Орлов и распорядился: «Смотрение над Библиотекою и всею Кунсткамерою, так как и над принадлежащими к оной минеральным и минц-кабинетом, поручить академику Котельникову с такою же властью, какую имел при оных покойный статский советник Тауберт, и вследствие того адъюнкту Бакмейстеру, так же и прочим всем находящимся при сем департаменте служителям, быть у его г. Котельникова в совершенном послушании и поступать во всем по его приказаниям»⁶. Граф В.Г. Орлов на посту директора Академии наук вообще проявил себя как человек, радевший за авторитет русской науки в противовес иностранному влиянию. Он пытался ввести практику ведения протоколов академических заседаний на латинском языке. Однако эта попытка была неудачной. Преобладающее число немецких ученых, составлявших академию, настояло на том, что латынь должна быть заменена не русским языком, а немецким.

С.К. Котельников был единомышленником М.В. Ломоносова по борьбе с немецким засильем в Академии наук. М.В. Ломоносов оказал большое влияние на формирование С.К. Котельникова как ученого, поддерживал его, рекомендовал к назначению профессором по кафедре математики Петербургской академии наук. С.К. Котельников продолжил дело своего учителя, в частности, читая курс математики в университете на русском языке. Большую аудиторию собирали его публичные лекции, также читавшиеся по-русски. Во время болезни М.В. Ломоносова он замещал его по части организационной работы в гимназии и университете. Когда И.К. Тауберт, пользуясь отсутствием М.В. Ломоносова, попытался подчинить себе учебную часть Академии, С.К. Котельников отправил в Канцелярию следующее официальное извещение: «Рапортую о состоянии университета и гимназии г. коллежского советника Михаила Васильевича Ломоносова и от него приказы принимаю. Его высокородие мне объявил, что дирекции университета и гимназии оставить не намерен»⁷. С.К. Котельников возглавлял библиотеку и Кунсткамеру до 1797 г. Его авторитет в исторической перспективе затмил авторитет И. Бакмейстера. Т.В. Станюкович пишет в своей книге о работе И. Бакмейстера «Опыт о Библиотеке и Кабинете редкостей и истории натуральной Санкт-Петербургской Императорской академии наук»: «Несомненно, что составление каталога, снабженного научными данными, могло быть выполнено лишь при участии и помощи научного руководителя музея Семена Кирилловича Котельникова»⁸. Не умаляя ни заслуг С.К. Котельникова, ни его тесного сотрудничества с И. Бакмейстером, следует восстановить историческую справедливость и признать, что И. Бакмейстер был достаточно образованным и опытным музейным сотрудником, чтобы стать автором самостоятельного оригинального труда. Что касается мицц-кабинета (собрания монет и медалей), в течение 10 лет, до августа 1781 г., проводилось «освидетельствование» его коллекций. В состав комиссии по ее проведению входили, кроме С.К. Котельникова, К.Ф. Вольф, Г.В. Крафт, И. Бакмейстер. После завершения этой работы канцелярия Академии наук распорядилась «как теперь г. академик Котельников до помянутого кабинета более дела иметь уже не обязан, то для ведения комиссии истребовать от показанных трех персон известие, в каком состоянии оный кабинет ими принят и все ли в нем сохранено», а затем, укрепив замки и двери, запретить «впредь до приказания и до будущей в нем надобности»⁹.

И. Бакмейстер проработал в академической Кунсткамере и библиотеке более четверти века (с 1759 по 1788 г.), внес большой вклад в изучение и описание коллекций, составление каталогов, восстановление музея и библиотеки после пожара 1747 г., организацию экспозиции при открытии музея вновь (1766). Он курировал финансовые документы, печать билетов и этикеток, выявление и списание дуплетных экземпляров книг, приобретение новых, списание музейных предметов плохой сохранности и массу другой технической работы¹⁰. Замечательным памятником деятельности этого человека является его книга «Опыт о Библиотеке и Кабинете редкостей и истории натуральной Санкт-Петербургской Императорской академии наук» — путеводитель по музею и библиотеке, написанный как занимательное повествование, в котором чувствуется и знание коллекций, и любовь к делу, и стремление передать это чувство читателю. Книга была издана на французском, немецком и русском языках (два издания), получила широкую известность среди русских и европейских читателей, способствовала популяризации информации о собраниях первого в России музея. На протяжении многих десятилетий этот труд является важнейшим источником по истории Кунсткамеры XVIII в. «За его рачение к должности, а паче за сочинение описания библиотеки, сочинение коего у нас не доставало и которое всегда было нужно и которого не всякой мог сделать, за приложенные ими труды, тщание и искусство в распорядке к установлению натуральных вещей в Кунсткамере» И. Бакмейстер был удостоен золотой медали к 50-летнему юбилею Петербургской академии наук¹¹. Это был увлеченный своим делом человек, составивший богатую частную коллекцию гравюр и эстампов; человек, объединивший вокруг себя немецко- и франкоязычное общество Петербурга¹². Тем не менее должность И. Бакмейстера после пяти майских дней 1771 г. осталась прежней. На протяжении всей последующей деятельности он оставался унтер-библиотекарем и академическим адъюнктом, как и в первые годы работы в Петербурге.

1. *Савельева Е.А.* Унтер-библиотекарь Иоганн Каспар Тауберт // Немцы в России. СПб., 2000. С. 295–308.

2. Журналы Канцелярии Академии наук. 7 мая 1771 г. (СПФ РАН. Ф. 3. Оп. 8. Д. 542. Л. 149).

3. *Турнаев В.И.* О национальной тенденции в развитии Петербургской академии наук (20–40-е годы XVIII в.): Очерки истории русско-немецких научных связей. М., 2007; *Он же.* Национальная и демократическая тенденции в развитии Петербургской академии наук: дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2006.

4. Материалы для истории Императорской Академии наук. СПб., 1889. Т. V (1742–1743). С. 378–379, 465, 580–581, 596.

5. *Турнаев В.И.* О национальной тенденции...; *Он же.* Национальная и демократическая тенденции...

6. Журналы Канцелярии Академии наук. 12 мая 1771 г. (СПФ РАН. Ф. 3. Оп. 8. Д. 542. Л. 150).

7. *Кулябко Е.С.* Замечательные питомцы Академического университета. Л., 1977. С. 110–111.

8. *Станюкович Т.В.* Кунсткамера Петербургской академии наук. М.; Л., 1953. С. 158.

9. Журналы Канцелярии Академии наук. 23 августа 1781 г. (СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 8. Д. 552. Л. 381–381 об.).

10. Копия с журнала академической комиссии. 27 июля 1777 г. (СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 8. Д. 22. Дело о покупке разных материалов и о специальном оборудовании Кунсткамеры и Библиотеки. Л. 18); Рапорт академика С.К. Котельникова о приеме в Кунсткамеру минералогического кабинета Генкеля. 15 октября 1774 г. (СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 8. Д. 21. Л. 1 об.); [О закупке бумаги и свеч по запросу Бакмейстера. 22 декабря 1769 г.] (СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 8. Д. 540. Л. 355); [О выдаче И. Бакмейстеру 50 руб. для платы вольнонаемным мастеровым] 17 декабря 1770 г. (СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 8. Д. 541. Л. 176 об.); [О выдаче по запросу Бакмейстера на исправление разных мелочных надобностей при Кунсткамере и Библиотеке] 13 февраля 1772 г. (СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 8. Д. 543. Л. 68 об.); [О выдаче И. Бакмейстеру 50 руб. на мелочные расходы по Кунсткамере и Библиотеке] 19 апреля 1773 г. (СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 8. Д. 544. Л. 148 об.); [О выдаче И. Бакмейстеру 50 руб. на мелочные расходы по Кунсткамере и Библиотеке]. 20 января 1774 г. (СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 8. Д. 545. Л. 45 об.); [О выдаче И. Бакмейстеру 50 руб. на мелочные расходы по Кунсткамере и Библиотеке]. 31 марта 1777 г. (СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 8. Д. 548. Л. 121 об.); [О выдаче И. Бакмейстеру 50 руб. на мелочные расходы по Кунсткамере и Библиотеке]. 17 августа 1778 г. (СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 8. Д. 549. Л. 240 об.); [О выдаче И. Бакмейстеру 50 руб. на мелочные расходы по Кунсткамере и Библиотеке]. 31 июля 1780 г. (СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 8. Д. 551. Л. 245 об.); О выдаче унтер-библиотекарю Бакмейстеру на дело коробочек для положения шуффов купленного Генкелева минерального кабинета 100 р. (СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 8. Д. 617. Л. 81); [О выдаче И. Бакмейстеру 30 руб. на мелочные расходы по Кунсткамере и Библиотеке]. 29 мая 1777 г. (СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 8. Д. 548. Л. 172); [О выдаче И. Бакмейстеру 25 рублей на мелочные расходы по Кунсткамере и Библиотеке]. 1 сентября 1777 г. (СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 8. Д. 548. Л. 157); Копия унтер-библиотекарю Бакмейстеру о напечатании на русском и французском языках надписей для приложении на хранящиеся в Кунсткамере вещи. 31 мая 1777 г. (СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 8. Д. 619. Л. 33 об.); О выдаче г. унтер-библиотекарю Бакмейстеру на платеж мастерам за лакирование разных постаментов и на другие расходы 50 руб. 28 сентября

1777 г. (СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 8. Д. 619. Л. 60 об.); [О выдаче И. Бакмейстеру 100 руб. на мелочные расходы по Кунсткамере и Библиотеке] 26 августа 1779 г. (СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 8. Д. 550. Л. 283 об.); О выдаче г. библиотекарю Бакмейстеру на платеж за купленные им с аукциона после покойного академика Гильденштета книги 11 руб. 40 коп. и за отделку купленной лосевой свежей кожи поз зделание из оной чучелы и на прочие расходы 50 руб. 4 апреля 1782 г. (СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 8. Д. 553. Л. 129); [О выдаче И. Бакмейстеру 10 р. на мелочные расходы по Кунсткамере и Библиотеке] 6 апреля и 6 июня 1783 г. (СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 8. Д. 554. Л. 228, 338); [Об отпуске бумаги и спирта по запросу И. Бакмейстера] 25 августа 1785 г. (СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 8. Д. 557. Л. 343 об.—344); [О выдаче бумаги] 4 сентября 1773 г. (СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 8. Д. 544. Л. 268 об.); [О выдаче бумаги] 21 января 1787 г. (СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 8. Д. 559. Л. 96 об.—97).

11. О выдаче унтер-библиотекарю Бакмейстеру золотой медали за сочинение описания Библиотеки. 16 января 1778 г. (СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 620. Л. 4 об.).

12. Реестр журналам императорской Академии наук. 23 июля 1786 г. (СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 558. Л. 325 об.).

Ю.И. Мошник, М.В. Ефимов

**«СОТВОРЕНИЕ МОНРЕПО»:
ПРИНЦ ФРИДРИХ ВЮРТЕМБЕРГСКИЙ В ВЫБОРГЕ
В 1784—1786 гг.¹**

В истории имения Монрепо под Выборгом остаются малоисследованными первоначальные этапы формирования усадебного комплекса и пейзажного парка. До настоящего времени исследовательский интерес был связан прежде всего с первым владельцем имения П.А. Ступишиным, начавшим разбивку будущего парка Монрепо, а также с третьим владельцем Л.Г. Николаи, с чьим именем справедливо связывают подлинный расцвет Монрепо в конце XVIII — начале XIX в. На этом фоне вклад в создание Монрепо второго владельца имения, принца Фридриха Вильгельма Карла Вюртембергского (1754—1816), кажется менее значительным. Тем не менее, несмотря на кратковременность пребывания принца Фридриха в Выборге и Монрепо, именно он сделал парк Монрепо законной частью большой европейской истории и произведением садово-паркового искусства. Изменения, привнесенные принцем Фридрихом в усадебную и парковую среду за два года (1785—1786), были столь существенны, что почти полностью заслонили двадцатилетние труды П.А. Ступишина по обустройству усадьбы.

Любопытно отметить, что история семьи принца Фридриха была тесно переплетена с историей садово-паркового искусства. Дяде Фридриха, герцогу Карлу Евгению, принадлежал дворец Хоэнхайм (Hohenheim) (под Штутгартом)², знаменитый своим пейзажным парком. Родители Фридриха, Фридрих Евгений Генрих (1732—1797)³ и София Доротея (1736—1798), значительную часть своей жизни провели в Монбельяре (Montbéliard), где вокруг своего дворца в Этюпе (Étupes) разбили знаменитый парк⁴. В Этюпе же прошло детство и принца Фридриха, и его сестры Софии Марии Доротеи.

Когда в 1776 г. София Мария Доротея вышла замуж за Павла Петровича, сына Екатерины II⁵, Фридрих оказался вовлечен в орбиту высокой российской политики. Отметим, что во время поездки в Берлин для знакомства с будущей супругой великого князя Павла сопровождал Л.Г. Николаи, ставший после бракосочетания Павла личным секретарем Марии Федоровны. Вероятно, в это время будущий второй владетель Монрепо, Фридрих, и познакомился с будущим третьим владельцем имения Николаи.

С 1777 г. Фридрих состоял на прусской военной службе⁶, а в 1780 г. женился на принцессе Августине Каролине Фридерике Брауншвейг-Вольфенбюттельской (1764–1789). Брак оказался несчастливым с самого начала, и последствия этого в полной мере были ощутимы и позднее в Выборге⁷.

В 1782 г. Фридрих сопровождал великого князя Павла и его жену Марию Федоровну в итальянской части их большого европейского путешествия под именем «графа и графини Северных». Поскольку в свите Павла и Марии в этом путешествии состоял и Л.Г. Николаи, повторная встреча Николаи с Фридрихом представляется весьма вероятной.

Пребывание Павла Петровича и Марии Федоровны в Вене — на фоне заключения секретного договора Екатерины II с Иосифом II — немедленно отразилось и на судьбе Фридриха. Как пишет Н.К. Шильдер, «[с]ближение России с Австрией, закрепленное путешествием цесаревича, разогорчило до чрезвычайности Фридриха Великого. Гнев его немедленно обрушился на старшего брата великой княгини Марии Федоровны, принца Фридриха; король уволил его из прусской службы. Екатерина, разгневанная, в свою очередь, этим поступком своего бывшего союзника, тотчас предложила принцу место генерал-губернатора в русской Финляндии. “Vous y avez vu ma bonne volonté” (“Вы видели мою добрую волю”), — писала императрица цесаревичу и великой княгине, обрадовав их своим решением. Принц Фридрих встретился с цесаревичем в Венеции и явился ко двору Екатерины незадолго до возвращения наследника в Россию»⁸.

Принц Фридрих появился в России в 1782 г. и был произведен Екатериной II в чин генерал-поручика. В Петербурге он с семьей поселился в собственном доме на ул. Моховой, в приходе церкви Симеона Богоприимца⁹. С июня по октябрь 1783 г., в самом начале российско-турецкого конфликта, он командовал наблюдательным корпусом численностью около 15–20 тыс. солдат в районе Херсона.

25 июля 1783 г. был издан высочайший указ об учреждении Выборгского наместничества, и Фридрих получил предложение возглавить его. В 1784 г. Фридрих приезжает в Выборг в должности генерал-губернатора. Этот же год был отмечен существенным обострением отношений Екатерины II с ближайшими родственниками ее невестки, Марии Федоровны. Как отмечает Ж.В. Малеева в своем исследовании «Представители династии Вюртембергских в политической истории России, конец XVIII — середина XIX в.», Фридрих Великий «склонил на свою сторону второго брата великой княгини принца Людвиг. 27 октября 1784 г. он вступил в “политический” брак с Марианной Чарторыйской, дочерью польского магната Адама. Князь Адам стремился заручиться поддержкой прусского короля, чтобы занять польский престол, на котором в то время восседал бывший фаворит Екатерины II — Станислав Понятовский. Императрица была ужасно разгневана поведением Людвиг и всей вюртембергской родни. Она запретила родителям Марии Федоровны принимать у себя сына»¹⁰.

Тем не менее Фридрих вступил в должность и появился в Выборге. Возможно, отъезд принца Фридриха в Выборг из столицы был связан с уже сложившимся неприязненным отношением императрицы к выборгскому генерал-губернатору. Была и другая, более весомая, причина для переезда ближе к границе — Екатерина распорядилась, чтобы принц самолично контролировал пограничную ситуацию и возможное перемещение шведских войск. 25 апреля 1785 г. она писала Фридриху: «Нам любезно верному принцу Виртемберг-Штутгардскому, генералу порутчику, Правящему должность нашего Генерала Губернатора Финляндского. Последние известия полученные из Стокгольма гласят о продолжаемых в Швеции приготовлениях, в том числе и на финляндской границе; о назначении там войск и о предприятии короля шведского приехать туда, допуская притом слухи что он намерен воспользоваться сим случаем на свидание с Нами. В соблюдении надлежащей осторожности не столько от незапного нападения, сколько от напрасной тревоги и замешательств, коим таковыя обстоятельства причиною быть могут, Мы за нужное находим что б вы как наискорее на легкой отправлялися в Выборг и до границы Нашей, и там, отобрав известия о подлинности сих слухов, осведомився, в самом ли деле какия есть приготовления и где имянно для собрания войск и для королевскаго приезда, а притом, поступя в том с крайнею осторожностью, прислали и Нам донесения подробныя; и между тем

покуда Мы яснее о том уведомлены будем, да и вам дальняя дадим предписания, распорядить все то, что служит к осторожности, не показывая ни мало, что бы у нас боялися их нападения. Пребываем впрочем вам Императорскою Нашею милостию всегда благосклонны»¹¹. В июне, когда сведения принца были получены и проверены, Фридриху было позволено возвратиться в Санкт-Петербург.

В Выборге уже в 1784 г. была подготовлена резиденция для принца. Дворец выборгского наместника был возведен по проекту Карла Иоганна Шпекле и первоначально предназначался для инженерной команды¹², но на последнем этапе строительства был приспособлен для новой цели и получил парадную отделку. Помимо дворца на центральной Соборной площади Выборга, принц Фридрих озабочился приобретением летней загородной резиденции. Через свое доверенное лицо он купил три имения — Лиимату, Фройденхофф и Шарлоттенталь, последнее из которых и стало знаменитым Монрепо.

Шарлоттенталь, бывшее казенное имение Лилль Ладугорд, к этому времени пустовало уже два года. Его прежний владелец, генерал-лейтенант Петр Алексеевич Ступишин, скончался в 1782 г., и его наследники предпочли отказаться от собственности, обремененной крупными долгами. Имение было выставлено на продажу и привлекло внимание принца. Формально покупателем всех земельных угодий принца Фридриха под Выборгом был коллежский ассессор М.И. Донауров, доверенное лицо Фридриха, а впоследствии — крупный государственный сановник. В Национальном архиве Финляндии сохранилась купчая¹³ от 23 октября 1784 г., в которой говорится о том, что назначенные властями опекуны, президент гражданского суда Выборгского наместничества Магнус Орреус и ассессор совместного суда Юрген Вульферт, получили поручение от Николая и Петра Ступишиных «выставить на продажу и уступить желающим право на... оставшееся по наследству от их покойного отца имение Шарлоттенталь. И поэтому мы, нижеподписавшиеся опекуны, Орреус и Вульферт, в силу доверенности и уступной записи, обдуманно и по доброй воле данных нашими господами подопечными... решили означенное имение Лилль Ладугорд или Шарлоттенталь, со всеми относящимися к нему ныне и приобретенными в будущем угодьями, правами и привилегиями, а также находящимися на сей земле жилыми и хозяйственными строениями, садами, оранжереями, сельскохозяйственными орудиями, десятью рабочими лошадьми, с урожаем этого года

и посевами ржи, во всем без изъятия, в нынешнем состоянии, уступить в неоспоримое и потомственное владение, таким образом, как владел сей землей блаженной памяти господин генерал-лейтенант, губернатор и кавалер Ступишин, господину коллежскому асессору¹⁴ Михаилу Донаурову по оговоренной и установленной обеими сторонами уступной цене в три тысячи рублей, каковую сумму господин цессионер обязуется настоящим русской монетой по истечении года, считая со дня подписания сего контракта, нам, опекунам или назначенным нами для приема денег лицам, тотчас и безоговорочно, вместе с шестью процентами, по возвращении выданного цессионером и удержанного для надежности векселя... уплатить здесь, в Выборге».

В исторических исследованиях, посвященных Выборгу и Монрепо, встречаются указания на то, что в новой усадьбе принца под Выборгом устраивались пышные праздники и балы¹⁵. Документальные свидетельства не подтверждают этих сведений. Доставшиеся принцу усадебный дом и парк вряд ли могли соответствовать его вкусу, воспитанному на европейских образцах, и Фридрих принялся за проведение строительных работ и благоустройство своего нового имения. Широко образованный, начитанный, живо интересовавшийся искусством, принц Фридрих был хорошо осведомлен о новых веяниях в паркостроении. Уже в начале осени 1784 г. в Шарлоттентале начинаются крупномасштабные ремонтные и строительные работы.

Имеющиеся в нашем распоряжении указания (из переписки Л.Г. Николаи и его родных) позволяют сделать вывод, что существующее здание главного усадебного дома восходит ко времени владения не П.А. Ступишиным, а принцем Фридрихом. В любом случае на картине Я. Меттенлейтера 1796 г. изображен дом, построенный в то время, когда имение Монрепо принадлежало Фридриху.

Помимо тридцати строителей, работавших здесь под руководством губернского архитектора Якоба Рампо¹⁶, выборгский полковник Ф. Феррей предоставил солдат для взрывных работ и расчистки сада от камней¹⁷. Финансовые документы, сохранившиеся в Государственном архиве Штутгарта, содержат сведения, что в усадьбе принца Фридриха работал садовник, получивший зарплату 62 руб. 49 коп. за три месяца¹⁸. Однако неизвестно, какие именно работы были им проведены в парке. По тем же отчетам архитектор Фридриха Вильгельма получил гвозди на 14 руб. 50 коп. Жалование архитектору выплачивалось по другим счетам. В статьях дохода была отмечена прибыль от

продажи ржи, овса, ячменя и солода, выращенных на территории Лилл-Ладугорд (Шарлоттентале), составившая 975 руб. 35 коп.

Получаемый с полей Шарлоттентале незначительный доход не покрывал расходов на новые проекты. Вероятнее всего, в планы принца Фридриха входило обустройство загородного дома и парка. Представителем принца в Финляндии, контролировавшим проведение строительных работ в Шарлоттентале, был надворный советник Йохан Норштедт. 19 марта 1785 г. он сообщил принцу Фридриху, что в этот день архитектор отбыл в Петербург и что он сам доставил в Шарлоттенталь кирпичи и, кроме того, отправил в Выборг деньги для приобретения бревен и досок¹⁹.

Для главного здания в 1785 г. принцем были приобретены 10 кафельных печей; на эти печи и их дымовые трубы ушло 15 тыс. кирпичей. Для печей в конюшне потребовалось 5 тыс. кирпичей и 3 тыс. пятидюймовых гвоздей, в здании для слуг на печи ушло 2 тыс. кирпичей и 4 тыс. семидюймовых гвоздей²⁰. К этому времени принц Фридрих с семьей постоянно проживал в своей выборгской резиденции, а летние месяцы проводил в пригородном имении.

На основании имеющихся материалов можно утверждать, что строительные работы в имении Монрепо при принце Фридрихе велись с осени 1784 г. по начало 1786 г. Проектных чертежей авторства Рампо до настоящего времени не выявлено, хотя не исключено, что часть их осела в архивных коллекциях Германии (Вюртемберг) или в других архивных собраниях. По имеющимся сведениям, Рампо скончался в 1785 г. На его место был назначен новый губернский архитектор Йохан Брокман. В настоящий момент не имеется точных сведений о том, какой объем работ был выполнен Рампо и продолжил ли Брокман осуществление в Монрепо планов строительства, принадлежащих Рампо.

Летом 1785 г. принц Фридрих дал имению французское название Монрепо ("Mon Repos" — «Мой отдых»). Это название он начинает использовать в подписях к своей корреспонденции, никак не комментируя переименование имения. Существует предположение, что свое выборгское имение Фридрих переименовал в память о швейцарском имении Монрепо под Лозанной, где он жил в юности.

В 1786 г. Фридрих Вильгельм прибыл в Монрепо уже в мае и сообщил родным: «Я наслаждался бы своим поместьем куда более, если бы погода была лучше, но весь май лил дождь, и все же и постройки и сад очаровательны»²¹. Наконец ремонтные работы в усадьбе были

завершены. В июне семья принимала многочисленных гостей из Петербурга. Друг Фридриха Вильгельма граф Йохан Карл фон Цеппелин в июне отпраздновал здесь свадьбу с молодой выборжанкой Катариной фон Дельвиг.

В одном из недатированных писем принца содержится свидетельство, косвенным образом указывающее на размеры парка Монрепо в эти годы. Принц, по всей видимости, считал, что сможет гулять по парку, не встречаясь со своей супругой, с которой у него были напряженные отношения: «...запрещаю Вам показываться мне на глаза, если на это нет моего позволения. Объявляю, что ввиду Вашего слабого здоровья Вы должны оставаться и отдыхать в своих комнатах, и если Вам нужно двигаться, парк Шарлоттенталь достаточно обширен, чтобы Вы могли бывать здесь, не попадаясь мне на глаза...»²² Как и в предыдущей цитате, принц, вероятнее всего, подразумевает уже сложившуюся парковую среду, доставшуюся ему со времен П.А. Ступишина, а не преобразования, которые могли последовать в 1785–1786 гг.

В декабре 1786 г. Екатерина II предоставила принцу Фридриху годичный отпуск, который мог рассматриваться только как отстранение от должности и принудительная высылка из страны. Причины этого в полной мере неясны. Высказывается предположение, что Екатерина подозревала Фридриха в тайных переговорах со шведами. Быть может, свою роль в высылке Фридриха сыграло и личное обращение к Екатерине супруги Фридриха Августы-Каролины, просившей у императрицы защиты перед супругом-тираном. 21 декабря дела, хранившиеся в канцелярии генерал-губернатора, были приняты по описи Карлом фон Гинцелем²³, а спустя неделю принц с детьми и свитой уже выехал из России, чтобы больше никогда не возвратиться сюда²⁴.

Период, когда принц Фридрих Вильгельм был владельцем Монрепо, длился около двух лет, и трудно сказать, какие преобразования относятся к этому периоду, а какие — к периоду более раннему. Вероятно, принц возвел маленький четырехугольный павильон, который изображен на картине Я. Меттенлейтера на скале, позже получившей название Левкадской. Возможно также, что в этот период был возведен павильон Мариентурм. В парке при летнем дворце родителей Фридриха Вильгельма и великой княгини Марии в Этюпе стояла походя вышка в китайском стиле. В коллекции архитектурной графики в архиве Музейного ведомства Финляндии сохранился проектный

чертеж башни Мариентурм, не имеющий даты и подписи. Вероятнее всего, это проект реконструкции башни, а не строительный чертеж.

Важно отметить, что в тот период, когда имение принадлежало принцу Фридриху, Монрепо уже рассматривалось как одна из достопримечательностей Выборга, которую посещали гости города. Свидетельством может служить запись в путевых записках Франсиско де Миранда, посетившего Выборг в августе 1787 г.: «Тем не менее захотели посмотреть загородный дом под названием “Монрепо”, который принц Вюртембергский, генерал-губернатор всей этой провинции, построил неподалеку от Выборга в романтическом и уединенном месте. С некоторых скал открываются чудесные виды на такие же скалы, озера и леса»²⁵. Миранда не называет никаких парковых достопримечательностей, однако его указание подтверждает наличие к этому времени в парке прогулочных дорожек и видовых площадок на возвышенностях.

Внезапный отъезд принца Фридриха из Петербурга поставил его доверенных лиц в Финляндии в затруднительное положение. Судьба выборгских имений принца оказалась неопределенной. Среди знакомых принца по Малому двору был личный секретарь Марии Федоровны Людвиг Генрих Николаи, к которому Фридрих обратился с просьбой выяснить, за какую сумму можно продать его имения в Финляндии²⁶.

Находившийся на службе у принца Йохан Нордштедт, арендатор жалованных земель Яаккима, Куркийоки и Тервуса, приказал засеять поля Фрейденхофа, Лииматы и Монрепо и сдал в аренду постройки Монрепо под постоянный двор²⁷. Нордштедт в своих действиях должен был руководствоваться указаниями М.И. Донаурова. Осенью 1787 г. принц принял решение продать свои земельные владения под Выборгом. В конце апреля 1788 г. Донауров написал ему, что за все три поместья — Монрепо, Фрейденхоф и Лиимату — по его мнению, нельзя получить больше 10 тыс. руб. и потому на них есть один-единственный покупатель — барон Людвиг Генрих фон Николаи. Донауров констатирует, что поместья в принципе стоят дороже, но поскольку здания деревянные, они постоянно нуждаются в ремонте, и потому принцу следовало бы довольствоваться предложенной ценой²⁸.

Наконец 19 августа 1788 г. в Петербурге состоялась покупка Монрепо. Людвиг Генрих Николаи приобрел все три имения с жилыми домами и хозяйственными постройками, мебелью, садами, оранжереями и сельскохозяйственными инструментами²⁹. Он взял на себя

обязательство выплатить в течение двух месяцев 10 тыс. руб. наличными³⁰. За принца Фридриха договор о продаже Монрепо подписывал выборгский бургомистр Георг Арнольди. 21 августа 1788 г. он написал принцу из Петербурга, что находит сделку удачной, несмотря на то что она заключена по нижней цене, установленной принцем.

В 1788 г. русская армия продвигалась к фронту через Выборг и нанесла существенный урон посадкам в Монрепо. Военные вырывали ограды из земли для разведения костров, деревенский домашний скот свободно разгуливал по полям и испортил их так, что не было надежды получить урожай даже в следующем году. Получив небольшую компенсацию в качестве возмещения ущерба, Л.Г. Николаи продал на аукционе мебель из приобретенных усадеб, в том числе и из Монрепо.

В том же году (27 сентября 1788 г.) оставленная Фридрихом супруга Августа-Каролина умерла в эстляндском замке Лоде трагической и мучительной смертью.

Фридриху же предстояли долгие годы насыщенной жизни в Европе, совпавшие с революционными потрясениями во Франции, революционными войнами и перекраиванием европейской карты Наполеоном. Для Фридриха, среди прочего, одним из последствий этого стала выдача замуж в 1807 г. своей дочери Екатерины за Жерома Бонапарта, младшего брата Наполеона.

Немного ранее, в 1804 г., Фридрих дал одному из своих владений в Вюртемберге, дворцу Зеешлосс в Людвигсбурге (близ Штутгарта), имя Монрепо в память о своих прошлых владениях.

1. Сведения о парке Монрепо в период, когда имение принадлежало принцу Фридриху Вильгельму Карлу Вюртембергскому, основываются преимущественно на публикации Э. Руофф в книге «Монрепо: сад памяти». В ней исследовательница приводит сведения, полученные из документов из архива г. Штутгарта: ф. G 243, папки Вü 44 (письма принца Фридриха родителям), Вü 43 (письма принца Фридриха сестре и великому князю Павлу Петровичу), Вü 33, 70, 73, 74 (переписка принца Фридриха с Г. Арнольди, К. Дельвигом, М. Донауровым, Й. Норшtedтом, счета за строительные работы в Монрепо), а также из документов из коллекции Монрепо в Национальном архиве Финляндии (переписка Л.Г. Николаи и Г. Арнольди).

2. В Хоэнхайме в 1797 г. скончался отец Фридриха герцог Фридрих II Евгений.

3. Примечательная деталь: Фридрих Евгений участвовал в Семилетней войне, в 1759 г. был ранен в сражении при Кунерсдорфе и попал в плен к русским.

4. Парк вместе с дворцом был уничтожен в 1801 г.

5. Как отмечает Ж.В. Малеева, «великая княгиня-швабка не противопоставляла себя русской знати, не дистанцировалась от нее открыто, но, между тем, свои симпатии отдавала немцам. Она помогала и монбельярской родине, и жителям Вюртемберга, которые обращались с просьбами о содействии. Родители великой княгини не раз использовали высокое положение дочери. Они искали покровительства Екатерины II. Фридрих Евгений, мечтавший о курляндском престоле, обращался к российской императрице с просьбой о даровании ему титула владетельного герцога. Екатерина II, естественно, отказала» (Малеева Ж.В. Представители династии Вюртембергских в политической истории России, конец XVIII — середина XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2001. URL: <http://www.dissercat.com/content/predstaviteli-dinastii-vyurtembergskikh-v-politicheskoi-istorii-rossii-konets-xviii-seredina#ixzz3Kj0tFzjf>).

6. Фридрих участвовал в войне за Баварское наследство (1778) и был произведен в чин генерал-майора.

7. Подробнее о судьбе первой супруги принца Фридриха, принцессы Августы Каролины Фредерики, истории ее замужества, развода и кончины см.: Shahovskoy-Gleboff-Strechneff Princesse. La princesse Zelmire // La Revue. 1908. Novembre. P. 24—44.

8. Шильдер Н.К. Император Павел Первый. Историко-библиографический очерк. М., 1996. С. 159.

9. Hauptstaatsarchiv Stuttgart (HSAS). G243. Bū 17. Закладное обязательство принцессы Августы Вюртембергской.

10. Малеева Ж.В. Указ. соч.

11. Hauptstaatsarchiv Stuttgart (HSAS). G243. Bū 17. Письмо Екатерины II принцу Фридриху Вильгельму Карлу Вюртембергскому.

12. В настоящее время в здании бывшего дворца наместника расположен Выборгский епископальный центр.

13. Valtion arkisto (VA). N-359. № 161. S. 840—843. Цит. по: Материалы научного архива ГБУК ЛО «ГИАПМЗ «Парк Монрепо». ГП-А-24/93. Историко-архивные и библиографические изыскания. Текстовые материалы. Т. 2, кн. 3. С. 44—46.

14. В момент покупки имения Шарлоттенталь Донауров был в чине коллежского асессора, а через четыре года, когда состоялась продажа имения Л.Г. Николаи, он уже был генерал-лейтенантом.

15. См., например (пер. с фин. яз. Ю.И. Мошник): «Принц Вюртемберга Фридрих Вильгельм Карл (1782—1786) едва достиг 30-летнего возраста, когда он был назначен наместником в Выборг, город, которому довелось вновь пережить в его времена нечто, напоминающее периоды правления Карла Кнутссона и графа Хойи. Во дворце наместника на Валликату царила теперь, в XVIII столетии, модная придворная жизнь, а в летние месяцы она кипела в “замке” Монрепо, парк которого принц в значительной мере благоустроил» (Ruuth J. Viipurin kaupungin historia. Viipuri, 1908. S. 545).

16. Краткие сведения о Я. Рампо (Рампау) см.: *Meurman O.I.* Viipurin arkihtedit. Viipurin suomalaisen kirjalliuudenseuran toimitteita. Osa 2. Helsinki, 1977. S. 19.

17. *Ruoff E.* Монрепо: muistojen puutarha. Helsinki, 1993. S. 15.

18. Ibid.

19. Ibid.

20. Ibid. S. 16.

21. Ibid. S. 17.

22. Ibid.

23. Hauptstaatsarchiv Stuttgart (HSAS). G243. Вü 17. Рапорт о принятии документов.

24. Ibid.

25. *Миранда Ф. де.* Путешествие по Российской империи: пер. с исп. М., 2001. С. 302.

Миранда де Франсиско (1750—1816) — генералиссимус, один из основателей Первой Венесуэльской республики (1811), генерал Великой Французской революции; в 1786—1787 гг., путешествуя по России, составил путевые записки, в которых привел описание парков, в частности Царского Села.

26. *Ruoff E.* Op. cit. S. 21.

27. Ibid.

28. Ibid.

29. Таким образом, выстроенное по распоряжению Фридриха здание усадебного дома в Монрепо пустовало по крайней мере с начала 1787 г. по август 1788 г.

30. *Ruoff E.* Op. cit. S. 23.

Б. С. Макаров

ИОГАНН КАСПЕР ФОКТ

К началу 1730-х годов в императорских садах Санкт-Петербурга и его окрестностей образовалось много вакансий для мастеров садового дела. Это явилось результатом действий светлейшего князя А.Д. Меншикова, который в 1727–1728 гг. проводил меры строжайшей экономии государственных средств. Было уволено много иностранных квалифицированных специалистов, в частности садовых мастеров. Например, 8 марта 1727 г. был уволен главный садовый мастер Стрельны швед Канудус Лампертус. Его обязанности русская администрация поручила исполнять русскому садового дела подмастерью Антону Борисову¹; после увольнения в 1728 г. главного садового мастера Итальянского сада шведа Олофа Уденфельта исполняющим его обязанности был назначен русский садового дела подмастерье Семен Лукьянов². Кроме того, в 1731 г. главный садовый мастер Третьего Летнего сада Иван Яковлев (Johann Jftman) был переведен на ту же должность в Ораниенбаум³. Руководство этим садом было передано главному садовому мастеру всех императорских садов Корнелиусу Шрейдеру (он же руководил Первым и Вторым Летними садами). 18 мая 1733 г. Корнелиус Шрейдер был убит (вероятнее всего, на дуэли)⁴. Руководство Канцелярии от строений назначило главным садовым мастером всех императорских садов племянника Корнелиуса Шрейдера — Конрада Шрейдера (был принят на русскую службу в 1732 г.)⁵. Таким образом, в императорских садах Северной столицы к середине 1733 г. имелись три вакансии главных садовых мастеров. 5 апреля 1733 г. на русскую службу на должность главного садового мастера Стрельны был принят Якоб Шульц. Его годовое жалование равнялось 200 руб.⁶

«Мекленбурец» садового дела мастер Иоганн Каспер Фокт (Johann Caspar Voight) был принят на русскую службу 15 января 1733 г.⁷ С ним

был заключен стандартный контракт с жалованьем 300 руб. в год (полная аналогия с Якобом Шульцем, который был уволен с русской службы в 1723 г.)⁸. Вероятно, Иоганн Каспер Фокт планировал долгие годы провести в России, поскольку приехал на новое место службы с семьей — женой «Доротеей Лыдерсой» и семью детьми (см. приложение, № 1)⁹. Отметим, что в 1733 г. в семье Фокт родился восьмой ребенок — сын Иоганн Георг. (Годы рождения и имена четырех детей немецкого садового дела мастера также известны: Антон Кондрат — 1728 г.; Корнелиус Фридрих — 1731 г.; Кристина Доротея — 1722 г.; Анна Елизавета — 1726 г.) Самое удивительное в деле приема на русскую службу садового мастера из Мекленбурга состоит в том, что он не сдавал экзамена другим садового дела мастерам. (К концу 1720-х — началу 1730-х годов русская администрация заменила обязательную работу в Первом и Втором Летних садах (ее результаты позволяли оценить реальный уровень мастерства и отношения к своим обязанностям) всем вновь принятым на государственную службу иностранным садовым мастерам и подмастерьям на обязательный экзамен. Этот экзамен сдавался комиссии («консилии»), состоявшей из нескольких русских и иностранных садовых мастеров, долго проработавших в императорских садах.) Этот факт может свидетельствовать только об одном: контракт 1733 г. — не первый для Иоганна Каспера Фокта. Вероятно, он ранее уже работал в Санкт-Петербурге (см. ниже).

Исследования биографии садового дела мастера из Мекленбурга сталкиваются с необычным затруднением — при его жизни и даже после смерти русские канцеляристы путали фамилию Фокт (два садовника с этой фамилией работали в Северной столице и ее пригородах и после смерти Иоганна Кашпера Фокта — см. далее) с фамилией садового дела подмастерьев Бернгарда и Даниеля Фокков¹⁰. Например, в деле о выдаче жалованья Бернгарду Фоку в октябре 1738 г. написано: выдать жалование за январскую треть «садового дела подмастерью Б. Фокту»¹¹. Величина годового жалованья этого подмастерья — 96 руб. Поскольку в этом же документе указано, что по именному указу от 26 августа того же года его жалованье было увеличено до 200 руб. в год, можно сделать однозначный вывод: садового дела подмастерье, речь о котором идет в этом документе, не кто иной, как Бернгард Фок¹²!

24 мая 1733 г. Иоганн Каспер Фокт был назначен главным садовым мастером Третьего Летнего и Итальянского императорских садов (см. приложение, № 1, 2)¹³. Таким образом, под руководством садово-

го мастера из Мекленбурга оказались два императорских сада, которые в сумме по всем параметрам превосходили Первый и Второй Летние сады. Отдать в распоряжение новичку, впервые приехавшему в Северную столицу и не знакомому со спецификой выращивания растений в ее суровом климате, сразу два государственных сада — совершенно безрассудный шаг русской администрации. Это решение руководства Канцелярии от строений косвенно подтверждает наше предположение о том, что Иоганн Каспер Фокт ранее уже работал в Санкт-Петербурге. Под началом садового мастера Иоганна Каспера Фокта в этих садах трудились 23 штатных сотрудника (см. приложение, № 3)¹⁴.

По указу руководства Канцелярии от строений садового дела мастеру Иоганну Касперу Фокту с семьей были предоставлены для проживания комнаты (не менее двух) в Итальянском дворце. Этот вывод можно сделать на основании приказа русской администрации, в соответствии с которым в апреле 1734 г. в этих комнатах были построены два очага (см. приложение, № 4)¹⁵.

На новой должности немецкий садовый мастер сразу активно взялся за работу. Уже в конце августа 1733 г. он предложил руководству Канцелярии от строений проект постройки двух оранжерей в Итальянском императорском саду: «...надлежит построить в Талианском Ея императорского величества саду две аранжереи или паровых ящиков — первой длиною на 50, второй — на 30 саженьях, шириною по 4 сажени» (см. приложение, № 5)¹⁶. В начале октября один из «паровых ящиков» был уже почти построен: «...потребно в Италианской Ея императорского величества сад к новостроющемуся поровому ящику на внутренний поровой же ящик на обивку гвоздей 5 дюймовых 600. Которой ящик уже и в готовности, токмо остановилось за вышепоказанным гвоздьем»¹⁷. Тогда же Иоганн Каспер Фокт заказал «для поливания всяких ранжерейных заморских дерев, цветов и протчих вещей леек из двойной жести с решетками вышиною в 30 дюймов, шириною в диаметре 9 дюймов, 4 да одну вышиною в 8 дюймов, шириною в диаметре 6 дюймов» и кадки для посадки деревьев, которые изготовил голландский часовой мастер Андрис Форсен (Andris Voorsing)¹⁸. Первым из всех главных садовых мастеров императорских садов Иоганн Каспер Фокт потребовал изготовить специальный шкаф для хранения семян: «...потребно в Третий Ея императорского величества сад, для лучшего содержания всяразных семян, один шкаф с выдвигаемыми ящиками». По указу руководства Канцелярии от строений

немецкому садовому мастеру был передан для этой цели шкаф, в котором ранее хранились архивные дела¹⁹.

Руководство двумя государственными садами давало Иоганну Касперу Фокту гораздо больше свободы для маневра подчиненными и материалами. В мае 1734 г. он предложил передать из Третьего Летнего сада в Италианский сад 150 аршин «букжбому» для «обсадки пред ранжереями и по берегу пред полатами рабат»²⁰.

17 апреля 1733 г. главный садовый мастер Италианского и Третьего Летнего садов вошел в состав комиссии (помимо него, членами комиссии были главный садовый мастер всех императорских садов Конрад Шрейдер, главный садовый мастер Петергофа Леонард ван Гарнифелт и главный садовый мастер Стрельны Якоб Шульц), которая экзаменовала садового дела ученика Никиту Жеребцова на звание подмастерья²¹. Приглашение в эту комиссию наглядно доказывает, что садовый мастер из Мекленбурга был одним из ведущих садовых мастеров Санкт-Петербурга. На этом основании можно сделать осторожный вывод, что в 1733 г. ему было примерно 40–50 лет.

Русская администрация высоко оценивала деятельность немецкого садового мастера. Летом 1733 г. Иоганну Касперу Фокту было разрешено пригласить себе в помощь немецкого подмастерья. Более того, садового дела мастер из Мекленбурга получил разрешение заменить им русского подмастерья Семена Лукьянова. В июле того же года Иоганн Каспер Фокт рапортовал, что «егда я таковой подмастерье нашол, именем Давид Шредер. И я с ним договорился по 8 рублей на месяц. Того ради, прошу чтоб с выше объявленным с садовым подмастерьем с ним кантракт заключен был. А имеющегося подмастерья Семена Лукьянова из Италианского саду отменить, понеже он всегда себя содержит в пьянстве и дела своего не исправляет»²². Исключительно желанием видеть около себя соплеменника, говорящего на родном языке, можно объяснить обвинение Семена Лукьянова в некомпетентности и пьянстве и требование о его замене на неопытного молодого подмастерья, незнакомого с климатическими условиями Северной столицы. Указом от 24 июля Семен Лукьянов был замещен Давидом Шрейдером. «А имеющегося в тех садах из российских подмастерья Семена Лукьянова, за пьянством ево, в котором он обретаецца безвременно, зачем положенного дела исправить не может, для того он тех садов отрешен. И о выше писанном, для ведома, к мастеру Ягану Кашпер Фокту послан Ея императорского величества указ. А подмастерью Лукьянову объявить с подпиской. Июля 27 дня

1733 г.»²³ До начала холодов немецкий садовый мастер был вполне доволен своим новым подмастерьем. 20 сентября он потребовал выплаты Давиду Шрейдеру задержанного жалованья²⁴. Только поздней осенью стало понятно, какой ошибкой была замена опытного Семена Лукьянова на молодого немецкого подмастерья, не знавшего русского языка и неписаных правил работы в России. С октября 1733 г. по начало апреля 1734 г. Иоганн Каспер Фокт подал три прошения с просьбой вернуть ему подмастерья Семена Лукьянова. В них он аттестовал его уже совсем по-другому. Просьба немецкого садового мастера была удовлетворена, и русский подмастерье Семен Лукьянов вернулся на свою должность в Итальянский сад. «А по отрешении ево (Лукьянова. — *Б.М.*) оной же садовой мастер Фокт октября 13, 733; марта 20, апреля 4 чисел 734 годов доношениями представлял: в первом, что оной Лукьянов в работах бывает всегда безотлучно и к садовым делам искусство и прилежное старание имеет. Во втором — повелено ему взять в свое смотрение место блаженные Параскевии Иоанновны, на котором размножать про обиход Ея Императорского Величества всякие коренья, травы и протчие овощи. И за далностию в тонкость всего того смотреть ему невозможно. И чтоб к тому определить означенного Лукьянова. Которой де, хотя прежде за пьянство и непостоянство и отрешен был, однако де ныне находитца в том деле искусен и оное исправить может. А между тем, чтоб ему быть времянно у писания репортов и ведомостей и нужнейших записок. В третьем — оной де Лукьянов подмастерскую должность, против имеющихся немецких гезелей, как в ранжереях, так и в других всяких садовых делах исправлять может и награждением прежняго ево жалованья быть достоин. К тому ж де он служит долговременно и тем делам весма заобыкновенен и искусен. И требовал, чтоб заслуженное жалованье на прошедшее время по прежнему окладу выдать и впред потому ж производить. А февраля (дата в документе не указана. — *Б.М.*) 734 года, в бытность в Канторе строения домов и садов гоф-интенданта Кормедона, записан словесной приказ бывшего обер гоф-маршала Левенволда: ежели, при домовых и садовых строениях русские подмастери или гезели знают в своем деле искусство так, как немецкие гезели, то оклады чинить, по аттестатом и свидетельствам мастерским, против немецких гезелей и, кроме того, не прибавлять. Против того ж поступать и о немецких. И майя 30 дня того ж 734 году тою Канторою определено: оному Лукьянову быть по-прежнему в Италианском саду подмастерием»²⁵.

В конце 1734 г. Иоганну Касперу Фокту был передан «в смотрение» сад царицы Прасковьи Иоанновны (он находился на месте существующего сегодня дворца Юсуповых на Мойке). В соответствующем указе особо отмечалось, что необходимо произвести работы по его перепланировке, «дабы при том было со удовольствием всяких званей немецких дерев и к тому особо анариус» (см. приложение, № 6)²⁶. Возможно, главной причиной этого решения русской администрации было возвращение в Санкт-Петербург садового мастера Индрика Юстуса Ригера и назначение его 8 сентября 1733 г. главным садовым мастером Третьего Летнего сада²⁷. 15 сентября того же года Иоганну Касперу Фокту было приказано передать этот сад новому руководителю. Он явно не хотел выполнять этого указания. Потребовался новый строгий указ от 10 октября, чтобы процесс передачи начался²⁸. Благодаря ему появилось описание Третьего Летнего сада по состоянию на ноябрь 1733 г. (см. приложение, № 7)²⁹.

Блестящая карьера немецкого садового мастера была прервана его скоростижной (в документах не имеется никаких сведений о его болезни) смертью 5 декабря 1734 г.³⁰ Его преемником на посту главного садового мастера Итальянского сада стал уже упоминавшийся Индрик Юстус Ригер³¹.

Вдова Иоганна Каспера Фокта «Доротея Лыдерса» подала прошение о выплате жалованья ее мужа за майскую треть и назначении ей и ее детям пенсии. Из этого документа следует, что в 1734 г. вдове было 46 лет; троим ее сыновьям и двум дочерям полагалась пенсия: «Антону Конрату, Корнилиусу Фридриху, Ягану Георгу; женска полу: Кристине Доротее; Анне Елисавете» до достижения мальчиками десятилетнего, а девочками — пятнадцатилетнего возраста. «А ежели из оных девок до оных указанных лет кто замуж выйdet, то с того времени не давать» (см. приложение, № 1). Возраст жены (46 лет) подтверждает наше предположение о возрасте Иоганна Каспера Фокта. Кроме того, из этого документа следует, что семья Фокт была небогатой и не имела состоятельных родственников на родине. В противном случае они не согласились бы жить на пенсию в России.

В 1739 г. вдова Иоганна Каспера Фокта с детьми проживала уже на втором этаже «апортамента» Большой каменной оранжереи (располагалась около современного цирка на Фонтанке). «Во оном же апортамента в дву покоях Италианского саду умершего садового мастера Фокта жена ево з детми» (см. приложение, № 8)³². Ежегодно в соответствии с принятыми тогда правилами «Доротея Лыдерса» подавала

прошения о выдаче ей и детям пенсии и получала ее (см. приложение, № 9)³³. Последнее прошение датировано 28 января 1758 г.³⁴ Можно предположить, что в этом году или в начале следующего 1759 г. вдова садового дела мастера Иоганна Каспера Фокта умерла в возрасте 67–68 лет. Судьбу ее детей установить пока не удалось.

Можно предположить, что муж и жена Фокт были похоронены на самом крупном в XVIII в. инославном Сампсониевском кладбище.

В работе А.П. Вергунова и В.А. Горохова содержится упоминание о том, что садовник Г. Фокт работал в оранжереях Первого и Второго Летних садов в 1718 г.³⁵ К сожалению, эти сведения приводятся ими без ссылки на первоисточник. Кроме того, в той же монографии написано, что совместно с голландским садовым мастером Яном Роозеном И. Фохт заложил «регулярный увеселительный сад» в Царском Селе в 1719–1720 гг. Информация так же приведена без ссылок на архивные документы³⁶. Эти же факты имеются в монографии под редакцией А.Н. Петрова³⁷ и в последней известной мне монографии по истории Царского Села А.А. Кедринского³⁸. В фундаментальной книге Т.Б. Дубяго по истории русского садово-паркового искусства³⁹ садовый мастер Фокт/Фохт/Фопт не упомянут. В списке садовых мастеров Санкт-Петербурга за 1716 г. «мастеровым людям, которые обретаются при доме Царского Величества годовые оклады»⁴⁰, упомянуты Ян Роозен, Леонард ван Гарнифелт и Денис Брокет. И. или Г. Фокта в этом списке нет. В аналогичном списке за 1720 г. фамилия Фокт так же отсутствует⁴¹. В «рописи» за 1722 г. «садовником и мастеровым, и протчих чинов людям, которые ведомы у Бориса Неронова (и получали жалованье ис Кабинета) с того 721 году жалованье давать из Городовой канцелярии по прежним их окладом», перечислена бо́льшая часть работавших в Санкт-Петербурге и его окрестностях иностранных садовых мастеров и подмастерьев. Имя садового мастера или садовника Фокта в нем также отсутствует:

«Садовникам

Шулцу — 400 рублей,
 Питеру Шефлеру жалованья и кормовых — 252 рубли,
 Денису Брокету — 300 рублей,
 Ивану Яковлеву — 170 рублей,
 Леонарду Гернифелту — 258 рублей,
 Подмастерью садовому Матис Хои — 144 рубли»⁴².

Только в «экстракте» за 1726 г. «коликое число при садовых Ваше-го императорскаго величества делах служителей с предбудущего 728 году, по усмотрению их дел, с прежними их оклады давать в год денежного и хлебного Вашего императорскаго величества жалованья»⁴³ упомянут «в Селе Сарском садовой мастер Яган Крестьян Фохт», при нем 8 учеников. Вместе они получали годовое жалованье 412 руб. 42 коп.⁴⁴ Поскольку садового дела ученики получали жалованье в среднем по 15–20 руб. в год, можно оценить величину годового жалованья их садового мастера «Ягана Крестьяна Фохта». Оно составляло примерно 250–300 руб. Это минимальное жалованье иностранного садового мастера в то время (см. приведенный выше список за 1721 г.). В перечне садовых мастеров государственных садов, составленном главным садовым мастером всех императорских садов Корнелиусом Шрейдером (Без даты. Из биографий садового дела мастеров и подмастерьев, входящих в этот список следует, что он составлен в конце 1725 — начале 1726 г.), «Яган Каспер Фойгт» занимал должность главного садового мастера Царского Села (см. приложение, № 10)⁴⁵. Очевидно, в двух последних списках речь идет об одном и том же садовом мастере — Иоганне Каспере Фокте. Имя Крестьян/Христиан встречалось у работавших в России иностранных квалифицированных специалистов гораздо чаще, чем Каспер, поэтому русские канцеляристы и допустили ошибку. Сопоставляя историю создания Царского Села и приведенные выше факты, можно попытаться описать события, связанные с первым пребыванием садового мастера Иоганна Каспера Фокта в России. Царское Село — личная вотчина Екатерины Алексеевны (жены царя Петра I). С 1718 г. там начинается строительство каменного дворца⁴⁶. В соответствии с принятыми в XVIII в. правилами строительства каменного дворца всегда сопровождалось созданием сада. Для этих работ обычно нанимался специалист, как правило, в первой половине XVIII в. — садовый мастер-иноземец. Именно таким специалистом и стал Иоганн Каспер Фокт. Можно предположить, что он был принят на русскую службу в качестве одного из личных садовых мастеров Екатерины Алексеевны в 1717 или 1718 г. Первым личным садовым мастером будущей императрицы в 1703 г. стал Иван Яковлев⁴⁷ (Johann Jftman). Он много лет проработал в Третьем Летнем саду. Им обоим выплачивалось жалованье из личных средств Екатерины Алексеевны. Из этих же денег оплачивались все работы по созданию Третьего Летнего сада и сада в Царском Селе. Этими фактами и объясняется почти полное отсут-

ствии архивных документов о деятельности этих садового дела мастеров до восшествия Екатерины Алексеевны на престол, после смерти императора Петра I. Возможно, Иоганн Каспер Фокт, так же как и Иван Яковлев, проработал некоторое время в Первом и Втором Летних садах в 1718 и 1719 гг. Таким образом, русская администрация на деле проверяла уровень профессионального мастерства всех приглашенных в Россию на работу в императорские сады садовых мастеров из Западной Европы. После этого Иоганн Каспер Фокт был назначен в Царское Село на должность главного садового мастера. Его небольшое жалованье (см. приведенную выше оценку) вполне логично — для маленького личного сада Екатерины Алексеевны не требовался очень опытный высокооплачиваемый специалист. После смерти императора Петра I и восшествия на престол Екатерины I она, вероятно, потеряла интерес к Царскому Селу. По этой причине Иоганн Каспер Фокт был уволен с русской службы, скорее всего в конце 1725 — начале 1726 г. Если бы этого не произошло, то начиная с февраля 1725 г. (императрица Екатерина I правила с 28 января 1725 г.) число архивных документов об Иоганне Каспере Фокте должно было резко возрасти (финансирование сада в Царском Селе и выплата жалованья его главному садовому мастеру с этого времени производились из казны). Этого не произошло, следовательно, он был уволен. Екатерина I завещала Царское Село своей дочери, будущей императрице Елизавете Петровне. До 1741 г. цесаревна Елизавета Петровна была ограничена в средствах и не вкладывала каких-либо больших денежных средств в свою вотчину — Царское Село. Только с 1743 г. там начинаются масштабные работы. Собственной вотчинной канцелярией с 1743 по 1758 г. было потрачено на них 229 072 рубля 68 коп.⁴⁸ Кроме того, «в 1748 г. по именному указу учреждена Кантора строения Села Царского». Ею с 1748 по 1762 г. была израсходована фантастическая по тем временам сумма — почти 900 тыс. руб.: «...в росходе значит сумма денег 870 339 рублей 5 копеек с четвертью»⁴⁹. Эти деньги были потрачены на перестройку дворца и сада при нем. До января 1747 г. в Царском Селе работал садовник Фокт. Его имя в документах не приводится. 19 мая 1746 г. был уволен главный садовый мастер императорского сада в Царском Селе швед Канудус Лампертус⁵⁰ (он был принят на эту должность в декабре 1732 г.⁵¹). 16 сентября 1746 г. императрица Елизавета Петровна «изустно» указала главному садовому мастеру всех императорских садов Конраду Шрейдеру выбрать нового главного садового мастера Царского Села среди двух кандидатов — главного садового мастера Стрель-

ны Даниеля Фока⁵² и садового мастера сада, «имеющегося в бывшем Левенвольдовском дворе», Якоба Рехлина⁵³ (см. приложение, № 11)⁵⁴. Конрад Шрейдер выбрал Якоба Рехлина. В январе 1747 г. на его место в Левенвольдовский сад был направлен садовник Царского Села Фокт (см. приложение, № 12)⁵⁵. Таким образом, были заменены все иностранные садовники Царского Села. В указе о приеме-передаче дел по этому саду приведено жалованье Фокта — 100 руб. в год (см. приложение, № 13)⁵⁶. Ни один садовый мастер никогда не согласился бы на такое мизерное жалованье. В качестве примера можно привести шведского садового мастера Олофа Уденфельта, которого русский посол в Швеции Бестужев-Рюмин нанял на русскую службу и обманом уговорил получать годовое жалованье 120 руб.⁵⁷ Он почти сразу после начала работы в России стал подавать русской администрации требования об увеличении ему жалованья. В конце концов они были удовлетворены⁵⁸. Отсюда можно сделать вывод о том, что, скорее всего, садовник Фокт не имел специального образования и высокой квалификации. Сто рублей в год — в то время обычное жалование садового дела гезелей. Напомним, что после передачи в казну дворца и сада бывшего обергофмаршала графа Рейнгольда Густава Левенвольде сад был разорен — наиболее ценные растения из него были перевезены в Царское Село⁵⁹. Таким образом, перевод простого садовника на должность главного садового мастера небольшого разоренного Левенвольдовского сада — вполне логичное решение русской администрации. На новом месте работы иностранный садовник выполнял обычные для главного садового мастера обязанности. В частности, в ноябре 1747 г. ему в числе других главных садовых мастеров императорских садов (Конрада Шрейдера, Бернгарда и Даниеля Фоков, Индрика Юстуса Ригера, Ильи Сурмина и Антона Борисова) были отданы для посева присланные из Астрахани семена «по два лота арбузных и дынных, каждого ж рода и номеров по 1 лоту»⁶⁰. 3 мая 1748 г. именным высочайшим указом императрицы Елизаветы Петровны Левенвольдовский сад был передан «в ведение Его Превосвященства Арсеню, архиерею Переславскому». Все оставшиеся там оранжерейные «заморские» деревья было приказано перенести в Царское Село. Садовник Фокт, вероятно, узнав о готовящемся указе, подал прошение об увольнении: «...минувшего марта 21 дня сего года оной садовник Фокт поданным в Канцелярию от строеной челобитьем просит, чтоб ему, из службы уволя, дать апшит». Эта просьба была удовлетворена (см. приложение, № 14)⁶¹. Дальнейшая судьба садовника Фокта неизвестна.

Как уже говорилось, во всех найденных архивных документах, часть из которых приведена выше, указывается только фамилия садовника — Фокт. После смерти отца, как мы уже знаем, семья Фокт осталась в России. Логично предположить, что один из старших сыновей садового мастера из Мекленбурга, простой садовник, устроился на работу в Царское Село в середине 1730-х годов (возможно, что это случилось в конце 1732 — начале 1733 г. Он был принят в этот сад вместе с садовым мастером Канудусом Лампертусом — см. выше). В это время цесаревна Елизавета Петровна была стеснена в средствах, ей не хватило денег нанять садового дела подмастерья или гезеля на помощь садовому мастеру из Швеции. После начала масштабных работ в Царском Селе и перестройки сада на смену уже пожилому садовому делу мастеру Канудусу Лампертусу и его помощнику Фокту потребовались более молодые, энергичные высококвалифицированные специалисты. Их обоих заменили на садового дела мастера Якоба Рехлина и его учеников.

В документах упоминается садовый мастер Андрей Фокт. Весной 1744 г. он требовал у руководства Канцелярии от строений закупить для сада при Смольном дворе 878 лип (см. приложение, № 15)⁶². Это странный документ. Сад при запасном Смольном дворе был очень маленьким, нанимать туда иностранного садового мастера — непозволительная роскошь. Должность садового мастера этого сада с конца 1744 г. занимал русский садового дела подмастерье Алексей Федоров, получавший жалованье значительно меньше 100 руб. в год⁶³. Если предположить, что русские канцеляристы допустили ошибку и в некоторых документах назвали иностранного садовника Андрея Фокта садовым мастером, то все встает на свои места. Подмастерье Алексей Федоров сменил простого садовника Андрея Фокта в Смольном саду. Можно предположить, что Андрей Фокт также был сыном садового мастера Иоганна Каспера Фокта. Больше никаких упоминаний о нем в архивных документах найти не удалось.

Приложение

1. Прошение жены умершего садового мастера Иоганна Каспера Фогта о выдаче ей «вдовской», а ее детям — сиротской пенсии.

«По указу Ея императорского величества, Канцелярия от строеней, слушав выписки по прошению бывшего садового мастера Ягана Кашпера Фокта жены ево вдовы Лыдерсы з детми о выдаче ей. Також и детям ее заслуженного Ея императорского величества на майскую прошлого 736 году

треть жалования. А по справке, в прошлом 733 году генваря 13 дня в ордере Его Сиятельства обер гоф маршала и ковалера графа господина Фонле-венволда в Дворцовую строения домов и садов Кантору написано: Ея императорское величество изволила указать принять в службу, означенного иноземца Кашпер Фокта на года (так в документе. — *Б.М.*), для довольствия, чтоб в садах Ея императорского величества размножение было всяких поваренных кореньев и что к тому касается. И давать ему жалования по 300 рублей в год, к тому ж квартиру дрова и свечи. И, по силе того ордера, со оным мастером Фоктом кантракт сочинен того 733 году вперед на 4 года. Которой и определен в Италианский сад. И, с того определения, обретался прошлого 734 году декабря по 5 число. А оного числа умре. И по тому кантракту то жаловане и производилось по третям года. И в даче, по выше писанному ево окладу, как ему Фокту в жизнь, так и жене по день смерти ево сполна. А генваря 25 дня 735 году, в присутствии гоф интенданта Кормедона объявя, записал в протокол, что Его де высокографское сиятельство приказал: на пропитание оной фоктовой жене вдове Лыдерсе и детям ее, по силе Морского Устава 4 главы 8 артикула, учинить из окладу означенного мужа ее Фокта из 300 рублей ей Лыдерсе осмая доля — по 37 рублей по 50 копеек, да детям мужеска полу, которые ниже 10 лет а имянно: Антону Конрату, Корнилиусу Фридриху, Ягану Георгу; женска полу: Кристине Доротее; Анне Елисавете; итого 5 человекам по двенадцатой доле, по 25 рублей человеку на год. И давать оное жаловане, ежели доходов иметь не будут, кому почему определено: вдове Лыдерсе — по смерть ее. Ибо она скаскою показала, что от роду ей 46 лет и замужества не желает. А детям: Кондрату (так в документе — на русский лад. — *Б.М.*) по 738 год, Корнилиусу Фридриху по 741 год, Ягану Георгию (так в документе — на русский лад. — *Б.М.*) по 743 год; Крестьяне Доротее по 737 год, Анне Елисавете по 741 год. А ежели из оных девок до оных указанных лет кто замуж выйдет, то с того времени не давать. Которым, как оной Лыдерсе, так и детям ее то жаловане на 735 и 736 годы на генварскую треть и выдано. На майскую и сентябрьскую того 736 году трети дачи не было. А по подписи садовых мастеров Шрейдера и Ригера показано, что помянутая вдова пропитания никакова не ймеет. А в Морском Уставе в 4 главе в 8 артикуле напечатано: ежели кто изувечен будет в бою или иным случаем во время службы своей, что он в карабельной службе негоден будет, того к магазейнам в гварнизон или штатскую службу употребить, повысив чином. Ежели так изувечен будет, что никуды негоден будет, то такого в гошпитали кормить до ево смерти. Ежели в гошпитали быть непохочет, то награжден будет годовым жалованем и дать пашпорт. Тож разумеваецца и о старых вдовах, и о детях убитых или умерших в службе — давано будет жаловане по сему: жене — осмая доля,

детям — каждой персоне двенадцатая доля. Срок: жене от 40 лет и выше — по смерть или замужество, а меньше 40 лет — един раз годовое жаловане мужнее. Разве будет так увечна, что замуж иттить будет нельзя, то против старой давать до смерти. Детям мужеска полу — до 10 лет, женскому — до 15 лет. Сие тем, которые доходов своих неймеют столко сколько давалось им взять потому регламенту. А справкою Адмиралтейскою Коллегиею по экспедиции над верфями и строениями: показано: обретающимся в ведомстве Адмиралтейской Коллегии морским служителям и мастеровым людям иноземцом, которые служат по кантрактом, також и руским по смерть их, оставшим после их женам положенное по Морскому Уставу жаловане производится. ПРИКАЗАЛИ: оной вдове Лыдерсе и детям ее заслуженное Ея императорского величества жаловане, по силе Морского Устава 4 главы 8 артикула и по справке с Адмиралтейскою Коллегиею, на означенные майскую и сентябрьскую трети 736 года жаловане, по выше объявленному окладу мужа ее, а имянно, за вычетом на гошпиталь, ей Лыдерсе по осмой доле в оклад в 37 рублей в 50 копеек, 24 рубли 75 копеек; детям ее по двенадцатой доле мужска трем, женска — двум, итого пяти человеком в оклад же во 125 рублей, каждому по 16 рубле по 50 копеек. Всего вдове и з детьми 107 рублей выдать ис положенной суммы, записав в расход с роспискою. И о том к росходу протоколисту Никитину дать указ

Александр Нарышкин, Иван Микулин, Иван Неелов.

Подписан июня 1737 году».

РГИА. Ф. 470. Оп. 5. Д. 162. Июнь 1737. Л. 18–19 об. Подлинник.

2. Дело о принятии на русскую службу, вызванного из Западной Европы садового дела мастером Иоганном Каспером Фоктом, подмастерья давида Шрейдера.

«В Дворцовую строения домов и садов Кантору

Доношение

Понеже, Его графское сиятельство господин Фонлевенвод приказал, чтоб мне одного немецкого подмастерья в службу Ея императорского величества принять, егда я таковой подмастерье нашол, именем Давид Шредер. И я с ним договорился по 8 рублей на месяц. Того ради прошу, чтоб с выше объявленным с садовым подмастерьем с ним кантракт заключен был. А имеющегося подмастерья Семена Лукьянова из Италианского саду отменить, понеже он всегда себя содержит в пьянстве и дела своего не исправляет.

О сем доносит садовой мастер Яган Кашпер Фокт.

Июля дня 1733 году.

Против сей требования, того гезеля определить, а другой — отрешить. Июля в 10 день 1733 году.

Гербовая бумага

В Дворцовой строения домов и садов Канторе выписано.

Прошедшаго майя 24 дня, по Ея иператорского величества указу и по определению оной Канторы велено, по сим приказанию Его высокографского сиятельства обер гоф маршала и ковалера господина Фонлевенвольда, быть садовых дел мастеру Кондрат Шрейдеру в Первом и во Втором Ея императорского Величества садах, Яган Кашпер Фокту — в Третьем и в Италианском. И в том им иметь весма попечительное старание, дабы в аранжереях азианских и африканских деревьях и фруктах, и в протчим, за их добрым присмотром, во всем против прежняго было произвождение к лучшему. Чего ради, приискать знающих им немецкому диалекту по одному достойному гезелю. И, для определения, объявить их в Дворцовую строеня домов и садов Кантору. И в том, чтоб им в деле своем показали Ея императорскому величеству прилежную и радетелную службу и оным мастерам Шрейдеру и Фокту указы посланы.

(заметка на полях) И по оному указу определен иноземец Бернгард Фок в Первой и во Второй сады, по избранию мастера Шрейдера. А в Третьей и в Италианской — неизбран

(повтор доношения Фокта)

<...> ПРИКАЗАЛИ оному иноземцу Дафит Шрейдеру быть, по силе Адмиралтейского Регламента 11 и 12 глав, по удействию мастера Фокта в Третьем и в Италианском Ея императорского величества садах на место имеющегося ныне подмастерья Семена Лукьянова садовым гезелем. <...> А имеющегося в тех садах из российских подмастерья Семена Лукьянов, а за пьянством ево в котором он обретаецца безвременно, зачем положенного дела исправить не может, для того он тех садов отрешен. И о выше писанном, для ведома, к мастеру Ягану Кашпер Фокту послан Ея императорского величества указ. А подмастерью Лукьянову — объявить с подпиской.

Копиист Алексей Орлов. Июля 27 дня 1733 году».

РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Ч. 2. Кн. 80 (б). Д. 24. 1733. Л. 217–222 об. Подлинник.

3. Список работников Третьего Летнего и Италианского садов.

«№1413. Подано сентября 4 дня 1733 году. Записав, взять в повытье и выписать.

В Дворцовую Кантору строения домов и садов.

Доношение

Обретающиеся, ведомства моево, в Третьем и в Италианском Ея императорского величества садах садовые служители обретаютца у работ всегда безотлучно. А Ея императорского величества заслуженного денежного жалованья сего 733 году на генварскую треть получили сполна, а на майскую треть не получили. В чем претерпевают великую нужду.

Того ради оную Кантору прошу, дабы повелено было на помянутую треть, означенным служителем, заслуженное денежное жалованье выдать. А кому имены, при сем сообщается реэстр.

О сем доносит садовой мастер Кашпер Фокт. Сентября 4 дня 1733 году. Johann Caspar Voight.

Реэстр
Третьяго саду
Огородником

Егупу Трифонову	Григорью Семенову
Тихону Тимофееву	Федору Герасимову
Дмитрею Федотову	Герасиму Степанову
Леонтью Степанову	Степану Иванову
Сидору Веркиеву	Степану Кириллову
Швецкому работнику	Якову Симонову
Садовому ученику Алексею Колузаеву	

Италианского саду

Подмастерью Семену Лукьянову
Огородником

Ивану Иванову	Михайлу Мамантову
Марке Прянишникову	Лариону Авдееву
Тимофею Згибневу	Савелью Фомину
Алексею Савельеву	Тимофею Матвееву
Степану Шляхтину	Ивану Емельянову
<...>	

Итого 23 человеком».

РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Ч. 2. Кн. 79в. 1733. Л. 707—707 об. Подлинник.

4. Прошение крестьянина Леонтия Лукьянова об окончательном расчете с ним за изготовление очагов в комнатах Италянского дворца, в которых жили садового дела мастер Иоганн Каспер Фогт с семьей и «птишник» Симон Шталь.

«№ 1442.

В Дворцовую строения домов и садов Кантору
Доношение

По приказу оной Канторы, велено мне сделать в Талианском доме у мастера Кашпер Фогта (так в документе. — Б.М.) 2 очага, да у птишника Симона Штала — 1 очаг. Итого 3 очага. И за оные очаги выдано мне по 90 копеек за очаг. А достальные по 90 копеек не выдано.

Того ради, оную Кантору покорно прошу, дабы повелено было достал-ные денги, по 90 копеек, мне нижайшему выдать.

О сем доносит графа Петра Чернышева крестьянин ево Леонтей Лукьянов.

Апреля дня 1734 году. К сему доношению вместо Левонтия Лукьянова, по ево прошению, москвитин Егор Егоров руку приложил.

Справясь, предложить надлежит ему то выдать».

РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Ч. 2. Кн. 836. 1734. Л. 440. Подлинник.

5. Проект главного садового мастера Итальянского и Третьего Иоганна Каспера Фогта. Летнего сада постройки в Итальянском саду двух оранжерей.

«№ 2124. В Дворцовую Кантору строения домов и садов.

Доношение

Требовано из оной Канторы в Талианской Ея императорского величества сад к строению паровой ранжереи на 80 сажнях оконниц 330, стекол люпских 66 ящиков. Да на паровые ящики, в прибавок к прежним, оконниц 100, на оные стекол 17 ящиков. Итого: всего 83 ящика. Ва (так в документе. — *Б.М.*) число продает торговый человек иноземец Соуман 60 ящиков стекол люпских. Ценою требует по 4 рубли 75 копеек. В оных ящиков болшей руки 2, средней 52 ящика. И о сем Дворцовая Кантора строения домов и садов что соблаговолит.

О сем доносит садовой мастер Еган кашпер Фокт.

Johann Caspar Voight.

Октября дня 1733 году.

Справясь с прежними покупками, и предложить для того стекла медленно. Октября 24 дня.

В Дворцовой Канторе строения домов и садов выписано.

Прошедшаго августа 25 дня сего 1733 году, по объявленному от садоваго мастера Яган кашпер Фокта чертежу, надлежит построить в Талианском Ея императорского величества саду две аранжереи или паровых ящиков — первой длиною на 50, второй — на 30 сажнях, шириною по 4 сажени».

РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Ч. 2. Кн. 79в. 1733. Л. 707–708 об. Подлинник.

6. Дело о передаче Иоганну Касперу Фокту руководство бывшим садом царицы Прасковьи Иоановны.

«1733 году в 14 день (так в документе. — *Б.М.*), по указу Ея императорского величества, Дворцовая строения домов и садов Кантора ПРИКА-ЗАЛИ: новой сад ведать Третьяго и Италианского садов мастеру Ягану Кашперу Фокту. Которой произвесть плантажем, дабы при том было со

удовольствием всяких званей немецких дерев и к тому особо анариус. В чем оному мастеру Фокту иметь прилежнейшее смотрение и радетелной труд, дабы оное могло в лутчее произойттить, против протчих лет распространения. А что к тому потребно — требовать от Дворцовой строения домов и садов Канторы по обстоятелным ведомостям заблаговременно. И о том ко оному мастеру Ягану Кашпер Фокту послать Ея императорского величества указ.

Антон Кормедон».

РГИА. Ф. 467. Оп 2. Ч. 2. Кн. 80а. 1733. Л. 156. Подлинник.

7. Описание Третьего Летнего сада, составленное при передаче его от садового мастера Иоганна Каспера Фокта новому главному садовому мастеру Индрику Юстусу Ригеру в ноябре 1733 года.

«№ 2347 Подан ноября 12 дня 1733 году. Записав, взять в повытье и предложить к слушанию

В Дворцовую Кантору строения домов и садов
Репорт

По присланным к нам Ея императорского величества указам из оной Канторы, по которым велено мне отдать Третей Ея императорского величества сад садовому мастеру Юстус Индрик Ригеру с описью и что во оном саду в наличности имеетца яблонных, вишневых, штамбовых лип и протчих дерев, шпалерных и аленных (так в документе, очевидно аллейных. — *Б.М.*) дорог, тажож де, что имеетца матриалов, со всеми при том служители с работными людми. И отдать бы ему Рыеру (так в документе. — *Б.М.*) с роспискою. А, по отдаче, в Дворцовую Кантору строения домов и садов подать оную опись за общими с ним Риером руками, при репорте.

И на оное, Дворцовую кантору строения домов и садов сим репортуем, и предлагаем при сем вону опись.

Johan Justus

Ранжерей малая деревянная одна	1
В ней оконниц 20	20
Ставней 20 же	20
Две светлицы, в которых ставили прежде сего деревья	2
В них оконниц 16	16
Замков нутряных 2	2
Паровых ящиков длиною по 8 сажен, шириною по 4 с полфутом 5	5
Крытой ящик длиною 4 сажен, шириною 5 фут 1	1
Ящик же паровой длиною 7 сажен. Шириною 4 с полуфутом 1	1

Паровых накладных ящиков дощенных длиною по 4 сажени, шириною по 5 фут 5	5
Накладных же ящиков длиною по 3 сажени, шириною по 5 фут 2	2
Накладной ящик длиною 4 с полусажень, штриною 5 фут 1	1
Во оном саду разных дерев	
Яблонь старых по местам 1190 дерев	1190
В том числе малых и с одсушинами 25 дерев	25
Яблоней же малолетных прививочных 136 дерев	136
Вишен от кореня отросли и верхи позябли 40 дерев	40
Вишен же не прививочных 40 дерев	40
В том числе от корени отросли, а верхи позябли 20 дерев	20
Грецких орехов малых кустов 40	40
Каштановых дерев 3	3
Две куртины орешнику дикова	2
Дубовых 30 дерев	30

Caspar Heinrich

Еле стриженных 55 дерев	55
Кедровое дерево 1	1
Около пруда штабмовых лип 60 дерев	60
По правую сторону пруда в линейных липовых и кленовых черезо 21/2 весь сад две с половиной дороги	
По левую сторону прудов таких же 2 дороги	2
До половины саду линейных алей 4 дороги	4
Попере саду линейных же 6 дорог	6
Через весь сад шпалеров 9	9
Илиму штабмоваго 30 дерев	30
В том же саду материалов	
Леек жестяных 12	12
С поровых ящиков окончин 120	120
В том числе негодных 42	42
С поровых ящиков новых оконниц 60	60
С открытого ящика старых оконниц 8	8
Ножниц аллежных болших 5	5
Кос аллежных 6	6
В том числе ломаных 1	1

Ушатов 6	6
Струг, чем шеткованная капуста сочиняетца 1	1
Долот, чем деревья обрубаютца 5	5

Voight Ruger

Ломов железных 3	3
В том числе негодной 1	1
Вил железных 27	27
В том числе ломанных 13	13
Стеклянных колков (колпаков? — Б.М.), что покрываютьца дыни и цветы 11	11
Да ломанных негодных 5	5
Итого 16	16
Лопаток железных целых 32	32
Да ломанных 45	45
Итого 77	77
Пил одноручных з душками 3	3
Разных чанов з железными обручами 2	2
Ножей крюков по садовникам роздано 12	12
Тележек малых, чем землю и навоз возили 20	20
В том числе ломанных ящиков 13	13
А колеса у оных тележек целые все	
Войлоков двойных в отдаче 64	64
Рогож, ценовокв отдаче 80	80
Для гренья воды на поливанье котел чугуной 1	1
Для поливания кадок полубочек 6	6

Johann Justus

Топоров 6	6
Кос, чем трава коситца 4	4
В том числе негодных 2	2

О сем репортуют садовые мастера
Еган Кашпер Фокт, Юстус Индрик Риер.
Caspar Voight Just: Heintz ноября дня 1733 году».

РГИА. Ф. 467. Оп 2. Ч. 2. Кн. 80б. 1733. Л. 388–391 об. Подлинник.

8. Дело о выселении из помещений Большой каменной оранжереи живших там штатных работников Канцелярии от строений и их семей.

«По указу Ея императорского величества, Канцелярия от строений, слушав репорта заинспектора Крестьяна Стеллиха, поданного минувшаго декабря 22 дня 1738 году, в котором представляет: в присланном де к нему из оной Канцелярии того ж декабря 14 дня ордере написано, что де декабря ж 13 дня в Канцелярии от строений репортом садовой мастер Юстус Индрик Ригер представляет: по мнению де ево, при Большой каменной аранжереи имеющимся жителям в садовых работах нужды и дела неймеется. И требовал, чтоб оных жителей от оной ренжиреи (так в документе. — *Б.М.*) свесть и показать другие квартиры, где оная Канцелярия соблаговолит. И от того де, он имеет опасность в топлении от огня, от чего боже сохрани. А на нем бы после от многожителей неучинилось штрафа и гнева, и дровам более траты. А кто имяны и ис каких чинов, и в каких покоях живут, того в том ево Ригера репорте имянно не показано. Того ради, велено ему осмотреть и в Канцелярию от строений подать репорт вскорости — в тех покоях кто имяны и каких чинов и садовой ли команды живут. И на оной ордер репортует: при той каменной аранжерее живут, а имянно: от Фантанки реки во флигеле в нижнем апортаменте в дву покоях садовой мастер (которой ныне отрешен) Кондрат Шрейдер з женою и з детми; в верхнем апортаменте в одном покое бывшаго в Третьем саду садового мастера Гейзера жена ево з детми; во оном же апортаменте в дву покоях Италианского саду умершего садового мастера Фокта жена ево з детми; в пристенках садовой каманды швецкой работник Лаврентей Иванов з женою, садовой ученик Андрей Сафонов, да закамисара Николай Сорокин, Италианского саду подмастерье Никита Жеребцов з женою, швецкой работник Михайла Скочков з женою и детми, да умершаго швецкого работника Бентсова жена, столярной мастер Дмитрий Максимов з женою и з детми, швецкие работники Сергей Григорьев, да Яган Матиус з женою. ПРИКАЗАЛИ: к показанным Стеллиху и Ригеру послать указы — велеть живущих в той каменной ранжерее, кроме садовых служителей, выслать всех вон немедленно. А и садовым служителям иметь при оной жителство, кому по рассмотрению их Стеллиха и Ригера пристойно, дабы от пожарного случая (от чего боже сохрани) опасности, тако ж и от протчих худых поступков деревьям и протчему в аранжерей (так в документе. — *Б.М.*) содержанию повреждения не было.

Александр Нарышкин, Иоф Микулин, Иван Неелов.

Подписан генваря 9 дня 1739 году».

РГИА. Ф. 470. Оп. 5. Д. 181. Январь 1739. Л. 21–22. Подлинник.

9. Прошение вдовы садового дела мастера Иоганна Каспера Фокта о выдаче ей «вдовской» пенсии за 1746–1747 годы.

«По указу Ея императорского величества, Канцелярия от строеней, слушав выписки по челобитью бывшего садового мастера Каспер Фокта жены ево Доротеи Лыдерсы, поданному июня 25 дня сего 747 году, о выдаче ей жалованья на прошлой 746 и сего 747 году на генварскую треть. А понеже муж ее, означенной садовой мастер Фокт, был в ведомстве Канцелярии от строеней при Италианском саду, с произвождением жалованья по 300 рублей в год, и в 734 году умре. А, в прошлом 746 году июля 9 дня, по присланному ис Правительствующаго Сената указу, велено оной вдове и детям ее жалованье по силе Морского Устава, за службу мужа ее, что надлежит на прошлые годы выдать и впред производить ей посмерть ее, детям ея — до указных лет. А по Морскому Уставу повелено: вдовам и детям убитых или умерших в службе жалованья давать — жене осмая доля, детям — каждой персоне вторая на десять (1/12. — *Б.М.*) доли. Срок дачи: жене от 40 лет и выше — по смерть или замужество, а менее 40 лет — один раз годовое жалованье мужнее. Разве будет так увечна, чтоб замуж идти будет нельзя, то против старой давать. Детям мужеска полу — до 10, женска — до 15 лет. И по силе оногo Уставу, оной вдове осмая часть по 37 рублей по 50 копеек на год произведена по сей месяц прошлого 746 году. И с того числа дачи не было. А детям ее указные лета вышли и дачи им не производитца. ПРИКАЗАЛИ: Ея императорского величества жалованья оной вдове Доротее Лыдерсе, прошлого 746 на майскую и сентябрьскую и сего 747 годов на генварскую трети, итого на год, за вычетом на гошпиталь 37 копеек с половиною, 37 рублей 12 копеек с половиною выдать от росходу Канцелярии от строеней ис положенной суммы, записав в росход с роспискою. И о том к росходу порутчику Слашеву дать указ.

в: Фермор, Иоф Микулин, Яков Милюков.

Подписан 2 июля 1747 году».

РГИА. Ф. 470. Оп. 5. Д. 287. Июль 1747. Л. 49–49 об. Подлинник.

10. Список всех садовых мастеров и ведущих подмастерьев, составленный новым главным садовым мастером всех императорских садов Корнеиусом Шрейдером.

«Список огородников Петербурга и его окрестностей

В Летнем Ея Императорского Величества саду огородников

Мастер Корнелий Шрейдер

Подмастерей Илья Сурмин

Яган Фридрих Фельтман

В Италианском огороде

Юстус Гендрик Ригер

Яган Гифман (Иван Яковлев? — *Б.М.*)

В Питергофе

Леонард Гарнифельт
Подмастерье Антон Борисов

В Стрелинской

Канутус Лампертус

В Сарском Селе

Яган Каспер Фойгт

В Дальних Дубках

Олоф Уденфельт
Итого 10 человек
Corgelius Schröder

В огородах Ея Императорского Величества садовых мастеров и подмастерьев под ведением Канторы Садовых дел

В Летнем Ея Императорского Величества доме

У аранжерей мастер Корнилиус Шрейдер

Подмастерье Яган Фридрих Фельтман

В большом огороде на место мастера Ягана Розона подмастерье Илья Сурмин

В огороде, что у Конюшен, мастер Иван Яковлев

В Питергофе

Мастер Леонард Гернифельт (так в документе. — *Б.М.*)
Подмастерье Антон Борисов

В Стрелиной

Подмастерье Игнатей Шишанов

В Дальних Дубках

Мастер Олоф Уденфельт

В Ревеле

За подмастерья Семен Лукьянов

Писал Василий Пратасов»

РГИА. Ф. 467. Оп. 4. Д. 467. Без даты, два листа. Подлинник.

11. «Изустный» указ императрицы Елизаветы Петровны главному садовому мастеру государственных садов Конраду Шрейдеру о выборе нового главного садового мастера Царского Села.

«1746 году сентября 16 дня Ея императорское величество, в присудствии в Селе Царском, изустно указать изволила: во оное Село определить садовника, имеющегося в бывшем Левенвольдовском дворе или из Стрелиной. Кого из них, по тамошнему Ея императорскому величеству приятному месту Шрейддей (Конрад Шрейдер. — *Б.М.*) одобрит. А которой одобрен будет, на его место определить садовника Фокта, кой ныне в Селе Царском на время определен.

Советник Гаврила Замятин».

РГИА. Ф. 466. Оп. 1 (26/1629). Д. 72. 1746. Л. 40. Подлинник.

12. Дело о назначении садовника Фокта исполняющим обязанности главного садового мастера Левенвольдовского сада.

«По указу Ея императорского величества, Канцелярия от строеней, слушав промемории из собственной Ея императорского величества Вотчинной Канцелярии, минувшаго октября 4 дня, которою объявлено: сентября де 16 дня 1746 году Ея императорское величество соизволила указать — в Село Царское определить садовника, имеющегося в бывшем леволдовском дворе или из Стрелиной, кого из них, по тамошнему Ея императорского величества приятному месту садовник Шрейдер одобрит. А которой одобрен будет, на его место определить садовника Фокта, кой в Село Царское на время определен. И требует, чтоб в силу объявленного Ея императорского величества указу, по представлению означного Шрейдера, соблаговолено было, для определения к содержанию Царско-селского саду, бывшаго в Леволдовском доме садовника Рехлина в собственную Канцелярию, при писменном сообщении, прислать немедленно. И того ж октября 8 дня, Рехлина, во исполнение объявленного имянного Ея императорского величества высочайшего указу о бытии, вместо реченного Рехлина в Леволдовском саду кого садовой мастер Шрейдер изберет и об оном представил бы он в Канцелярии от строеней немедленно. И о том к нему Шрейдеру послан указ токмо, на оной от него и поныне ничего нерепортовано. ПРИКАЗАЛИ: в собственную Ея императорского величества Вотчинную Канцелярию послать промеморию и требовать, дабы, в силу выше писанного имянного Ея императорского величества высочайшего указу, на место означенного садового мастера Рехлина в Леволдовской сад прислан был в Канцелярию от строеней выше показанной садовник Фокт. И, как оной прислан будет, то и выше показанной мастер Рехлин в собственную Ея императорского величества Канцелярию отослан будет же без замедления. А, между того, как оной Фокт к отсылке в Леволдовской сад Вотчинную Канцелярию определен будет, то мастеру Рехлину учинить с ним смену. И, что у него на руках казенного есть принять друг у друга все без остатку. И ту Леволдовского саду отдачу,

а Фокту — прием учинить под смотрением инспектора Стеллиха. И, по учинении того, оному Стеллиху репортовать обстоятельно. И о том к нему Стеллиху послать указ, что и в промемории в Вотчинную Канцелярию написать.

в: Фермор, Иоф Микулин, Петр Квашнин Самарин, Яков Милоков.

Подписан генваря 5 дня 1747 году».

РГИА. Ф. 470. Оп. 5. Д. 281. Январь 1747. Л. 43–43 об. Подлинник.

13. Указ о приеме — передаче Левенвольдовского сада от садового мастера Якоба Рехлина бывшему садовнику Царского Села Фокту.

«По указу Ея императорского величества, Канцелярия от строеней, слушав промемории из собственной Ея императорского величества Вотчинной Канцелярии сего октября 19 дня, при котором, в силу имянного Ея императорского величества высочайшего указа, объявлено в промемории из оной же Вотчинной Канцелярии прошлого 746 году октября 4 дня: прислан для определения в бывшей Левалдовской сад садовник Фопт на место того саду садовника ж Рехлина. И при том требует, чтоб в силу того ж Ея императорского величества указа, оного Рехлина прислать в Царскоеселской сад с показанием ево окладу неумедля. А Фокту приказать, когда он побытности ево в Селе Царском, по рассмотрении, потребен будет для какого ответа, то б он, по требованию, времянно в собственной Канцелярии являлся без отрицания. А жалованья ему Фокту от собственной Вотчинной Канцелярии производилось денгами по 100 рублей в год. А по справке в Канцелярии от строеней генваря 5 дня сего года, по выше писанной ис той Вотчинной Канцелярии 746 году октября 4 дня промемории, во оной Канцелярии от строеней определно: в ту Вотчинную Канцелярию послать промеморию и требовать, дабы, в силу выше писанного имянного Ея императорского величества высочайшего указа, на место означенного садового мастера Рехлина в Левалдовской сад прислан был в Канцелярию от строеней выше показанной садовник Фокт. И как оной прислан будет, то и выше показанной мастер Рехлин в собственную Ея императорского величества Канцелярию отослан будет же без умедления. А, между того, как оной Фокт к отсылке в Левалдовской сад Вотчинную Канцелярию определен будет, то мастеру Рехлину учинить с ним смену друг у друга все без остатку. И ту Левалдовского саду отдачу, а Фокту прием учинить под смотрением инспектора Стеллиха. И, по учинении того, оному Стеллиху репортовать обстоятельно. И по тому определению в Вотчинную Канцелярию промемория, а к инспектору Стеллиху указ того ж генваря 8 дня посланы. ПРИКАЗАЛИ: объявленному мастеру Рехлину, по силе означенного генваря 5 дня сего года Канцелярии от строеней определения, с показанным Фоктом учинить смену в немедленном времени.

И, что у оного Рехлина на руках казенного есть, принять ему Фокту все с описью без остатку под смотрением инспектора Стеллиха. С показанием в той описи в каком что состоянии принято будет. И, по учинении того, оному Стеллиху репортовать и ту опись подать в Канцелярию от строеной немедленно для отсылки ево Рехзлина Царское Село. И во всем ево Фокта ведать ему Стеллиху. А чтоб заморские деревья и цветы, особливо ананасы, с наилутчим искусством содержаны и плоды производимы были, о том надсматривать и Кондрату Шрейдеру, яко главному садовому мастеру. А когда оной Фокт, по бытности ево в Селе Царском, собственно Вотчинною Канцеляриею потребен будет для какова ответа, тогда времянно в той собственной Канцелярии, со объявлением о том прежде означенному Стеллиху или Шрейдеру, являтца ему без отрицания. Токмо им Стеллиху и Шрейдеру, и Фокту смотреть того, чтоб без него в помянутом бывшем Леволдовском саду чему утраты последовать не могло. И о том послать в ним Стеллиху и Шрейдеру указы, а в собственную Вотчинную Канцелярию — промеморию.

Октября 20 дня 1747 году.

в: Фермор, Иоф Микулин, Яков Милюков».

РГИА. Ф. 470. Оп. 5. Д. 290. Октябрь 1747. Л. 346–347 об. Подлинник.

14. Именной высочайший указ императрицы Елизаветы Петровны о передачи Левенвольдовского сада «Его Преосвященства Арсению архиепископу Переяславскому» и об увольнении садовника Фокта.

«По указу Ея императорского величества, Канцелярия от строеной, слушав экстракта о увольнении садовника Фокта из службы Ея императорского величества и росписания о бывшей Леволдовском саду и аранжерее с разными заморскими деревьями и инструментами. А понеже минувших марта 3, 10 и мая 3 ж чисел сего 1748 году по определениям Канцелярии от строеной, а по силе именных Ея императорского величества высочайших указов и в промемории из собственной Вотчинной Канцелярии велено: по 1. Из оного бывшего Леволдовского сада, для размножения в Царском Селе, из лутчих ананасов 100 кустов з горшками, по выбору садоваго мастера Рехлина, отпустить и отдать ему Рехлину с роспискою. По 2. Того ж Леволдовского саду аранжерею со всеми в ней деревьями и цветами и ананасы отдать для разборки и перевоски их в Царское Село присланному от собственной Вотчинной Канцелярии немедленно. И на сколко что отдано будет, в Канцелярию от строеной репортовать. А покуда та аранжерея забран и деревья в Царское Село перевезены будут, оным деревьям и протчему, и при них садовнику Фокту быть под смотрением выше писанного Рехлина. По 3. Оной Леволдовской сад со всеми в нем деревьями и кустами, и протчим, приуготовлен-

ным для того ж саду, кроме заморских дерев, кои в араанжереях и по указу ж Ея императорского величества посланы быть имеют в Царское Село, отдать в ведение Его Превосвященства Арсению архиерею Переславскому, кому от Его Преосвященства приказано будет с роспискою, учиня садовнику Фокту описи под смотрением инспектора господина Стеллиха. А что чего отдано будет, ту опись подать в Канцелярию от строеней при репорте. А покуда оные заморские араанжерейные деревья в Царское Село все взяты будут, оные иметь в своем смотреии оному Фокту. А по репортам инспектора господина Стеллиха и по сообщенным к нему реэстрам от мастеров Фокта, Рехлина и Масса за отдачею из выше писанной араанжереи дерев и цветов в Царское Село явилось: (1) розену 7; левков 32; фиоле матерналис 1 горшок. Посохли: желтые фиолеты или гунденлан 50, здесь отцвели и из горшков выняты. (2) мастером Рехлиным за негодностию выброшено салвею 2 ящика; тимияну 3 горшка и 1 ящик; лавенде в маленком горшочке одно. О которых сего ноября 12 дня бывшие в том Леволдовском саду при мастере Рехлине и садовнике Фокте садовые ученики Иван Алексеев, Яков Вологдин скаскою показали, что де те деревья и цветы подлинно у Фокта посохли и желтые фиолеты 50 здесь отцвели и из горшков выкинуты. А протчия мастером Рехлиным, при взятые из оной араанжереи дерев и цветов в Царское Село, за негодностию, выброшены, как де то и в протчих араанжереях бывает. А предписанным де садовником Фоктом, в бытность во оном саду при араанжереи, как из заморских дерев, так и из цветов посторонним людем никому ничего на ссуду не давано (3) отданы в ведение Его Преосвященства Арсению архиепископу Переяславскому в саду одна грядка с цитрон милисем, слив в земле 3; болших оконниц, что на грядах накладываюцца 35; таких же сделанных в свинце 15; у араанжерейных труб дверец с рамками 4; опилков 10 кулей (4) мастер Рехлин взял в Царское Село жестяных леек: болшую одну, да негодную одну ж; галанских ножниц, что деревья обрезавают, одне; грохот проволоочный один; войлоков толстых изодранных 4; крючье железных болших и малых 3; кадок дубовых для пересатки дерев 11 (5) инспектору господину Стеллиху с старым железом отдано железных лопаток переломленных при копании гряд 4; вилы, изломанные при употреблении у дела поровых ящиков, одне, тажкож негодные одне, того двое; топоров негодных два; железных обручей от кадок 80 (6) да против описи не явилось жестяной лейки одной; кирок малых трех; шнуру (тритцети саженного) одного; циновок новых 14; рогож рядных новых болшей руки 25; войлоков двойных 40. О которых он Фокт подпискою показал, что из выше писанных материалов лейка одна, за негодностию, в починку мастером Массом у него не принята; кирки малые три им Фоктом не отданы забвением и имеютца налицо, кои де повелено было у него принять,

а шнур, при бликовани гряд (так в документе. — *Б.М.*), от ветхости изодрался и брошен; а циновки, рогожи и войлоки при перевозке в Царское Село аранжерейных вещей в пути испотерлись и издрались в лоскуты и, за крайнюю их негодностью, брошены. А минувшаго марта 21 дня сего года, оной садовник Фокт, поданным в Канцелярию от строеной челобитьем просит, чтоб ему, из службы уволя, дать апшит. А по справке в Канцелярии от строеной, означенному садовнику Фокту производилось жалования в год по 100 рублей. И в даче сего 748 года по май месяц, а более дачи не было. ПРИКАЗАЛИ: о выше писанном учинить следующее (1) выше показанные выкиданные цветы и протчие и отданные им в Царское Село и в ведение Его Преосвященства и инспектору господину Стеллиху, тако ж и изодравшийся шнур, войлоки циновки поставить ему Фокту в щет, ибо в аранжереех без того не бывает, чтоб цветам по отцвете их и по засухе выкиду. А шнуру в размере гряд и войлокам и циновкам во обивке и перевозке дерев в Царское Село утраты не было. К тому ж бывшие при нем Фокте ученики засвидетельствовали, что подлинно цветы и протчие за посохлостью и по — отцвете выброшены, а не другим кому отданы. А в Царское Село и в ведение Его Преосвященства отданное следует к тому ж, что по имянным Ея императорского величества высочайшим указам в то Село Царское и Его Преосвященству отдано б чего для об отданных в Царское Село послать в Кантору строения оногo промеморию и требовать, чтоб оно счисляемо было в наличии у мастера Рехлина, что инспектору господину Стеллиху отдано, то все отдано ж с протчим из садов негодным железом в магазин квартирмейстеру Дьякову (2) имеющиеся у него Фокта негодную лейку и 3 кирки принять в магазин оному ж Дьякову и записать в приход (3) означенного Фокта, по прошению ево из службы Ея императорского величества уволить и дать апшит, в коем написать, что в службе Ея императорского величества в ведомстве Канцелярии от строеной был он добропорядочно и состояния добраго. И явитца ему с тем апшитом где по указом надлежит. И о том для ведома к инспектору Стеллиху и о принятии лейки и кирок к квартирмейстеру Дьякову послать указы. А о выдаче ему заслуженного жалования выписав, доложить Канцелярии от строений немедленно.

Иоф Микулин, Иван Зверев, Христиан Стеллих
подписан ноября 14 дня 1748 года».

РГИА. Ф. 470. Оп. 5. Д. 304. Ноябрь 1748. Л. 183–185 об. Подлинник.

15. Дело по требованию садового мастера «запасного Ея императорского величества Смолного двора» Андрея Фокта лип для этого сада.

«По указу Ея императорского величества, Канцелярия от стооеней, слушав промемории из собственной Ея императорского величества Вот-

чинной Канцелярии, поданной минувшаго марта 21 дня, в которой написано: по силе де имянного Ея императорского величества высочайшего указу апреля 22 дня 1743 году, по поданному доношению запасного Ея императорского величества Смолного двора садоваго мастера Андрея Фокта к развождению на оном запасном Смолном дворе сада потребно для розсадки сего году к приходящему маию месяцу липы штамбовой 878 дерев, мерою в толщину уступя от корня на 2 фута в округлость в 8 дюймов, длиною от корени до короны в 6, а с короною в 12 фут. И, свыше того, де марта 14 дня, в поданном в Вотчинную Канцелярию доношении вышеозначенного мастера Фокта, написано: уведомился де он, что от поставленных в 740 году новгородским купцом Василием Аркановым имеюцца в новоучрежденном здесь на Большом лугу, против Летняго дому Ея императорского величества огороде (Проминад. — *Б.М.*) липовые штамбовые деревья излишнее доволное число. Ис которых де мерами, против выше писанных, может несколько годных дерев vybrатца. А понеже де объявленной новоучрежденной огород строиением состоит в ведомстве Канцелярии от строеней, и требуется ежели де в том новоучрежденном огороде или в других Ея императорского величества садах липовые штамбовые деревья, сверж настоящаго числа излишние. Имеюцца, то б из оных излишних, для розборки ко учреждению на запасном Ея императорского величества Смолном дворе сада, отпустить к Вотчинной Канцелярии сколко каких, по выбору выше писанного садоваго мастера Андрей Фокта годных явится. За которые, по подрядной цене какою ведомства Канцелярии от стоеней поставки имелись, заплачены быть имеют денги от той Вотчинной Канцелярии без задержания. А по справке с инспектором Стеллихом, хотя в ведомстве титулярного советника и садоваго мастер Сурмина в Третьем саду запасной штамбовой липы в выше писанны меры несколько дерев и меетца, и то де для посадки в нынешнем 1744 году в садах на упалые места надобно. А в протчих садах — не имеетца. ПРИКАЗАЛИ: в выше писанную Вотчинную Канцелярию ответствовать промеморию, в которой объявить, что, как выше показано, к отпуску для розсадки на запасном Смолном дворе сада тех липовых штамбовых дерев ведомства Канцелярии от строеней в садах излишних не имеетца.

Апреля 9 дня 1744 году. Иоф Микулин,
Сергей Болтин, Петр Квашнин Самарин».

РГИА. Ф. 470. Оп. 5. Д. 245. Апрель 1744. Л. 16–17. Подлинник.

1. РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Ч. 2. Кн. 836. 1734. Л. 223–224.
2. Там же. Ф. 467. Оп. 2. Ч. 2. Кн. 69(б). Л. 431.
3. Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 91. Январь 1731. Л. 21; Д. 96. Июнь 1731. Л. 137–137 об.

4. Там же. Ф. 467. Оп. 2. Ч. 2. Кн. 89(б). 1745. Л. 221–240.
5. Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 156. Декабрь 1736. Л. 146–147.
6. Там же. Ф. 467. Оп. 2. Ч. 2. Кн. 80в. 1733. Л. 678.
7. Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 174. Июль 1738. Л. 176–177 об.
8. Там же. Ф. 467. Оп. 2. Ч. 2. Кн. 69а. 1727–1728. Л. 224–224 об.
9. Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 162. Июнь 1737. Л. 18–19 об.
10. *Макаров Б.С.* Голландские садовые мастера в Санкт-Петербурге. Первая половина XVIII в. СПб., 2013. С. 157–158.
11. РГИА. Ф. 470. Оп. 5. Д. 177. Октябрь 1738. Л. 73.
12. *Макаров Б.С.* Указ. соч. С. 161.
13. РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Ч. 2. Кн. 80б. Д. 24. 1733. Л. 217–222 об.
14. Там же. Ф. 467. Оп. 2. Ч. 2. Кн. 79в. 1733. Л. 707–707 об.
15. Там же. Ф. 467. Оп. 2. Ч. 2. Кн. 83б. 1734. Л. 440.
16. Там же. Ф. 467. Оп. 2. Ч. 2. Кн. 79в. 1733. Л. 707–707 об.
17. Там же. Ф. 467. Оп. 2. Ч. 2. Кн. 83а. 1734. Л. 777.
18. Там же. Ф. 467. Оп. 2. Ч. 2. Кн. 80а. 1733. Л. 62–63.
19. Там же. Ф. 467. Оп. 2. Ч. 2. Кн. 80а. 1733. Л. 47–48.
20. Там же. Ф. 467. Оп. 2. Ч. 2. Кн. 82в. 1734. Л. 517.
21. Там же. Ф. 467. Оп. 2. Ч. 2. Кн. 80в. 1733. Л. 669–669 об.
22. Там же. Ф. 467. Оп. 2. Ч. 2. Кн. 80(б). Д. 24. 1733. Л. 217–217 об.
23. Там же. Ф. 467. Оп. 2. Ч. 2. Кн. 80(б). Д. 24. 1733. Л. 221–222.
24. Там же. Ф. 467. Оп. 2. Ч. 2. Кн. 79в. Л. 545–546 об.
25. Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 220. Март 1742. Л. 32–38 об.
26. Там же. Ф. 467. Оп. 2. Ч. 2. Кн. 80а. 1733. Л. 156.
27. Там же. Ф. 467. Оп. 2. Ч. 2. Кн. 80б. 1733. Л. 382.
28. Там же. Ф. 467. Оп. 2. Ч. 2. Кн. 80б. 1733. Л. 384–384 об.
29. Там же. Ф. 467. Оп. 2. Ч. 2. Кн. 80б. 1733. Л. 388–391 об.
30. Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 162. Июнь 1737. Л. 18–19 об.
31. Там же. Ф. 467. Оп. 2. Ч. 2. Кн. 80(б). 1733. Л. 396.
32. Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 181. Январь 1739. Л. 21–22.
33. Там же. Ф. 467. Оп. 5. Д. 422. Январь 1758. Л. 319; Ф. 470. Оп. 5. Д. 287. Июль 1747. Л. 49–49 об.
34. Там же. Ф. 467. Оп. 5. Д. 422. Январь 1758. Л. 319.
35. *Вергунов А.П., Горюхов В.А.* Вертоград. Садово-парковое искусство России (от истоков до начала XX в.). М., 1996. С. 80.
36. Там же. С. 122.
37. *Петров А.Н., Петрова Е.И., Раскин А.Г.* [и др.] Памятники архитектуры пригородов Ленинграда. Л., 1983. С. 60.
38. *Кедринский А.А.* Большой Царскосельский (Екатерининский) дворец. От пригородной усадьбы до парадной резиденции. 1710–1760. СПб., 2013. С. 14.
39. *Дубяго Т.Б.* Русские регулярные сады и парки. Л., 1963.
40. Архив СПб. ИИ РАН. Ф. 270. Оп. 1. Д. 81. 1716. Л. 64.

41. РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 7а. 1720. Л. 86–89 об.
42. Там же. Ф. 467. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 19а. 1722. Л. 247–248 об.
43. Там же. Ф. 467. Оп. 4. № 45. 1726. Л. 347–365.
44. Там же. Ф. 467. Оп. 4. Д. 45. 1726. Л. 350.
45. Там же. Ф. 467. Оп. 4. Д. 467. Без даты (два листа без номера).
46. *Петров А.Н., Петрова Е.И., Раскин А.Г.* [и др.] Указ. соч. С. 14, *Кедринский А.А.* Указ. соч. С. 16.
47. *Макаров Б.С.* Первый садовый мастер Санкт-Петербурга Иван Яковлев (Johann Jftman) // Петровское время в лицах—2011: материалы науч. конф. СПб., 2012. С. 197–205. (ТГЭ. Т. 64).
48. РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Ч. 2. Кн. 99. 1762–1765. Л. 62.
49. Там же. Л. 68 об.
50. Там же. Ф. 466. Оп. 1 (36/1629). Д. 72. 1746. Л. 25.
51. Там же. Ф. 466. Оп. 1 (36/829). Д. 17. Л. 38–39.
52. Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 301. Август 1748. Л. 372.
53. *Макаров Б.С.* Садовый мастер Царского Села Якоб Рехлин // Царское Село на перекрестке времен и судеб: XVI Царскосельская науч. конф. СПб., 2010. С. 59–85.
54. РГИА. Ф. 466. Оп. 1 (26/1629). Д. 72. 1746. Л. 40.
55. Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 281. Январь 1747. Л. 43–43 об.
56. Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 290. Октябрь 1747. Л. 346–347 об.
57. Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 7. Ноябрь 1723. Л. 2–2 об.
58. Там же. Ф. 467. Оп. 2. Ч. 1. Кн. 39в. 1724. Л. 1049–1049 об.
59. Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 296. Март 1748. Л. 183–184.
60. Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 291. Ноябрь 1747. Л. 19–20.
61. Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 304. Ноябрь 1748. Л. 183–185 об.
62. Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 245. Апрель 1744. Л. 16–17.
63. Там же. Ф. 470. Оп. 5. Д. 251. Октябрь 1744. Л. 70–71.

Е.А. Самыловская

НЕМЕЦКИЕ МАСТЕРА И АРХИТЕКТОРЫ В РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ОБЩИНЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII в.

В начале XVIII в. строительство Санкт-Петербурга требовало привлечения на русскую службу иностранных специалистов, среди которых немалую часть составляли мастера резных дел и архитекторы. Эти специалисты прибывали из различных уголков Европы и исповедовали протестантизм и католицизм. Среди мастеров и архитекторов, принадлежавших к католической церкви, можно отметить швейцарца Доминико Трезини, итальянцев Николо Микетти и Гаэтано Кьявери, Франческо Бартоломео Растрелли, француза Николо Пино, а также немца-архитектора Готфрида Иоганна Шеделя, резных дел мастеров Эрхарда Эгельгрессера и Франца Людвиг Циглера. Прибыв в город, эти иностранцы вошли в состав местной римско-католической общины.

Римско-католическая община стала формироваться в Санкт-Петербурге почти сразу после его основания. Из донесений Московской иезуитской миссии, представители которой на первых порах окормляли петербургских католиков, известно, что в 1704—1706 гг. в петербургскую общину входили преимущественно военные и морские офицеры, а также мастера¹. С прибытием в город архитектора Д. Трезини вокруг него начинает объединяться община, и именно в его доме в 1705 г. была организована молельня, в которой стали проводиться публичные богослужения².

Согласно докладом иезуитов, в 1709 г. численность петербургских католиков составляла порядка 70 человек³, и по мере роста города она постоянно увеличивалась. Согласно докладу в Конгрегацию пропаганды веры нунция в Варшаве Джироламо Гримальди, в 1714 г. в городе проживало примерно 200 католиков⁴, в 1721 г. капуцин о. Венусто

из Фрибурга сообщал о 700 католиках, в отчете францисканца о. Джакомо да Оледжо 1723 г. говорится о 1000 католиков, а в 1724 г. францисканец о. Микеланджело да Вестинье сообщает о 1200⁵, что составляло порядка 3–4 % от всего населения города в конце царствования Петра I⁶. В конце 20-х годов XVIII в. о. Микеланджело сообщает о 2000 католиков в Петербурге, но при этом оговаривается, что в связи с переездом императорского двора в Москву в 1728 г. их численность сократилась до 600 человек⁷.

Несмотря на то что, согласно метрической книге о крещениях церкви св. Екатерины Александрийской, в период с 1710 по 1730 г. было зарегистрировано незначительное количество крещений (если в 1710 г. в городе было проведено только 1 крещение, то уже в 1721 г. — 27, 1722 г. — 29, 1723 г. — 28, 1724 г. — 16, 1725 г. — 21, 1726 г. — 24, 1727 г. — 33, 1728 г. — 23, 1729 г. — 24 и в 1730 г. — 16 крещений⁸), нельзя забывать о том, что в первой половине XVIII в. численность иностранцев в городе преимущественно росла за счет иммиграции, а не рождаемости⁹. Кроме того, очевидно, что цифры в докладах несколько округлены, и скорее всего, в большую сторону, так как в связи со слабым финансированием миссии патерам было выгодно завышать сведения о численности.

Община изначально формировалась как мультинациональная, и к началу 20-х годов XVIII в. в ее состав входили итальянцы, французы, немцы, англичане, шотландцы, чехи, поляки, сербы, армяне, голландцы, швейцарцы и др. Однако самым широким представительством обладали французы, немцы, итальянцы и поляки¹⁰.

По-видимому, немцев в общине было больше всего: об этом косвенно свидетельствуют метрические данные о крещениях. Всего с 1710 по 1735 г. было проведено 562 крещения, из них 145 крещений приходится на немцев (26 %), 106 — на французов (19 %), 102 — на итальянцев (18 %), 91 — на поляков (16 %), 86 (15 %) — на представителей иных наций (в определении национальной принадлежности ребенка мы ориентировались на национальность отца, если указаны оба родителя, если же отец не указан, то на национальность матери). В 32 случаях (6 %) определить национальность родителей не представляется возможным¹¹.

Кроме того, немцы были самой активной группой в общине. В 20–30-е годы XVIII в. они часто вступали в конфликты с прихожанами и священниками за право слушать воскресные проповеди на родном языке. Так, во время известного конфликта между франци-

сканцами и капуцинами за католический храм в Петербурге, в 1723 г. поляки, а в 1725 г. французы подали прошение в Синод, в котором пожаловались на самоуправство немцев. Согласно этим прошениям последние добились проведения воскресных богослужений на немецком языке и сопровождения их немецкими церковными песнопениями. При этом они не допускали до церкви французского и польского патеров¹².

В начале 30-х годов XVIII в. конфликт разразился вновь. Согласно донесениям о. Микеланджело да Вестинье, который с 1729 г. был префектом петербургской миссии, немцы продолжали осуществлять воскресные мессы в 10 часов с проповедью и церковными песнопениями на родном языке. В свою очередь французы требовали проведения в это время проповеди на французском языке и сокращения немецких песнопений¹³. О. Микеланджело принял решение разделить проповеди (каждая нация должна была слушать проповедь на родном языке раз в месяц) и сменил немецкие песнопения григорианским хоралом. Данное решение вызвало бурю негодования со стороны немцев, однако префект не изменил своего решения, поэтому часть немцев предпочла посещать протестантские немецкие проповеди¹⁴.

Как видно из этих примеров, немцы пытались сохранить свои позиции на руководящих ролях в петербургской римско-католической общине. В условиях интенсивного процесса ассимиляции иностранцев в Петербурге, у них возникало естественное желание сохранить свою этническую идентичность. При этом с психологической точки зрения проповедь на родном языке и церковные песнопения были чрезвычайно важны.

Активное участие в жизни общины принимали перечисленные нами немецкие мастера. Резных дел мастер Эрхард Эгельгрессер прибыл в Россию в 1703 г., а в Петербург — в 1710 г. и находился в городе до 1727 г., когда был отпущен с русской службы¹⁵. На протяжении 17 лет он работал в Летнем саду и Зимнем дворце, а также принимал участие в строительстве ворот и церкви в Петропавловской крепости¹⁶.

Согласно метрической книге о крещениях церкви св. Екатерины Александрийской, за годы проживания в Санкт-Петербурге у него и его жены Анны Маргариты родились восемь детей: Иоанн (26 января 1716 г.), Катарина (9 ноября 1716 г. или 14 ноября 1717 г.)¹⁷, Эрхард (26 июня 1719 г.), Анна Маргарита (26 июня 1719 г.), Йозеф Григорий

(14 мая 1721 г.), Эрхард Иоанн Антон (26 мая 1722 г.), Матио (20 февраля 1725 г.) и Мария (7 февраля 1727 г.)¹⁸.

Резчик Франц Людвиг Циглер прибыл в Россию в 1687 г. и с 1705 по 1724 г. находился в Санкт-Петербурге¹⁹. Здесь он принимал участие в строительстве деревянного дома Меншикова на Васильевском острове и деревянного дома Петра I на Адмиралтейском острове, выполнял украшения для каскада в Петергофе и т.д.²⁰

Нами было обнаружено только одно упоминание о рождении в Петербурге ребенка у Ф. Циглера и его жены Маргариты, а именно дочери Маргариты Доротеи (31 июля 1722 г.)²¹.

Каменных дел мастер Готфрид Иоганн Шедель прибыл в Петербург в 1713 г. и до 1727 г. занимался меншиковскими постройками: строительством дворца на Васильевском острове и дворца в Ораниенбауме. В 1727 г. он получил должность архитектора. С 1729 по 1731 г. работал в Москве, с 1731 по 1752 г. — в Киеве.

К сожалению, в метрических книгах не было обнаружено информации о семье Г.И. Шеделя. В литературе упоминается имя его брата, палатных дел мастера Иоганна Кристофера Шеделя, приехавшего в Петербург в 1714 г. Однако в документах, связанных с историей римско-католической общины города, его имя не упоминается. Видимо, это связано с тем, что он занимался постройкой губернских каменных домов на о. Котлин, где и проживал, пока в 1724 г. к сооружению Мытного двора, амбаров и погребов на Васильевском острове не был привлечен Доминико Трезини²².

По-видимому, Э. Этельгрессер и Ф. Циглер были деятельными и энергичными людьми, так как сразу по прибытии в город они включились в жизнь местной римско-католической общины. Так, их имена упоминаются в свидетельстве 1711 г., в котором приводится список прихожан, принимавших участие в строительстве римско-католической церкви в Греческой слободе и покупке участка под нее²³. Также они не остались в стороне во время конфликта между францисканцами и капуцинами. Их имена и имя И.Г. Шеделя стоят под прошением 15 мирян, поддерживающих францисканцев²⁴.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что в первой трети XVIII в. в римско-католической общине Санкт-Петербурга немцы были самой крупной и активной группой прихожан, ревностно отстаивавшей свои интересы. При этом немецкие мастера играли одну из ключевых ролей в жизни общины, принимая участие в основных событиях, происходящих внутри нее.

1. Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII в. СПб., 1904. С. 186, 188.

2. *Андреев А.Н.* Римские католики в Петербурге при Петре Великом и их участие в общественной жизни России // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. «Социально-гуманитарные науки». Челябинск, 2013. Т. 13. № 2. С. 79; *Самыловская Е.А.* Повседневная жизнь петербургской католической общины в первой трети XVIII в. // Труды Государственного Эрмитажа. [Т.] 70: Петровское время в лицах — 2013: к 400-летию Дома Романовых (1613–2013): материалы науч. конф. СПб., 2013. С. 252.

3. Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII в. С. 191.

4. *D' Haarlem Z.* L' expedition des Capucins en Russie // Collectanea Franciscana: Periodicum Cura Instituti Histotrici Ordinis Fratrum Minorum Capuccinorum Editum. Rome, 1942. Vol. XII (1942). P. 50–51.

5. *D' Haarlem Z.* Les Capucins a Saint-Petersbourg (1720–1725) // Collectanea Franciscana: Periodicum Cura Instituti Histotrici Ordinis Fratrum Minorum Capuccinorum Editum. Annus XII. 1942. T. XII. Rome, 1942. P. 354.

6. *Семенова Л.Н.* Быт и население Санкт-Петербурга (XVIII в.). СПб., 1998. С. 25.

7. *Reinhold J.* OFM. Die St.Petersburg Missionprafektur der Reformaten in 18 Jahrhundert (Fortsetzung) // Archivum Franciscanum Historicum. 1961. S. 352.

8. ЦГИА СПб. Ф. 347. Оп. 1. Д. 31. Л. 2 об., 12 об.–14 об., 17 об.–22 об., 27 об.–33, 35–36 об., 39 об.

9. *Семенова Л.Н.* Указ. соч. С. 14–15; *Базылев Л.* Поляки в Петербурге / пер. с пол. Ю.Н. Беспятых. СПб., 2003. С. 27.

10. *Самыловская Е.А.* Указ. соч. С. 256.

11. ЦГИА СПб. Ф. 347. Оп. 1. Д. 31. Л. 1–51, 56.

12. РГИА. Ф. 796. Оп. 4. Д. 540. Л. 17–17 об., 66 об.–70, 69–69 об., 71 об., 72.

13. *Reinhold J.* Op. cit. S. 360.

14. *Ibid.* S. 362–363.

15. *Малиновский К.В.* Художественные связи Германии и Санкт-Петербурга в XVIII в. СПб., 2007. С. 201, 202.

16. Там же. С. 201.

17. Одна и та же запись фигурирует под разными датами в метрической книге.

18. ЦГИА СПб. Ф. 347. Оп. 1. Д. 31. Л. 5 об., 7–7 об., 9 об., 13, 16, 23, 28.

19. *Малиновский К.В.* Указ. соч. С. 186, 187, 189.

20. Там же. С. 187–189.

21. ЦГИА СПб. Ф. 347. Оп. 1. Д. 31. Л. 16 об.

22. *Малиновский К.В.* Указ соч. С. 84.

23. РГИА. Ф. 796. Оп. 4. Д. 540. Л. 20–20 об.

24. Там же. Л. 14–14 об.

XIX век

П.А. Головнин

ДВОРЯНЕ ВУЛЬФ В РОССИИ

«Стремясь, достигаю».

Девиз на гербе рода Вульф

«Человек должен быть причастен к деяниям и страстям своей эпохи, иначе могут счесть, что он никогда не жил».

Оливер Уэнделл Холмс

Фамилия Вульф распространена в Германии, Швеции и России. Немецкий дворянский род von Wulf, происходящий из Анхальта-Магдебурга, впервые упоминается в судебных документах в Вюрцбурге в 1156 г. как Wolve. В Бранденбурге первое письменное упоминание рода Вульф (Wolv) датируется 1220 г., а возведение в рыцарское достоинство Альбрехта Вульфа (Albrecht Wulff) — в 1333 г. Позже произошло ответвление Остзейской линии Вульфов, восемь родов считаются российскими после присоединения Прибалтики к Российской империи. Родоначальником первого российского рода был Гавриил Васильевич Вульф, «иноземец», в 1679 г. поступивший на русскую службу поручиком солдатского строя. Второй род принадлежит к дворянству Лифляндской губернии. Его родоначальник Георгий-Фридрих Вильковский, польский полковник (1594—1642), после дуэли уехал в Швецию, где принял фамилию Вульф. Из его потомков, поселившихся в Лифляндии, Карл-Фридрих служил при Екатерине II генерал-аншефом. Ветви Вульф—Зербигаль и Вульф—Менцен внесены в матрикул Лифляндского дворянства и были пожалованы гербом.

Описание герба: «В щите, имеющем голубое поле, изображены три серебряные осьмиугольные звезды и под ними — стоящий на задних

Герб родов Вульф—Зербигаль
и Вульф—Менцен

Герб контр-адмирала П.Н. Вульфа

лапах волк с мечом. Щит увенчан дворянскими шлемом и короною, на поверхности которой виден выходящий волк с мечом. Намет на щите голубой, подложенный серебром». Герб рода Вульф внесен в 18-ю часть Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи (с. 45). Герб рода Вульф внесен в 3-ю часть Сборника дипломных гербов российского дворянства, не внесенных в Общий гербовник (с. 74).

Остальные шесть родов Вульф принадлежат к новому дворянству и внесены во II и III части родословных книг губерний: Киевской, Московской, Новгородской, Санкт-Петербургской и Херсонской. Рязанская ветвь происходит от московских Вульфов (так, канцелярист Николай Александрович Вульф, 14.12.1856 г., внесен в III часть ДРК Рязанской губернии).

Первым из рода Вульфов, поступивших на русскую службу в Военно-морской флот, был Питер Вульф, который «в 1716 г. принят на службу в боцманматы; в 1723 г. произведен в боцмана; в 1728 г. произведен в шкипера; в 1730—1733 гг. командовал флейтом “Дагерорд”; 2.04.1742 г. произведен в лейтенанты к Адмиралтейству; 16.09.1751 г. по новому штату назначен состоять в том же чине при Кронштадтском порте»¹. Отставной капитан шведской службы Израиль Вульф

был возведен в дворянское достоинство высочайшим указом от 08.04.1725 г. с именовани­ем «фон Вульф», жалован дипломом на шляхетство герцогства Лифляндского. Полковник лейб-гвардии Гусарского полка, отставленный генерал-майором в 20.09.1799 г. Яков Иванович Вульф, был жалован 27.07.1804 г. дипломом на потомственное дворянское достоинство. Губернский секретарь Юлиус Адольфович фон Вульф (1809–?), из Лифляндских дворян; лютеранского вероисповедания. Поступил на службу в МИД 7.03.1834 г.; произведен в коллежские регистраторы 8.03.1836 г.; холост; по прошению с повышением чина губернского секретаря уволен в 1837 г.; избран орду­нерихтером Валкского уезда 14.04.1842 г.; имеет родовое имение мызы замок Адзель с 135 ½ гаками². Статский советник, доктор медицины Петр-Фридрих-Каспер Вульф, его жена — дочь тайного советника Екатерина Федоровна Герман с детьми: Петром-Фридрихом (18.12.1862–?), Оскаром-Константином (25.05.1864–?), Екатериной-Софией (23.01.1866–?), Георгием-Владимиром (24.05.1874–?), евангелическо-лютеранского вероисповедания, в воздаяние отлич­но-усердной и ревностной службы был пожалован орденом Св. Владимира 3-й ст. 15 мая 1883 г., дающим право на потомственное дворянство³. Боевой офицер Василий Андреевич Вульф (1809–1855), кавалер ор­дена Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость», награжден серебряной медалью за Турецкую войну за 1828–1829 гг., Польским знаком отличия за военное достоинство 4-й ст. и знаком отличия беспорочной службы за 20 лет, произведен в подполковники 27.03.1855 г., был повенчан с купеческою дочкою Параскевою Сосипатровою (1826–?) в 1852 г. в градской Вологодской Троицкой церкви и внесен во 2-ю часть ДРК, имеет сына от первого брака Николая (24.11.1850–?)⁴.

Действительный статский советник Иван Иванов сын Вульф (1762–?) награжден за свою службу орденами Св. Анны 2-й ст. (1805), Св. Владимира 4-й ст. (1806), получением которых приобрел право на потомственное дворянство и 4 июля 1824 г. с женою Анной-Доротеей Гапт и сыном Иоганн-Георгом (1803–) был внесен в 3-ю часть ДРК Санкт-Петербургской губернии⁵. Александр Адамович Вульф с женою Еленой Григорьевной и сыновьями Александром, Петром и Николаем, состоя в чине 8-го класса и имеющий ордена Св. Анны 3-й ст. и Св. Владимира 4-й ст., приобрел право на дворянское достоинство. Проходя службу чинами, пожалован 31.12.1811 г. чином титулярного советника и по определению Московского ДДС 8.08.1832 г. он и его семья были внесены в 3-ю часть ДРК⁶.

16 апреля 1801 г. ямбургская помещица, дворянина Ивана Родионова сына фон Вульф жена, Генрика Христиановна дочь, подает прошение на имя императора Александра I: «По кончине мужа моего 20 сентября 1799 г. осталась я с малолетними детьми: Отто 19 лет, Яковом 15 лет, Филиппом 12 лет, дочерьми: девицами Августою 20 лет, Дарьей 19 лет и Анною 18 лет. Имею в уезде недвижимое имение деревню Голятицы с мужским полом крестьян по 5 ревизии 62 души. После покойного мужа моего остались на нем долги, да и само имение в закладе у отставного капитана Павла Иванова, сына Смецкого, в 10 тыс. руб. Я сама управлять оным имением, а паче сохранять оное и очистить от долгов для пользы тех детей моих нахожусь не в состоянии и прошу, дабы Высочайшим указом повелено было сие мое прошение в Ямбургскую дворянскую опеку принять и оставшееся после мужа моего имение записать в Ведомство дворянской опеки». Правление опеки оказала содействие просительнице. В метрической книге 1848 г. Лужского уезда показано, что у коллежского советника Николая Петрова Вульфа и его супруги Эмилии Христиановны Вульф, первого православного, а второй лютеранского вероисповедания, сын Александр родился 15 июля, а крещен 17 августа 1848 г. Восприемниками были: лугский уездный предводитель дворянства отставной генерал-майор Иван Михайлович Карпов, отставного гвардии полковника Николая Иванова Христовского супруга Татьяна Матвеевна Христовская⁷.

Важную роль в истории Военно-морского флота России сыграли боевые офицеры, контр-адмиралы отец и сын Вульф. Николай Павлович Вульф (1798—1858) из дворян Херсонской губернии. В службу вступил в Черноморское штурманское училище гардемаринном 24.05.1810 г.; произведен в мичманы с зачислением в 28 ФЭ 18.02.1816 г.; в 1816 г. на бригантине «Килия» под командованием капитан-лейтенанта Крюкова с 31.07 по 3.09 находился на Николаевском и Севастопольском рейдах и в плавании под парусами. В 1817 г. на корабле «Николай» под командою капитана 2-го ранга Снаксаре с 1.06 по 12.10 был на Севастопольском рейде и в плавании под парусами в Черном море. В 1829—1831 гг., командуя шхуной «Вестник», ежегодно крейсировал у Абхазских берегов; 6.12.1831 г. произведен в капитан-лейтенанты; в 1832—1834 гг., командуя той же шхуною и с Геленджикским отрядом судов у тех же берегов, был в действиях против горцев и при истреблении турецких судов при местечках Писада, Вардан, Вулан; в 1835 г. командовал бригом

«Ахиллес» в отряде судов Абхазской экспедиции, награжден орденом Св. Станислава 3-й ст.; в 1836–1837 гг. командовал бригам «Аякс» в той же экспедиции, участвуя в сражении против горцев при занятии мыса Константиновского и при покорении Цибельды; в 1837 г. за 18 морских кампаний награжден орденом Св. Георгия 4-й ст.; произведен в капитаны 2-го ранга 19.07.1839 г.; переведен в 40 ФЭ 18.11.1839 г.; произведен в капитаны 1-го ранга 15.04.1845 г.; назначен командиром 40 ФЭ и корабля «Султан Махмуд» 29.11.1845 г.; произведен в контр-адмиралы с назначением командиром 3-й бригады 5-й флотской дивизии 30.03.1852 г.; назначен командиром 2-й бригады 5-й флотской дивизии 2.06.1854 г.; назначен командиром Каспийской флотской бригады 9.07.1856 г.; женат вторым браком на вдове капитана Баптизманского, урожденной Роголь-Левицкой Александре Ивановне, имеет от 1-го брака сына Павла (16.01.1843–?), который находится в МКК, и от второй жены дочь Марию (1.10.1854–?), находится при матери, православного вероисповедания. Находился в сражениях: в 1838 г. в эскадре генерал-адъютанта вице-адмирала Лазарева в сражении против горцев в занятии на восточном берегу Черного моря мест при речках Субаши и Шахи; в 1855 г. при обороне Севастополя; 12.10.1856 г. высочайше утвержден в звании директора Астраханского губернского попечительства о тюрьмах комитета; с 11.07 по 18.10 исправлял должность главного командира Астраханского порта и Каспийской дивизии; 6.02 за отличие против горцев пожалован орденом Св. Станислава 3-й ст.; 6.12.1836 г. пожалован орденом Св. Георгия за 18 шестимесячных кампаний; 8.06.1838 г. за ревностную службу и храбрость против горцев пожалован орденом Св. Анны 2-й ст.; 25 мая 1839 г. за отличную храбрость против горцев пожалован орденом Св. Анны 2-й ст. с императорской короной; 26.08.1856 г. пожалован орденом Св. Владимира 3-й ст.; в 1856 г. за защиту Севастополя пожалован серебряной медалью на Георгиевской ленте и в том же году в память о минувшей войне награжден бронзовой медалью на Андреевской ленте. На шлюпе «Диана» под командованием капитан-лейтенанта Станюковича с 26.04 по 13.10.1825 г. находился на Николаевском, Севастопольском, Феодосийском рейдах. В 1851 г. на корабле «Султан Махмуд» сам командиром, с 1.07 по 17.08 на Севастопольском рейде и в плавании под парусами по Черному морю в эскадре вице-адмирала Станюковича⁸. Произведен в контр-адмиралы с назначением командиром 3-й бригады 5-й флотской дивизии; в 1853 г., имея свой

флаг на пароходе «Бессарабия», перевозил десантные войска из Севастополя в Сухум-Кале, имея последовательно свой флаг на кораблях «Гавриил» и «12 апостолов», плавал в Черном море; в 1854 г. назначен командиром 2-й бригады 5-й флотской дивизии, содержал сообщение с Еникале и Таманью; в 1855 г., имея свой флаг на том же пароходе, ходил по Азовскому морю.

Ко времени Крымской войны, начатой Турцией против России в октябре 1853 г., русский флот значительно уступал турецкому как по количеству, так и по качеству. В состав Черноморского флота в это время входили 14 парусных линейных кораблей, 6 фрегатов, 4 корвета, 12 бригов, 7 пароходофрегатов, 32 транспорта, 24 малых парохода, 54 парусных и 28 гребных судов. В сентябре 1854 г. англо-французский флот, состоящий из 89 боевых и 300 транспортных кораблей, высадил в Крыму экспедиционную армию в количестве 62 тыс. человек, нанес поражение русским войскам под командованием А.С. Меншикова и осадил Севастополь. Ко времени Крымской войны Приазовье являлось одним из крупнейших хлебоэкспортных районов России. Одной из задач, стоявших перед Азовской экспедицией англо-французского флота, было уничтожение наших южных опорных береговых пунктов и военно-продовольственных баз, а также военного и торгового флотов. Согласно разработанному объединенным командованием плану 12 мая 1855 г. англо-французский флот из 57 кораблей, 11 плавбатарей и нескольких десятков мелких судов вошел в Керченский пролив. На его борту находилось 16-тысячное войско. С помощью многотысячного десанта противник занял Керчь. Русская Азовская флотилия, охранявшая Керченский пролив, из-за своей малочисленности и слабости не могла противостоять мощному вражескому флоту. Ее командующий, контр-адмирал Н.П. Вульф принял решение уничтожить большую часть своих судов, а на четырех ушел в Азовское море и потом поступил в гарнизон Севастополя. 9 июля 1856 г. назначен командиром Каспийской флотской бригады и 26.08 награжден орденом Св. Владимира 3-й ст.; в 1857 г. исправлял должность главного командира Астраханского порта и Каспийской дивизии; 10 марта 1858 г. скончался⁹.

Контр-адмирал Павел Николаевич Вульф с женой Леонидой Ивановной и сыновьями Николаем и Владимиром Указом Правительствующего Сената от 13 марта 1903 г. были признаны в потомственном дворянстве с внесением во 2-ю часть ДРК и пожалованы гербом. 12 мая 1903 г. в Собрании гербового отделения Депар-

тамента герольдии рассматривали проект герба контр-адмирала Павла Вульфа, составленный вследствие предписания герольдмейстера от 10 апреля 1903 г. Описание герба: «В лазуревом щите серебряное взрываемое военное судно, сопровождаемое сверху: справа — золотым полумесяцем рогами вверх, а слева — таковою же звездой о шести лучах. Щит увенчан дворянским коронованным шлемом. Нашлемник: выходящий волк натурального цвета, с червлеными глазами и языком, держащий в правой лапе серебряный с золотою рукояткою меч. Намет: лазуревый с серебром. Девиз: “Стремясь, достигаю”, серебряными буквами на лазуревой ленте». Художнику Серебрякову было предложено заняться изготовлением герба на высочайшее утверждение, причем П.Н. Вульф указывал, что «взрываемое военное судно помещено в гербе в воспоминание подвига его прадеда Карла Вульфа, который в Чесменском бою погиб на взорванном корабле “Евстафий”»¹⁰. Контр-адмирал Павел Вульф в 1901 г. опубликовал книгу «Памятник по морякам, погибшим на броненосце “Русалка” 7 сентября 1893 г. в Финском заливе».

Гавриил Васильевич Вульф в 1679 г. прибыл в Россию из Швеции и поступил на русскую службу поручиком солдатского строя. Впоследствии (1700) он был полковником и купил вотчину в Медынском уезде. Его сын Петр служил при царевне Наталье Алексеевне, при Елисавете Петровне был бригадиром, а внук Иван Петрович — орловским губернатором. Семейство Николая Ивановича Вульф известно по своим дружеским отношениям с Пушкиным. Этот род внесен в I часть родословной книги Тверской губернии. В табл. 1 представлены родственные связи дворянских родов Вульф, Шокальских, Головинных, Бубновых.

В грамоте, выданной Государственной камер-коллегией 21.12.1726 г. камер-юнкеру Петру Гаврилову Вульфу, значит, «что по именному Высочайшему указу в 1722 г., велено ему Вульфу дать состоящие в Ржевском уезде село Берново, сельцо Соколово, сельцо Малинники, деревню Каребино, деревню Варапуни, в Новоторжском уезде сельцо Иевлево, сельцо Шелкаево, деревню Кожевники, Старицкого уезда деревня Сейнукова с крестьянами. 30 сентября имение, состоящее за бригадиром Петром Гавриловым Вульфом в Старицком уезде в селе Берново, в деревнях Соколово, Малинники, за смертью его в 1754 г. перешло к сыну его — поручику Ивану Петрову Вульфу»¹¹.

Таблица 1

Родословная с изложением документов о дворянстве рода Вульф к рапорту Тверского ДДС от 18 ноября 1850 г. за № 2563				
Гавриил Васильев сын Вульф (1659–1722) ж. — Чичерина Авдотья Александровна В 1676 г. как иноземный поручик солдатского строя по фортификации поступил на русскую службу при царе Алексее Михайловиче, при Петре I пожалован чином полковника				
Петр (+1754), бригадир, камер-юнкер, пожалован Екатериной II в селе Берново землями				
Иван (1749–1817), тайный советник, орловский губернатор				
I-----I-----I-----I-----I-----I-----I-----I-----I-----I				
Петр Павел Федор Никита Иван Николай Екатерина Наталья Анна с. Соколово с. Павловское (+1807) с. Берново с. Тригорское с. Грузины с. Старица с. Курово- (1776–1860) с. Малинники -Покровское ж. — Розанова ж. — Фред ж. — Свечина ж. — Борзова ж. — Осипова м. — Полторацкий м. — Вельяшев м. — Панафидин				
I				
I-----I I I				
Дмитрий Головнин (1807–1872) ж. — кн. С.П. Мещерская	Петр (1804–1842) ж. — Кленовская	Николай (1815–1887) ж. — Лосева	Алексей (1806–1881) м. — Е.Ф. Керн	Анна (1800–1879) (1768–1841)
I	I	I	I	
Сергей Головнин (1848–1921) ж. — Смольянинова Е.К.	Николай (1839–1890) ж. — Ржевская	Анна (1856–1940) м. — Бубнов	Евдокия (1818–1904) Д.Н. м. — Шокальский	
I	I	I	I	
I	I	I-----I	I	
I	Алексей (1868–1931)	Варвара (1886–1983)	Анна (1888–1979)	Юлий Шокальский (1856–1940)
Петр Головнин ---ж. — Н.С. Головнина	(1882–1956) м. — Оно ж. — Скворцова			
Андрей (1909–1980)	Дмитрий (1908–2007)	Зинаида (+1945)		
ж. — З.Н. Преображенская ж. — А.С. Омельченко (1924)				
Петр Головнин (1950)	Алексей (1945)			
	Дмитрий (1974)			

По семейному разделу Прасковьи Вульф с ее малолетними детьми Алексеем, Михаилом, Валерианом, Анною и Евпраксиею досталось Старицкого уезда сельцо Малинники, село Берново и деревни Биби-кова 221 мужского и 263 женского пола душ крестьян.

Родословная господ Вульф	
Гаврила Васильев Вульф	
I-----I	
Федор, армии капитан, убит	Петр, бригадир
I	
I-----I	
Иван, ж. — Анна Федоровна Муравьева	Гаврила
I	
I-----I-----I-----I-----I-----I-----I	
Петр Николай Федор	Павел Иван (проситель) Никита
I	I
Валериан	Николай Иванович Вульф (11.11.1815—?)

В аттестате из учрежденной при Государственном ассигнационном банке конторы по покупке металлов титулярному советнику Николаю Петровичу Вульфу указывается, «что он в службу вступил из дворян в лейб-гвардии Преображенский полк 29.11.1783 г., из онаго переведен в Семеновский полк сержантом 4.03.1784 г., прапорщиком 1.01.1793 г., подпоручиком 1.01.1795 г., поручиком 16.04.1797 г., уволен к статским делам титулярным советником 31.12.1797 г. и в сей конторе находился с 21.02.1797 г. кассиром, утвержден в чине коллежского асессора 3.03.1800 г.¹² Полковник Петр Иванов, сын Вульф, в службу вступил в Конно-Егерский, что ныне лейб-гвардии Драгунский полк юнкером 2.06.1822 г., портупей-юнкером 10.06.1823 г. Произведен в прапорщики того же полка 5.07.1824 г., отроду ему было тогда 20 лет, за матерью его состоит родовое в Тверской губернии имение 500 душ крестьян. Произведен в поручики 6.12.1829 г., в штабс-капитаны 29.04.1834 г., в капитаны 1.01.1838 г. Был в походах: в 1828 г. с Турцией, выступив из г. Новгорода 2 августа, переправился через Дунай с полком. Состоял в конвое ЕИВ при блокаде и покорении г. Варны, награжден серебряной медалью за Турецкую войну. В 1828—1829 гг. из Новгорода был отправлен с полком на усмирение польских мятежников, и был в сражениях 7 мая и преследовании неприятеля, за что награжден орденом Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость», орденом Св. Анны 3-й ст. с бантом за взятие штурмом варшавских укреплений. Прибыл обратно в Новгород 16 марта 1832 г. Женат вторым браком на дочери коллежского асессора Матвея Кленовского (Клетовского) девице Елизавете, у них были

дети: Николай (27.01.1839—?), Елизавета (20.09.1842—?), Иван (16.12.1847—?), Варвара (9.10.1846—?), Анна (8.10.1841—?), Екатерина (12.11.1843—?)¹³. По домашним обстоятельствам от службы уволен полковником с мундиром 2.02.1839 г. и проживал в имение Берново¹⁴. По указу Департамента герольдии от 5 апреля 1855 г. были утверждены определения Тверского ДДС от 20.12.1793 г., 24.03.1833 г., 26.02.1836 г. и 18.11.1851 г. о внесении Ивана Петрова, сына Вульфа, с детьми Николаем, Иваном, Федором, Павлом и Петром и внуками Валерианом Николаевым и Николаем Ивановым в ДРК с тем, чтобы они из ч. 6 перенесены были в 1-ю, а Петр Иванов Вульф по заслугам своим в ч. 2 ДРК¹⁵. Орловский вице-губернатор, двора Его Императорского Величества камер-юнкер, статский советник Николай Петров, сын Вульф, просил Александра II: «Дед мой в чине лейб-гвардии капитан-поручик Иван Петров, а при нем и родитель мой, будучи не служащим, Петр Иванович Вульф внесены в ДРК Тверской губернии и утверждены указом Департамента герольдии от 5 августа 1851 г. с внесением в 1-ю часть, я же до сего времени к роду не причислен и ныне желаю быть внесенным в ту же часть ДРК с сыном моим Александром, родившимся в июле 1848 г. в Санкт-Петербургской губернии, село Заполье¹⁶.

В формулярном списке о службе орловского вице-губернатора, камер-юнкера двора ЕИВ, статского советника Ивана Петровича Вульфа, составленном 29 июля 1855 г., отмечается: «Кавалер ордена Св. Анны 2-й ст. и той же степени с императорской короною украшенного. Родовое имение: Псковской губернии Торопецкого уезда 272 души и при них до 3500 десятин земли и сверх того в Великолуцком уезде незаселенной земли 225 десятин с 3 душами дворовых людей. Благоприобретенное: Новгородской губернии в Боровичском уезде крестьян мужского пола 360 душ и при них земли 6970 десятин и в том же уезде 41 душа крестьян с земель. По окончании полного курса наук в бывшем Благородном пансионе при С.-Петербургском университете, в службу вступил Военного министерства в Провиантский департамент 4.02.1835 г. Утвержден помощником столоначальника 2.03.1835 г. Утвержден в чине коллежского секретаря 3.04.1835 г. По преобразованию Военного министерства перемещен помощником секретаря 1.05.1836 г. За отлично-усердную службу награжден чином титулярного советника 16.07.1837 г., произведен в коллежские асессоры 16.06.1839 г. По прошению уволен от службы 20.07.1839 г. Определен почетным смотрителем Вышневолоцкого уездного учили-

ща 30.04.1841 г. Произведен в надворные советники 26.03.1844 г. Вдов, имеет сына Александра (15.07.1848—?). Согласно прошению, по сношению начальства, причислен к МВД 6.02.1846 г. По предписанию МВД командирован в Рижскую ревизионную комиссию 20.02.1846 г. Журналом МВД командирован к товарищу министра для занятий по Временно-люстрационному комитету 30.11.1847 г. Произведен в коллежские советники 26.03.1847 г. Высочайшим приказом по Гражданскому ведомству, назначен екатеринославским вице-губернатором 12.02.1848 г. За усердно-ревностную службу пожалован камер-юнкером двора ЕИВ 5.12.1849 г. Произведен в статские советники 26.03.1851 г. Пожалован кавалером ордена Св. Анны 2-й ст. 23.09.1852 г. Высочайшим приказом по Гражданскому ведомству 24.01.1853 г. за № 39 назначен орловским вице-губернатором. Пожалован орденом Св. Анны 2-й ст. с короною 3.09.1854 г.»¹⁷

Таблица 2

Родственные связи дворянских родов Вульф, Муравьевых, Ганнибал, Пушкиных, Головниных			
Гаврила Васильевич Вульф (1659–1722) Артамон Муравьев			
ж. — А.А. Чичерина		I	
Петр (1712–1788)	Федор Муравьев-Апостол	Петр Ганнибал	
Иван (1749–1817), ж. — А.Ф. Муравьева (1750–1810)-----I		Абрам (1696–1781)	
I		I	
I-----I		I-----I	
Иван (1776–1860)	Николай (+1813)	Исаак Ганнибал	Осип
ж. — Н.Г. Борзова		ж. — П.А. Осипова (1781–1859) (1747–1804) (1744–1806)	
I		I	I ж. — Алария Алексеевна Пушкина
Петр (1804–1842)	Елисавета	I	Надежда (1775–1839)
ж. — Е.М. Кленовская		м. — Яков Ганнибал-----I м. — Сергей Львович Пушкин	
Николай (1831–1890)		Александр Пушкин (1799–1837)	
ж. — Л.К. Ржевская			
Алексей (1868–1931)			
ж. — Н.С. Головнина (1882–1956)-----		Петр Сергеевич Головнин (1880–1918)	
Дмитрий (1908–2007)		Андрей Головнин (1909–1980)	
ж. — А.С. Омельченко (1924)		ж. — З.Н. Преображенская (1914–2012)	
Алексей (1945)		Петр Головнин (1950)	
ж. — Анна Ивановна Карпова			
Дмитрий Вульф (1974)			

В Псковской губернии Торопецкого уезда деревни: Говнухи, Ба- лакирево, Белошино, Брыково, Мазилино, Лутухново, Меншиково, Хребтово, Иванцево, Лыпино, Дубинино, Залучье, Черногубово, Трофимовское с крестьянами 272 души с землями принадлежали Елизавете Петровне Вульф с детьми: коллежскому асессору Николаю, отставному флота капитан-лейтенанту Никите и девице Екатерине Петровне Вульф, которые 16.08.1845 г. учинили отдельный акт¹⁸. 8.05.1874 г. в Тверское ДДС вдова гвардии капитана Гавриила Петровича Вульфа, Александра Александровна Вульф (Бакунина), подает прошение: «Отец мужа моего, Петр Иванович, внесен в 1-ю часть ДРК Тверской губернии, покойный муж мой и я с детьми Николаем (14.03.1854—) и Александром (2.12.1855—) к роду еще не причислены, почему и прошу ДДС причислить меня к дворянству». Как значится из формулярного списка: «Гавриил Петров Вульф, 300 душ крестьян, в службу вступил лейб-гвардии Измайловский полк унтер-офицером 3.03.1823 г., произведен в прапорщики 29.03.1825 г. Был в походах в войну с Турцией в 1828 г., награжден орденом Св. Анны 4-й ст. и серебряной медалью на Андреевской ленте. Уволен 1.02.1830 г. штабс-капитаном». В метрических книгах Новоторжского уезда села Прямухина написано: за 1844 г. под № 14 ноября 12 дня венчаны отставной штабс-капитан гвардии и кавалер Гавриил Петров Вульф первым браком и дочь коллежского советника Александра Михайловича Бакунина девица Александра Бакунина, 4 декабря 1861 г. умер и 7 погребен помещик отставной штабс-капитан Гавриил Петров Вульф»¹⁹.

Таблица 3

Родословная с изложением документов о дворянстве рода Вульф, представляемых в Департамент герольдии при рапорте Тверского ДДС от 28.06.1874 г. за № 132²⁰

Иван Петров Вульф		
Петр, ж. — Елизавета Петровна Кленовская		
I-----I-----I		
Николай Мария I (24.01.1808—)	Гавриил (1.08.1805—4.12.1861), ж. — Александра Александровна Бакунина	
I		I
I	I-----I-----I	
Александр	Николай (14.03.1854—)	Александр (2.12.1855—)

Петр Иванов, сын Вульфа, обращается: «Нужно сыну моему Гавриле иметь из Герольдии о дворянстве свидетельство. Род наш по представленным от родителя моего гвардии капитан-поручика, который потом был тайным советником, Ивана Петровича Вульфа доказательствам внесен в 6-ю часть ДРК, то прошу дать сыну моему свидетельство о дворянстве»²¹. В ответе отмечалось, что его сын Гавриил родился в г. Павловске 1 августа 1805 г., крещен в церкви Святой Марии Магдалины, восприемником был великий князь Николай Павлович, также отмечалось, что из представленных доказательств видно, что у Ивана Петровича Вульфа, между прочими, показан сын Петр, а его дед Гаврило Васильевич Вульф служил еще в 187 г. поручиком и пожалован в 704 г. бригадиром, коему по именному указу велено отдать описные стольника Калитина деревни в Старицком и Новоржевском уездах за 2299 руб., за ним наследственных Старицкого уезда в одном селе и в 4 сельцах и в 13 деревнях по 4 ревизии мужского пола 1150 душ и женского пола 1191 душ. Приказали дать Гавриле Вульф свидетельство о дворянстве²².

Михаилу Николаевичу Вульфу (2.06.1808—) было дано свидетельство, что он из дворян. Из представленных от деда его родного лейб-гвардии капитана-поручика и кавалера Ивана Петровича Вульфа в Тверское ДДС в 1793 г. о дворянстве доказательства, явствует: 1 — из родословной росписи, что он, Михаил, происхождение свое имеет от родных его: прапрадеда Гаврилы Васильевича, прадеда Петра Гавриловича, деда Ивана Петровича и отца означенного Николая Ивановича Вульфа; 2 — из предъявленных же документов значит, что прапрадед его Михаила, Гаврилы Васильевич Вульф, в 1787 г. служил в солдатском строю поручиком, 1796 г. капитаном, 1799 г. майором, в 1806 г. подполковником, в 1808 г. полковником; 3 — из патентов за высочайшим подписанием видно, что прадед его Михаила, Петр Гаврилович Вульф, пожалован был в 1725 г. камер-юнкером, в 1733 г. премьер-майором, в 1736 г. подполковником, в 1740 г. полковником, в 1741 г. в бригадиры; 4 — по данной ему же 726 г. из Камер-коллегии открывается, что по именному государыни Екатерины Алексеевны указу велено отдать ему, Вульфу, деревни стольника Калитина, состоявшие в Ржевском, Старицком и Новоторжковском уездах, кои у Калитина описаны за 2299 руб.; 5 — тоже из патентов за высочайшим подписанием явствует, что дед его недоросля, Иван Петрович Вульф, служа в гвардии, произведен в 764 г. в прапорщики, в 765 г. в подпоручики, в 767 г. в поручики, в 769 г. в гвардии капитаны-поручики,

а 1787 г. Всемиловейше пожалован кавалером ордена Св. Владимира 4-й ст. По таковым доказательствам и внесен род сей в прежнюю ДРК Тверской губернии в 6-ю часть. Недвижимого имения, людей и крестьян за ним, недорослем Михаилом, обще с матерью и братьями и сестрами состоит в Старицком уезде 221 мужского пола душ, отроду ему 19 лет. Тверь, 30 июня 1827 г.»²³ В списке Николай Иванов, сын Вульфа (1817—), был женат на дочери чиновника 8-го класса Екатерине Лосевой, родовое имение за отцом его состоит в Тверской губернии 500 душ и в Псковской и матерью 250 душ. Воспитание получил в школе гвардейских прапорщиков, где окончил курс наук. В службу вступил в Измайловский полк унтер-офицером 8.09.1834 г.; по уведомлению дежурного генерала Главного штаба от 11.05.1836 г. переименован в подпрапорщики; произведен в прапорщики 1.01.1837 г.; в подпоручики 6.12.1838 г.; высочайшим приказом 8.05.1841 г. уволен от службы за болезнью с чином поручика 18.03.1842 г.; по выбору островского дворянства был помещен на трехлетие в уездные судьи и начальником губернии утвержден в должности 19.01.1850 г.²⁴

Иван Петров, сын Вульфа (1804—), имел родовое имение в Старицком уезде 68 душ; на службу поступил из Пажеского корпуса прапорщиком; в учебный Карабинерный полк 27.01.1820 г., в коем подпоручиком 7.02.1821 г., поручиком 27.06.1823 г.; переведен в Оренбургский уланский полк, в котором полковым адъютантом 7.12.1825 г., штаб-ротмистром 25.06.1827 г., ротмистром 14.04.1829 г.; уволен от службы 1.12.1829 г.; во время отставки был выбран для предотвращения эпидемической болезни холеры попечителем участка села Перхурова 23.10.1830 г.; уволен 10.12.1830 г.; вторично определен на службу в Оренбургский полк в чине ротмистра с 15.07.1830 г.; уволен от службы майором и с мундиром 25.01.1834 г.; по первому дворянскому выбору избран и поступил на службу в суд судьей 10.12.1838 г.; уволен от службы 16.02.1839 г.; женат на Александре Александровне Осиповой, у них дети: Николай (14.06.1844—), Петр (9.03.1846—), Иван (26.08.1847—), Екатерина (23.11.1848—), находятся при отце; жена и дети православного вероисповедания; по выбору дворян Старицкого уезда избран и поступил на службу для межевания Грязнополевых дач посредником Старицкого уезда 19.10.1839 г.; уволен от оной 22.03.1840 г.; по второму дворянскому выбору избран и поступил на службу в суд судьей 1.03.1845 г.»²⁵ На русскую службу был принят из иностранцев Иоганн Христофоров, сын Вульфа (1796—), в Императорский Московский воспитательный дом бригадмейстером и принял присягу 9.11.1826 г.²⁶

Коллежский ассессор Никита Петрович Вульф (1819—) имел родовое имение в Старицком уезде Тверской губернии, в селе Соколове, 120 душ; «воспитывался в Морском кадетском корпусе и в продолжение наук произведен в гардемарины 2.01.1833 г.; по окончании курса наук в МКК произведен в мичманы с оставлением в офицерском классе 19.12.1834 г.; произведен в лейтенанты 14.04.1840 г.; в Балтийском море сделал две шестимесячные кампании; высочайшим приказом уволен от службы согласно прошению по домашним обстоятельствам капитан-лейтенантом 18.03.1842 г.; по прошению определен в Канцелярию Министерства Императорского двора на вакансию помощника столоначальника 3-го отделения 29.06.1846 г.; переименован в титулярные советники 18.07; по приказанию директора во время командировки его секретаря в Брюссель исправлял должность сию с 9.08 по 9.10.1847 г.; определен на вакансию секретаря при директоре и переводчика Канцелярии 15.04.1848 г.; высочайшим приказом по Гражданскому ведомству произведен в коллежские ассессоры со старшинством с 12.06.1849 г.; согласно прошению уволен по домашним обстоятельствам с награждением чина надворного советника 6.06.1851 г.; высочайшим приказом по Гражданскому ведомству 11.12.1852 г. определен членом Екатеринославского комитета о губернском коннозаводства с прежним чином коллежского ассессора; высочайшим приказом по Гражданскому ведомству 16.02.1854 г. уволен за болезнью от должности члена Комитета»²⁷.

Коллежский ассессор Николай Иванович Вульф (1820—) имел «родовое имение в Старицком уезде 1100 ½ десятин земли; женат на Екатерине Лукиничне Лосевой, у них дети: Ольга (8.11.1851—), Анна (26.04.1853—), Прасковья (5.07.1857—), Михаил (15.09.1860—), Александра (31.10.1862—). Воспитывался дома и в школе гвардейских подпрапорщиков и юнкеров; в службу вступил в Измайловский полк унтер-офицером 8.09.1834 г.; по уведомлению дежурного генерала Главного штаба от 11.05.1836 г. произведен в подпрапорщики; прапорщиком со старшинством 4.09.1836 г.; подпоручиком 6.12.1838 г.; за смотры, ученья, маневры и парады в числе прочих получил монаршее благоволение. Высочайшим приказом 8.03.1841 г. уволен от службы за болезнью поручиком; по выбору дворянства поступил на два трехлетия в Островской уездный суд судьей 19.01.1850 г. и утвержден в этой должности 15 июня; переименован в коллежские секретари 19.11.1852 г. Избран дворянством на Чрезвычайном губернском собрании 4 июня 1858 г. кандидатом на должность члена Тверского губернского коми-

тета для составления проекта положения об улучшении быта помещичьих крестьян Тверской губернии и утвержден в сей должности начальником губернии 12 июня; по прошению, Правительствующим Сенатом от должности почетного мирового судьи уволен 28.09.1883 г.»²⁸

В своих дневниках друг А.С. Пушкина Алексей Николаевич Вульф (1805–1881) писал: «Я родился 17.12.1805 г. Мой отец — Николай Иванович Вульф, отставленный коллежским асессором, жил у своего отца Ивана Петровича Вульфа в Тверской деревне. Мать моя была дочерью Александра Максимовича Вымдомского. Вторая его дочь вышла замуж за Ганнибала, но вскоре умерла, оставив одну дочь и сына. А.М. Вымдомский, отец П.А. Осиповой, был сыном шлиссельбургского коменданта генерала М.Д. Вымдомского, которому за службу в качестве надсмотрщика за заточенными Анною Леопольдовною и юным экс-императором Иоанном Антоновичем Екатерина II пожаловала 29 июля 1762 г. село Тригорское с 1085 душами крестьян, он умер 12.02.1813 г. Нас осталось 5 детей: Анна, Михаил, Евпраксия и Валериан и я. В 1817 г. мать вступила во второй брак с Иваном Софроновичем Осиповым, а меня в 1818 г. отдали в Горный корпус»²⁹.

Алексей Вульф с 1819 г. жил в Дерпте, в 1822–1826 гг. учился военному делу на физико-математическом факультете университета. Там подружился с Языковым, посвятившим ему девять стихотворений. Во время приездов на каникулы в Тригорское Вульф регу-

Алексей Николаевич Вульф

Анна Петровна Керн (Вульф)

лярно встречался с сосланным в соседнее Михайловское Пушкиным. В 1825 г. Пушкин задумал бежать за границу, выдав себя за слугу Вульфа, но авантюра не состоялась. Окончив университет, Вульф несколько месяцев прослужил в Налоговом департаменте в Петербурге и затем поступил в Гусарский принца Оранского полк. Алексей Вульф — участник Русско-турецкой войны 1828–1829 гг., был в кампании против польского восстания 1831 г. Выйдя в отставку, штаб-ротмистр Вульф в 1833 г. поселился в родном Тригорском и до конца жизни занимался там хозяйствованием; семьей он так и не обзавелся³⁰.

Никита Петрович Вульф (1818–1884) воспитание получил в Морском кадетском корпусе, служил во флоте, далее был секретарем в канцелярии Министерства Двора, во время Севастопольской кампании командовал дружиной. Затем, поселившись в своем имении Соколове Тверской губернии Старицкого уезда, он открыл в недрах земли краски сепию и сурик и разрабатывал их, за что и на всех выставках с 1872–1885 г. был награжден разными медалями и почетными отзывами.

В Русско-японской войне участвовал сын прославленного контр-адмирала Павла Николаевича Вульфа лейтенант Владимир Павлович Вульф. Он погиб на броненосце «Петропавловск» от взрыва нескольких мин заграждения под броненосцем на внешнем рейде Порт-Артура 31 марта 1904 г. Поручик Эрнст Николаевич Вульф на броненосце «Бородино» погиб в Цусимском бою 14 мая 1905 г.³¹

Всю свою жизнь заслуженный деятель культуры РФ (1988), кандидат технических наук Дмитрий Алексеевич Вульф (1908–2007) собирал документы, портреты, архивные материалы об истории своего рода, он являлся прямым потомком «иноземца» Гаврилы Васильевича Вульфа (1659–1722), седьмое поколение от родоначальника. Дмитрий Алексеевич родился в имении своего деда С.Д. Головнина Красильники Рязанской губернии. Трудовую деятельность начал слесарем, учился в вечернем техникуме, Горной академии, которую окончил в 1935 г. и получил специальность инженер-металлурга, около 10 лет работал старшим и главным инженером на предприятиях оборонной промышленности Москвы, Донецка, Новосибирска, в 1944–1945 гг. реконструировал в Рязани «Рязсельмаш». С 1925 г. занимался генеалогией дворянских родов Вульф, Пушкиных, Свистуновых, Ржевских, основатель четырех музеев, в том числе музея в родовом имении Берново, куда передал многочисленные документы, мебель и семейные фотографии. После присоединения Новгородских земель по реке

Тьме к Москве Иван III подарил земли по верхнему течению близкому боярину Бернову, которые впоследствии разрослись и стали значительным селом и важным торговым местом. В 1722 г. стольнику Петра I А.И. Калитину было велено провести дорогу, но из-за растраты Калитин попал в долговую тюрьму и решил продать село Берново камер-юнкеру Петру Вульф. Специальным указом Екатерины I от 3.09.1726 г. имение было передано Вульфу «в вечное и потомственное владение», что и было подтверждено указом Петра II от 18 марта 1728 г. Основал же Берновскую усадьбу его сын — Иван Петрович Вульф с женой Анной Федоровной, урожденной Муравьевой. Каменный дом-усадьба XVIII в. сохранился, сейчас там размещается музей.

Дмитрий Алексеевич оставил записки о своих предках: «Мой отец — Алексей Николаевич Вульф (1868–1931), боевой офицер, подполковник лейб-гвардии Московского полка, участник Первой мировой войны, на фронте получил тяжелое ранение. С 1916 по 1931 г. получал пенсию как инвалид I группы. Окончил классическую гимназию Поливанова в Москве, учился в одном классе с сыновьями Л.Н. Толстого Ильей и Сергеем и дружил с ними, часто бывал в Ясной Поляне

Наталья Сергеевна Головнина

и был знаком с Львом Николаевичем, который в письмах к сыновьям передавал привет “милому Алексею Вульфу”». Алексей Николаевич окончил Тверское юнкерское училище, в котором был оставлен преподавателем. В 1903 г. познакомился на балу в Тверском офицерском собрании с Натальей Сергеевной Головниной, приехавшей в Тверь к своему брату Борису, сослуживцу Алексея по Драгунскому полку.

В 1904 г. Алексей Вульф женился на Наталье Головниной, молодые поселились в Твери на казенной квартире. Вскоре появились дети: Алексей (1907–1973), Дмитрий (1908–2007), Светлана (1910–). В 1914 г. вся

На даче в 1929 г.

Слева направо: Ира Левина, тетя Аша, Марина Черкасова, Лёля Черкасова, Светлана Вульф, Алексей Николаевич Вульф, Наталья Вульф (Головнина), А.А. Левин, М.А. Ефимовский

семья жила в Вязьме, где отец формировал кавалерийский полк. В то время наша мать спасла от уничтожения мебель из черного резного дуба из кабинета Грибоедова в имении Хмельниты, проданном купцу. Этой мебелью мать очень гордилась, так как она была связана с А.С. Грибоедовым, в настоящее время находится в музее в Берново. В 1915 г. вся семья переехала в Москву. В 20-х годах к А.Н. Вульф приехали крестьяне и пригласили его жить в деревне Валяевка, полученной в качестве приданого при женитьбе Николая Петровича Вульфа на Леониде Константиновне Ржевской. Семья жила в господском доме до 1928 г., а когда началась коллективизация Наталья Сергеевна добровольно передала дом под школу, и вся семья уехала в Москву. В 1931 г. А.Н. Вульф скончался, похоронен на Ваганьковском кладбище, отпевание проходило в церкви Св. Спиридона, на похоронах присутствовали родственники и бывшие сослуживцы по Драгунскому полку.

Дмитрий Алексеевич
Вульф

Алексей Вульф, Милица Зеленая (Головнина),
Людмила Швыряева (Головнина),
Дмитрий Вульф

Важную роль в культурной жизни Японии и России сыграли дочери певицы, пианистки, педагога Анны Николаевны Вульф (1854–1940) и потомственного военного моряка Дмитрия Капитоновича Бубнова (+1914): Мария (1884–1963), Варвара (1886–1983), Анна (1890–1979).

Герб Бубновых внесен во 2-ю часть Сборника дипломных гербов российского дворянства, не внесенных в Общий гербовник (с. 78). Описание герба: «На лазуревом щите золотой плывущий корабль и червленая вершина, на которой два накрест положенные золотые якоря. Щит украшен дворянским шлемом и короною, на коей выходит до половины золотой с поднятым крылом гриф, по сторонам грифа по одному двухцветному флагу — золотому и червленому. Намет на щите лазуревый с золотым подбоем». Герб рода Бубновых по прошению титулярного советника Александра Николаева Бубнова был утвержден в 1895 г, который ссылался на определение Правительствующего Сената от 13 мая 1891 г., что сыновья умершего д.ст.с., доктора медицины, Николая Дементьева Бубнова: Александр, Николай, Петр и Сергей признаны в потомственном дворянстве с правом на внесение в 3-ю часть ДРК по личным заслугам отца. Описание герба: «В червленом щите два золотых скрещенных опрокинутых копия, коих верхняя часть составляет древнеправославный крест. Копья сопровождаются в углах 4 змеиные головы натурального цвета, с серебряными глазами и жалом. Щит увенчан дворянском коронованным шлемом. Нашлемник: пять страусовых перьев, из коих среднее и крайние золотые, а второе и третье червленые. Намет червленый

Герб рода Бубновых

Варвара Дмитриевна Бубнова с матерью
Анной Николаевной Бубновой (Вульф)

с золотом». «Эмблемы, помещенные в гербе дворян Бубновых, указывают: два скрещенных копья в щите, напоминающие по своей форме копье московского герба, — на родину отца просителей почетного лейб-медика Высочайшего Двора Николая Бубнова, а змеиные головы, как эмблемы врачевания, — на его медицинскую профессию»³².

Варвара Дмитриевна Бубнова (1886–1983) — русская художница, педагог, искусствовед. Окончила Императорскую Академию художеств со званием «художник живописи», курс Археологического института со званием «действительный член Археологического института».

С 1913 г. член Союза молодежи, участвовала в художественных выставках с Маяковским, Бурлюком, Ларионовым, Гончаровой и Малевичем. В 1919–1922 гг. Варвара Бубнова живет в Москве, работает в Институте художественной культуры вместе с Василием Кандинским, Робертом Фальком, Любовью Поповой, Варварой Степановой, Александром Родченко. В 1923 г. она переехала в Японию, где жила до 1958 г. В это время Бубнова в основном пишет натюрморты, начинает

работать в технике литографии, на которую оказала заметное влияние, показав новые возможности техники. Тридцать лет вела курсы русского языка и литературы в вузах Токио (Васэда, Институт иностранных языков). После возвращения в СССР в 1958 г. жила и работала в Сухуми. За вклад в развитие японской культуры награждена орденом Драгоценной короны 4-й ст.

Мария Дмитриевна Бубнова (1884–1963), старшая из сестер, — пианистка, педагог, окончила консерваторию, ее отец, надворный советник Дмитрий Капитонович Бубнов, подал прошение на имя директора: «Ввиду ограниченности моих материальных средств позволяю себе обратиться к Вашему Превосходительству с покорнейшей просьбой, не будет ли признать возможным зачислить мою дочь Марию Бубнову как ученицу по классу фортепьяно преподавателя Г. Венцеля, 30.03.1900 г.»³³

Анна Дмитриевна Бубнова-Оно (1890–1979), скрипачка, педагог, как и В.Д. Бубнова, внесла свою лепту в культуру Японии. Она была первым педагогом, начавшим заниматься игрой на скрипке с японскими детьми. По мужу племянницей ей приходилась Йоко Оно — жена Джона Леннона. Также награждена орденом Драгоценной короны 4-й ст.

Такими патриотами России были и остаются представители дворянского рода Вульф. Об их жизненном пути сказал князь А.И. Васильчиков: **«Я преследовал в моей жизни цель жить не для удовольствия и печалей, а для дела, настоящего дела, и смотреть на жизнь как на прище, которое надо пройти честно с начала и до конца».**

1. Общий морской список. СПб., 1885. Ч. II: Вульф Питер. С. 86.
2. РГИА. Ф. 1349. Оп. 6. № 59. Дело о дворянском роде Вульф. С. 17–20.
3. РГИА. Ф. 1343. Оп. 18. № 4745а. 1884. Дело о дворянстве рода Вульф. С. 1–8.
4. РГИА. Ф. 1343. Оп. 18. № 4739. 1857. Дело о дворянстве рода Вульф. С. 6–8.
5. РГИА. Ф. 1343. Оп. 18. № 4740. 1829. Дело по прошению чиновника 8-го класса Миллера о выдаче свидетельства на дворянство Ивану Вульфу. С. 3–6.
6. РГИА. Ф. 1343. Оп. 18. № 4736. Дело о дворянском происхождении Петра Александрова Вульфа. 1837. С. 2–4.
7. ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 9. № 3792. 1801. Дело ябургской помещицы дворянки фон Вульф. С. 1.
8. РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 4. № 1011. 1858. Формулярный список о службе и достоинстве умершего командира Каспийской флотской бригады контр-адмирала Николая Павлова, сына Вульфа.

9. Общий морской список. СПб., 1892. Ч. VI: Вульф Николай Павлович. С. 579.

10. РГИА. Ф. 1343. Оп. 49. № 309. 1903. Дело об изготовлении герба на Высочайшее утверждение контр-адмирала Павла Николаева Вульфа. С. 4–15.

11. РГИА. Ф. 1343. Оп. 18. № 4743. 1834. Дело о дворянстве рода Вульф. С. 143.

12. Там же. С. 96.

13. Там же. С. 103.

14. Там же. С. 138–141.

15. Там же. С. 164.

16. Там же. С. 168.

17. Там же. С. 171–174.

18. Там же. С. 169.

19. Там же. С. 190.

20. Там же. С. 195.

21. РГИА. Ф. 1343. Оп. 18. № 4741. 1823. Дело по прошению коллежского советника Петра Иванова, сына Вульфа, о выдаче сыну его Гавриле свидетельства о дворянстве. С. 1.

22. Там же. С. 2.

23. РГИА. Ф. 1343. Оп. 18. № 4742. 1828. Дело по отношению Инспекторского департамента Военного министерства о дворянском происхождении Михаила Вульфа. С. 3–5.

24. РГИА. Ф. 1349. Оп. 6. № 59. 20.01.1850. Формулярный список о службе островского уездного судьи гвардии поручика Николая Иванова Вульфа. С. 1–3.

25. РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. № 465. 1847. Формулярный список о службе Старицкого уездного суда уездного судьи, майора Ивана Петрова Вульфа. С. 15–17.

26. Там же. С. 23–25.

27. Там же. С. 39–41.

28. Там же. С. 45–47.

29. Дневник Алексея Николаевича Вульфа 1828–1831 гг. с предисловием и примечаниями М.Л. Гофмана и с приложением портрета А.Н. Вульфа / Отдельный оттиск из издания «Пушкин и его современники». Пг., 1915. Вып. XXI–XXII.

30. *Махов А.Е.* Вульф Алексей Николаевич // Русские писатели 1800–1917. М., 1989. Т. 1. С. 498–499.

31. РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 2. № 804. Списки офицерских и нижних чинов, погибших в боях, умерших от ран и погибших при исполнении служебного долга. Сведения взяты из Комитета по постройке Морского собора в Кронштадте.

32. РГИА. Ф. 1343. Оп. 49. № 180. 1895. Дело об изготовлении герба на Высочайшее утверждение титулярного советника Александра Николаева Бубнова. С. 13.

33. ЦГИА СПб. Ф. 361. Оп. 2. № 844. 1884. Дело Марии Бубновой.

О.В. Иодко

ФРИДРИХ ЛЮДВИГ ШАРДИУС — АРХИВАРИУС АРХИВА КОНФЕРЕНЦИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

В основании современного Архива Академии наук лежали документы Архива академической Канцелярии и Архива Ученого собрания, или Конференции. Последним в течение 28 лет (1827–1855) заведовал Фридрих Людвиг, он же Фридрих Луи, а в России Лев Александрович Шардиус.

Он приехал в Петербург в 1823 г. и привез с собой 15 верительных документов, которые Комитету правления ИАН представил президент С.С. Уваров. Из них в делопроизводстве оставили только два: билет на право проживания в Петербурге и справку о его демобилизации из прусской армии¹. Поэтому некоторые биографические сведения приходится приводить, основываясь на записях самого Шардиуса. Например, в тексте одного из завещаний названы должность его отца — старший государственный служащий и член епископального совета и имя матери — Иоанна Луиза София Шардиус, урожденная Рёдигер²; из записки, вложенной в формулярный список, — что родился он 2 ноября 1796 г.³; из формулярного списка — что учился в 1814–1818 гг. в Лейпцигском университете, а в 1825 г. в Йене получил степень доктора философии⁴; из демобилизационной справки — что он уроженец Дессау, что в 1813 г. поступил добровольцем в ландвер, то есть резервное войско, и в чине подпоручика в 1814–1815 г. участвовал в антинаполеоновской кампании, заслужил поощрение начальства и в 1821 г. вышел в отставку «с правом ношения униформы полка»⁵. В первом, собственноручно написанном формулярном списке⁶ отмечено: «Офицером при Ангальт-Десауских союзных войсках находился в войне против французов 1814 и 1815 гг. Уволен в отставку из военной службы 29 сентября 1821 г. с ношением

герцогской Ангальтской почетной медали за войну 1814 и 1815 гг.»⁷ Любопытно, что в послужных списках 1838 и 1848 гг., составленных канцеляристами, значится: «В походах, штрафах, отпусках и в отставке не был»⁸.

Возвращаясь к январскому заседанию Комитета правления, на котором Шардиуса представляли на вакансию, скажем, что это была должность помощника библиотекаря (которую он занимал с 3 февраля 1823⁹ по 1828 г.). В документах о назначении упоминалось, что в Германии он был библиотекарем герцога Ангальт-Дессауского¹⁰.

30 октября 1823 г. его назначили еще и помощником директора Нумизматического музея¹¹. Годом раньше Шардиус передал в дар Нумизматическому кабинету ИАН серебряную медаль в честь 50-летия правления герцога Леопольда Фридриха Франца¹², изготовленную медальером Лоосом¹³ и внесенную Шлихтегролем¹⁴ в «Анналы общей нумизматики» как выдающееся явление искусства. Об этом даре запиской 20 ноября 1822 г. доложил академик Ф.Б. Грефе¹⁵.

В июне 1825 г.¹⁶ Шардиус был назначен хранителем книжного магазина. Через 20 лет, в 1845 г., он решил навести в магазине порядок и отдал в переплет часть хранившейся там книжной россыпи¹⁷. Получив счет от переплетчика, Академия попыталась ограничить инициативу, но Шардиус предложил переплести все вновь поступающие издания, а оплату переплета внести в стоимость книг. Предложение было принято. Комитет правления постановил: «...предписать хранителю II отделения книжного магазина г. Шардиусу 1) брошировку книг прежних изданий Академии совершенно остановиться, в случае же надобном испрашивать наперед разрешения Комитета; 2) в настоящее время отдавать брошировать все вновь поступающие и имеющие поступить в магазин сочинения и издания Академии с отнесением цены брошировки на счет покупателей книг»¹⁸.

В формулярном списке отмечено назначение Шардиуса с 16 мая 1826 г. секретарем и протоколистом Временного комитета для подготовки к празднованию юбилея Академии наук¹⁹. Однако в письме президента С.С. Уварова об учреждении Комитета, направленном в этот день Конференции ИАН, нет персонального упоминания Шардиуса. В Комитет вошли академики В.К. Вишневский, К.-Б. (К.А.) Триниус, П.Н. Фус, Э.Д. Коллинс, Ф.Б. Грефе, по хозяйственной части советник Комитета правления А. Бекман, «для производства же дел по оному Временному комитету предоставляется употреблять Канцелярию Конференции, равно и Комитета правления»²⁰.

Между тем 7 июня 1826 г. на 87-м году жизни скончался А. Корц, прослуживший в Академии 58 лет, из них 38 — архивариусом. Согласно Уставу архивариус избирался Академическим собранием большинством голосов из числа воспитанников, но «поелику число воспитанников ныне весьма невелико и из них никто сие место принять не может, то секретарь представил кандидатами письмоводителя Розенкранца и помощника библиотекаря, доктора философии Шардиуса»²¹. По итогам голосования победил Шардиус²².

Хлопот в преддверии юбилея было много, в том числе и по оборудованию Архива. В заседании Временного комитета 12 июля 1826 г. решался вопрос «о сделании для Конференции некоторых мебели», и непрменный секретарь Конференции, в ведении которого находился архив, предложил «заказать сделать из красного дерева: четыре шкафа собственно для Архива²³ и два со стеклами для библиотеки оного; из ясеневоего дерева: один большой стол с двумя ящиками, оклеенный сверху зеленою кожею, другой, подобный первому, но несколько поменьше, для архивариуса, и полдюжины стульев»²⁴.

Однако упомянутая запись в формулярном списке была инициирована самим Шардиусом и сделана... только через 6 лет. В журнале Комитета правления читаем: «Конференция Академии в выписке из протокола октября 24 дня за № 930 прописывает, что **члены бывшего в 1826 г. Временного Комитета** для надзора над постройками по случаю празднования столетнего юбилея и для преобразования Академической типографии²⁵ и книжной продажи, **сходственно желанию г. архивариуса Шардиуса** (выделено мною. — *О.И.*), свидетельствуют, что чиновник сей с усердием исправлял должность секретаря протоколита сего Комитета, коего занятия продолжались более двух лет, и поелику таковой труд не принадлежит к обязанностям его по должности, то справедливость требует упомянуть о том в послужном его списке. Конференция, одобряв таковое представление, просит Комитет о внесении сей статьи в формулярный список г. Шардиуса, подобно тому как сие учинено в списках прочих членов. Определили: отметить о сем в формулярном списке г. Шардиуса»²⁶.

Усердие, образованность, а возможно, близость к герцогскому двору облегчили путь Шардиуса в Академии. В донесении министру народного просвещения от 10 ноября 1826 г. президент ИАН С.С. Уваров пишет: «...полагаю сверх производимых ему Шардиусу за должность помощника библиотекаря 500 руб. назначить за должность архивариуса из штатной суммы 800 руб., с оставлением также получаемых

им из экономической суммы за должность помощника при Нумизматическом музее 200 руб. в год и временно, за ревизию книжного и материального магазина, 700 руб.»²⁷

7 февраля 1827 г. император Николай I подписал прошение об окладе в 800 руб.²⁸, и с 22 февраля Шардиус был утвержден в должности архивариуса Ученого собрания²⁹.

Перечень занятий Шардиуса по Архиву виден из его рапорта об израсходованных подотчетных средствах: «...на покупку кленки для упаковки книг по Конференции и по магазину, отсылаемых в разные места, 15 руб. 80 коп., на покупку веревок разных сортов для связывания сих книг и на прочие потребности по магазину 3 руб. 80 коп., на покупку двух перочинных ножичков для стола Конференции 16 руб. 80 коп., на покупку одного фунта восковых свечей 2 руб. и на покупку четырех корзин, плетеных из камыша с крышками и обшитых кожей, потребных для журналов Конференции, 24 руб. 80 коп.»³⁰ Кроме совсем рутинных работ, он составлял алфавитные указатели к протоколам Конференции за все годы своей работы, плюс за те несколько лет, в которые его предшественник, ушедший из жизни на 87-м году, этой работой уже не успевал заниматься, то есть за 1818—1854 гг.

С 30 ноября 1828 г. Шардиуса назначили корректором издававшихся Академией книг на латинском и немецком языках, с увольнением от должности помощника библиотекаря³¹.

В 1830 г. представилась неожиданная возможность резко изменить карьеру — Министерство юстиции обратилось к Министерству народного просвещения, а оно — в Комитет правления ИАН: «Не пожелает ли кто из чиновников оного, имеющих штаб- и обер-офицерские чины, определиться на вакантные в присутственных местах Закавказского края должности, с присвоенными тому краю преимуществами»³². Шардиус был среди 67 ответивших «не желаю».

В январе—мае 1832 г. Шардиуса командировали в Варшаву для принятия монет, медалей и печатей после закрытия Варшавского университета. К приему коллекции готовились, 29 апреля Комитет правления постановил: «Монеты и медали, имеющие быть привезены г. Шардиусом, по доставлении их хранить в присутствии Комитета»³³. 17 мая Шардиус рапортует о выполнении задания и о том, что министр народного просвещения «объявил ему, чтобы он без отлагательства приступил к выниманию из ящиков коллекции монет и медалей, привезенных им из Варшавы, и занялся сим в большой конференц-зале». Комитет постановил: «...титularному советнику Голоктионову пред-

писать выпиской, чтобы он, когда г. Шардиус приступит к разбору в большой конференц-зале привезенных в 4-х ящиках из Варшавы монет и медалей, хранящихся ныне в присутствии Комитета, нарядить поочередно быть безотлучно у дверей залы на часах как сторожам Конференции, так и швейцару, и сам он, г. Голоктионов, имел бы строгое за ними смотрение, о каковом решении уведомить г. Шардиуса, с тем чтобы во время отлучек его от занятий по сему предмету запирали и запечатывали двери залы и ключ от оной хранил у себя»³⁴.

19 января 1833 г. директор Нумизматического музея ИАН академик Ф.Б. Грефе докладывает Конференции, что он «принял дуплеты коллекции монет и медалей бывшего Варшавского университета. Сии дуплеты состоят: а) из монет и медалей новейших времен, а именно: из 69 золотых, 265 серебряных, 4 бронзовых и 2 железных, б) из древних греческих и римских монет и медалей, в числе коих 1828 серебряных и 1613 бронзовых и с) из 6 сочинений по части нумизматики»³⁵. Следовало составить каталог поступивших монет³⁶, Шардиус просил о возможности описывать их дома, так как «зимней порой в Музее заниматься было невозможно»³⁷. Но процесс затянулся на 23 года. Когда после смерти Шардиуса в его вещах нашли 44 золотые монеты, то сначала не знали, принадлежат они ему или Академии. Только в 1856 г. директор Нумизматического кабинета Л.Э. Стефани представил Конференции список этих монет³⁸.

С 3 августа 1837 г.³⁹ с блестящей характеристикой академика Грефе⁴⁰ Шардиус был назначен хранителем Нумизматического и Египетского музеев Академии, не оставляя прежней должности. Но обилие исполняемых должностей не могло не сказаться на качестве работы, и через 14 лет, в 1851 г., при посещении вице-президентом ИАН академических учреждений было замечено, «что в Египетском кабинете все предметы покрыты давнею пылью, так что, по-видимому, ни нога, ни рука человеческие не оставили по себе ни малейшего признака заботливости относительно принятого содержания вверенных лицу предметов»⁴¹. И Шардиусу было предложено немедленно отреагировать.

С 30 декабря 1837 г.⁴² он был определен хранителем медалей и антиков императорского Эрмитажа с сохранением прежних должностей. 27 июня 1840 г. в «Записке о собрании современных монет и медалей» Шардиус говорит: «Когда в январе 1838 г. я был внедрен в Кабинет новейших медалей и монет, я нашел это собрание в большом беспорядке из-за пожара в Зимнем дворце»⁴³. Потребовалось все лето 1838 г., чтобы

разобрать и оценить каждую деталь в соответствии со страной и правлениями монархов, и только в октябре я смог начать составлять комментированный систематический каталог»⁴⁴. В Эрмитаже Шардиус работал до самой смерти, но потомки посчитали, что «сколько-нибудь заметного следа в истории Эрмитажа он не оставил»⁴⁵.

Известно, что в 1845 г. он составил «Список различным древним и новым предметам, хранящимся в Румянцевском музее».

За годы работы в Академии Шардиус был награжден орденами Св. Анны 3-й степени (1828), Св. Владимира 4-й степени (1834), Св. Станислава 2-й степени (1842), а также избран в почетные члены Ангальтского общества садоводства (1839), возможно, он в этом что-то понимал, потому что в домовое книжке есть записи, что у него квартировали барышни «для обучения цветочному искусству»⁴⁶, в 1841 г. он избран в почетные члены Ангальтского общества естественной истории, а в 1848 г. ему был пожалован орден маркграфа Альбрехта Медведя меньшего креста⁴⁷.

Несколько слов о жизни Шардиуса в Петербурге. В марте 1823 г. Комитет правления ИАН постановил: «Живущего в академическом доме в 7-й линии наборщика книжной типографии Ивана Журавлёва перевести на вольную квартиру <...>, квартиру же Журавлёва отдать для жительства помощнику библиотекаря 2 отделения порутчику Фридриху Людвигу Шардиусу»⁴⁸. А уже 8 мая 1823 г., то есть почти сразу после назначения на первую должность, Шардиус поселился в отведенной квартире⁴⁹. Из последнего документа о его жизни узнаем, что его квартира располагалась на третьем этаже этого дома⁵⁰.

В 1827 г. он дал клятвенное обещание на верность служения, которое подписали он и Август Ян, пастор евангелической церкви св. Екатерины, что на углу Большого проспекта Васильевского острова и Кадетской линии⁵¹. В подписке о непринадлежности к тайным обществам Шардиус сообщает: «С 1819 по 1821 г. был членом масонской ложи в городе Ангальт-Цербсте в Германии, существовавшей под наименованием Фридриха к Постоянству и стоявшей под управлением великой ложи к Трем Шарам Мира в Берлине. Во время бытности моей в С.-Петербурге посещал я ложу Петра к Истине и ложу Александра к Коронованному Пеликану. Сколько мне известно, цель ложи Фридриха к Постоянству в Ангальт-Цербсте была нравственное самосовершеншение самого себя исполнением всех обязанностей, предписываемых святою христианскою верою, нравоучием и гражданскими законами государства каждому гражданину оногo»⁵². В источниках

Центра хранения историко-документальных коллекций значится: «Шардиус Фридрих Людвиг. Посвящен в ложе Фридриха к постоянству в Цербсте в 1819, отсутствовал в 3-й ст. в 1822—1823⁵³. В 1822—1823 премьер-майор, находился в С.-Петербурге»⁵⁴.

Умер Шардиус 2 марта 1855 г. в 4 часа по полуночи⁵⁵ «после кратковременной болезни»⁵⁶. Еще в январе и начале февраля ему выдавали шнуровые книги для записей по Архиву и Нумизматическому музею, записи в алфавитах к протоколам Конференции за январь и февраль были сделаны его рукой⁵⁷.

Шардиус был холост, не принял русского подданства, в Германии у него были родственники, которые медлили с приездом в Россию, поэтому все 14 ящиков большого формата и 10 плетеных корзин⁵⁸ его имущества опечатали и должны были отправить в распоряжение прусского консула.

Шардиус написал несколько распоряжений о своем имуществе: 1/13 октября 1847 г.⁵⁹ — о распределении средств, доставшихся ему от родителей, поручении их зятю и о своем прижизненном праве на проценты, и 23 апреля/5 мая 1854 г. — письмо к сестре, в котором, кроме распоряжений о деньгах, интересна адресная просьба раздать людям оставшееся имущество, которая характеризовала его достаток, круг близких людей и те «мелочи», которыми он окружал себя в жизни: «В качестве сувениров назначают:

Эмили Шох, урожденной Шардиус, моей любимой сестре: серебряный чайный сервиз вместе с украшениями, которые найдутся в моей квартире;

Вильгельму Шоху, моему племяннику: моя библиотека и все эстампы как в папке, так и под стеклом в комнате; золотое кольцо с резным камнем с мистическим словом и золотые карманные часы с золотой крышкой вместо стеклянной, которые в 1813 г. я получил от отца ко дню рождения.

Если позднее у Вильгельма не появится интереса к археологическим сочинениям, их можно будет отдать в Францисцеум⁶⁰.

Вольдемару Шардиусу — оба именных перстня с моим гербом;

Готическому дому в Вёрлице⁶¹ — папку под заглавием “Арсенал Царского села”;

Францисцеуму в Цербсте: Дактилотеку Липперта⁶² с каталогами на латинском и немецком языках; папку с надписью “Стенная живопись Помпей”, равно 5—6 листов хромотипии, к ней относящихся и находящихся под стеклом в моей комнате;

Мемуары Петербургской Академии наук. XI. 4 тома; Барельефы Пантеона. 2 тома. Париж, 1835; Альбом путешествия в Турцию Сейд-жера и Десарно⁶³.

Средства, оставшееся после оплаты издержек на упаковку и переправку вещей в Десау и внесения арендной платы, передать в богадельню в Ораниенбауме.

Музей Дерптского университета получает мое собрание автографов, сверх того 12 декабря 1853 г. я послал в Совет университета нотариально подтвержденный документ; также Музей университета получает книги, относящиеся к собранию, равно как гипсовые слепки, которые обнаружатся в моей комнате как под стеклом, так и на открытом доступе.

Жене профессора Хайнмана, урожденной Грефе, мой умывальник с принадлежностями и зеркалом; бронзовые часы в спальне с белым пьедесталом с колоннадой.

Анне Грефе, моей крестнице, два серебряных светильника с моего туалетного столика. Маленькие золотые карманные часы с цепочкой, которые я имел привычку носить как дамские часы.

Фрау Катарине Фехляйзен статуэтку на мраморном пьедестале в манере Торвальдсена.

Барышне Берте Хаймбюргер статуэтку Жанны д'Арк на мраморном пьедестале.

Татьяне Яковлевне Рахмановой, моей крестнице, золотые карманные часы с золотым ожерельем из крупных бусин.

Господину гофмаклеру и кавалеру Карлу о. Фехляйзену: часы в стиле рококо в фарфоровом корпусе (настоящие часы рококо); бронзовая фигура сидящего Рубенса с дощечкой и грифелем в руках.

Моему слуге, который положит меня в гроб, 2 шубы, одежду, белье, кровать, подставку для кровати, кухонная посуда»⁶⁴.

На погребение Шардиуса было выделено 30 руб. серебром⁶⁵ (при том что с 1816 г. «беднейшим чиновникам и служителям по учебной части» полагалось на погребение от 25 до 100 руб.)⁶⁶.

Можно предположить, что похоронили его на Смоленском лютеранском кладбище. Скорее всего, могила его была очень скромной, и к моменту составления справочника Сайтова от нее уже ничего не осталось. Здесь уместно вспомнить слова Омара Хайяма:

Каждый стебель, который мы топчем ногами,
Рос из сердца, вчера еще полного чувств⁶⁷.

Но на этом история не кончается, а только начинается.

Дело в том, что Шардиус собирал автографы известных людей. И на этом поприще был известен. Поэт В.А. Жуковский пишет 17/29 июля 1840 г. П.А. Плетнёву из Дармштадта: «У меня есть здесь приятель, нет, более, нежели приятель, — друг по сердцу, человек, каких мало, и для меня особенно значительный по его влиянию на судьбу мою. Это Радовиц⁶⁸. Вы об нем не слыхали. Он страстный охотник до автографов и собрал их уже великое множество. Он желает иметь русских, и дал мне список. Уверяю вас, что вы меня несказанно обяжете, если поможете мне сделать это удовольствие Радовицу; соберите, что можете, по приложенному списку и доставьте мне повернее <...>. Радовиц сказал мне, что можно найти автографы у Шардиуса, архивариуса Петербургской Академии наук. Попросите его моим именем; употребите разные каверзы, словом, потешьте меня»⁶⁹.

11 апреля Шардиус пишет А.Ф. Бычкову: «Милостивый государь, Афанасий Федорович! Мне сказали, что М.П. Погодин прислал Вам автограф Гоголя для передачи мне. Дабы не затруднять Вас доставлением его, я покорнейше прошу Вас, милостивый государь, вручить этот автограф, который я уже давно ожидаю, подателю этого письма»⁷⁰.

Большую коллекцию автографов знаменитых людей в 1852 г. Шардиус завещал Дерптскому университету к 50-летию его основания⁷¹. Текст завещания гласил: «Прошу о дозволении завещать Музеуму этого Императорского университета как неоспоримое достояние на всегдашние времена заложенную мною уже за много лет коллекцию автографов, донныне состоящую более чем из 3000 нумеров таким образом, чтобы никто из живущих в чужих краях родных моих или кто-либо другой не могли делать на нее притязания. Покорнейше прося благосклонно уведомить меня о разрешении этой моей просьбы и о принятии сего духовного завещания, я имею честь доложить еще о нижеследующем: что я в продолжение многих лет не щадил ни времени, ни труда на собиране автографов исторически знаменитых лиц и что мне удалось приобрести рукописи из всех стран и из каждого отдельного исторического периода. Если никакое собрание этого рода не может похвалиться строгою систематическою полнотою, то все-таки же количество этих в алфавитном порядке внесенных в реестр автографов, простирающихся свыше трех тысяч и помещенных в 79 красивых книгообразных портфелях, служит доказательством изобилия коллекции. Несмотря на препятствия, которые большое расстояние противопо-

лагает обмен рукописей и постоянным сношениям с другими владельцами автографов, моя коллекция заложена в С.-Петербурге и достигла здесь своего значительного объема, почему я и желаю, чтобы она навсегда оставалась в России; и при сем предоставляю себе еще по возможности умножать и пополнять сию коллекцию посредством заведенных мною многочисленных связей до самой моей кончины. Имея честь состоять на службе при Императорской Академии наук и жительствуя в Академическом доме на углу 7-й линии, я не премину надлежащим образом уведомить Канцелярию Академии наук об этом сделанном мною распоряжении, с тем чтобы по воспоследовавшей кончине моей сказанная коллекция была беспрепятственно передана Императорскому Дерптскому университету»⁷².

После смерти Шардиуса передать коллекцию было поручено академику А.Ф. Миддендорфу⁷³, недавно вступившему в должность непременного секретаря ИАН.

И вот в 1965 г. историк А.И. Андреев дает ссылку на местонахождение рапорта С.П. Крашенинникова 1751 г. в коллекции Шардиуса, хранящейся в библиотеке Тартуского университета⁷⁴, тогда как он должен был быть в документах делопроизводства Конференции ИАН.

А в 1995 г. в статье бывшего директора Архива АН СССР Б.В. Лёвшина читаем, что в былые времена порядка в Архиве не было, академики брали дела домой, а у некоторых после смерти даже находили документы, вырезанные из переплетенных дел. «Но бывали и более серьезные происшествия. Так, архивариус Шардиус занимался коллекционированием автографов и в результате нанес огромный вред архивным фондам. Один из сотрудников, Семянников⁷⁵, написал ряд работ со ссылками на архивные документы. Однако сами они пропали. Это далеко не единственный случай. Например, бесследно исчезли все письма Вольтера»⁷⁶.

Однако Семянников писал работы без ссылок на конкретные шифры дел, не упоминал Шардиуса, а говорил о плохой сохранности дел в Архиве: «Лучше всего сбережены дела за 60-е годы: все существенное переплетено, и отсутствие документов наблюдается сравнительно редко. Менее всего удовлетворительна сохранность дел за 70-е и начало 80-х годов (до 1783 г.). Это главным образом время директорства Домашнева, приведшего все академические дела в расстройство. С начала 70-х по 1783 г. переплетенных дел совсем не имеется <...>. С 1783 по 1796 г., когда директором Академии была княгиня Дашкова, большая часть дел снова переплетена, но опять-таки многих

323 № 7.
6го Сентября третя прошлаго 1750 году учредивше
яко и описаній росс. привозѣ о порядкѣ и
всѣхъ принадлежанихъ до кабатной питеи, направив
переводѣ по приказу Финансирѣи и отравивъ зѣла наса-
дѣній до университетѣ и гимназій. Сентярь 11 днѣ, 1751
годѣ. Профессоръ Философъ Крашенинниковъ

Рис. 1. Рапорт С.П. Крашенинникова в Конференцию ИАН от 11 января 1751 г. о его работе за сентябрьскую третью 1750 г. (СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 149. Л. 323. Автограф)

1567. 1
6го Сентября третя прошлаго 1750. Годѣ учредивше
яко и описаній росс. привозѣ о порядкѣ и
всѣхъ принадлежанихъ до кабатной питеи, направив
переводѣ по приказу Финансирѣи, и отравивъ зѣла наса-
дѣній до Университетѣ и Гимназій. Сентярь
11. днѣ 1751. Годѣ. Профессоръ Философъ Крашенинниковъ.

Рис. 2. Рапорт С.П. Крашенинникова в Конференцию ИАН от 11 января 1751 г. о его работе за сентябрьскую третью 1750 г. (Коллекция Ф.-Л. Шардиуса в библиотеке Тартуского университета. № 1567. Копия рукой неустановленного лица)

документов не достает»⁷⁷. Традиция небрежного отношения к документам продолжалась. Непременный секретарь ИАН К.С. Веселовский (при Шардиусе эту обязанность выполнял П.Н. Фус) вспоминал: «Когда я после Миддендорфа вступил в заведывание канцелярией Конференции, то нашел дела в большом беспорядке. Например, с писем и отношений, которые отправлялись из канцелярии в разные места и разным лицам, не оставлялись при делах копии или так называемые отпуски, и мне приходилось года два после того распутывать дела и пополнять по возможности старые упущения. Когда я говорил об этом Миддендорфу, именно о неимении при делах копий с того, что им куда-нибудь писано, то он отвечал: “И, и, батенька, все мы и все нами писанное потонет в Лете забвения; не стоят они сохранения”»⁷⁸. Отношение к документам («бумагам») как к самоценности менялось, в прежние времена бестрепетно вырезали марки, печати, автографы, считая, что их много и свою функцию, оказавшись в архиве, они уже выполнили, а сейчас их наличие и отсутствие отмечают в заверительных надписях дел.

В настоящее время на сайте Тартуского университета вывешена коллекция Шардиуса с изображениями автографов, в коллекции их 2910, проверить историю их комплектования и подлинность каждого — работа долгая и трудоемкая, но первое прикосновение порадовало. Оказалось, что подлинник указанного Андреевым рапорта лежит на месте, а в коллекции — его копия, сделанная совершенно непохожим почерком (рис. 1, 2). Всегда хочется верить в лучшее.

В Германии помнят, что за 1843–1855 гг., как написано, «в качестве друга и сына Цербста русский имперский архивариус и коллежский советник доктор Шардиус» подарил в библиотеку гимназии Францисцеум 250 сочинений Петербургской Академии наук, в том числе 162 названия на немецком, 91 на французском языке, 20 на латыни, 7 на русском и одно на английском языке. Коллекция выделена особо и называется «Шардиана»⁷⁹.

1. СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1823 г.). Д. 20а. Л. 6.

2. СПФ АРАН. Р. V. Оп. 1-Ш. Д. 88. Л. 1.

3. СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 5. Д. 33. Л. 553а.

4. РГИА. Ф. 733. Оп. 12. Д. 317. Л. 2 об.—3.

5. СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1823 г.). Д. 20а. Л. 7.

6. На документе помета: «Сей список писан в Комитет правления ИАН сентября 3 дня 1826 г. самим г. Шардиусом» (РГИА. Ф. 733. Оп. 12. Д. 317. Л. 2 об.—3).

7. РГИА. Ф. 733. Оп. 12. Д. 317. Л. 3.
8. РГИА. Ф. 472. Оп. 32. Д. 355. Л. 3; СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 5. Д. 24. Л. 377.
9. РГИА. Ф. 472. Оп. 32. Д. 355. Л. 2 об.—3; СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 5. Д. 24. Л. 376 об.—377.
10. РГИА. Ф. 733. Оп. 12. Д. 317. Л. 4.
11. РГИА. Ф. 472. Оп. 32. Д. 355. Л. 2 об.—3; СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 5. Д. 24. Л. 376 об.—377.
12. Леопольд III Фририх Франц фон Анхальт-Дессау (1740—1817), с 1758 г. правящий князь, с 1807 г. — герцог, покровитель наук и искусств, ревнитель образования, провел реформы в области здравоохранения, образования, строил дворцы и разбивал парки, основываясь на зарубежном опыте. Скончался, упав с лошади.
13. Лоос — семья немецких медальеров. Можно предположить, что данная медаль была изготовлена Даниэлем-Фридрихом (1735—1821), который был автором многочисленных медалей в честь правителей, выдающихся деятелей и исторических событий.
14. Шлихтегроль Адольф Генрих Фридрих (1765—1822), филолог, выпускник Гёттингенского университета, преподаватель немецкого, латинского, древнееврейского языков в гимназии Готы, библиотекарь герцогской библиотеки, сотрудник гезского Мюнцкабинета, редактор двух первых выпусков «Анналов общей нумизматики» и «Некрологов немцев», с 1807 г. — генеральный секретарь Баварской академии наук, с 1812 г. — президент Академии.
15. СПФ АРАН. Протокол № 37 от 20 ноября 1822 г., § 381; Ф. 1. Оп. 1а. Д. 33. Л. 117 об.; Ф. 1. Оп. 2 (1822 г.). Д. 36. Л. 4.
16. РГИА. Ф. 472. Оп. 32. Д. 355. Л. 2 об.—3; СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 5. Д. 24. Л. 376 об.—377.
17. Журнал Комитета правления ИАН от 31 июля 1845 г. Ст. 905; СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 68. Л. 707—709 об.
18. Журнал Комитета правления ИАН от 25 сентября 1845 г. Ст. 1136; СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 69. Л. 172—172 об.
19. РГИА. Ф. 472. Оп. 32. Д. 355. Л. 2 об.—4; СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 5. Д. 24. Л. 376 об.—377.
20. СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1826 г.). Д. 97. Л. 70 об.
21. СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 2 (1826 г.). Д. 22. Л. 17 об.
22. Протокол № 21 от 5 июля 1826 г., § 241; СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 37. Л. 60 об.
23. Сохранилось интересное описание (1826) расположения помещений в здании Академии наук, построенном Д. Кваренги: «Главный вход в здание посередине между колонн; к нему ведут с обеих сторон две открытые гранитные лестницы. По входе в сени нижнего этажа, в котором посередине здания большая зала, отделанная и украшенная со вкусом попечением нынешнего президента Академии С.С. Уварова для публичных академических собраний.

В конце залы ниш, возвышенный на одну ступень, посредине коего поставлен на каменном пьедестале колоссальный из белого мрамора бюст Петра Великого, а по обе стороны ниша портреты во весь рост императоров Александра I и Николая I. По сторонам залы подаренные Академии ныне царствующим государем императорские портреты же в рост императриц Екатерины I, Елисаветы Петровны и Екатерины II и императора Павла I, а при входе в залу на пьедестале четыре мраморных бюста прежних знаменитых академиков Эйлера, Ломоносова, Палласа и Лерберга. Сверх сего помещаются в сем строении: зала для обыкновенных собраний с Архивом Конференции, комната для присутствий Комитета Правления, Физический кабинет и квартиры астрономов и физика» (СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1827 г.). Д. 3. Л. 38).

24. СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1826 г.). Д. 97. Л. 26.

25. Типография 12 марта 1826 г. переехала из дворца Прасковьи Федоровны на Стрелке Васильевского острова (на месте нынешнего Зоологического института) в здание на углу 8-й линии и Большого проспекта.

26. Журнал Комитета правления ИАН от 4 ноября 1832 г. Ст. 1116; СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 36. Л. 332 об.—333.

27. РГИА. Ф. 733. Оп. 12. Д. 317. Л. 6.

28. СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 2 (1827 г.). Д. 6. Л. 2.

29. РГИА. Ф. 472. Оп. 32. Д. 355. Л. 4 об.—4; СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 5. Д. 24. Л. 376 об.—377.

30. Журнал Комитета правления ИАН от 19 февраля 1837 г. Ст. 348; СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 45. Л. 679—679 об.

31. СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 5. Д. 24. Л. 376—377 об.

32. СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1830 г.). Д. 186. Л. 13 об.

33. Журнал Комитета правления ИАН от 29 апреля 1832 г. Ст. 475; СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 35. Л. 335 об.

34. Журнал Комитета правления ИАН от 17 мая 1832 г. Ст. 548; СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 35. Л. 388—389.

35. СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1832 г.). Д. 26. Л. 25.

36. Журнал Комитета правления ИАН от 16 сентября 1832 г. Ст. 979; СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 36. Л. 192 об.—193.

37. СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1855 г.). Д. 136. Л. 29—29 об.

38. Протокол ИФО № 6 от 21 марта/апреля 1856 г. § 64. СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 121. Л. 242 об.

39. РГИА. Ф. 472. Оп. 32. Д. 355. Л. 4 об.—5; СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 5. Д. 24. Л. 377 об.—378.

40. 25 июня 1837 г. Ф.Б. Грефе писал министру народного просвещения: «Верный же и искусный надзор особенно важен теперь, когда предполагается открыть коллекции для публики, а я сам никак не могу уделить на то времени. Сверх того важное условие, которого нельзя упустить из виду, есть свободное знание нескольких из употребительнейших языков для объяснения с образовательною публикою, знание, которым не всякий обладает. Далее с открытием

музеумов для свободного доступа публике тесно связано печатание изготовленной г. Шардиусом описи новейших монет, которое не всякий, вновь поступивший на эту должность, может исправить надлежащим образом, потому что для этого дела необходимо при каждом встречающемся недоумении заново сличать самые монеты, и при том недавно приобретенная богатая монетная литература требует беспрестанных дополнений и многократного сличения, с которым другой не скоро справится <...>. Г[осподин] Шардиус прибыл сюда с рекомендациями от владетельного герцогского Дессауского дома и сделался чрез то лично известен Ея Величеству государыне императрице. Откомандированный в Варшаву для приема тамошнего монетного кабинета, он не только выполнил это поручение с величайшим тщанием, но и умел снискать себе своим усердием многократно изъявленное ему совершенное удовольствие его светлости князя Варшавского» (РГИА. Ф. 733. Оп. 12. Д. 494. Л. 5 об.—6).

41. СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1851 г.). Д. 88. Л. 2.

42. СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 5. Д. 24. Л. 377 об.—378.

43. Пожар случился 17 декабря 1837 г., дворец выгорел полностью и через год был восстановлен под руководством архитектора В.П. Стасова. Эрмитаж удалось спасти возведенной солдатами кирпичной стеной.

44. АГЭ. Ф. 56. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.

45. Эрмитаж. История и современность. 1764—1988. М., 1990. С. 200.

46. СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 21. Д. 3. Л. 25 об., 39.

47. СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 5. Д. 24. Л. 376 об.—379.

48. СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 21. Л. 219—219 об.

49. СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1823 г.). Д. 20а. Л. 9.

50. СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1855 г.) Д. 136. Л. 27 об.

51. СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1827 г.). Д. 20. Л. 43.

52. СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1827 г.). Д. 20. Л. 37.

53. Серков А.И. Русское масонство. 1731—2000. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 1137.

54. Там же. С. 884.

55. Журнал Комитета правления ИАН от 4 марта 1855 г. Ст. 6; СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 91. Л. 265.

56. АГЭ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 12 (1855 г.). Л. 1.

57. СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 119а. Л. 33.

58. СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1855 г.). Д. 136. Л. 27—27 об.

59. СПФ АРАН. Р. V. Оп. 1-Ш. Д. 88. Л. 1—2 об.

60. Францисеум — гимназия в Цербсте, библиотека которой основана князем Рудольфом Ангальт-Цербстским (1576—1621).

61. Готический дом — достопримечательность парка в Вёрлице, созданного Леопольдом III Фридрихом Францем фон Анхальт-Дессау (1740—1817), там хранится уникальное собрание средневековых витражей и великолепная библиотека.

62. Липперт Филипп Даниэль (1702–1785), стекольщик, художник по фарфору, коллекционер из Дрездена. «Дактилотека» представляла собой собрание гипсовых слепков с античных гемм, ее экземпляры приобретали университеты, библиотеки и музеи Европы.

63. Десарно (1788–1840), художник, участвовал в походе Наполеона на Россию, был пленен, в 1827 г. после неоднократных попыток получил звание академика живописи за картину, отразившую сражение, в котором он попал в русский плен. В 1829–1830 гг. с войсками И.И. Дибича-Забалканского находился в Турции, с выполненных там рисунков были сделаны литографии для “Album d’un voyage en Turquie fait par ordre de Sa Majesté l’Empereur en 1829 et 1830”.

64. СПФ АРАН. Р. V. Оп. 1-Ш. Д. 88. Л. 3 об.—4 об.

65. Журнал Комитета правления ИАН от 4 марта 1855 г. Ст. 6; СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 91. Л. 267.

66. Журнал Комитета правления ИАН от 4 марта 1855 г. Ст. 6; СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 91. Л. 266 об.—267.

67. *Омар Хайям*. Как чудесен милой лик. М., 2002. С. 44 (перевод Г. Плисецкого).

68. Радовиц Иосиф (1797–1853), прусский генерал и государственный деятель, с которым Жуковский познакомился в 1827 г. в Берлине.

69. *Жуковский В.А.* Собрание сочинений: в 4 т. М.; Л., 1960. Т. 4. С. 642.

70. СПФ АРАН. Ф. 764. Оп. 2. Д. 845. Л. 1.

71. С 1802 г. — Дерптский, в 1893–1919 гг. — Юрьевский, ныне Тартуский. Научные традиции и авторитет перешли к нему от предшественницы — Академии Густавианы, действовавшей в 1632–1665 гг. и 1690–1710 г.

72. СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1855 г.). Д. 7. Л. 10–10 об. Перевод Карла Гольма, публичного нотариуса, состоявшего в должности переводчика при ИАН.

73. СПФ АРАН. Р. V. Оп. 1-Ш. Д. 88. Л. 6 об.

74. *Андреев А.И.* Очерки по источниковедению Сибири. Вып. 2: XVIII в. (первая половина). М.; Л., 1965. С. 208.

75. Семенников Владимир Петрович (1885–1936), историк, литературовед, библиограф, сын преподавателя Петербургского университета П.П. Семенникова, слушал лекции в Археологическом институте, работал в Кронштадте, Москве, Чернигове, Петрограде–Ленинграде, с 1 октября 1921 по 13 мая 1925 г. — заведующий Архивом Конференции Академии наук, после реорганизации — Архивом Академии наук.

76. *Лёвшин Б.В.* Первый научный архив России // Вестник АН. 1995. Т. 65. № 3. С. 245.

77. *Семенников В.П.* Материалы для истории русской литературы и для словаря писателей эпохи Екатерины II. На основе документов Архива Конференции Императорской Академии наук // Русский библиофил. 1914. № 5. С. 4, 5.

78. *Веселовский К.С.* Время президентства Д.Н. Блудова в Академии наук, 1855–1864 // Русская старина. 1901. Дек. № 12. С. 502.

79. Handbuch der historischen Buchbestände in Deutschland. Digitalisiert von Günter Kükenshöner / Hrsg. Von Bernhard Fabian. Hildesheim, 2003.

М.Т. Валиев, А.Ю. Заднепровская

ВАГНЕРЫ — ОТ АПТЕЧНОЙ СТОЙКИ ДО ГЕНЕРАЛА ФЛОТА

Первым документально зафиксированным в пределах Российской империи представителем семьи Вагнеров был аптекарь, выходец из саксонской католической семьи Иоганн (Ян) Вагнер (1758–1818). В 1811 г. Иоганн Вагнер перешел в российское подданство и местом своего жительства избрал г. Пинск Минской губернии. С учетом того, что западные губернии вошли в состав России только после второго раздела Речи Посполитой, в 1793 г., вполне вероятно, что Иоганн Вагнер появился в этом регионе еще в период Польско-литовской унии. Как бы там ни было, но его старший сын, Петр Иванович Вагнер (1799–1876) вырос и получил образование уже в России. После окончания Пинского уездного училища¹ в 1812 г. Петр² поступил учеником фармацевта в аптеку своего отца.

31 декабря 1818 г. Петр успешно прошел испытания в Минской врачебной управе на «фармацевтическое звание» (рис. 1). В 1819 г. в возрасте 19 лет юный Петр поступает на медицинский факультет Дерптского университета.

Интересно отметить, что рекомендательное письмо о службе в аптеке написано рукой его отца на польском языке (рис. 2).

«Дня 12 октября 1818 г.

Дано моему сыну Петру Вагнеру это свидетельство в том, что после окончания училища с 1812 г. он желал учиться фармацевтике в обыкновенном порядке, и в течение шести лет он учился в аптеке и получил все, что надо знать будущему фармацевту. Петр Вагнер окончил практику фармацевта в оговоренном периоде и о чем и даю по его прошению это свидетельство, заверенное собственною моею печатью.

Собственноручно подписал Ян Вагнер, аптекарь».

2

Во Дерптскій Императорскій Университетъ

Съиспрощеніемъ прѣ
быльшій аптекарскій
зестникъ Петра Васъ Аптекарскій земникъ Петръ Васнеръ, подавъ
черзъ высочайскаго двора Нѣмца въ сію справу прошеніемъ иже гласитъ,
кѣ патентъ. — что оны покончанинъ классическаго навѣ, на
31го Декабря 1818. года ходилъ въ терминѣ при аптекарскій отцѣ съему,
№ 203^ъ для изогненія фармацевтическаго науки, въ
Минской врачебной въ кесѣ привертнѣ доломнѣ покончанинъ, просилъ
справы. — проишестъ ему въ присудствіи справѣ испи
таніи; на фармацевтическаго дваніи всеаго,
въ сѣдствіи что оны Васнеръ на основаніи
законныхъ правилъ въ сей справѣ испитывать,
ишаданнѣ ему вопросы, елвесе испишменне
отвѣтилъ неправнѣ, послѣ отъ Деснеда Ока
Менаторова высочайскаго дваніи двостепенъ.
Для того справѣ представилъ прислалъ къ аттѣ
статѣ, оный университетъ покорнѣше проситъ,
выслать для него петра Васнера въ сію справу
подлиннащій патентъ. —

Империаторъ Карлъ Пруссіа

Писыводителъ 10го класса (архивистъ)

Рис. 1. Письмо Минской врачебной управы³

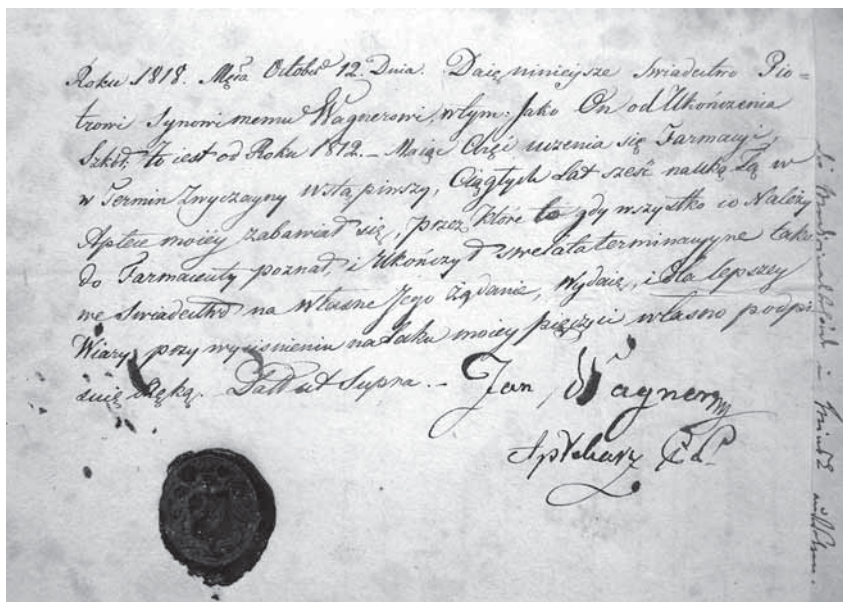

Рис. 2. Свидетельство фармацевта Петра Вагнера, написанное рукой Иоганна Вагнера⁴

Проучившись в Дерпте только один учебный год, студент П. Вагнер в 1820 г. перевелся в Виленский университет⁵, который успешно закончил в 1826 г., получив звание врача. В 1831 г. в том же Виленском университете он получил степень доктора медицины. Свою дальнейшую карьеру молодой врач продолжил в качестве лекаря в ведомстве Уральского горного правления, где прослужил с 1826 по 1840 г. Одновременно с врачебной деятельностью Петр Иванович занимался минералогией и собрал достаточно внушительную минералогическую коллекцию. В конечном счете минералогия стала его основной профессией — после ряда неудачных попыток баллотироваться на кафедру хирургии Казанского университета, в 1840 г. он был назначен экстраординарным, а в 1843 г. ординарным профессором минералогии и геогнозии этого университета. В 1849 г. профессор Вагнер был сопричислен к Казанскому дворянству⁶. Государственную службу завершил в звании действительного статского советника, которого был удостоен в 1855 г. Был женат на православной Ольге Андреевне (урожденной Грубер, Gruber), вдове профессора политической экономии

Рис. 3. Николай Петрович Вагнер
(1829–1907)

П.С. Кондырева. Профессор Вагнер скончался 3 августа 1876 г. в Москве.

В браке Петра Ивановича и Ольги Андреевны родился Николай Петрович Вагнер (1829–1907) — будущий российский писатель, ученый, естествоиспытатель, член-корреспондент Петербургской академии наук (рис. 3). Это событие произошло 18 июля 1829 г. в Богословском Заводе Верхотурского уезда Пермской губернии. По существовавшим в те времена уложениям Российской империи дети, рожденные в браке православного и инославного подданных Российской империи, за редким исключением, крестились

в православной вере. Таким образом, начиная с Николая Петровича Вагнера, все Вагнеры были православными.

Среднее образование Николай Вагнер получил во 2-й Казанской гимназии и в 1845 г. поступил в Казанский университет, который успешно закончил в 1849 г. со степенью кандидата. К периоду учебы в университете относится начало дружбы с будущим великим химиком Александром Михайловичем Бутлеровым (1828–1886), которая продолжалась сорок лет. Они познакомились в юношеском возрасте на I курсе Казанского университета и на всю жизнь остались друг для друга «Сашечкой» и «Колечкой». А.М. Бутлеров впоследствии стал крестным отцом детей Н.П. Вагнера.

Семья Вагнеров принадлежала к кругу казанской университетской интеллигенции. Кроме Бутлеровых, Вагнеров связывала близкая дружба с Н.И. Лобачевским⁷. Дочь Ольги Андреевны от первого брака, Александра Петровна Кондырева, стала женой технолога и экономиста М.Я. Киттары (1825–1880). Юлия Петровна Вагнер, сестра Николая Петровича, вышла замуж за историка С.В. Ешевского (1829–1865).

11 марта 1851 г. Н.П. Вагнер получил степень магистра зоологии, в 1854 г. стал доктором зоологии. Еще студентом Н.П. Вагнер опубликовал несколько научно-популярных статей и рассказов для детей о животных. Благодаря этому увлечению на свет появился литературный псевдоним Кот-Мурлыка⁸, который сопровождал маститого профессора всю жизнь и практически стал его вторым именем. «Сказки Кота-Мурлыки» пользовались большой популярностью и с 1872 по 1923 г. выдержали десять изданий⁹, книга печатается и по сей день.

С ноября 1849 г. Николай Петрович преподавал в Нижнем Новгороде в Александровском дворянском институте естественную историю и сельское хозяйство. В 1852 г. стал адъюнктом при физико-математическом факультете Казанского университета¹⁰, в 1854 г. защитил докторскую диссертацию «Общий взгляд на паукообразных и частное описание одной из форм (*Androctonus occitans*) к ним принадлежащих»). Два года (1858–1860) молодой ученый провел в командировках за границей, пополняя багаж своих научных знаний. Командировки за границу продолжались и позднее — во время одной из них, в Неаполе¹¹, в семье Николая Петровича родился сын Юлий (1 декабря 1865 — апрель 1945).

В 1860 г. Н.П. Вагнер вернулся в Казань и занял должность адъюкта сравнительной анатомии и физиологии в Казанском университете. С 1862 по 1871 г. был избран ординарным профессором зоологии Казанского университета¹².

После десяти лет профессорского стажа в Казанском университете, в 1871 г., Н.П. Вагнера пригласили в Санкт-Петербургский университет, что, несомненно, являлось признанием его профессиональных заслуг — до 1894 г. он являлся директором Зоотомического кабинета и читал лекции в Петербургском университете¹³.

В 1881 г. Николай Петрович стал организатором и первым руководителем знаменитой биологической станции на Соловках¹⁴. Профессор Вагнер руководил станцией до 1889 г. За это время были выполнены многочисленные работы по фауне беспозвоночных Белого моря, результатом стала монография «Беспозвоночные Белого моря»¹⁵, великолепно проиллюстрированная самим автором.

В конце 1870-х годов на курорте в Старой Руссе Н.П. Вагнер познакомился с Ф.М. Достоевским (1821–1881), отношения с которым поддерживал в течение нескольких лет. Кроме этого, Н.П. Вагнер состоял в переписке с Л.Н. Толстым (1828–1910) — опубликованы письма Л.Н. Толстого к Вагнеру, хранящиеся Пражском архиве¹⁶.

В браке Николая Петровича Вагнера с Екатериной Александровной (ур. Худяковой) родились шесть детей — три сына и три дочери: Екатерина (1860—?), Петр (1862—1932), Ольга (1863—?), Юлий (1865—1945), Владимир (1867—?) и Надежда (1876—?).

О судьбе дочерей нам известно очень мало. Надежда Николаевна, в замужестве Тукалевская, была актрисой Театра Комиссаржевской, после революции с семьей оказалась в эмиграции, сначала в Финляндии, потом в Чехии и Франции. Из трех сыновей профессора только второй сын, Юлий, пошел по стопам отца и стал зоологом. Петр унаследовал творческие и художественные способности отца и избрал карьеру моряка и художника.

Наиболее краткой информацией мы обладаем о судьбе младшего сына Владимира. С его именем связаны трагические события, постигшие семью Вагнеров в 1888 г.: Владимир попал под суд за убийство жены. Многие связывали это происшествие с жесткими порядками, царившими в семье Николая Петровича, что совершенно не соответствовало действительности. Печальная ситуация явилась результатом психического нездоровья молодого человека. Можно уверенно говорить о том, что эти события послужили причиной тяжелых переживаний для отца. Вряд ли он смог оправиться от этого удара до конца своей жизни.

Профессор Вагнер скончался 21 марта 1907 г. в Санкт-Петербурге, похоронен на Смоленском православном кладбище¹⁷.

Юлий Николаевич Вагнер (рис. 4), как уже говорилось, родился 1 декабря 1865 г. в Неаполе, где в это время на биологической станции работал его отец. Полная биография Юлия Вагнера впервые в отечественной литературе была изложена в работе С.И. Фокина¹⁸.

В 1871 г., когда Юлию было шесть лет, семья Вагнеров переехала в Санкт-Петербург, и среднее образование мальчик получил в VIII Санкт-Петербургской гимназии. В 1884 г. выпускник гимназии Юлий Вагнер поступил в Санкт-Петербургский университет на физико-математический факультет по естественному разряду, который благополучно окончил в 1888 г.¹⁹ Продолжая семейную традицию, Юлий избрал профессию биолога и в 1889 г. практически принял от отца должность хранителя Зоотомического кабинета Санкт-Петербургского университета²⁰. Интересно отметить, что среди прилежных учеников Ю.Н. Вагнера мы находим имена и двух выпускников гимназии К. Мая, в будущем известных ученых, — М.Н. Римского-Корсакова (1873—1951)²¹ и П. Ю. Шмидта (1872—1949)²². С одним из них,

Михаилом Николаевичем Римским-Корсаковым, Юлий Николаевич поддерживал отношения всю свою жизнь.

Летом 1887 г. принял участие в Беломорской экспедиции своего отца и продолжил работу на Соловецкой биологической станции в течение нескольких летних сезонов. В 1894 г. защитил магистерскую диссертацию «История эмбрионального развития *Ixodes calcaratus*»²³.

Неоднократно избирался членом Русского энтомологического общества, Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей и членом-корреспондентом Русского географического общества.

В конце 1896 г. Ю.Н. Вагнер защитил докторскую диссертацию «Наблюдения над развитием *Arthropoda*».

1 июля 1898 г. Вагнер стал экстраординарным профессором Киевского политехнического института, а через месяц — ординарным профессором сельскохозяйственного отделения²⁴. Создал при институте Зоологический кабинет. С 1899 г. входил в Совет института. Проводил полевые энтомологические исследования в Полтавской, Киевской, Черниговской и Волынской губерниях, работал в Киевском обществе любителей природы. Вместе с С.И. Метальниковым (1870—1946) редактировал десяти томную детскую энциклопедию, издававшуюся Сытиным в 1913—1914 гг.²⁵ Член партии кадетов, Вагнер в 1911 г. подал в отставку в знак протеста против репрессий, направленных против революционно настроенных студентов и увольнения трех преподавателей института из числа сочувствующих им. Уехал в Петербург, где работал в Зоологическом музее Академии наук. В 1913 г. получил место руководителя энтомологического отдела Киевской сельскохозяйственной станции.

Во время Первой мировой войны Вагнер работал в местном военно-промышленном комитете. После Февральской революции вошел

Рис. 4. Юлий Николаевич Вагнер (1865—1945)

в «Исполнительный комитет», созданный украинскими сторонниками Временного правительства. В марте 1917 г. вернулся в Политехнический институт, около года руководил там кафедрой энтомологии²⁶.

После революции эмигрировал из России, жил и работал в Сербии. Скончался 4 апреля 1945 г.²⁷

В браке Юлия Николаевича с Е.Н. Дзвонкевич родился сын Николай (25.01.1893—27.08.1953), который впоследствии также стал известным зоологом. Николай окончил в Киеве Коммерческое училище и агрономический факультет Политехнического института, в котором остался работать в качестве ассистента. В 1925 г. эмигрировал в Чехословакию. Занимался научной деятельностью на кафедре физиологии и анатомии растений в Карловом университете в Праге, защитил докторскую диссертацию. В 1928–1929 гг. в качестве стипендиата Рокфеллеровского фонда находился в научной командировке в Париже. С 1940 г. Н.Ю. Вагнер работал в Зоологическом институте в Братиславе, где занимался физиологией животных, энтомологией и общей зоологией. Николай Юльевич трагически погиб в Высоких Татрах, когда собирал там материалы для работы²⁸.

Наиболее полными сведениями мы располагаем о старшем сыне профессора зоологии Николая Петровича Вагнера, Петре Николаевиче Вагнере, родившемся 10 мая

Рис. 5. Петр Николаевич Вагнер (1862–1932)

1862 г. в Казани²⁹. Выбранное для старшего сына имя соответствовало семейной традиции — на протяжении всей известной нам истории семьи Вагнеров Петр и Николай были фамильными именами, которыми в семье Вагнеров называли первенцев мужского рода (рис. 5).

Своего первенца родители крестили в казанском Петропавловском соборе. Восприемниками Петра записаны близкий друг отца, коллежский советник, ректор Казанского Императорского университета, будущий знаменитый химик Александр Михайлович Бутлеров и бабушка Петра, Ольга Андреевна Вагнер. Петра называли в честь деда,

заслуженного профессора Казанского Императорского университета Петра Ивановича Вагнера.

Как уже говорилось выше, в 1870—1871 гг. в связи с избранием главы семейства профессором Петербургского университета семья переехала в столицу. В гимназии К. Мая Петр Николаевич учился только один год. Строго говоря, у нас нет документов, подтверждающих факт учебы в гимназии, но в списках учеников за 1875—1876 гг. значится Петр Вагнер³⁰, место жительства — Васильевский остров, знание немецкого языка и то, что Петр Николаевич впоследствии отдал своего единственного сына «к Маю», — все эти факты могут служить подтверждением нашего предположения.

12 сентября 1879 г. Петр Вагнер был принят в общий класс Морского училища³¹. С 1880 г. принимал участие во внутренних и заграничных плаваниях на корветах «Гиляк» (1880), «Боярин» (1881), «Аскольд» (1883), клипере «Разбойник» (1883). По окончании Морского училища был отмечен премией адмирала Краббе. В сентябре 1883 г. получил звание мичмана и продолжил службу на клипере «Разбойник». В 1891 г. ему было присвоено звание лейтенанта, в 1902 г. был зачислен по Адмиралтейству штабс-капитаном с производством в капитаны. Педагогическую деятельность начал в 1886 г. в качестве воспитателя и преподавателя Морского Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича корпуса.

К этому же времени — май 1887 г. — относится его бракосочетание с двоюродной сестрой, Ольгой Михайловной Вагнер (1869—1941), дочерью коллежского асессора Михаила Николаевича Вагнера³². Петр Николаевич женился по большой любви и, очевидно, преодолел значительные трудности, чтобы получить разрешение на такой близкородственный брак.

В 1890 г. Петр Вагнер окончил Геодезическое отделение Морской академии. Начиная с 1898 г. плавал в должности штатного преподавателя при воспитанниках Морского кадетского корпуса и в должности старшего штурманского офицера на фрегатах «Минин», «Светлана», «Кн. Пожарский», учебных судах «Скобелев» и «Моряк».

Служебные аттестации в этот период носят противоречивый характер³³. В характеристике 1895 г., подписанной контр-адмиралом В.П. Мессером (отряд Морского корпуса), значилось: «Для морской службы по слабости здоровья и трусости не годен». Но уже в 1900 г. командир учебного судна «Верный», капитан 2-го ранга Н.В. Юнг давал прямо противоположные оценки: «Весьма дисциплинарен и очень

исправен... Нравственности и поведения отличных. С начальством и в кают-компании держит себя очень хорошо, но с гардемаринами слабоват». В отрицательной аттестации 1901 г., подписанной капитаном 1-го ранга А.А. Купреяновым, говорилось: «Достаточно дисциплинарен, но малоисполнителен; от службы уклоняется под благовидными предложениями при всяком случае. Чрезвычайно рассеян и небрежен. К исполнению обязанностей старшего штурмана очень мало поэтому пригоден, хотя и обладает надлежащей для этого подготовкой, так как окончил курс Николаевской морской академии по гидрографическому отделению. Познаний в морском деле достаточных, но опытности мало. Склонность питает, кажется, к живописи, к морскому же делу не проявляет склонности. Нравственные качества, характер и как вел себя с начальством, подчиненными и в кают-компании: невозмутим и весьма равнодушно переносит сетования на него сослуживцев за его нерадивость; поэтому и историй никаких не выходило».

Рефреном звучат воспоминания Г.К. Графа³⁴: «Доставалось также и старшему штурману лейтенанту В. (Вагнеру. — М.В., А.З.). Это был корпусный офицер, прозванный “шишкой”, человек спокойный, но относившийся к своим обязанностям довольно-таки небрежно. Командир во время походов к нему постоянно приставал с вопросом: “Где наше место?”, этим делая намек, что тот должен чаще проверять место корабля. Однажды В. находился в штурманской рубке, а командир ходил по верхнему мостику и, по-видимому, уж очень извел его своими докучливыми вопросами. На вновь повторенное: “Где наше место?” В. раздраженно крикнул “В рубке”. Командир страшно рассердился, и им пришлось расстаться».

Однако в 1902 г. командир крейсера 2-го ранга «Рында» капитан 2-го ранга Н.М. Бухвостов дал совсем другую оценку качествам своего подчиненного: «Дисциплинарен и исполнителен... Как преподаватель к своему делу относится серьезно. Уважаем воспитанниками. Хорошо воспитан, характера мягкого. Знает английский, французский и немецкий языки».

На наш взгляд наиболее полная и объективная аттестация 1907 г., написанная инспектором классов Морского корпуса полковником по Адмиралтейству А.М. Бригером, гласила: «Как преподаватель Морского корпуса по отделам кораблевождения, много плававший с воспитанниками корпуса, специально занимается навигацией, преимущественно разрабатывая ее теоретическую часть. По навига-

ции приобрел путем долгого преподавания солидные познания. В общем, человек образованный и начитанный. В деле преподавания своего основного предмета опытен, но в значительной мере схематичен.

Служебного такта вполне достаточно в отношении лиц начальствующих и подчиненных, то есть воспитанников корпуса; с сослуживцами хотя и живет в ладу, но не всегда снискивает себе уважение. С низшими служащими требователен, но деликатен. В обществе держит себя с достоинством и вполне воспитан. Прекрасный семьянин, заботливый муж и отец. Всегда бодр духом.

Характерной чертой аттестуемого как преподавателя корпуса является ясность и толковость преподавания, хотя и не при большом объеме знаний. В сущности, истинное призвание его есть искусство, так как аттестуемый весьма незаурядный художник. Следуя своему призванию, он кончил курс Академии художеств, а стремясь к развитию умственного кругозора, кончил еще в молодости курс Николаевской морской академии. Так как искусство и точные математические науки можно сравнить с прямо противоположными силами, действию которых подвергся интеллект аттестуемого, то нет ничего удивительного, что он направлен в сторону более могущественной силы, то есть в сторону искусства. В среде художников Петр Николаевич Вагнер занимает вполне почетное место, чего не достигает он в равной степени среди преподавателей Морского корпуса.

За время своей службы в корпусе подполковник Вагнер составил литографированный курс навигации. Этот курс достаточно продуман и вполне удовлетворительно развит в теоретическом отношении, но в практическом смысле он не вполне соответствует современным требованиям штурманского дела, вследствие чего он не повторится изданием и будет лишь в обращении до появления нового руководства, каковое не замедлит явиться, так как Главным гидрографическим управлением уже объявлен конкурс на составление нового руководства по этому предмету. Тем не менее курс подполковника Вагнера долгое время был единственным и сослужил службу Морскому корпусу, в чем и заключается значительная заслуга самого автора перед Морским корпусом».

В аттестации 1911 г. тот же инспектор классов Морского корпуса генерал-майор по Адмиралтейству А.М. Бригер писал: «За 19-летний период службы полковник Вагнер исполнял не только обязанности преподавателя, но и был отделенным начальником, причем в общих

отраслях учебно-воспитательной деятельности проявил твердое и настойчивое руководство подведомственными ему воспитанниками.

Особенные познания и иностранные языки: кончил курс Николаевской морской академии по гидрографическому отделению и Императорскую Академию художеств.

Отличительной чертой характера полковника Вагнера является настойчивость в достижении намеченной цели, чем и объясняется, что из него выработался хороший преподаватель кораблеводительных предметов и видный художник, имя которого занимает заметное место в ряду русских художников.

Упомянутая твердость и настойчивость дают ему возможность доводить своих учеников до хорошего знания предметов, в пределах его преподавания, что ежегодно и обнаруживается на выпускных экзаменах. Эти качества дают основание желать продолжения педагогической деятельности аттестуемого.

Полковником Вагнером уже давно был составлен учебник навигации, который до 1910 г. был единственным руководством при преподавании этого предмета. В 1910 г. начато издание руководства старшего лейтенанта Шейковского, еще, однако, не законченное; вследствие этого и в текущем учебном году руководство полковника Вагнера не потеряло своего значения».

К 1913 г. П.Н. Вагнер дослужился до высокого чина генерал-майора по Адмиралтейству. 3 февраля 1914 г. переведен на флот³⁵. В 1916–1917 гг. был назначен начальником курсов для ускоренной подготовки к офицерскому званию «гардемарин флота по морской части»³⁶. Эти курсы даже называли «курсами Вагнера». Приказом по флоту и Морведу № 208 от 7 марта 1918 г.³⁷ уже в советское время оставлен заведующим классом гидрографов и 9 декабря 1920 г. — начальником класса гидрографов³⁸.

По воспоминаниям одного из воспитанников уже в советское время: «Своеобразным человеком был начальник училища П.Н. Вагнер, недавний царский адмирал. При всей его корректности мы чувствовали, что комсомольцы для него — беспокойное “инородное тело”, случайно оказавшееся во вверенном ему учебном заведении»³⁹.

Последней должностью П.Н. Вагнера на флотской службе было исполнение обязанностей начальника Высшего военно-морского гидрографического училища им Г. Орджоникидзе⁴⁰. От этой должности Петр Николаевич был освобожден 17 июля 1923 г.⁴¹

За время своей службы П.Н. Вагнер был награжден орденами Св. Владимира 3-й степени, Св. Владимира 4-й степени с бантом, Св. Анны 2-й и 3-й степеней, Св. Станислава 2-й и 3-й степеней; серебряной медалью в память царствования императора Александра III, бронзовой медалью в память 300-летия царствования Дома Романовых и медалью в память 200-летия Гангутской победы; знаками Николаевской морской академии, в память 200-летнего юбилея Морского кадетского корпуса и в память окончания полного курса наук в Морском корпусе. Кроме того, Петр Николаевич был награжден иностранным орденом Капиолани кавалерского креста Гавайского королевского дома. Последнюю награду он получил в 1884 г., находясь в заграничном плавании на клипере «Разбойник».

Петр Николаевич был человеком разносторонних интересов и талантов. Он владел тремя иностранными языками, увлекался музыкой и живописью. В 1894 г. поступил в Императорскую Академию художеств, в пейзажную мастерскую профессора А.И. Куинджи (1842–1910)⁴². Одновременно с П.Н. Вагнером у Куинджи учились А.А. Рылов (1870–1939), Н.К. Рерих (1874–1947), К.Ф. Богаевский (1872–1943), Ф.Э. Рушиц (1870–1936), М.П. Латри (1875–1942), В.И. Зарубин (1925–1996), В.Е. Пурвит (1872–1945), А.А. Борисов (1866–1934), Н.П. Химона (1864–1929), А.А. Чумаков (1848–1946), А.И. Штурман (1869–1944), Е.И. Столица (1870–1929), К.К. Вроблевский (1868–1939), А.И. Кандауров (1863–1930), А.Н. Курбатов, Г.О. Калмыков (1873–1942). В каждом из своих учеников Куинджи «видел неповторимое творческое начало и оберегал его». «Первый год почти не делал замечания и никогда не притрагивался собственной кистью к ученическим работам. Он только внимательно и зорко присматривался и изучал: хотел понять человека, его наклонности и заложенные в нем возможности. А затем, выяснив себе характер и индивидуальность каждого, он уже смело облегчал своими советами “муки родов”, помогая каждому проявлять себя, двигаться вперед по тому пути, который вытекал из его художественной природы»⁴³.

Атмосфера в мастерской А.И. Куинджи была очень теплой, доброжелательной и неформальной. Соученик и приятель Петра Николаевича, известный художник А.А. Рылов, в своих «Воспоминаниях» писал: «Вечером собирались в мастерской и ждали прихода модели. После окончания работы с 5 до 7 часов. Затем появлялся служитель, вносил самовар, груды свежих горячих сосисок и вкусных булочек-рогулек. Французскую горчицу вываливали прямо на бумагу и, макая

в нее сосиски, отправляли в рот во славу доброго хозяина нашего Архипа Ивановича. После чая начинался концерт, настраивались инструменты, и раздавалась веселая музыка: Богаевский, Чумаков и Калмыков играли на гитарах. К ним иногда присоединялся Зарубин и Химони на скрипках, а Латри — на мандолине, морской офицер Вагнер — на балалайке»⁴⁴.

Петр Николаевич окончил обучение в Академии художеств в 1899 г. с присвоением ему звания классного художника Академии за пейзажи «Пороги» и «Балтийское море». Работал П. Вагнер главным образом как маринист, был активным участником художественных выставок. Критик А.М. Антокольский писал⁴⁵: «Лучшие пейзажисты на весенней выставке — по обыкновению Зарубин, Вагнер и Столица... Маринист Вагнер — прекрасный живописец и техник, которому много мешает его странное, уже несколько лет замеченное пристрастие к “чернильным тонам”».

П.Н. Вагнер был участником так называемых «весенних» и «осенних» выставок в залах Императорской Академии художеств в 1905, 1907, 1910 и 1916 гг., в 1909 г. третьей художественной выставки картин «Северного кружка любителей изящных искусств» в Вологде, постоянно участвовал в выставках картин общества им. А.И. Куинджи, а в 1919 г. в Первой государственной свободной выставке произведений искусства. В 1973 г. картины Вагнера были представлены в Академии художеств на выставке «А.И. Куинджи и его ученики»⁴⁶.

После увольнения с морской службы с 1921 по 1929 г. П.Н. Вагнер — профессор факультета живописи, графики, скульптуры Высшего художественно-технического института (ВХУТЕИН; бывшая Академия художеств).

Точная дата смерти П.Н. Вагнера неизвестна. По семейным рассказам, он умер в 1932 г. Похоронен рядом с отцом Н.П. Вагнером на Смоленском православном кладбище (могила не сохранилась). Судьба оберегла Петра Николаевича от самых страшных испытаний: арест и расстрел единственного сына и последовавшие репрессии близких родственников произошли уже после его кончины.

Безусловно, Петр Николаевич как бывший генерал-майор Императорского флота не мог понять и принять разрушения основ государственного строя, личного и общественного пространства. Он глубоко переживал многочисленные потери близких, друзей и гибель сослуживцев. Искусство служило Петру Николаевичу утешением и опорой, но не могло быть защитой от жестокой реальности. Единственный

сын П.Н. Вагнера, Николай Петрович (рис. 6), родился в 1888 г., окончил полный курс гимназии К. Мая в 1906 г. Продолжил свое образование на физико-математическом факультете Петербургского университета до 1916 г.⁴⁷ В 1917 г. прошел обучение на ускоренных курсах гардемарин, а в 1918 г. учился в классах гидрографов. В 1923 г. Николай Петрович женился на Марии Федоровне Вильм (ур. Парланд, 1890—1964), племяннице и крестнице известного архитектора А.А. Парланда (1842—1919).

24 февраля 1926 г. у них родилась дочь Татьяна (1926—2001), ставшая радостью и утешением для всей семьи (рис. 7).

С 1920 г. Николай Петрович работал в Гидрографическом управлении Красного флота. Был начальником гидрографического, затем картографического отделов Управления. С 1 марта 1928 г. назначен старшим производителем работ Гидрографического управления, с 1932 г. — помощником начальника 1-го сектора в Управлении ВМС. В середине 1930-х годов вышел в отставку и перешел на преподавательскую работу, стал ассистентом кафедры физики Гидрографического института, а также преподавал физику в различных учебных заведениях (институтах, техникумах, рабфаках).

По необоснованному обвинению Николай Вагнер был аресто-

Рис. 6. Николай Петрович Вагнер-младший (1888—1938)

Рис. 7. Татьяна Николаевна Вагнер-Заднепровская (1926—2001)

ван 1 ноября 1937 г. 4 января 1938 г. был приговорен Комиссией НКВД и Прокуратуры СССР к высшей мере наказания и расстрелян 8 января 1938 г.⁴⁸ Место захоронения — Левашовская пустошь. Определением военного трибунала Ленинградского военного округа от 14 апреля 1958 г. приговор от 4 января 1938 г. был отменен и дело прекращено за отсутствием состава преступления...

Гибель отца оставила тяжелый след в душе его дочери. Любовь к отцу и восхищение им она пронесла через всю свою жизнь⁴⁹. После ареста Н.П. Вагнера его жену, мать Тани, отправили в ссылку в далекую башкирскую деревню. Таню спасла ее вторая бабушка — Прасковья Михайловна Парланд. Училась Таня Вагнер в школе № 17 (бывшей гимназии Карла Мая), куда поступила в 1934 г. Вместе с Танечкой Вагнер, как звали ее одноклассники, училась Татьяна Герхен. На всю жизнь две Татьяны сохранили теплые и близкие отношения.

Во время блокады Татьяна, как и многие ленинградские подростки, работала на оборонном заводе, в госпитале, на санэпидстанции Василеостровского района. Была награждена медалью «За оборону Ленинграда».

В 1947 г. Татьяна Николаевна поступила на исторический факультет ЛГУ и окончила кафедру археологии. Во время экспедиции в Среднюю Азию познакомилась с Ю.А. Заднепровским (1924–1999), впоследствии ставшим крупным специалистом по археологии Ферганы и среднеазиатских кочевников. Они поженились в 1950 г. и прожили вместе 49 лет. После окончания университета Татьяна Николаевна устроилась в библиотеку Института археологии (ныне — Институт истории материальной культуры РАН), где проработала всю жизнь в дружном творческом коллективе и стала известным ученым-библиографом. При ее непосредственном участии были опубликованы восемь томов уникального, не имеющего аналогов в других гуманитарных науках библиографического справочника «Советская археологическая литература. Библиография»⁵⁰. Она также была автором ряда тематических библиографий по археологии Средней Азии. Последней ее работой, вышедшей уже после смерти составителя, стал том «Русская археологическая литература. Библиографический указатель. 1900–1917 гг.». Татьяна Николаевна всегда интересовалась историей своей семьи и в последние годы жизни собирала материалы, но написать свои воспоминания не успела. Скончалась 7 октября 2001 г. в Санкт-Петербурге. Похоронена на Смоленском православном кладбище⁵¹.

Один из авторов настоящей статьи — к.и.н. Александра Юрьевна Заднепровская — дочь Татьяны Николаевны Вагнер-Заднепровской, живет и работает в Санкт-Петербурге.

В заключение приносим свою искреннюю благодарность сотруднику Российского государственного архива Алексею Юрьевичу Емелину, нашему другу из Германии Ирине Леонидовне Лейнонен и Наталье Борисовне Валиевой, без деятельной помощи которых эта работа вряд ли была бы сделана.

При подготовке статьи были использованы материалы из архивов РГАВМФ, РГИА, ЦГИА СПб., а также из семейных архивов.

1. Пинское уездное училище в 1800-х годах находилось под управлением францисканцев и проводило активную политику полонизации образования. Основным языком обучения в училище был польский. Училище называли также поиезуитским.

2. Вагнер Петр Иванович. URL: <http://dokumente.ios-regensburg.de/amburger/index.php?id=63223> (дата обращения: 17.03.2014).

3. Eesti Ajalooarhiiv (ЕАА; Исторический архив Эстонии). Ф. 402. Оп. 2. Д. 26354.

4. Там же.

5. Императорский Виленский университет был основан указом Александра I 4 апреля 1803 г. на базе Главной виленской школы. В наказание за участие студентов и преподавателей в восстании 1831 г. рескриптом Николая I 1 мая 1832 г. университет был упразднен.

6. Алфавитный список (по) родам потомственных дворян, внесенных в дворянскую родословную книгу Казанской губернии с обозначением имени и отчества тех из них, кои впервые записали свои роды. С 1787 по 1895 г. Казань, 1898.

7. *Модзалевский Л.Б.* Материалы для биографии Н.И. Лобачевского. М., Л., 1948. С. 707.

8. *Венгеров С.А.* Источники словаря русских писателей. СПб., 1900–1917. Т. 1. С. 105.

9. *Вагнер Н.П.* Сказки Кота-Мурлыки. М., 1923.

10. *Михайловский А.И.* Преподаватели, учившиеся и служившие в Императорском Казанском университете. 1804–1904. Казань, 1905. С. 313, 360, 383, 393, 466, 492, 525, 708.

11. В Неаполе Н.П. Вагнер работал на биологической станции (Villa Nazionale).

12. Биографический словарь профессоров и преподавателей Казанского университета. 1804–1904 гг. / Под ред. Н.П. Загоскина. Казань, 1904. Ч. I. С. 286; РГИА. Ф. 733. Оп. 149. Д. 827. С. 290–302; РГИА. Ф. 733. Оп. 225. Д. 590.

13. Биографический словарь профессоров и преподавателей Имп. С.-Петербургского университета. 1869—1894 гг. СПб., 1896—1898. Т. I. С. 113—118; Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. СПб., 1889—1904. Т. IV. Ч. 2. С. 19; Т. I. Ч. 2. С. 105; Шимкевич В.М., Вагнер Н.П., Полежаев Н.Н. Из воспоминаний зоолога // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. 1908. Ч. 1, 2. Т. 16. № 7. Отд. 4. С. 1—18.

14. Горяшко А. Плохой хороший человек. Личность и судьба Н.П. Вагнера // Материалы науч. конф., посвящ. 70-летию Беломорской биологической станции МГУ: сб. ст. М., 2008. С. 12—16; *Он же*. Кандалакшский государственный природный заповедник. URL: <http://wsbs-msu.ru/doc/view.php?ID=55> (дата обращения: 17.03.14); Материалы науч. конф., посвящ. 70-летию Беломорской биологической станции МГУ: сб. ст. М., 2008. С. 12—16.

15. Вагнер Н.П. Беспозвоночные Белого моря. СПб., 1885. Т. 1.

16. Толстой Л.Н. Собр. соч.: в 22 т. М., 1984. Т. 19.

17. РГИА. Ф. 740. Оп. 22. Д. 335; Саитов В.И. Петербургский некрополь. Т. I. С. 361.

18. Фокин С. Зоолог Юлий Николаевич Вагнер: Неаполь—С.-Петербург—Киев—Белград // Российско-сербские связи в области науки и образования. XIX — первая половина XX в. СПб., 2009.

19. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8940.

20. Биографический словарь профессоров и преподавателей Имп. С.-Петербургского университета... 1869—1894 гг. СПб., 1896—1898. Ч. 1. С. 118; Венгеров С.А. Критико-биографический словарь... Т. I. Ч. 2. С. 105, Т. IV. Ч. 2. С. 26.

21. М.Н. Римский-Корсаков. URL: http://www.kmay.ru/sample_pers.phtml?n=2668 (дата обращения: 20.11.2014).

22. П.Ю. Шмидт. URL: http://www.kmay.ru/sample_pers.phtml?n=3476 (дата обращения: 20.11.2014).

23. Фокин С. Указ. соч. С. 105.

24. Там же. С. 107.

25. Детская энциклопедия. М., 1913—1914.

26. Фокин С. Указ. соч. С. 109.

27. Незабываемые могилы: рос. зарубежье: некрологи 1917—1999: в 6 т. / Сост. В. Н. Чуваков; под ред. Е. В. Макаревич. М., 1999—2007. Т. I. С. 475.

28. Н.Ю. Вагнер URL: <http://www.dommuseum.ru/index.php?m=dist&pid=17307&RHPSESSID=da6e293f80df7744931d451004f6ae4b> (дата обращения: 20.11.2014).

29. РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 5. Д. 6549. С. 3.

30. Благово Н.В. Школа на Васильевском острове. СПб., 2005. Ч. 1.

31. РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 5. Д. 6549. С. 1.

32. РГИА. Ф. 789. Оп. 12. Д. И-1. 1898.

33. РГАВМФ. Ф. 873. Оп. 3. Д. 7.

34. Граф Г.К. Моряки. Очерки из жизни морского офицера (1897–1905). Библиотека альманаха «Корабли и сражения». М., 1997.
35. РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 4. Д. 1644. С. 10.
36. РГАВМФ. Ф. 249. Оп. 1. Д. 105.
37. РГАВМФ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 173. С. 9.
38. РГАВМФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 1. С. 2.
39. *Холостяков Г.* Вечный огонь. М., 1976. С. 415.
40. РГАВМФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 11. С. 18 об.
41. Приказ РВСР по л/с № 99 от 17.07.1923, №584 от 19.07.1923.
42. РГИА. Ф. 789. Оп. 12. Д. И-1. 1898.
43. *Неведомский М.П., Репин И.Е.* Архип Иванович Куинджи. СПб., 1913. С. 117.
44. *Рылов А.А.* Воспоминания. М., 1960. С. 59–60.
45. *Антокольский А.М.* Весенняя выставка Академии художеств. XXXI передвижная выставка; V выставка // Мир искусства. М., 1903. № 3. С. 49–51.
46. А.И. Куинджи и его ученики: каталог выставки. Л., 1973.
47. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 45842.
48. УФСБ СПб и ЛО. Д. П-34030.
49. Сайт «Мемориала». Ленинградский мартиролог: 1937–1938. Вагнер Николай Петрович. URL: <http://lists.memo.ru/index3.htm> (дата обращения: 20.11.2014); *Заднепровская Т.Н.* Трагедия Н.П. Вагнера. Из воспоминаний дочери // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. СПб., 2012. Кн. 12. С. 233–239.
50. Советская археологическая литература. Полную библиографию см.: Записки Восточного отделения Российского археологического общества. Новая серия. СПб., 2002. Т. I (XXXVI). С. 519–520.
51. *Всевиов Л.М., Никоноров В.П.* Памяти Татьяны Николаевны Заднепровской (1926–2001) // Записки Восточного отделения Российского археологического общества. Новая серия. СПб., 2002. Т. I (XXXVI). С. 515–520.

П.А. Головин

БАРОНЫ ФОН ДЕРВИЗ: ПРОМЫШЛЕННИКИ И МЕЦЕНАТЫ

Люби Отчизны край и сердцем к ней гори,
О славных предках ты с восторгом говори.
Былое в сердце воскреси
И в нем сокрытого глубоко
Ты духа жизни допроси.

А.С. Хомяков

Русский дворянский род Дервиз происходит из Гамбурга, где Генрих-Дитрих Визе был старшим бургомистром. Правнук Матвея Дервиза, Иоанн-Адольф, служил в Швеции, затем был в Петербурге юстиц-советником голштинской службы у Петра III и возведен в дворянское достоинство Римской империи с прибавкой частицы «фон дер». Его сын, Иван Иванович (+1806), был генерал-майором; внук, Григорий Иванович, — директором Гатчинского сиротского института, а правнуки Павел Григорьевич — известный концессионер и строитель железных дорог, Николай Григорьевич — певец, Дмитрий Григорьевич — первый обер-прокурор Гражданского кассационного департамента Сената, член Государственного Совета.

Род Дервизов внесен во II часть родословной книги Костромской губернии, III часть ДРК Московской, Рязанской, Санкт-Петербургской и Тверской губерний¹. В свидетельстве знаменитого мецената Павла Григорьевича фон Дервиза было указано: «По данным города Лебедяни Христорождественской церкви, в 1826 г. по метрическим книгам значится: у Лебедянского надзирателя, губернского секретаря Григория Иванова фон дер Визе и его жены Варвары Николаевны сын Павел рожден генваря 30 и крещен 21 февраля. Восприемником ему был конноартиллерийской роты начальник подполковник Николай Яковлев Купреянов. 27 августа 1828 г.»²

Григорий Иванович фон Дервиз из дворян Екатеринославской губернии, сын генерал-майора, за мать в этой губернии в Ростове деревянный дом. По окончании курса наук во 2-м кадетском корпусе в службу вступил в 8-ю артиллерийскую бригаду прапорщиком 10.02.1814 г. Получил бронзовую медаль для ношения в петлице на Владимирской ленте, всемиловейше пожалованную для дворянства за 1812 г. 30.08.1814 г. Вдов, имеет детей: Павла (30.01.1826–?), Дмитрия (8.12.1829–?) — служит в Департаменте МЮ, Михаила (25.10.1832–?) — находится в Артиллерийском училище, Николая (14.04.1837–?), Ивана (11.02.1839–?) — в Училище правоведения, Елену (28.10.1827–?) — в замужестве. Произведен в подпоручики 01.07.1819 г., стал поручиком 28.02.1822 г. и определен в г. Моршу помощником надзирателя 24 июля, перемещен в Тамбов 13.10, от сей должности по прошению уволен 10.07.1822 г. Определен в г. Лебедянь надзирателем питейного сбора 09.01.1824 г. Переименован в губернские секретари 27 марта, произведен в коллежские секретари 31.12.1826 г., награжден чином титулярные советники 26.01.1826 г. Определен в Костромскую казенную палату советником 21.01.1829 г. Из оной палаты уволен и определен в Комиссариатский департамент Военного министерства начальником отделения 02.07.1832 г. От сей должности уволен и определен в Канцелярию Военного министерства начальником отчетного отделения 07.07.1833 г. Награжден за работу окладом жалования 3500 руб. 12.10.1833 г. и пожалован в 8-й класс 12.01.1834 г. Награжден знаком отличия за 15 лет 22.08, за особые труды выдано 1500 руб. 6.12.1834 г. Произведен в надворные советники 29.03.1836 г., награжден знаком отличия за 20 лет службы 22.08.1837 г., пожалован в военные советники 03.04.1838 г. и орденом Св. Владимира 4-й ст. 17.04. Произведен в статские советники 14.04.1840 г., пожалована земля по чину 6.09 и орден Св. Анны 2-й ст. 19.04.1842 г. Пожалован знак отличия за 25 лет 22.08 и орден Св. Владимира 3-й ст. 11.04.1843 г. Уволен от службы по прошению 30.04.1846 г. По высочайшей ЕИВ воле определен директором Императорского Гатчинского сиротского института с прикомандированием к Институту правоведения для знания порядка 04.03.1847 г. Годовой оклад жалования 1200 руб. серебром в год. Пожалован знак отличия за 30 лет беспорочной службы 22.08.1849 г. Произведен в чин д.ст.с. 16.08.1850 г. По Высочайшему ЕИВ соизволению, изложенному в журнале СПб. опекунского совета 11.12.1851 г., по случаю выдачи дочери его в замужество выдано пособие 600 руб. серебром. Награжден орденом Св. Станислава 1-й ст. 22.05.1856 г.»³

Дмитрий Григорьевич фон Дервиз по окончании полного курса наук в Императорском Училище правоведения приказом от 22.05.1850 г. определен в Департамент МЮ с чином титулярного советника. Ему поручено заниматься в 3-м отделении департамента, где он помещен на вакансию младшего помощника столоначальника 08.03.1851 г. Определен исправлять должность старшего помощника столоначальника 10.06.1852 г., пожалован столоначальником 21.04.1853 г. Высочайшим приказом 01.10.1854 г. № 201 произведен в коллежские асессоры 15.05.1854 г.»⁴

Михаил Григорьевич фон Дервиз воспитывался в Михайловском артиллерийском училище. В службу вступил фейерверкером 4-го класса в Михайловское артиллерийское училище 6 мая 1849 г. Произведен в юнкера 2.11, пожалован прапорщиком с назначением в № 6 батарею 3-й гвардейской и гренадерской артиллерийской бригады 17.06.1854 г. Награжден чином подпоручика 23.09.1856 г. Женат вторым браком на Зиновии Густавне Витковской. Имеет от первого брака дочь Елену (1.09.1862—?) и от второго брака сына Петра (19.06.1871—?). Уволен со службы поручиком согласно прошению 30.03.1858 г. Произведен в титулярные советники 27.11.1863 г., пожалован орденом Св. Станислава 2-й ст. 10.06.1867 г., в коллежские асессоры 18.06.1866 г., награжден орденом Св. Станислава 2-й ст. с короной 26.06.1869 г., произведен в надворные советники 18.07, в коллежские советники 18.07.1872 г.»⁵

Павел Григорьевич фон Дервиз по окончании курса наук в Императорском Училище правоведения выпущен с чином титулярного советника с награждением за отличные успехи в науках и благонравие золотой медалью и определен в Канцелярию 1-го отделения 5-го Департамента Правительствующего Сената 08.05.1847 г. Помещен на вакансию младшего помощника секретаря 04.06. В свидетельстве о бракосочетании значится: титулярный советник Павел Григорьев фон Дервиз, первым браком, 23 лет, с дочерью отставного ротмистра Николая Николаева Тиц, девицею Верою Николаевною, первым браком, 18 лет, повенчаны 29.01.1850 г. Поручителями по жениху были: юрист-консультант Военного министерства, коллежский советник Павел Максимов Ребиндер и состоящий при Департаменте МЮ коллежский секретарь Василий Павлов Энгельгардт. По невесте: редактор 2-го отделения Департамента МЮ, коллежский асессор Яков Яковлев, сын Чемадуrow, и титулярный советник Константин. 3.08.1887 г.»⁶

П.Г. фон Дервиз утвержден старшим помощником секретаря 23.08.1847 г., определен в должность секретаря Департамента героль-

дии 09.09.1848 г., переведен в Департамент МЮ столоначальником 11.05.1849 г., произведен за отличия в коллежские асессоры 10.11.1850 г. Определен на должность редактора 1-го отделения Департамента МЮ 6.08.1852 г., произведен в надворные советники 10.11.1852 г. Высочайшим приказом 24 марта 1854 г. № 58 назначен исправляющим должность товарища герольдмейстера Департамента герольдии Правительствующего Сената. Переведен на службу в Провиантский департамент правителем Канцелярии 09.01.1855 г. От счастливого брака родился сын Владимир (12.06.1854–?), православного вероисповедания⁷. Павел Григорьев, сын фон Дервиз, определением Департамента герольдии от 10.08.1855 г. по заслугам отца утвержден в потомственном дворянстве и просит Александра II 2 июля 1871 г. пожаловать ему герб, вносит пошлину в казну и представляет проект герба с описанием. Жительство имеет в Рязанской губернии Пронского уезда, в имении Старожилово⁸.

Старожилово впервые упоминается в 1628 г. По данным окладных книг за 1676 г., в селе было уже более ста дворов. В 1716 г. по указу Петра I купцы Томилин и Рюмин основали близ Старожилова чугунолитейный и железоделательный завод. В начале XIX в. Старожилово принадлежало сенатору и д.т.с. В.С. Грушецкому, и за ним состояло 332 мужских и 330 женских душ, позднее Старожилово досталось княгине Орловой. В 60-е годы XIX в. вблизи села прошли пути Рязанско-Козловской железной дороги. Один из концессионеров строительства, предприниматель П.Г. фон Дервиз, приобрел у Орловой более 3000 десятин земли. Позднее младший сын концессионера, П.П. фон Дервиз, развернул строительство крупного конного завода. Проектирование архитектурной части комплекса и усадьбы владельца осуществлял знаменитый в будущем российский архитектор Ф.О. Шехтель.

Конный завод в Старожилово

16 сентября 1871 г. в Собрании гербового отделения слушали описание проекта герба д.ст.с. П.Г. фон Дервиза и приказали: проект герба утвердить и представить герольдмейстеру для дачи дальнейшего хода предложить художнику Физневу заняться изготовлением герба на Высочайшее утверждение, а Митенскому предлагалось написать текст описания герба: «В лазуревом щите серебряный пояс, сопровождаемый вверху золотою о пяти лучах звездой, а внизу — таковым же сердцем. Щит увенчан дворянским шлемом и украшен лазуревосеребряно-золотым венчиком. Нашлемник, между двух черных орлиных крыльев, золотая о пяти лучах звезда. Намет справа лазуревый с серебром, слева лазуревый с золотом»⁹.

Павел Григорьевич в 1857 г. оставляет службу, ему был дан аттестат: «Из Провиантского департамента Военного министерства служившему в сем департаменте начальником судного отделения, статскому советнику Павлу Григорьевичу фон Дервизу в том, что он, как видно из формулярного списка о службе его за сей 1857 г., 31 года от роду, православный, имеет орден Св. Станислава 2-й ст., светло-бронзовую медаль на Андреевской ленте в память о войне 1853—1856 гг. Недвижимого имения за ним, родителями его и за женою

Герб фон Дервизов

П.Г. фон Дервиз

не значится. 01.12.1857 г. приказом № 51 ЕИВ по прошению уволен со службы по домашним обстоятельствам из провиантского штата с награждением чином статского советника и соизволением ношения мундира»¹⁰.

Вскоре Павел Григорьевич начинает новое для себя дело — строительство железных дорог. Наличного капитала хватало лишь до Рязани, потому акционерное общество решило строить Московско-Рязанскую дорогу. Именно тогда Павел Григорьевич фон Дервиз стал председателем правления Общества Московско-Рязанской железной дороги, его компаньоном был другой русский немец — Карл фон Мекк, член семьи, которая опекала композитора Петра Чайковского. В середине XIX в. железнодорожная сеть в России была весьма редкой. Она состояла из нескольких дорог — из исторической Царско-сельской, Петербурго-Московской, Петербурго-Варшавской, Варшавско-Венской, Московско-Нижегородской, Риго-Динабургской, Волго-Донской, Московско-Сергиевской, Московско-Рязанской. Общая протяженность всей сети к концу 1863 г. составляла лишь 3254 версты. Дервиз придумал гениальную схему, позволившую ему и дороге строить с поразительной быстротой, и самому за несколько лет стать миллионером, причем ничего не воруя у государства, а только пользуясь его поддержкой. Схема, придуманная Дервизом, была проста, но действовала безотказно. Предприниматель заключал с государством договор (концессию) на строительство частной железной дороги с последующей ее передачей государству. Смета подряда на строительство умышленно завышалась до максимально допустимого разумного предела, на эту сумму выпускались акции и облигации, гарантом получения дохода по которым выступало государство. Часть акций оставалась в правлении дороги, практически — в безраздельном владении Дервиза, становившегося учредителем общества по строительству и эксплуатации дороги, которая через определенный срок должна была перейти в собственность государства. Облигации же по пониженной цене размещались за границей. Гарантии правительства России ценились высоко, поэтому реализация недорогих облигаций проходила быстро. Денег, полученных от продажи акций и облигаций, с лихвой хватало для строительства, если им занимались толковые исполнители, а людей подбирать Дервиз умел. В короткий срок дорога вводилась в строй и начинала приносить солидный доход, позволявший полностью рассчитаться с владельцами облигаций и выплачивать доходы по акциям. Государство, не затратив ни рубля,

а только рискнув своим добрым именем, получало прекрасную железную дорогу, а акционеры — солидный доход. За короткий срок Дервиз построил дорогу до Рязани, затем до Козлова. Получил выгодный подряд на Курско-Киевскую дорогу, на сооружение которой у него ушло всего два года. За несколько лет он сколотил солидный капитал.

В 1863 г. Павел фон Дервиз обратился в правительство с ходатайством о предоставлении ему права постройки железной дороги от Рязани до Саратова через Козлов и Тамбов. Он предлагал учредить акционерное общество в России, собрав капитал частью в Англии, частью в Германии; с этой целью акции компании предполагалось выпустить в английской валюте, а облигации — в прусской. Размер акционерного капитала был определен в 782 500 фунтов стерлингов, а облигационного — в 10 800 000 прусских талеров. Концессия на постройку Рязанско-Козловской железной дороги была дана 12 марта 1865 г., и дорога была введена в строй 4 сентября 1866 г. Рязанско-Козловская дорога прошла по тому направлению, по которому издавна шел главный гужевой путь из юго-восточных степей в Москву. Заменяя собой этот путь, дорога стала одной из самых первых в перевозке хлебных грузов, что обеспечило с первого года эксплуатации значительный доход, составивший в 1867 г. 6,7 %, в 1868 г. — 14,5 % и в 1869 г. — 18,1 % на акционерный капитал. Вскоре появился и второй путь на Рязанско-Козловской линии, который был открыт 1 июня 1870 г. Министр путей сообщения обращается к Павлу Григорьевичу: «Государь Император по Всеподданнейшему докладу моему 29 сентября Всемилостивейше повелеть соизволил: в награду полезной деятельности вашей по устройству железных дорог Рязанской и Козловской, особенно за скорое и добросовестное сооружение последней, считать Вас уволенным от службы с чином действительного статского советника. Приятным долгом поставляю себе сообщить Вашему Превосходительству о сей Монаршей милости и прошу Вас принять уверение в совершенном моем почтении. П. Мельников. 28.01.1887 г.»¹¹

Павел Григорьевич стал одним из богатейших людей России. У его семьи была недвижимость в Москве и Петербурге, во Франции и Швейцарии, имения в Рязанской губернии. Во Франции, на Лазурном берегу в Ницце, он построил виллу Вальрозе по проекту архитектора Д.И. Гримма и разбил прекрасный парк, открыл школу, которой было присвоено его имя.

Павел Григорьевич внезапно скончался на вокзале от сердечного приступа, когда встречал тело умершей дочери Варвары. Тела были

привезены в Москву. Пристав Басманной части г. Москвы 10 июня 1881 г. дал разрешение для беспрепятственного предания тела земле в склепе при больнице Св. Владимира умершего за границую д.ст.с. Павла Григорьевича фон Дервиза, отпет в Московской Трехсвятительской церкви у Красных ворот 11 июня 1881 г. и погребен в часовне при детской больнице Св. Владимира в Москве. Протоиерей Никита Васильев Орлов 12 июня 1881 г. сообщает в правление Рязанско-Козловской железной дороги: прилагая при сем два свидетельства от полиции с моею на обороте надписью об отпевании и погребении д.ст.с. Павла Григорьевича фон Дервиза и дочери его Варвары Павловны фон Дервиз, прошу препроводить их в контору детской больницы Св. Владимира для хранения как самый верный документ о том, что их тела действительно там положены¹². Его вдова, Вера Николаевна, целиком отдала себя благотворительности: организовывала приюты, один из них вырос до московской гимназии фон Дервиз. В 1898 г. Вера Николаевна купила старинную усадьбу у московского биржевика и мецената И.Ю. Шульца в Гороховском переулке с трехэтажным каменным домом, службами и огромным садом. Она стала местом размещения женской гимназии с пансионом, заявление на открытие которой последовало 12 марта 1900 г. В этой гимназии учились Марина Цветаева и Рина Зеленая.

Старший сын мецената, Сергей Павлович фон Дервиз, унаследовал дело отца (не только строительство железных дорог). Степной генерал-губернатор Бр. Колпаковский 18.11.1888 г. отвечает Сергею Павловичу: «Усматривая из письма Вашего от 30 июля, что Вы намерены заняться поисками и разработкою разных минералов и металлов на свободных казенных землях в Киргизской степи и что Вы являетесь представителем Особого товарищества, считаю своим долгом довести до Вашего сведения, что мною возбуждено перед министром государственных имуществ ходатайство о продаже на льготных условиях заводов и рудников горнопромышленника А.С. Попова, находящихся в Павлоградском и Каркаралинском уездах Семипалатинской области и описанных за долги в казну. Сюда относятся: серебряно-свинцовые рудники Кызыл-Эспе, Кень-чеку и Джемантузская каменно-угольная копь в Павлодарском уезде, славящиеся по всей степи своими мощными и богатыми месторождениями. Сообщая о сем, я позволяю себе выразить мое искреннее желание, чтобы Вы явились хозяином месторождений, обрабатывавшихся до настоящего времени хищнически и нерационально Поповыми или лежавших в тени.

От передачи некоторых из этих рудников и заводов в руки столь серьезного, добросовестного и солидного предпринимателя, каким я привык считать вас, государство может смело ожидать, по моему мнению, самых блестящих результатов как в смысле правильной и рациональной постановки горного дела в степи, так и в смысле поднятия уровня экономической жизни местного населения. Пользуясь настоящим случаем, прошу принять уверение в истинном почтении и совершенной преданности, с коими имею честь быть»¹³.

Сергей Павлович фон Дервиз

После смерти матери Сергей Павлович продал свою недвижимость и перебрался с дочерью и женой в Париж, где и окончил свои дни. Марина Сергеевна, урожденная Шёнинг, была второй женой Сергея Павловича Дервиза, и 2 мая 1908 г. дала доверенность на управление ее хозяйством: «Милостивый государь Сергей Павлович! Прошу Вас управлять и распоряжаться принадлежащим мне ныне и могущим принадлежать впоследствии движимым и недвижимым имуществом и заведовать всеми моими делами. Уполномочиваю Вас на мое имя покупать с публичных торгов или приобретать недвижимые имущества, а также принимать в залог или аренду недвижимые имущества. Доверенность эта явлена в Российском Императорском генеральном консульстве в Париже женой д.ст.с. Мариной Сергеевной фон Дервиз, представившей в удостоверение своей самоличности и правоспособности паспорт, выданный ей на выезд за границу санкт-петербургским градоначальником 9 ноября 1904 г. № 8545. Причем Генеральное консульство удостоверяет, что настоящая доверенность собственноручно подписана М.С. фон Дервиз. Консульских пошлин взыскано 3 рубля — 8 франков. Вице-консул»¹⁴.

На Рязанской земле, в Кирицах, Сергей Павлович устроил в лучшие времена замечательную усадьбу, поставил домовый храм Сергия Радонежского. Привлек к строительству своего дворца в Кирицах зодчего Федора Шехтеля, который создал удивительный по красоте ансамбль. С этого и начался «стиль Шехтеля» — башенки, оконные проемы, арки, лестницы, спускающиеся к прудам, делают дом похо-

Павел Павлович
фон Дервиз-Дуговой

жим на ожившую сказку. В 1938 г. там был открыт детский противотуберкулезный санаторий.

В 1908 г. имение Кирицы перешло к князю Горчакову, однако сам он в нем не жил, и хозяйство постепенно приходило в упадок. Уцелела основная часть построек, декоративные элементы фасада и даже знаменитый орел. Павел Павлович был штаб-ротмистром лейб-гвардии Гусарского полка, в Пронском уезде приобрел 4360 десятин земли, рязанские дворяне избрали его уездным предводителем дворянства и почетным мировым судьей. Там же учредил гимназию и стал председателем ее попечительского совета, а также

Имение Кирицы С.П. фон Дервиза

почетным смотрителем городского училища. В 1905 г. Павла Павловича избирают почетным гражданином города Пронска. Павел фон Дервиз разводил тяжеловозов, верховых и рысистых лошадей, в том числе скакунов арабской, английской и орловской пород, которые закупались казной для полков русской гвардейской кавалерии. Павел Павлович в 1916 г. сменил фамилию на Луговой, в Петрограде был арестован после переворота и отправлен в Москву, в Бутырку. За него вступились перед новыми властями его ученики. Дело кончилось тем, что Ленин выписал ему своего рода охранную грамоту, а в 1920 г. он стал читать лекции по математике на Рязанских кавалерийских командных курсах, которые открылись тогда на базе его конного завода в Старожилово. Одним из курсантов, которые слушали лекции Павла Павловича, был будущий советский маршал Г.К. Жуков. В конце своей жизни Павел Павлович обосновался в деревне Максатиха Тверской области, где работал сельским учителем. Там же он и умер в 1943 г. в возрасте 73 лет.

13.11.1884 г. С.П. фон Дервиз, живший по Английской наб., д. 34, пишет прошение: «Владея недвижимыми именными в СПб., а именно каменными домами, состоящими по Английской наб. и Галерной улице под № 34 и 33 и по Подольской ул. № 31, покорнейше прошу ДДС записать в ДРК потомственных дворян СПб. губернии меня и малолетнего брата моего Павла Павловича фон Дервиза, над которым я состою опекуном»¹⁵. Сергей Павлович представил документы, что его отец Павел Григорьевич, как удостоверяет Тамбовская духовная консистория, родился 30 января 1826 г., а по выписке из метрической книги Московской Сретенского Сорока Трехсвятительской у Красных ворот церкви за 1863 г. значится: «27 мая родился и 12 июня крещен Сергей. Восприемники: коллежский асессор Иван Григорьевич фон Дервиз и Мария Борисовна Баранова. Павел фон Дервиз родился 4 и крещен 26 апреля 1870 г. Восприемниками были: Сергей Павлов фон Дервиз и жена гвардии полковника Анисья Андреевна Шишкова, Борис Дмитриев фон Дервиз и Варвара Павлова фон Дервиз. 28.07.1881 г.»¹⁶

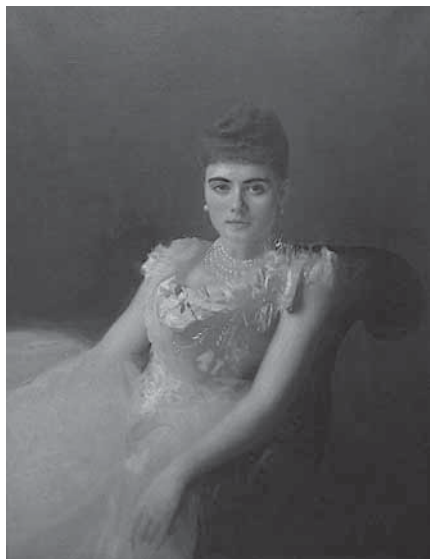
Камер-юнкер Высочайшего Двора статский советник Сергей Павлович был женат на Марине Сергеевне и имел детей: Марину, Веру (26.06.1898—?), Сергея (14.12.1899—?), Павлу (15.10.1901—?), определением Рязанского ДДС 28.02.1901 г. они были причислены к роду фон Дервиз и внесены в 3-ю часть ДРК¹⁷. Особняки фон Дервиз сохранились и находятся в Москве: ул. Садовая-Черногрязская, д. 6,

в Петербурге: Английская наб., 34 / Галерная ул., 33–35 (ныне — Камерный музыкальный театр «Санкт-Петербург Опера»), Английская наб., 28 / Галерная ул., 27. Особняк П.П. фон Дервиза — дворец великого князя Андрея Владимировича — ныне Дворец бракосочетания № 1.

Знаменитые художники писали портреты представителей рода фон Дервиз: В. Серов «Ляля Дервиз» (1892), «Надежда Дервиз», И. Крамской «Анна фон Дервиз», Б. Констан «Марина Сергеевна Дервиз».

В 1893 г. зеркальная фабрика со всеми постройками братьями Смольяниновыми была продана П.Г. Дервизу за 1 млн руб., и в 1896–1897 гг. им было все уничтожено, снесены заводские постройки, а территория засажена деревьями. В древности в этих местах было небольшое мордовское поселение Кирицына (от искаженного мордовского слова «кирицына», которое означает «удерживать»), откуда и произошло название села Кирица. Кирицы, как и соседнее село Засечье, входили в защитный рубеж от набегов степных кочевников. Он проходил по правобережью рек Кирицы, Прони и Оки. В 7 км от Кириц находится историческое место, где бился с татарами знаменитый Евпатий

Портрет Анны фон Дервиз
(И. Крамской, 1881)

Коловрат. В 1770 г. в 4-х верстах от Кириц иностранец Белау построил завод стеклянных изделий, при котором образовалась деревня для проживания приписанных к этому заводу крестьян. Эта деревня вначале называлась Стеклянная, а после сноса завода и построения на его месте зеркальной фабрики — Старостеклянная. В 1780 г. Иван Боленс разрушил доставшийся ему стеклянный завод, а на его месте построил зеркальную фабрику. Переходя от него по наследству, фабрика около 30 лет была во владении Карла Ивановича Генике. На возведение церкви Покрова Пресвятой Богородицы в 1843 г. Генике пожертвовал

9 тыс. руб., а старец Никон собрал средства, чтобы купить на Нижегородской ярмарке лучший колокол. В Кирицах до сих пор растет парк, разбитый на месте бывшего зеркального завода, отдельные виды деревьев и кустарников для парка были завезены Генике из Америки и Канады, до сих пор в нем растут сосны Веймутова и издавна находится святой колодезь в честь Тихвинской иконы Богоматери¹⁸.

4 июня 1884 г. в Правительствующем Сенате слушали записку из дела о дворянстве рода Освальда Денисовича фон Геника, рассматривая определения Рязанского ДДС от 8.12.1839 г., коим собрание положило сыновей Дениса Геника, сопричислив к роду отца, внести в 3-ю часть ДРК.

Дворянин Освальд-Адам Геника подал 22 мая 1884 г. в Департамент герольдии прошение о пожаловании ему герба по представленному проекту с описанием. 29 октября 1884 г. в Собрании Гербового отделения при Департаменте герольдии прибыли: т.с. барон Б.В. Кёне, т.с. А.В. Тилезиус фон Тиленау, д.ст.с. М.В. Лоренц. Рассматривали проект герба дворянина Освальда-Адама Геника. Приказали: проект герба утвердить и представить герольдмейстеру для дачи дальнейшего хода, а художнику Фадееву изготовить герб на Высочайшее утверждение¹⁹.

Родословная рода Геника ²⁰			
Иван Геника			
I			
I-----I		I	
Денис , доктор медицины,		Карл (+1854)	
1 ж. — Шарлотта, 2 ж. — Вильгемина		ж. — Амалия Ивановна	
I-----I		I-----I	
Иоган	Владимир	Карл	Освальд
Виктор	Александр (1826—?)	Александр	Адам (1835—?)
I		Вильгельм (1832—?)	
I-----I			
Леонид		Ростислав	

Описание проекта герба дворянина Освальда-Адама Геника: «В лазуревом щите выходящая из левого бока серебряная правая рука, держащая золотую пальмовую ветвь. В серебряной вольной части щита червлёный греческий крест. Щит украшен дворянским коронованным шлемом. Нашлемник: три серебряных страусовых пера, обремененные червлёным греческим крестом. Намет: справа — лазуревый

с серебром, а слева — червлёный с серебром. Девиз “Помощь страждущим” серебряными буквами на лазуревой ленте»²¹. Определением Сената от 4 июня 1884 г. Освальд-Адам Геника признан в потомственном дворянстве с правом на внесение в 3-ю часть ДРК, по заслугам отца его доктора медицины Дениса Иванова Геника. Рука с пальмовою ветвью и крест обозначают деятельность Дениса Геника в уходе за больными и ранеными как члена Общества Красного Креста²².

24.11.1826 г. Департамент горных и соляных дел с разрешения Московского горного правления рассматривал дело и жалобу заводчика Геника, который 28.10 отправил в Рязань четверых мастеровых с Кирицкого завода для отдачи в рекруты в число будущих наборов; «но до ста других мастеровых, отлучаясь без всякого позволения, их на дороге у провожатых отбили рекрутов и по донесению заводчика от 29.10 на завод не возвращались»²³. Министр финансов 24 ноября донес Комитету министров о своевольстве мастеровых при Кирицком заводе Генике и об отбитии ими четырех отправленных с разрешения начальства в рекруты. «Ныне Московское горное правление доносит, что к прекращению того своевольства употреблен был рязанским гражданским губернатором сперва заседатель Спасского земского суда, но без успеха. Потом он, губернатор, отправился на Кирицкий завод лично и, истребовав туда две роты Белевского пехотного полка, и хотя успел восстановить спокойствие, но отбитых ими людей уже не нашел и узнать, где они, не мог, по укоренившемуся в мастеровых духу неповиновения заводосодержателю и начальству. Губернатор нашел вынужденным с виновнейшими из них поступить по законам. По следствию оказалось, что некоторые из мастеровых явно отреклись от исполнения распоряжений начальства, утверждая, что они всегда будут поступать подобным образом, как скоро кто-либо из начальников позволит брать из общества их рекрут; другие же, упорствуя в своей наглости, не хотели открыть возбудивших в них столь необыкновенное ожесточение противу установленной власти. Военный суд, составленный рязанским гражданским губернатором, на основании положения Комитета министров, Высочайше утвержденного 20 июля 1826 г., из одного штаб-офицера и двух обер-офицеров Белевского полка и членом Спасского уездного суда, рассмотрев означенное следствие, признал более всех упорными в неповиновении б, а более других при следствии оказавшими не послушание трех мастеровых Кирицкого завода и приговорил: первых, наказав шпиц-рутенном чрез 500 человек по одному разу, отослать на казенные

сибирские рудники, а последних подвергнуть полицейскому исправлению. Приговор таковой по утверждении онаго рязанского гражданского губернатора, приведен в исполнение на Кирицком заводе 10 минувшего ноября. Уведомляя о сем Московское горное правление, рязанский гражданский губернатор присовокупил: 1 — что по личному его замечанию одна только мера строгости, принятая им к наблюдению за поведением тех мастеровых и присужденное военным судом; главнейшим виновником возмущения, наказания, могли быть достаточны к обузданию своевольства их и наглости: почему признал он необходимо нужным и по окончании вышесказанной экзекуции для наблюдения за спокойствием завода оставить там одну роту и 2 — что при отправлении сего уведомления 17 ноября получил он донесение, что мастеровые Кирицкого завода с самого отбытия оттоль губернатора спокойствия не нарушают и потому о выводе из онаго и остальной части воинской команды, сделает он распоряжение. Министр финансов честь имеет довести сие до сведения Комитета министров. Министр финансов, генерал-лейтенант Канкрин»²⁴.

Начало заводской промышленности в Спасском районе Рязанской губернии положено указом Петра I в 1716 г., согласно которому был выстроен Истинский чугуно-плавильный завод и игольные фабрики в Столбцах и Коленцах Пронского уезда. Учредителями этих предприятий явились купцы Рюмин, Томилин и иностранец Боленс. В 1750 г. иностранец Белау сооружает стеклянный завод, затем перешедший во владение Боленса, который в 1780 г. при селе Кирицы сооружает новую зеркальную фабрику, к ней было приписано 255 душ, она существовала до 1822 г., когда скончался Боленс. После его смерти имение и фабрика перешли к двоюродным его сестрам: Д.А. Генике и В.А. Эверц. В том же году Д.А. Генике умерла, передав свою долю детям: сыновьям Карлу Ивановичу (аптекарь) и Денису Ивановичу (доктору) Генике и замужней дочери Бригитте, которая от наследства отказалась в пользу братьев, а долю Эверц приобрел покупкой. Карл Иванович Генике стал полновластным владельцем всего имения, выплачивая своему брату Денису ежегодно оговоренную сумму. Приобретая земли, Карл Генике набрал до 9517 десятин земли. Завод, имея доменную печь, почти весь год бездействовал и запускался только к приезду начальства для вида. В то время ввоз зеркал из-за границы был запрещен, поэтому на зеркала всегда был спрос. Карл Генике был бездетным, пожертвовал 9 тыс. руб. на постройку каменной церкви в селе Кирицы и подарил землю Никоновскому монастырю.

Характерно письмо К. Генике на имя своего управляющего и родственника К.Н. Смольянинова, написанное им за месяц до своей смерти 26 января 1854 г.: «Прибавок на работу Вы никому никаких не делаете, ибо оно рассматривалось начальством, и найдены их претензии пустыми, а за грубость и непослушание велено их судить». Генике за год до своей смерти стал задумываться о передаче дела. Доктор Денис Генике занимался врачебной практикой. Тогда выбор пал на К.Н. Смольянинова — мужа его любимой племянницы Елены Николаевны Любиевской, который в то время состоял на службе в канцелярии одесского генерал-губернатора. После колебаний Смольянинов принял предложение К. Генике быть сначала управляющим с жалованием 200 руб., а затем стал и преемником Генике по владению делом. 12 февраля 1854 г. Генике умер, и его имение по духовному завещанию перешло к его жене Амалии Ивановне и брату Денису. Через год имение, состоящее из 9517 десятин лесных угодий, чугуноплавильного завода, зеркального завода в селе Кирицы с отделением в селе Карловке, было продано вместе с заводами К.Н. Смольянинову.

Налаживая производство, Константин Николаевич выписал из Берлина инженера Петржана, а затем и сам выехал за границу для ознакомления с уже налаженным делом по маршруту: Берлин, Париж, Брюссель, Ливерпуль, Дрезден, Гамбург, Амстердам, Штетин, Антверпен. Константин Николаевич ввел новую технологию, договорился в Дрездене с Сименсом на поставку его новой плавильной газовой печи. Фабрика считалась лучшей в России, рабочих было 637 человек, из них семеро — иностранцы. По сведениям за 1857 г., фабрикой было произведено 31 тыс. зеркал на сумму 123 600 руб. серебром, он имел собственный магазин в Петербурге (в настоящее время на этом месте гостиница «Европа») в Гостином дворе по зеркальной линии, д. 36. В 1861 г. Константин Николаевич за выдающиеся организаторские качества был награжден медалью «За трудолюбие и искусство»²⁵.

В 1865 г. К.Н. Смольянинов подает особую записку Съезду постоянной купеческой депутации в Москве, в которой порицалась таможенная политика правительства. В 1868 г. К.Н. Смольянинов в качестве эксперта участвует в Правительственной комиссии по пересмотру таможенного тарифа, которая работала под председательством А.И. Бутовского. В 1872 г. К.Н. Смольянинов умер, его имение и заводы по духовному завещанию перешли к его сыну Владимиру

и детям последнего — Александру и Дмитрию. Третий из его сыновей, Николай, самый любимый, всегда в его отсутствие управлявший делами, был лишен наследства за нарушение сословных дворянских традиций, выразившихся в женитьбе на дочери простого мастера его фабрики Брунс вопреки воле родителей. Однако через год Дмитрий умирает, и Александр оставшееся от брата наследство отдает в пользу Николая, к которому вскоре переходит все управление имениями и заводом. С тех пор фабрика значится под вывеской «Братья Смольяниновы», но фабрика не выдержала конкуренции. На следующий год Николай Смольянинов, спасая свою фабрику от закрытия, вынужден был подать правительству записку о необходимости повышения таможенного тарифа на зеркальные изделия, но его проект не был утвержден. В 1891 г. Николай Смольянинов составил проект устава Первого товарищества по производству зеркал, основной капитал устанавливался в 1 млн руб., разделенный на 1000 паев, но желающих купить пай не нашлось, и фабрику после столетнего существования пришлось закрыть. Имение с фабричными постройками было продано С.П. фон Дервизу, а оставшиеся без дела 600 рабочих правительство переселило в Белебеевский уезд Уфимской губернии, где они были наделены землей. Сам Николай Смольянинов поселился на постоянное жительство в свое небольшое имение при деревне Милованово, близ Кириц²⁶, принимал участие в местных земских делах, состоял гласным уездного земства. В 1878 г. был избран Спасским уездным предводителем дворянства, получил генеральский чин действительного статского советника, составил и издал два тома книги «Полувековая жизнь Спасского уездного земства Рязанской губернии с 1865 по 1914 г.», а также брошюру «Краткое описание производства зеркал и зеркального стекла на фабрике “Братья Смольяниновы”» (М., 1882)²⁷.

Константин Николаевич Смольянинов (21 мая 1818 — 1872) — надворный советник, член Общества истории и древностей при Императорском Одесском университете, почетный мировой судья Спасского округа Рязанской губернии, Председатель Съезда мировых судей. Родился 21 мая 1818 г. в Брацлаве Подольской губернии. За ним родовое имение в Спасском уезде в деревне Никольское и Никитино, благоприобретенное в Спасском, Сапожковском, Рязанском уездах, и Кирицкая зеркальная фабрика. Окончил курс наук в Московском Императорском университете. 7 октября 1849 г. вступил на службу в канцелярию Одесского военного губернатора и утвержден в чине

губернского секретаря. 12 августа 1841 г. назначен чиновником особых поручений при военном губернаторе, 21 ноября 1842 г. за отличия по службе произведен в коллежские секретари. 10 мая 1843 г. предписанием военного губернатора назначен членом Комиссии для приведения в известность книг Одесской публичной библиотеки и составления каталога оным при сдаче новому библиотекарю. С 6 октября 1845 г. по 6 июля 1849 г. по поручению военного губернатора заведовал канцелярией по морской части. 22 ноября 1846 г. Высочайшим приказом за выслугу лет произведен в титулярные советники, с 13 января по 20 декабря 1849 г. по поручению военного губернатора заведовал секретной частью, 13 января 1847 г. по Высочайшему повелению за отлично усердную службу и особые труды награжден полугодовым окладом жалования. Высочайшим приказом по Гражданскому ведомству 9 октября 1851 г. № 243 произведен за выслугу лет в коллежские асессоры со старшинством от 2 ноября 1850 г. 18 апреля 1854 г. Высочайшим приказом по Гражданскому ведомству № 74 уволен от службы по прошению с награждением чина надворного советника и с мундиром, при военной должности. 19 августа 1861 г. определением Правительствующего Сената утвержден мировым посредником Спасского уезда, 9 июня 1863 г. по прошению от должности мирового посредника уволен, 29 октября 1861 г. определением 1-го департамента Правительствующего сената утвержден почетным мировым судьей Спасского округа на второе трехлетие, с 17 июня 1854 г. по 19 августа 1861 г. и с 9 июня 1863 г. по 15 октября 1866 г. был в отставке. К.Н. Смольянинову принадлежит труд «История Одессы» (1788–1852) с планом города Гаджибей.

Константин Николаевич от супруги Елены Любиевской (1834–1904) имел детей: Владимира (1852–?), Елену (1856–1911), Сергея (1860–?), Бориса (1858–). Владимир Константинович был женат на Нине Михайловне Жеребцовой, дочери сенатора и генерала от инфантерии, в 1881 г. за Владимиром Смольяниновым состояли следующие имения: Рязанской губернии, Спасского уезда при сельце Старостеклянном с винокуренным заводом, при селе Федотьево и Деулинской Урже, хуторах Милованском и Ивановским, Бронского уезда в хуторах Божьи Воды и др. Борис Константинович женат на Анне Владимировне Мельниковой; Сергей Константинович женат на Софии Петровне Нарышкиной, дочери Петра Кирилловича Нарышкина. Елена Константиновна (1856–1911), «в замужестве за Сергеем Дмитриевичем Головинным (1848–1921), земским начальником

Константин Николаевич
Смолянинов

Елена Николаевна
Смолянинова (Любиевская)

Спасского уезда Рязанской губернии». Проживая в имении Головнинных Красильники Спасского уезда Рязанской губернии они воспитывали детей: +дочь 23.05.1875 г., Константина (9.01.1876–1921), Серафиму (29.03.1877–1949), Бориса (7.03.1878–1920), Александру (8.03.1879–1978), Петра (27.06.1880–1918), Марию (14.06.1884–1942), Елену (20.11.1888–1922), Наталью (3.10.1882–1956), Сергея (20.09.1890–1938), Михаила (24.10.1892–1938), Ивана (+1893), Ксению (1.10.1895–1985), Татьяну (+1896), Веру (25.09.1898–1956)²⁸.

Елена Николаевна Любиевская принадлежала к старинному польскому дворянскому роду, удостоенному носить герб «Тражска» («обломок») и вторым браком была замужем за отставным штабс-капитаном Александром Федоровичем Михайловым. Описание герба «Trzaska»: «Изображает на лазуревом щите золотой полумесяц рогами вверх, на который упираются на столб два сломанных серебряных меча». Герб пожалован королем Польским Болеславом Храбрым (время царствования с 999 по 1025 г.) рыцарю, изломавшему его в бою. Знаменитый русский композитор М.И. Глинка принадлежал к старинному польскому дворянскому роду, удостоенному чести иметь герб «Тражска»²⁹.

20 февраля 1863 г. надворный советник и Санкт-Петербургский временный 2-й гильдии купец К. Смолянинов заключил контракт

с Хозяйственным комитетом по управлению зданием СПб. дворянства в том, что нанял в здании, состоящем на углу Михайловской и Итальянской улиц, под № 2/10, магазин, и под № 21–26 «для производства торговли зеркальным товаром и для жительства моего поведенного, в коем заключается две комнаты с перегородками и одна небольшая комната, выходящая под своды во двор, сказанный магазин имеет четыре окна и одну выходную дверь с внутренним подъездом на Михайловскую улицу и другим во двор. При всех дверях имеются замки и ключи, зимние двойные рамы и ставни с целыми стеклами, срок контракта определяется трехлетний, считается от 1 февраля 1866 г. и по 1 февраля 1869 г., с платой по 1350 руб. серебром в год»³⁰.

Двоюродный брат К.Н. Смольянинова — Николай Владимирович Смольянинов (23.11.1848–?) — «действительный статский советник, Спасский уездный предводитель дворянства и владелец Кирицкой зеркальной фабрики. Родился в Одессе, восприемником его был Одесский губернатор Д.Д. Ахлестышев. По окончании полного курса наук по юридическому факультету Императорского Московского университета приказом по Ведомству МЮ от 02.11.1870 г. № 98 определен кандидатом на судебную должность при прокуроре Казанского окружного суда с 30 октября 1870 г. С 3 июня 1871 г. согласно присяге своей определен исправляющим должность секретаря при прокуроре Курского окружного суда и 28 декабря 1871 г. утвержден в этой должности. Приказом по Ведомству МЮ от 3 июня 1871 г. № 71 причислен к Департаменту МЮ с откомандированием к исправлению должности судебного следователя на 4-м участке Курского уезда от 27 мая 1872 г. С 8 января 1873 г. № 2, согласно прошению, уволен от службы в отставку. С 1876 по 1888 г. был почетным мировым судьей по Спасскому уезду. 3 июля 1881 г. пожалован орденом Св. Станислава 2-й ст. 30 июня 1885 г. пожалован орденом Св. Анны 2-й ст. 14 января 1887 г. произведен в статские советники; пожалован орденом Св. Владимира 4-й ст. 25 сентября 1887 г. 30 августа 1888 г. награжден орденом Св. Владимира 3-й ст. и с 12 сентября 1888 г. утвержден на четырехлетие в звании почетного смотрителя Спасского училища.

За Николаем в 1888 г. состояло постоянное общее с братом его Александром Смольяниновым родовое имение в Рязанской губернии Спасского уезда при селе Кирицы, деревнях Засечье, Зарытках и Старостеклянном 1593 десятины 869 саженой и в Сапожковском уезде при селе Карлове 1957 десятины 600 саженой земли, и благоприобретенное Московской губернии в Дмитровском уезде при селе Сабурове, дерев-

не Алферове и селе Гольине 290 десятин 810 саженой и во Владимирской губернии Александровского уезда 90 десятин, а всего 5930 десятин 2279 саженой земли. Н.В. Смольянинов был женат на Юлии Августовне Брунс, от которой имел детей: Владимира-третьего (7.10.1871–?), Марию (26.12.1874–?), Алексея (23.02.1879–1932), Георгия (27.01.1887–?)³¹.

Родственные связи дворянских родов Смольяниновых, Головнинных, Апраксиных и Вердеревских		
Рюрик (830–879), ж. — Ендвинда, кн. Урманская		
Игорь (865–945), кн. Новгородский и Киевский, ж. — Прекраса-Ольга		
Святослав (+972), кн. Новгородский и Киевский, ж. — Малуша		
Владимир Святой (+1014), кн. Киевский, ж. — Рогнеда Полоцкая		
Ярослав Мудрый (978–1054), кн. Киевский, ж. — Ингигерда Шведская		
I ----- I		
Всеволод (1030–1093), ж. — А.К. Мономах Святослав (1027–1076), кн. Черниговский, ж. — С. Тирская		
Владимир Мономах (1052–1125), кн. Киевский, ж. — Гита Английская	Ярослав (+1129), кн. Пронский	
Мстислав (1076–1132), кн. Киевский, ж. — Христина Шведская	Ростислав (+1155), кн. Пронский	
Ростислав (+1167), кн. Смоленский и Новгородский	Глеб (+1178), кн. Пронский	
Давид (1140–1197), кн. Смоленский	Игорь (+1195, кн. Пронский)	
Мстислав (+1230), кн. Смоленский	Ингварь (+1235), кн. Пронский, кн. Рязанский	
Ростислав (+1270), кн. Смоленский	Олег Красный (+1258), кн. Рязанский	
Глеб (+1277), кн. Смоленский	Роман (+1270), кн. Рязанский	
Святослав (+1310), кн. Брянский	Ярослав (+1299), кн. Рязанский	
I ----- I		
Глеб (+1341), кн. Брянский	Иван (+1327), кн. Рязанский	Михаил, кн. Пронский
Александр-Всеволод, кн. Смоленский	Иван Коротопол (+1343)	Александр, кн. Пронский (+1340)
Иван Всеволож, боярин		Иван, кн. Рязанский
I ----- I		
Василий Всеволож Заболоцкой Анастасия (+1371), м. — мурза Салахмир Олег, кн. Рязанский (1330–1402)		
Григорий Заболоцкой (+1473)	Григорий Салахмиров	Дарья, м. — Юрий Святославич, кн. Смоленский
I ----- I		
Константин Заболоцкой (+1515)	Григорий Верхдеревский	Иван

Семен Заболоцкой (+1555)	Василий Вердеревский	Андрей Опракса
Владимир Заболоцкой (+1580)	Григорий Вердеревский	Матвей, родоначальник Апраксиных
I	I-----I	I
Савва Заболоцкий-Смольянинов	Федор Григорий	Иван Темный Апраксин
Иван Смольянинов (+1625)	Федор Григорий Нечай	Пров Хрипун Апраксин
Емельян (+1648)	Семен Михаил Вердеревский	Иван Апраксин
Данило	Никита Исаак Вердеревский	Никита Апраксин
Борис	Василий Матвей Вердеревский	Василий Апраксин
Михаил	Глеб Тимофей	Карп
Дмитрий (1760–1825)	Игнат Федор Вердеревский	Федор Апраксин
ж. — Е.Н. Сарыкова (1754–1829)	I	ж. — Е.Л. Кокошкина
Николай (1786–1851)	Козьма Владимир	Степан (1702–1760)
ж. — А.И. Вейгнер (1790–1854)	I	ж. — А.Л. Соймонова (1719–1771)
I-----I	I	I
Константин (1818–1872)	Владимир Петр	Петр Вердеревский
		Степан Апраксин (1747–1827)
ж. — Е.Н. Любиевская	ж. — Р.И. Уленская	ж. — кн. Е.В. Голицына
Елена Смольянинова	Николай Иван	Василий Вердеревский
		Владимир Апраксин (1796–1833)
м. — С.Д. Головнин	ж. — Ю.А. Брунс	I
I-----I	I	I
Петр Борис	Алексей Александра	Екатерина Вердеревская
I ж. — К.Г. Карпова	ж. — М.Г. Карпова	м. — М.В. Головнин
м. — кн. С.В. Мещерский		м. — В.Г. Головнин
Андрей (1909–1980)		Геннадий (1908–1938)
ж. — З.Н. Преображенская (1914–2012)	ж. — М.П. Попкова (1905–1996)	
Петр Головнин (1950)	Марина (1937)	
	м. — В.И. Чемоданов (1942–1998)	
	Мария (1964)	
	1 м. — С.Я. Поволоцкий (1952)	
	2 м. — С.Л. Николаев (1954)	
	3 м. — Н.П. Румянцев (1954–2005)	
I-----I-----I-----I		
(1) Артур (1983)	(2) Емельян (1991)	(3) Владимир (2001)
		(3) Наталья (2003)

Алексей Николаевич Смольянинов (1879–1932), предводитель дворянства Спасского уезда Рязанской губернии, был женат на Марии Геннадиевне Карповой (1879–1961), у них были дети: Антонина

(1910–1921), Геннадий (1908–1938), Александр (1906–1967), Николай (1904–1979). А.Н. Смольянинов происходил из древнего рода Смольяниновых, бояр Заболоцких, князей Смоленских и Рюрика.

Внучка Алексея Николаевича — Марина Геннадиевна Смольянинова — кандидат филологических наук, специалист по славянской литературе. Марина Смольянинова лишь в 2006 г. смогла опубликовать статью о трагической судьбе своего отца и деда «Как красное колесо прокатилось по судьбам ученых Института мировой литературы им. А.М. Горького АН СССР» в книге «Деятели славянской культуры в неволе и о неволе. XX век». Только благодаря этой статье

и личным воспоминаниям Марины Геннадиевны удастся узнать о судьбе ее отца: «В 1921 г. мальчиком Гена Смольянинов вместе с сестрой Тоней попал в детдом, поскольку его отец — Алексей Николаевич Смольянинов — был арестован и приговорен ОГПУ к пожизненному заключению. В детдоме умерла сестренка. Отец умер в ссылке в городе Каган в 1932 г. и был реабилитирован посмертно в 1998 г. В Институте мировой литературы работали мои родители. Геннадий Алексеевич Смольянинов был приглашен в институт в 1935 г. на должность старшего научного сотрудника, занимался выявлением и приобретением автографов Блока, Чехова, Белого, Короленко и других русских писателей». Геннадий Алексеевич успел опубликовать несколько статей о творчестве Горького, Толстого, Чехова. В 1937 г. Г.А. Смольянинов много сил и времени отдавал созданию Музея А.М. Горького, и 1 ноября музей был открыт, а 27 октября 1937 г. он был арестован органами НКВД. 19 марта 1938 г. состоялось закрытое судебное заседание Военной коллегии Верховного Суда СССР, и в надуманном приговоре указано: «Предварительным и судебным следствием установлено, что Смольянинов с 1936 г. являлся

Алексей Николаевич Смольянинов
с супругой Марией Геннадиевной
Карповой

участником контрреволюционной троцкистской террористической группы, а также распространял фашистскую программу так называемых «евразийцев». Был приговорен к расстрелу с конфискацией принадлежащего ему имущества. В тот же день Г.А. Смольянинов был расстрелян.

Судьба его супруги была не менее трагичной. В 1940 г. Милица Павлиновна поступила в аспирантуру ИМЛИ, а 6 февраля 1942 г. была арестована в Ташкенте, куда институт эвакуировали, полтора года пробыла в тюрьме, где заболела туберкулезом и цингой. В 1943 г., после освобождения, ее восстановили в институте, и Милица Павлиновна продолжила работать и воспитывать дочь, внучку и правнуков.

«Утешительно занести на страницы истории имена своих предков лишь тогда, когда целью их жизни было посвятить себя на пользу страны и служить государям, возвысившим и прославлявшим Россию» (князь Николай Юсупов).

1. Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. Ч. XII. С. 90.

2. РГИА. Ф. 1113. Оп. 1. № 63. Дело о дворянстве фон дер Визе. С. 1.

3. РГИА. Ф. 1343. Оп. 20. № 1307. 1855–1887 гг. Дело о потомственном дворянстве рода фон Дервиз, о внесении герба рода его в Общий гербовник. С. 2–6.

4. Там же. С. 48–49.

5. Там же. С. 77.

6. Там же. С. 78.

7. Там же. С. 21–26.

8. Там же. С. 29–30

9. РГИА. Ф. 1343. Оп. 49. № 513. 1871. Дело об изготовлении герба статскому советнику фон Дервиз. С. 4–12.

10. Там же. С. 3–4.

11. РГИА. Ф. 1343. Оп. 20. № 1307. 1855–1887 гг. Дело о потомственном дворянстве рода фон Дервиз, о внесении герба рода его в Общий гербовник. С. 53–55.

12. РГИА. Ф. 1113. Оп. 1. № 63. Дело о дворянстве фон дер Визе. С. 3–4.

13. РГИА. Ф. 1113. Оп. 1. № 67. Письмо степного генерал-губернатора Колпаковского С.П. фон Дервизу.

14. РГИА. Ф. 1113. Оп. 1. № 60. 02.05.1908 г. Доверенности Марии Сергеевны фон Дервиз Сергею Павловичу фон Дервизу на управление имуществом. С. 1–2.

15. ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 6. № 4629. 1884. Дело СПб. ДДС о внесении сыновей д.ст.с. Павла Григорьевича фон Дервиза Сергея и Павла в ДРК Санкт-Петербургской губернии. С. 1.

16. Там же. С. 2.
17. РГИА. Ф. 1113. Оп. 1. № 63. Дело о дворянстве фон дер Визе. С. 9–13.
18. Жизнеописание старца-подвижника, пустынника Никона Андреевича Щербакова, основателя Сушкинского женского общежительного монастыря. Рязань, 2007.
19. РГИА. Ф. 1343. Оп. 49. № 371. 02.07.1884. Дело об изготовлении герба на Высочайшее утверждение дворянина Освальда-Адама Геника. С. 5–11.
20. Жизнеописание старца-подвижника, пустынника Никона Андреевича Щербакова...
21. РГИА. Ф. 1343. Оп. 49. № 371. 02.07.1884. Дело об изготовлении герба на Высочайшее утверждение дворянина Освальда-Адама Геника. С. 13.
22. Там же. С. 18.
23. РГИА. Ф. 560. Оп. 3. № 316. 30.11.1826. Дело о волнениях Кирицкого завода Генике, Московского округа. С. 2.
24. Там же. С. 3–4.
25. ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 6. № 148.
26. Краткое описание производства зеркал и зеркальных стекол на фабрике братьев Смольяниновых. М., 1882.
27. Федоров А.Ф. История Кирицкой зеркальной фабрики. Рязань, 1930.
28. В.Н. Смольянинов-второй. Родословная дворян Смольяниновых (ветви Рязанская и Костромская). СПб., 1900.
29. Русская родословная книга. СПб., 1876. Т. 2. С. 216; Herbarz Polski. Warsawa, 1912. Т. XV.
30. ЦГИА СПб. Ф. 536. № 148. Св. 467. Оп. 5. 10.01.1863. О найме надворным советником и временного 3-й гильдии купца К.Н. Смольянинова магазина, по контракту с коллежским асессором Руммелем. С. 11–12.
31. Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т. 10; Материалы по истории и генеалогии дворянских родов Рязанской губернии. Рязань, 2011. Вып. 6: И.Ж. Рындин, Смольяниновы.

Е.Г. Удалова

ЕВГЕНИЙ КАРЛОВИЧ АЛЬБРЕХТ — ИНСПЕКТОР ИМПЕРАТОРСКИХ ТЕАТРОВ

Изучение музыкальной системы способствует, до некоторой степени, развитию самого мышления.

Е.К. Альбрехт¹

Имя Евгения Карловича Альбрехта, выдающегося музыкального деятеля второй половины XIX столетия, незаслуженно забыто, хотя этот человек сделал так много для русской музыкальной культуры, что достоин памяти. Страстный любитель музыки, Евгений Карлович был ее бескорыстным пропагандистом, всю свою жизнь занимался развитием музыкального образования в России, старался привносить в обучение и деятельность музыкальных коллективов передовые европейские разработки. Он писал: *«Музыка и пение вытекают непосредственно из нашей духовной природы, и в этом обстоятельстве кроется могучее, неотразимое влияние ее на человека»².*

Евгений Карлович Альбрехт родился в семье российских музыкантов немецкого происхождения. В 1838 г. его отец, Карл Францевич Альбрехт³, известный к тому времени в Европе музыкант и дирижер, был приглашен Дирекцией Санкт-петербургских императорских театров на должность капельмейстера. С 1840 по 1850 г. Карл Францевич был дирижером не только Немецкой оперы, но и Драматического театра, управлял концертами Филармонического общества, придворной Певческой капеллы, спектаклями, водевилями всех императорских театров. Мать Евгения, Августа Генриетта, урожденная Ганф, была певицей в Немецкой опере.

Евгений Луи Фридрих Христиан родился 4 июля 1842 г. в Санкт-Петербурге и был крещен 11 июля в римско-католической Санкт-Петербургской приходской Св. Екатерины церкви⁴. Его воспитателем

был Лудовик Маурер, известный скрипач, дирижер и композитор, инспектор императорских театров. Кроме Евгения, в семье было еще трое сыновей и дочь.

Когда дети немного подросли и пришло время обучения, Карл Францевич оставил службу в императорских театрах и поступил учителем пения и музыки в Гатчинский Николаевский сиротский институт (ГСИ). Окончившие его получали прекрасное образование и право поступать в университет, Академию художеств, консерваторию и некоторые высшие военные учебные заведения России. Дети преподавателей обучались в ГСИ бесплатно и назывались «вольноприходящие ученики». В 1850 г. вся семья Альбрехт перебирается в Гатчину. Все дети хорошо учились. Кроме родного немецкого языка, они освоили русский и французский и даже писали стихотворения на всех трех языках. В Российском государственном архиве литературы и искусства сохранилось трогательное стихотворное поздравление девятилетнего Евгения отцу на русском и немецком языках:

Милый папенька, желаю
И от сердца предвещаю
Вам с днем Ваших родин
Апполонов дух! Аминь!

*Theurer Vater! Ich bin noch
Viel zu jung und ungeschicklich
Aber wünschen kann ich doch
Daß du werdest ewig glücklich
Siehe(?) in daß Lebens Frühe
Schreibe(?) ich schon ohne Mühe...⁵*

*(Дорогой отец, я еще
Слишком молодой и неловкий,
Но желать могу я все-таки,
Что ты будешь вечно счастлив,
Посмотри, (как) в начале жизни
Пишу (?) я уже без проблем.)*

Общее образование Евгений Карлович получил в ГСИ. Игре на скрипке первоначально обучался у своего отца Карла Францевича. В 1857 г. в 15-летнем возрасте он поступил в Лейпцигскую консерваторию, где его учителями были Давид, Гауптман, Рихтер, Мошелес и Брендель. В 1860 г. окончил полный музыкальный курс, вернулся в Россию и поступил скрипачом в оркестр Итальянской оперы в С.-Петербурге (Михайловский театр). Четвертый пункт контракта, подписываемого ежегодно артистом-скрипачом Альбрехтом с Дирекцией императорских театров, гласит: «...4) На сем положении обязуюсь посвящать все мои дарования и способности ко благу и пользе Дирекции

и играть во дни и часы по назначению Дирекции как при Высочайшем дворе, так и на городских театрах, где будет приказано, даже на двух театрах в один день, буде сие окажется нужным...»⁶.

Родители Евгения Карловича были прусскими подданными, а сам он «*в присутствии департамента, Священником исповедуемой им веры Домеником Лукашевичем на подданство России к присяге 17 января 1861 г. приведен*»⁷.

Альбрехт много и с успехом концертировал и в столицах, и в провинции. Как солист-скрипач, исполнитель камерной музыки и преподаватель, Евгений Карлович скоро обратил на себя общее внимание. Он даже преподавал музыку детям из царской семьи. Запись в формулярном списке Евгения Карловича гласит: «*За участие в музыкальных занятиях Ее Императорского Величества Марии Александровны пожалован бриллиантовый перстень 4 мая 1871 г.*»⁸ С 1872 по 1880 г. преподавал игру на скрипке Их Императорским Высочествам Великим князьям Павлу Александровичу и Дмитрию Константиновичу⁹.

Евгению Альбрехту принадлежит инициатива в деле учреждения ученических оркестров и хоров в мужских гимназиях. Им написаны педагогические сочинения, в том числе «Практическая элементарная школа для скрипки и для виолончели», «Награда за первый успех детям-скрипачам» и др. В труде «О рациональном преподавании музыки и пения в школах» он пишет: «*Песнопение должно проникать всю жизнь человека, оживляя, увеселяя и возвышая ее*»¹⁰.

В 1866 г., когда Евгению Карловичу было всего 24 года, начальник военно-учебных заведений пригласил его в комиссию для выработки проекта и плана преподавания музыки и общего школьного пения в военных гимназиях (позднее были преобразованы в кадетские училища). На что директор императорских театров А.М. Геденон дает разрешение: «*Со стороны Дирекции препятствий не имеется, в том предположении, что Альбрехт будет по-прежнему усердно исполнять обязанности и по Дирекции*»¹¹. На Евгения Карловича легло также и руководство выбором музыкальных инструментов для военных заведений, и наблюдение за ходом обучения музыке и пению в них. В 1872 г. в педагогическом сборнике Военного министерства были напечатаны заметки Альбрехта. По его совету в военно-учебных заведениях были учреждены ученические оркестры. Евгений Карлович указывал на пользу обучения игре на музыкальных инструментах, утверждая, что музыка очень важна для будущего воспитанников. Большинство во-

инских частей располагаются в небольших городках или деревнях, то есть далеко от культурных центров. Образованный человек найдет для себя в музыке достойное занятие. Офицеры, освоившие какие-либо музыкальные инструменты, смогут составить оркестр, *«а с тем вместе веселые музыкальные вечеринки»*¹². И в будущем подтвердилась правота Евгения Карловича. Так, на многих кораблях Императорского флота были пианино, скрипки и другие музыкальные инструменты, на них играли не только в минуты отдыха, но и для того, чтобы подбодрить команду. Например, во время перехода Второй Тихоокеанской эскадры под командованием З.П. Рожественского на Дальний Восток корабельные оркестры играли во время авральных работ по погрузке угля. Вот что пишет корабельный врач крейсера «Изумруд» В.С. Кравченко в своих воспоминаниях о морском походе в Русско-японскую войну: *«На музыку большой спрос. В этой темноте почти каждый вечер я играю свои любимые мотивы, часто полные меланхолии и грусти; публика слушает молча, пригорюнившись»*¹³.

В 1877 г. Евгений Карлович Альбрехт был пожизненно назначен инспектором музыки всех императорских театров Санкт-Петербурга. Это стало делом всей его жизни. Он неустанно заботился об улучшении положения оркестровых музыкантов императорских театров в Санкт-Петербурге и Москве, способствовал повышению их материального состояния.

В 1884 г. Альбрехт подает прошение директору театров Всеволодскому:

«Иван Александрович.

Брат мой, прозектор и ординатор Обуховской больницы, заразившийся трупным ядом при вскрытиях и страдающий хроническим сапом, отправляется по единогласному решению своих товарищей за границу на излечение. Не имея провожатого, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство разрешить мне с первой недели поста заграничный пропуск для сопровождения его... в более южный край на два месяца.

*Не бывав за границею более 15 лет, я бы желал воспользоваться наступающим случаем для подробного изучения административной стороны театрального дела, и в особенности по специально-оркестровой и инструментальной части, и потому осмеливаюсь просить Ваше Превосходительство о снабжении меня рекомендательными письмами к выдающим придворным интендантам и, если возможно, о разрешении мне какого-либо денежного вспомоществования для вышеупомянутой цели»*¹⁴. Дирекция театров командирует Евгения Карловича за границу

для изучения административной стороны музыкального и оркестрового дела и выдает ему «400 руб., имея в виду ожидание пользы от поездки»¹⁵. По образцу европейских придворных оркестров Е. Альбрехт разработал проекты реформ российских оркестров. Они столь благотворно повлияли на улучшение художественного исполнения, особенно оперных оркестров, что удостоились Высочайшего утверждения.

Евгений Карлович неоднократно выезжал в различные города России и за границу, нередко совмещая личные надобности с рабочими командировками. Приведем выдержки из некоторых его прошений об отпусках: «Здоровье мое до такой степени пострадало от постоянных музыкальных занятий, что перемена климата на некоторое время делается по советам моего доктора решительно необходимою для успешного лечения»¹⁶; «Желая участвовать на похоронах Н.Г. Рубинштейна, честь имею просить разрешить мне отпуск на одну неделю для поездки в Москву»¹⁷. В 1886 г. он подает рапорт в Дирекцию театров: «Честь имею почтительнейше просить Дирекцию императорских театров разрешить мне 28-дневный отпуск для поездки за границу, в г. Бейреут, на представления Вагнера, считая с 15 июля по 12 августа. Е. Альбрехт»¹⁸. Все его прошения были удовлетворены, он получал отпуска с сохранением за ним жалования.

16 ноября 1888 г. Евгений Карлович венчается с Отилией Ивановной Белау. У них родились две дочери. Одна из них стала драматической актрисой, судьба второй нам неизвестна.

Евгений Карлович Альбрехт писал брошюры по педагогике, истории музыки, критические статьи. В 1881—1886 гг. он состоял председателем Петербургского филармонического общества. В 1884 г. выпустил труд «Общий обзор деятельности С.-Петербургского филармонического общества с приложениями и с проектом изменения его устава». В 1891 г. в критической брошюре «С.-Петербургская консерватория» Евгений Карлович указывает на недостатки постановки в ней музыкального образования. В 1886 г. он пишет очерк «Прошлое и настоящее оркестра», где рассматривает проблемы социального положения музыкантов.

Совместно с Н.Х. Весселем Евгений Карлович выпустил три сборника песен. В первый сборник — «Гусельки» — вошли 128 колыбельных детских и народных песен и прибауток. В предисловии Альбрехт писал: «В последние года и у нас в России начинают смотреть на обучение пению и музыке как на одно из самых необходимых и действительных

средств для правильного воспитания детей»¹⁹. «Сборник солдатских, казацких и матросских песен» включает сто военных песен: героических, походных, шуточных, сатирических. Многие из них появились во время и после Отечественной войны 1812 г. Сборник «Школьные песни и романсы» содержит 115 народных, литературных, исторических и военных песен, положенных для школ на 1, 2 и 3 голоса.

Родившись и воспитываясь в немецкой семье, Евгений Альбрехт, тем не менее, полностью ассимилировался и всегда чувствовал себя русским. В одной из своих работ он пишет: *«Немецкая песня — это цветок, который вырос на германской почве, который на нашей никогда еще не прививался и, без сомнения, никогда не привьется. ...Мы должны поэтому иметь свои собственные школьные песни — песни русские»*²⁰.

Конец XIX — начало XX в. характеризуется возникновением и активной деятельностью большого количества разнообразных обществ и общественных организаций. Д.С. Лихачев писал: *«Еще одна черта характеризует петербургскую культуру. Я думаю, впрочем, что это черта русской интеллигенции в целом. ...Это обилие общественных и полублагодетельных, полугосударственных объединений, в которых собиралась мыслящая часть общества. Ученые, художники, артисты, музыканты и т.д. Благодаря этим неофициальным обществам люди, получившие высшее образование, не чувствовали себя по окончании вузов оторванными от культурной, научной и художественной жизни»*²¹.

Евгения Карловича Альбрехта захватила идея пропаганды русской камерной музыки. Совместно со своим братом виолончелистом Людвигом Карловичем Альбрехтом, Ф.Н. Гильдебрандтом и О.Ф. Гилле он в 1872 г. организовал Петербургское общество квартетной музыки. В 1878 г. оно было переименовано в Общество камерной музыки. В Уставе общества указывались его цели: *«Следить за новейшей литературой по части камерной музыки», «...совершенствоваться в исполнении, разучивая те классические музыкальные произведения, которые должны быть достоянием каждого истинного художника»*. В Совет старейшин, возглавлявших общество, входили Евгений Карлович и Людвиг Карлович Альбрехты, Ф.И. Беггеров, Ф.Н. Гильдебрандт, Л.Ф. Гомилиус. Евгений Карлович был бессменным председателем общества с момента образования и до самой своей смерти, а также его почетным членом. Время его руководства было признано блестящим периодом в истории Общества камерной музыки, в концертах которого он также принимал постоянное участие в качестве скрипача или альтиста. Главным исполнителем был постоянный квартет: Евгений

Карлович, Р. Рихтер, Ф.Н. Гильдебрандт, Людвиг Карлович Альбрехт (иногда — Р.Н. Гильдебрандт). Первые концерты давались только для членов общества и их семей. С 1876 г. начались публичные концерты. За 6 лет устроили 97 концертов, где были исполнены 360 сочинений 120 композиторов. Удивительно, но женщины не только не могли быть членами общества, но и не допускались на музыкальные вечера.

27 сентября 1886 г. Петербургское общество камерной музыки избрало Чайковского своим почетным членом. В ответ на это Петр Ильич пишет председателю общества Е.К. Альбрехту: *«Я даю Вам положительнейшее обещание написать и посвятить обществу какое-либо произведение камерной музыки»*²². В июне 1887 г. композитор сообщил ему, что обещанным сочинением будет струнный секстет. Чайковский любил бывать во Флоренции, знакомился там с итальянскими памятниками, любовался чудесными пейзажами, там ему прекрасно работалось. Последнее пребывание композитора во Флоренции относится к весне 1890 г., где Чайковский написал в эскизах свое любимое «детище» — оперу «Пиковая дама». Завершив оперу и перевернув последнюю страницу эскизов, Чайковский сделал наброски и отметил: «Секстет». В июне 1890 г. Петр Ильич Чайковский написал своему другу Карлу Карловичу Альбрехту, брату Евгения Карловича:

«... Оперу²³ я кончил. Принимаюсь за секстет для струнных инструментов, уже давно обещанный Квартетному обществу Евгения Карловича.

*Обнимаю. Напиши словечко в ответ. Всем твоим поклонь»*²⁴.

Чайковский пишет секстет «Воспоминание о Флоренции» для двух скрипок, двух альтов и двух виолончелей. *«Печатать я не буду до тех пор, — пишет он Е.К. Альбрехту, — пока Вы с Вашей компанией его не выучите и не исправите мне все, что будет неудобно, нехорошо, незвучно... Только тогда, услышавши его в Вашем исполнении и приняв во внимание все Ваши поправки и советы, я подвергну секстет исправлению и отдам его гравировать... Ведь это мой первый опыт выйти из рамок квартета»*²⁵. Впервые секстет прозвучал в Санкт-Петербурге на собрании общества в 1890 г. в исполнении Е. Альбрехта, Ф. Гильдебрандта, А. Вержбиловича, О. Гилле, А. Кузнецова и Б. Гейне.

Общество устраивало закрытые собрания и публичные концерты, проводило конкурсы на лучшее камерно-инструментальное произведение. Несколько лет жюри конкурса возглавлял Н.А. Римский-Корсаков. С 1890 г. общество имело постоянный струнный квартет. Деятельность Общества камерной музыки, как и многие другие хорошие начинания, прекратилась в 1917 г.

В 1892 г. Альбрехт был назначен заведующим Музыкальной библиотекой императорских театров: *«На основании разрешения его сиятельства г. министра Императорского Двора предлагаю контроре-инспектора музыки Альбрехта, независимо от исполнения своих обязанностей, назначить заведующим Центральной нотной библиотекою, с производством за эту обязанность с 15 сего марта вознаграждения по шестьсот руб. в год, при казенной квартире, или квартирных по триста руб. в год.*

*Директор императорских театров Всеволожский»*²⁶.

За два года, отпущенных ему судьбой, Евгений Карлович успел упорядочить библиотеку и систематизировать нотный материал. Составленный им подробный каталог Альбрехт не успел опубликовать при жизни. Параллельно с этим Евгений Карлович собирал коллекцию музыкальных инструментов, нотных манускриптов, портретов и автографов музыкальных деятелей.

Известно, что Евгений Карлович написал три романа: «Сядем вместе у березы» на слова В.В. Крестовского и «Я долго стоял неподвижно» и «Тихая звездная ночь» на слова А. Фета.

Евгений Альбрехт не был обойден царскими наградами. *«Во внимание к многолетнему отлично-усердному исполнению возложенных на Вас обязанностей»*²⁷ пожалован орденом Св. Станислава 3-й степени и в награду *«отлично-усердной службы»*²⁸ золотой медалью для ношения на шее на Аннинской ленте.

Умер Евгений Карлович 28 января 1894 г., похоронен в Гатчине, в одной ограде с отцом Карлом Францевичем и сестрой Франциской. На его могиле установлен памятник, надпись на памятнике гласит: «Санкт-Петербургское общество камерной музыки основателю своему Евгению Карловичу Альбрехту».

1. *Альбрехт Е.К.* О рациональном преподавании музыки и пения в школах // Педагогический сборник. СПб., 1870. № 11.

2. Там же.

3. О нем: *Селиверстова Е.В., Удалова Е.Г.* Гатчинский Альбрехт — основатель династии // Немцы в Санкт-Петербурге: биографический аспект. XVIII—XX вв. / Отв. ред. Т.А. Шрадер. СПб., 2014. Вып. 8. С. 164.

4. Выписка из метрической книги. РГИА. Ф. 497. Оп. 1. Д. 7827. Л. 21.

5. Евгений Карлович Альбрехт. Стихотворное поздравление родителям. 1850—1855. РГАЛИ. Ф. 693. Альбрехты. Оп. 1. Ед. хр. 14.

6. Дело о службе инспектора музыки Евгения Альбрехта. РГИА. Ф. 497. Оп. 5. Д. 80. Л. 18.

7. Там же. Л. 5.
8. Там же. Л. 18.
9. Оба великих князя были расстреляны в Петропавловской крепости в 1919 г.
10. *Альбрехт Е.К.* О рациональном преподавании музыки...
11. Дело по отношению помощника главного начальника военно-учебных заведений о назначении артиста императорских с.-петербургских театров Альбрехта состоять при означенных заведениях чиновником для поручений. РГИА. Ф. 472. Оп. 16 (243/1259).
12. *Альбрехт Е.К.* Музыкальное образование в Европе и преподавание музыки в школе // Педагогический сборник. СПб., 1872. № 2, 3, 4.
13. *Кравченко В.С.* Через три океана. СПб., 2002. С. 78.
14. Дело о службе инспектора музыки Евгения Альбрехта. РГИА. Ф. 497. Оп. 5. Д. 80. Л. 48.
15. Там же. Л. 50.
16. Там же. Л. 9.
17. Там же. Л. 37.
18. Там же. Л. 78.
19. *Альбрехт Е.К., Вессель Н.Х.* Гусельки. СПб., 1879. 3-е изд.
20. *Альбрехт Е.К.* О рациональном преподавании музыки...
21. *Лихачев Д.С.* Раздумья о России. СПб., 1999.
22. *Чайковский П.И.* Полн. собр. соч. Т. XIII: Литературные произведения и переписка. М., 1971. С. 470.
23. «Пиковая дама».
24. *Чайковский П.И.* Полн. собр. соч. Т. XVI-Б: Литературные произведения и переписка. М., 1977. С. 175.
25. Там же. С. 212.
26. Дело о службе инспектора музыки Евгения Альбрехта. РГИА. Ф. 497. Оп. 5. Д. 80. Л. 100.
27. Там же. Л. 95.
28. Там же. Л. 63.

Г.А. Хвостова

МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ ХУДОЖНИКА ИОАННА КОНРАДА ДОРНЕРА

Имя художника Дорнера является малоизвестным историкам искусства, и до последнего времени творчество мастера остается неизученным. Традиционная справочная литература, как зарубежная, так и отечественная, в основном повторяет достаточно скудные сведения об этом человеке.

Иоганн Конрад (Конрат) Дорнер (в некоторых русских изданиях — Кондрат Дорнер) — немецкий живописец, портретист. Родился 15 августа 1809 г. в немецком городе Эгге. Скончался в Риме 30 июня 1866 г.¹ Сведения о дате его кончины различаются: С.Н. Кондаков называет 1867 г.² Однако в Биобиблиографическом словаре приведена дата 30.06.1866 г.³ Ее придерживаются авторы Каталога живописи Государственного Русского музея⁴. Указанная дата была принята и нами в статье, посвященной работе Дорнера, принимавшего участие в создании алтарной живописи Исаакиевского собора⁵.

Справедливость и достоверность указанных данных могут подтвердить изученные нами архивные документы, сообщающие о ходатайстве некой г-жи Массенбах: в ноябре 1866 г. она хлопочет о выдаче пенсии вдове и детям академика Дорнера, «в семействе которого изволит принимать участие Ее Величество королева Вюртембергская»⁶.

Все без исключения источники указывают, что около 1828 г. Дорнер учился в Мюнхене у Шнорре и Корнелиуса, в 1835–1842 гг. работал в Митаве и Вильно, с 1843 по 1853 г. — в Санкт-Петербурге. Здесь он написал несколько портретов членов царского дома, выполнил ряд живописных работ для строящегося Исаакиевского собора и в 1852 г. получил звание академика исторической живописи. Среди архивных дел петербургской Академии художеств хранится диплом за подписью

герцога Лейхтенбергского на звание академика исторической живописи, выданный «Кондратию Дорнеру» — так на русский лад, несколько курьезно, было переименовано в документе его редкое имя⁷.

В 1847 г. состоялись переговоры Дорнера с Комиссией по строительству Исаакиевского собора о выполнении 12 эскизов икон для верхнего ряда боковых частей большого иконостаса. «Условия на производство живописи в Исаакиевском соборе» были выработаны совместными усилиями главного архитектора Огюста Монферрана, Комиссии по строительству Исаакиевского собора, Совета Академии художеств и Синода. При этом выбор сюжетов и их размещение происходили по усмотрению Святейшего Синода. В дальнейшем роль этого органа оставалась непререкаемой еще и потому, что имела место сложная ситуация, когда значительное число людей, участвующих в сооружении и оформлении здания православного храма, принадлежало к иным религиозным конфессиям⁸.

Католика Монферрана, например, консультировал приставленный к нему московский митрополит Филарет, который должен был помогать архитектору в части содержания и расположения живописи⁹.

Известно, что главный архитектор часто тяготился подобным положением, стремясь к свободе и приоритету в вопросах живописного оформления. В своем донесении председателю комиссии 5 апреля 1843 г. Монферран доказывал: «Живопись составляет часть общности здания и потому принято за правило, чтобы архитектор распоряжался композицией художников, следовательно, архитектор должен определять предметы, род композиции, величину и соразмерность предметов, способ живописи и эффект, оною производимый»¹⁰.

Однако самой авторитетной фигурой, перед которой склонялись все участники процесса, был император Николай I. Он принимал самое деятельное личное участие на всех стадиях работы во всех ее аспектах и, разумеется, особенное значение придавал вопросам создания художественного оформления собора. Иногда он регулировал вопросы размещения и содержания сюжетов и произвольно предлагал изменения, порой не соответствовавшие логике расположения живописи. Однажды император «повелеть соизволил такую замену сюжетов, что получалась дисгармония действий, которые происходят на земле и на небе». Эти «несогласия» заметил Монферран и в своем донесении комиссии предложил перегруппировку изображений, с чем согласился и Синод. Осталось неизвестным, как и кем было доложено обо всем императору¹¹.

В данной ситуации Дорнер должен был работать над подготовкой эскизов весьма осмотрительно, учитывая требования всех инстанций, как в отдельности, так и совокупно. Готовые эскизы прежде всего были проверены Синодом, который не нашел в них «ничего не согласного правилам святой Православной церкви». Лишь в одном случае Синод предложил «представить пророка без благословляющей руки»¹².

Полученную рекомендацию художник немедленно реализовал. Хотя следует отметить, что задание на изготовление эскизов таило в себе определенные сложности, поскольку плотное размещение парных изображений многочисленных святых, лишенных индивидуальных черт, отличалось монотонностью. Дорнер, как достаточно опытный портретист западной выучки, пытался разнообразить «своих» персонажей при помощи жестов и различных деталей.

После окончательного одобрения эскизов Дорнер через главного архитектора собора Огюста Монферрана попросил у комиссии за каждую фигуру 600 руб. серебром, что составило 16 800 руб. общей суммы за 12 икон, содержащих 28 изображений. Монферран передал условия Дорнера комиссии, подтвердив, что они вполне приемлемы и следует испросить Высочайшего разрешения на заключение контракта. Это произошло 10 сентября 1848 г. Дорнер обязался написать по принятым эскизам 12 икон для боковых частей большого иконостаса. Для северной стороны снаружи — Поликарпа, епископа Смирнского и Тарасия, патриарха Константинопольского, пророков Самуила, Моисея, Елисея, Кирилла и Мефодия, епископов Моравских. Для северной стороны внутри — св. Алексия, человека Божия, и Иоанна Лествичника, Тихона Амафунтского, Пантелеймона и Мефодия Константинопольского; св. Антония и Феодосия Великих. Для южной стороны снаружи — мучеников Бориса и Глеба; св. Апостолов Тимофея, Варфоломея, Иоанна Богослова; преподобных Антония и Феодосия Печерских. Для южной стороны внутри — Григория Двоеслова и Ефрема Сирина; Григория Нисского, Сампсония и Евсевия Самосатского; бессребреников Косму и Дамиана.

Контрактом предписывалось не отступать от утвержденных эскизов, советоваться о композиции и величине фигур с Монферраном, который, судя по всему, к этому времени добился первоочередного права координировать работы по художественному оформлению собора. При непосредственном исполнении фигур рекомендовалось «тело и одеяние писать сколько можно более с натуры и сообразовы-

ваться с лучшими произведениями первейших художников. Рамы с натянутым холстом Дорнер мог получить в Комиссии по строительству, а все остальное — краски, кисти — должны были быть его собственные, причем особо оговаривалось, что краски следовало употреблять лишь первого сорта, в том числе непременно настоящий ультрамарин, а не кобальт или иные синие краски, «употребленные для выгоды вместо ультрамарина»¹³.

Все иконы Дорнер должен был закончить к 1 января 1850 г. Однако художник не успел это сделать. К январю 1851 г. он выполнил лишь восемь образов, два — находились в работе, а к двум последним он еще не приступал¹⁴.

Комиссия по строительству потребовала письменного объяснения задержки у Монферрана. Он в свою очередь предложил художнику сделать письменное донесение по этому поводу. 10 октября 1852 г. появился документ следующего содержания: «На запрос комиссии, почему я не сдал в положенное по контракту время заказанные мне картины для Исаакиевского собора, имею честь привести в оправдание: 1. Около шести месяцев я не мог приступить к работам по невозвращении моих эскизов, представленных Святейшему Синоду. 2. Размер двух картин был изменен и увеличен, тогда как я начал и частично уже окончил эти картины, почему я должен был произвести двойную работу. 3. Я полагал не столько необходимым кончить работу в назначенное время, как исполнить первый мой долг, а именно: написать картины с возможным для меня совершенством, что не могло быть сделано к указанному сроку»¹⁵.

Содержание записки раскрывает подробности работы мастера над иконами и трудности, которые ему пришлось претерпеть в выполнении важного заказа. Кроме того, в тоне обращения художника к архитектору можно почувствовать и благожелательный характер их отношений. Большинство бумаг Дорнера по общему правилу направлены Монферрану, но создается впечатление, что он как будто избегает обращений к другим лицам, предпочитая руководство главного архитектора. Наконец 4 июля 1852 г. Дорнер доложил Монферрану о готовности всех двадцати восьми образов на двенадцати полотнах: «Я приложил к этой работе все возможное старание, — пишет он, — занимался ею добросовестно, и смею надеяться, что вы останетесь ею довольны». Монферран пригласил Совет Академии художеств для «освидетельствования» работ. Члены совета нашли «образа исполненными вообще удовлетворительно»¹⁶.

Работы Дорнера выполнены тщательно, скрупулезно и одновременно с некоторой долей условности. Таковы образы Бориса и Глеба на южной стороне боковой стены алтаря снаружи. Преподобные Антоний и Феодосий Печерские, размещенные неподалеку, как две капли воды похожие один на другого, имеют «близнецов-монахов» на северной внутренней стороне — св. Антония и Феодосия Великих. Это один и тот же тип монаха — аскета с длинной седой бородой, расчесанной надвое. Автор добросовестно стремился разнообразить позы этого популярного персонажа на разных иконах — различны повороты голов; в одном случае он держит свиток, в другом — книгу; глаза то опущены, то молитвенно возведены вверх. Цвет во всех композициях решен локально, в соответствии с правилами академической живописи.

В трактовке остальных образов святых и пророков можно отметить стремление к передаче фактуры материала — вероятно, следствие работы с натуры. Некоторые иконы, как, например, изображения пророков Самуила, Моисея и Елисея на северной стене снаружи, отличаются обобщенностью в трактовке форм, близкой принципам монументальной живописи. Здесь, видимо, художник работал согласно установке в контракте, которая указывала: «...поскольку иконы предназначались для установки на определенной высоте, они должны быть написаны смело...»¹⁷

В сентябре 1852 г., учитывая исполнение алтарных икон для Исаакиевского собора, Совет Академии художеств присвоил ему звание академика исторической живописи.

По данным В.К. Шуйского, который ссылается на архивные документы, работа по устройству алтарей собора происходила с задержками. В августе 1855 г. почти все мраморные работы в соборе были завершены, «кроме боковых стен (курсив наш. — Г.Х.) большого алтаря, для которых по случаю военных обстоятельств мраморные скульптурные украшения не доставлены из Италии». Лишь 17 ноября 1856 г. Монферран смог сообщить в комиссию об окончании мраморных работ Петергофскою гранильною фабрикой¹⁸. Следовательно, именно в это время иконы, написанные Дорнером, были установлены на предназначенные им места, а значит, автор не мог увидеть их смонтированными в стены алтаря — его уже не было в России...

Не подлежит сомнению то, что годы, проведенные Дорнером в Петербурге, были ознаменованы работами в портретном жанре, о чем упоминают справочные издания. Преимущественно это были портре-

ты членов Императорского дома, которые в настоящее время нуждаются в выявлении. В коллекции Государственного Русского музея хранится одна подписная работа Дорнера 1844 г. — «Портрет Генриетты Бодиско»¹⁹.

Покинув Петербург в 1853 г., Дорнер отправился в Мюнхен, где некоторое время работал в качестве мастера религиозной живописи. Известны его произведения в Мюнхенской пинакотеке «Мадонна с младенцем и Иоанном Крестителем» и «Иисус во младенчестве». Римский период жизни художника, с 1856 по 1866 г., пока остается абсолютно неизученным российскими исследователями. В 1866 г., после долгой болезни, он скончался, окруженный женой и пятью детьми.

Тем не менее прошлое, настоящее, будущее, неразделимо связанные в вечное понятие «время», постоянно доказывают свое могущество. В конце апреля 2014 г. в Петербурге произошло неожиданное для многих знаменательное событие. Сенатор города Бремена Мартин Гюнтер торжественно передал в дар директору Государственного музея-памятника «Исаакиевский собор» Н.В. Бурову так называемую «папку Дорнера». В ней находится сорок единиц музейного хранения: эскизы к иконам Исаакиевского собора, записная книжка с набросками образов и зарисовками статуй скульптора Витали, заграничный паспорт художника, а также несколько писем и фотографий²⁰.

Это значит, что изучение творчества художника Иоганна Конрада Дорнера вступает в новую фазу.

1. Allgemeines Lexicon der Bildenden Künste Neunter Band. Leipzig: von E.A. Seemann, 1913. S. 480.
2. Кондаков С.Н. Всеобщий справочник художников. СПб., 1914. Т. 2. С. 61.
3. Художники народов СССР: Библиографический словарь. М., 1976. Т. III. С. 444.
4. Государственный Русский музей. Живопись. Первая половина XIX в.: Каталог. СПб., 2002. Т. 2: А–И. Вып. XIX. С. 171.
5. Хвостова Г.А. Дорнер // Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия: в 3 т. СПб., 2003. Т. II: Деятнадцатый век. Кн. 2: Г–И. С. 345.
6. РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Д. 54. Л. 4.
7. Там же. Л. 2.
8. Хвостова Г.А. Неизвестные страницы создания росписей Исаакиевского собора. Вопросы технологии // Роль и значение возрожденных культовых памятников в жизни современного общества: материалы науч.-практ. конф. СПб., 2007. С. 179.

9. *Хвостова Г.А.* Страницы создания росписей главного храма Санкт-Петербург // Проблемы исторического регионоведения: сб. науч. ст. СПб., 2005. С. 265.
10. *Никитин Н.П.* Огюст Монферран. Л., 1939. С. 156.
11. РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 1247. Л. 6.
12. РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 1450. Л. 3.
13. РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Д. 54. Л. 10.
14. РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 1450. Л. 59.
15. РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 1450. Л. 78.
16. Там же. Л. 66.
17. РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Д. 54. Л. 10.
18. *Шуйский В.К.* Огюст Монферран. История жизни и творчества. М.; СПб., 2005. С. 359.
19. Государственный Русский музей. Живопись. Первая половина XIX в.: Каталог. СПб., 2002. Т. 2: А–И. Вып. XIX. С. 510.
20. *Шервуд О.* Бременские документы // Петербургские ведомости. 2014. 24 апр.

Л.С. Лаврентьева

**НЕМЕЦКИЕ КОРНИ В ЖЕНСКОМ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ РОССИИ
(конец XIX — начало XX в.)**

В собраниях Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого представлено значительное количество этнографических коллекций по русскому населению России. Большая их часть относится ко второй половине XIX и началу XX в.¹ За многими коллекциями и собраниями, хранящимися в музее, часто стоят люди, которые всю свою жизнь посвятили изучению быта России и русского народного искусства, более того, стояли у истоков его дальнейшего развития и распространения. В ходе изучения коллекций выяснилось, что среди таких людей было немало потомков знаменитых немецких фамилий, которые жили в России или прибыли в Россию еще во времена Екатерины II. Их потомки (это касается прежде всего дочерей) уже носили русские фамилии и даже имена, большая часть приняла православие.

В данном исследовании речь идет о двух женщинах, которые стояли во главе женского профессионального образования в России в конце XIX — начале XX в. Они непосредственно участвовали в устройстве профессиональных и промышленных женских школ в разных регионах России. Это Софья Александровна Давыдова и Мина Карловна Каблукова-Горбунова. Деятельность С.А. Давыдовой была связана со столицей России — Петербургом, М.К. Каблукова-Горбунова была москвичкой. Они были ровесницами, и когда начали свою активную деятельность по устройству женского профессионального образования, у той и другой были семьи и дети. Несомненно, на женщин немецкого происхождения, в частности на выбор их основного занятия, оказали влияние российские императрицы.

Изучая народные ремесла разных регионов России, они не только организовали профессиональные школы в промысловых центрах

России, но и собрали уникальные коллекции по русскому народному искусству, которые по сей день хранятся в музеях России, прежде всего Петербурга и Москвы. Так, в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) имеется удивительное собрание кружев от М.К. Каблуковой-Горбуновой (более 600 образцов) из разных районов России. В коллекцию Мины Карловны вошли образцы кружев из Московской губернии, куда она была направлена для изучения народного промысла, но большую часть составили образцы вологодских кружев, промысел которых процветал и был уже хорошо изучен. Кроме того, в коллекции представлены образцы кружев из Орловской, Рязанской и Тверской губерний, и 100 образцов не имеют географической привязки².

Софья Александровна Давыдова вместе с другими известными исследователями и собирателями (С.Н. Шабельской, В.В. Стасовым) приобретала и изучала русский традиционный костюм, кружево и вышивку и т.п. Свою коллекцию вологодских кружев Софья Александровна передала в петербургский Кустарный музей, затем она попала в Государственный Русский музей. Коллекции С.А. Давыдовой служили основой изучения не в одной научной работе. Во время работы над статьей были обнаружены и предметы быта, переданные С.А. Давыдовой Музеем антропологии и этнографии им. Петра Великого³.

Известно, что во второй половине XIX в. (1860) российское общество проявляло пристальное внимание к разнообразным отраслям русского народного искусства — очень быстро они стали исчезать с развитием промышленности. Необходимо было исследовать кустарные промыслы России и найти такие, которым можно было быстро обучить все женское население, нуждающееся в заработке. Причем учитывались минимальное время обучения, мало затратные условия, чтобы не отвлекать женское население от домашних и сельских работ, избавить женщин и девушек искать заработок в отхожих промыслах и, конечно же, иметь максимальный рынок сбыта. Выяснилось, что среди женских кустарных промыслов, распространенных как на севере, так и на юге, востоке и западе Российской империи, видное место занимает кружевоплетение, а также золотошвейный промысел, соломоплетение и промыслы, связанные с традициями на ограниченных территориях. Например, производство бисерных работ в Чернском уезде Тульской губернии, производство ковров в Тюменском округе Тобольской губ., в посаде Дубовке Царицынского уезда Саратовской

губ., в слободе Урыв Коротоянского уезда Воронежской губ., Курской, Полтавской, Херсонской, Бессарабской губерниях, в селе Клембовке Ямпольского уезда Подольской губ., изготовление пуховых платков в г. Пензе и Пензенской губ.⁴ Действительно, производство перечисленных товаров не требует ни отдельного помещения, ни сложных орудий работы, а если они и используются, то стоят недорого. Сырье для изготовления тех или других изделий составляет незначительную часть от стоимости готовых изделий.

Мине Карловне Каблуковой-Горбуновой и Софье Александровне Давыдовой было поручено исследовать кустарные промыслы на европейской территории России и по возможности создать профессиональные учреждения, в первую очередь для женского населения. Кружевоплетение в то время оказалось самым перспективным промыслом для российских женщин.

Впервые о русских кружевах упоминается в Ипатьевской летописи под 1252 г., и называются они златными — ими был обшит кожух князя Даниила Галицкого. В Древней Руси золотным кружевом украшалась одежда русских царей и знатных бояр. Сверкающий узор дорогих привозных тканей на шубах, кафтанах или летниках XVI—XVII вв. подчеркивался блеском золота и серебра на вышивках или сложных ажурных узорах металлического кружева, сплетенного русскими мастерами. Орнамент подобного кружева чаще всего был растительного характера. Во второй половине XVIII в. в металлическое кружево русские мастерицы начали вводить цветную бить и цветные шелка. Во второй половине XVIII — начала XIX в. кружево из металлических ниток (в основном из мишуры) сохраняется в народной одежде в отделке сарафанов, душегрей и кокошников. Плели эти кружева главным образом в Московской губернии, а покупали их купчихи, мещанки и зажиточные крестьяне. Господствующие же классы в основном использовали льняные и шелковые кружева. К середине XIX в. белое и черное льняное и шелковое кружево применялось не только в городской, но и в крестьянской среде⁵.

Считается, что первоначально в России кружево появилось в дворянском обиходе. Его изготавливали в многочисленных мастерских помещичьих усадеб. Образцами были кружева иностранного происхождения (из Германии, Франции, Голландии). К концу XIX в. кружевоплетение уже становится развитым ремеслом. В 1880—1883 гг. в России кружевоплетением занимались 33 тыс. мастериц, изготавливавших кружевных изделий на 2 млн руб. в год⁶. Яркий след в русском

кружевом искусстве оставила немецкая традиция. Говорили: «Кружева на немецкий манер». До сих пор среди разнообразных названий русского кружева мы встречаем такие, как «немецкое зубчатое», «немецкое золотое с полосами кованными», «немецкое рябушка», просто «немецкое», «немецкие сцепные города» для простыни и др.⁷

Стоит заметить, что в каждой семье (девушки и женщины разного возраста) умели плести кружева. В промысловых центрах изготовлением кружев занимались не только взрослые мастерицы, но и девочки-подростки и даже дети 7–8 лет. Мастера в основном работали на городского потребителя. В XIX — начале XX в. кружевом отделывали платья, плели кружевные шарфы, косынки, платки, перчатки, зонтики, украшали постельное белье, занавески, носовые платки. Постепенно городская мода на кружева распространилась и в сельской местности.

Кружевницы, в XIX в. их называли «плетей», обычно работали у себя на дому. Зимой они устраивались в «чистой горнице» — парадной части избы, а летом — на лужайке перед домом. Оборудование, на котором плели кружева, было несложное и занимало немного места. Холщевой валик-подушечка, туго набитый соломой, коклюшки — тонкие легкие палочки из жимолости, медные булавки и «сколки» — рисунки будущих кружев с наколотыми тонким шилом дырочками — все это можно было сложить в небольшую корзину. Мастерицы при плетении в основном использовали льняные нитки разного качества — от очень тонких, как паутина, до довольно грубых — «почёсных». Использовалась и тонкая бумажная нить. Шелковая нить применялась реже, так как стоила очень дорого.

Изготавливали простое, так называемое «численное кружево», и более сложное по технике плетения — «парное» и «сцепное». Для сцепного кружева был характерен растительный орнамент: цветы, трилистники, фигуры, напоминающие листья дуба. Каждый узор, вылетававшийся мастерицей, имел свое название. Сцепной техникой обычно плели штучные изделия: скатерти, накидки, покрывала и т.д. Часто их плели по частям, которые затем соединяли небольшими скреплениями⁸.

Мина Карловна Горбунова-Каблукова (Горбунова — по первому браку, Каблукова — псевдоним или по второму браку) родилась 21 мая (2 июня) 1840 г. в селе Нижний Шкафт Городищенского уезда Пензенской губернии (ныне — Никольского района Пензенской области). Мина Карловна была внучкой известного немецкого писателя

и публициста Готлиба Меркеля. Она получила домашнее образование и сдала экзамен на звание учительницы. С 1860 г. начала работать преподавателем в ремесленных школах для девушек в Москве. Затем преподавала рукоделие в московском Николаевском сиротском институте. Начиная с этого года в течение ряда лет Мина Карловна выезжала во Францию и Германию с целью выработать план организации женского профессионального образования, а также для изучения методов женского ремесленного образования. На Всероссийской художественно-промышленной выставке в Москве в 1882 г. заведовала отделом женских кустарных промыслов. В 80-х годах по поручению Московской губернской земской управы изучала женские промыслы в Московской губернии. Впервые ею были собраны статистические сведения в необследованной области женских кустарных промыслов. На основе этих материалов она составила обширную монографию «Кружевной промысел», которая была опубликована во 2-м выпуске I тома «Сборника статистических сведений по Московской губернии». Затем описала целый ряд женских промыслов этой губернии, которые были опубликованы во 2-м выпуске VII тома этого же сборника. Два года подряд (1881–1882) в «Отечественных записках» печатались ее статьи под заголовком «По деревням»⁹.

В 1882 г. Мина Карловна Московским губернским земством была командирована за границу для изучения способов содействия мелкой промышленности. Тогда же и было основано первое русское учреждение этого рода — Кустарный музей Московского губернского земства. Мина Карловна до 1886 г. заведовала в нем отделом женских кустарных промыслов. Кроме того, она постоянно публиковалась в русских периодических изданиях: в газетах и журналах «Отечественные записки» (1881–1882), «Русская мысль», «Земской обзор», «Друг женщин», «Московский телеграф», «Русский курьер» и «Русские ведомости», «Техническое образование». Ее статьи и заметки были посвящены женскому вопросу, проблемам содействия мелкой промышленности на Западе, призрения бедных, профессионального образования и кустарных промыслов. В 1880-е годы публикуются ее работы «Женские промыслы Московской губернии», «Кружевной промысел»¹⁰.

В 1884 г. М.К. Горбунова-Каблукова издала «Учебник кройки по методу Клемма». Позднее отдельным изданием для народа был опубликован один из ее очерков под заглавием «Как малограмотный мужик в старостах ходил»¹¹.

В 1887 г. на свои средства Мина Карловна открыла в Москве женское профессиональное училище, была его заведующей, после 1889 г. училище возглавила ее дочь Варвара Лепешкина (Женское профессиональное училище Варвары Лепешкиной). В училище девушки могли получить два класса гимназии и подготовку на отделении учительниц рукоделия и воспитательниц маленьких детей, были там и профессиональные курсы для обучения взрослых женщин (кройка и шитье, рукоделие, вязание, домоводство, счетоводство). С 1888 г. Мина Карловна возглавила Комиссию по обучению женским ремеслам Московского общества распространения технических знаний при Политехническом музее прикладных знаний. В 1904 г. в Москве публикуется ее работа «Комиссия по обучению женским ремеслам при Политехническом музее в Москве». Мина Карловна сотрудничала с Постоянной комиссией по техническому образованию Русского технического общества, руководила специальной секцией на 2-м и 3-м съездах русских деятелей по профессиональному и техническому образованию. Стремилась привлечь общественные и частные средства для создания женских профессиональных школ. Разрабатывая педагогические основы женского профессионального образования, Мина Карловна выступала против превращения профшкол в «маленькие фабрички», эксплуатирующие детей. Отстаивала единство теоретической и практической подготовки, расширение обучения ремеслам девочек в сельских школах, убеждала в необходимости подготовки учителей — специалистов по женским ремеслам. Вместе с тем, разделяя идеи либерального народничества, высказывала опасения, что развитие ремесленного образования в деревне будет вести к отрыву крестьян от земли, разрушению традиционных семейных отношений. Предлагала ограничить профессиональное обучение женщин-крестьянок лишь сферой кустарных промыслов и сельского хозяйства¹².

Софья Александровна Давыдова (ур. фон Гойер) родилась в 1842 г. в имении своих родителей — Александра Николаевича и Надежды Филициановны фон Гойер — в Самойловке Рогачевского уезда Могилевской губернии. В 1850 г. вся семья фон Гойер переехала в Одессу. Софья получила домашнее образование. В 1859 г. Софья Александровна по желанию родителей держала экзамен в Ришельевском лицее в Одессе и была удостоена свидетельства на звание домашней наставницы. В 1861 г. Софья фон Гойер вышла замуж за лейтенанта Федора Федоровича Давыдова и до 1878 г. жила с семьей на юге России,

занимаясь воспитанием четырех сыновей. В 1878 г. переехала для дальнейшего образования детей в Санкт-Петербург.

Софья Александровна Давыдова занималась изучением состояния ремесел на территории России и была известным исследователем многих русских промыслов (достаточно просмотреть книгу «Кустарная промышленность в России. Женские промыслы» (СПб., 1913)). Среди всех промыслов особо выделялся кружевной. С целью ознакомления с русским кружевным промыслом она объездила многие губернии России, написала несколько книг о русском кружеве и мастерах. Софья Александровна организовала Мариинскую практическую школу кружевниц в Петербурге и служила там. Так же как и Мина Карловна, принимала участие во Всемирной выставке в Вене в 1873 г. В 1889 г. она представляла кружева России на Международном промышленном конгрессе в Париже, в 1893 г. — на Конгрессе женского труда в Чикаго, в 1900 г. — на Всемирной выставке в Париже. Софьей Александровной был составлен «Альбом узоров русских кружев» (1885), в 1892 г. была опубликована работа «Русское кружево и русские кружевницы». Этот труд Софьи Александровны был удостоен премии Императорской Академии наук. В 1909 г. был опубликован альбом «Русское кружево. Узоры и сколки».

С.А. Давыдова стояла во главе всего кустарного кружевного дела в России и во главе женского профессионального образования, принимала непосредственное участие в устройстве профессиональных и промышленных женских школ в разных городах России, в сиротских домах помогала организовывать классы учительниц рукоделия, учреждала школы учительниц домоводства. В 1900 г. она была назначена членом Учредительного комитета Министерства народного просвещения по техническому и профессиональному образованию. Все центры кружевоплетения, хорошо известные нам сегодня, в Вологде, Рязани, Кирове, Ельце были основаны под руководством попечительного совета, возглавляемого С.А. Давыдовой.

Софья Давыдова, посвятив себя изучению русского народного искусства и распространению женского профессионального образования, объездила в 1879—1883 гг. внутренние губернии с целью ознакомления с русской кружевной промышленностью. Результаты этого знакомства Давыдова печатала в «Трудах комиссии по исследованию кустарного производства в России» (т. V—XV). Во всех выпусках постоянно печатались материалы по промыслам, распространенным в Германии и вообще за границей. Конечно, печатали там и протоко-

лы заседаний, из которых мы узнаем о многочисленных выступлениях С.А. Давыдовой, посвященных преподаванию плетения кружев в народных училищах, для девочек в начальных школах. В 1892 г. увидело свет роскошное издание С.А. Давыдовой «Русское кружево и русские кружевницы». В 1887 г. ею было издано «Руководство для преподавания рукоделий в школах», в последних изданиях дополненное «Методическими указаниями». В 1907 г. — «Альбом русских кружев».

Несколько раз Давыдова ездила в командировки в губернии России и за границу, а также в Среднюю Азию и Бухару. В 1892 г. организовала женские работы в наиболее пострадавших от голода уездах Воронежской и Нижегородской губерний. При содействии Министерства государственных имуществ Софья Александровна устроила ряд школ пряденья, тканья и вышиванья. Она принимала активное участие во многих женских обществах и была членом Ученого комитета Министерства народного просвещения по профессиональному образованию и кустарного комитета при Главном управлении земледелия.

«Человек системы и огромного труда она всегда находила время думать о других без шума, без сентиментальных восклицаний» — такой она оставалась до своей кончины, последовавшей 26 апреля (9 мая) 1915 г.¹³ Похоронена Софья Александровна на кладбище Новодевичьего монастыря в Санкт-Петербурге¹⁴. Интересно заметить, что в Новодевичьем монастыре в 1724 г. был открыт приют для девочек-подкидышей на 250 человек. Девочек обучали плетению голландских кружев мастерицы, выписанные Петром I из монастыря Брабанта.

Мариинская практическая школа кружевниц — первое профессиональное учебное заведение для подготовки мастеров кружевоплетения для всей европейской части России — была открыта по желанию императрицы Марии Федоровны при содействии В.В. Стасова в 1883 г. Целью школы провозглашалось: «помочь мастерицам из внутренних губерний России совершенствоваться в технических приемах их ремесла, образовать свой вкус, упражняться в рисовании и составлении сколков», помимо кружевоплетения, в школе преподавали ковроделие и вышивку. Сюда принимались взрослые мастерицы на срок от одного года до двух лет. Во время пребывания в школе они жили в отдельной квартире, находились на полном содержании, более того, каждая получала по 50 руб. в год (средний заработок кружевницы в провинции) на личные расходы. Путевые расходы от места

жительства мастериц до Санкт-Петербурга и обратно производились за счет школы. По возвращении на родину выпускницы были обязаны обучать односельчанок приемам плетения. Вначале в школе училось всего несколько мастериц, к 1908 г. их число увеличилось до 40. Всего с 1883 по 1908 г. школу закончили 834 мастерицы, в дальнейшем ежегодно выпускалось около 20 мастериц. Работы учениц и выпускниц школы были отмечены рядом наград на специализированных ремесленных всероссийских и всемирных выставках. Помимо практической деятельности, руководство школы вело исследовательскую работу, организовало библиотеку и музей. В 1890-е при школе открыли платные курсы для всех желающих, где кружевоплетению обучали сами ученицы. После революции школа была закрыта¹⁵.

Кружевоплетение в Вологодской губернии получает широкое распространение с 1820-х годов и начинает изготавливаться с целью сбыта. Большой популярностью пользовалось мерное кружево, которое находило сбыт внутри страны и частично экспортировалось. Примерно в это же время кружевной промысел начал складываться и на территории Московской губернии. Сначала кружевоплетением стали заниматься в селе Васюнино Вороновской области Подольского уезда, далее промысел распространился в деревне Лыково, в 1840-е годы уже восемь селений занималось этим промыслом. Со второй половины 1870 г. мастерицы появились не только в Подольском, но и в Верейском, Дмитровском, Звенигородском и Серпуховском уездах. Подольские кружева были многопарные с цветными рисунками на тюлевом фоне, тонкими решетками, сканью и обводом. В XIX в. в Московской губернии (в трех уездах: Звенигородском, Верейском, Дмитровском) начали изготавливать металлическое кружево.

О существовании кружевного промысла в Рязанской губернии никто не знал до 1880-х годов. Тогда по поручению Министерства государственных имуществ С.А. Давыдова провела исследования. По данным 1912 г., в Рязанской губернии кружевной промысел был распространен в 147 селениях, им занимались 7348 хозяйств, 14 621 человек. Больше всего селений, которые специализировались на кружевном промысле, было в Скопинском и Михайловском уездах.

В Михайловском уезде Рязанской губернии плелось численное мерное кружево из ярких цветных ниток, которое применялось для украшения народной праздничной одежды. Это было узкое плотное кружево с несложным узором, мотивы которого носили поэтические названия: мыски, бубенцы, городки и т.д. Его плели по памяти, по

числу переплетений, с повтором одних и тех же приемов. Изобретательность мастериц была поразительна — никогда не встречаются два одинаковых по цвету кружева. Преобладал в кружевах красный цвет, но от включения серого, синего, зеленого и желтого тонов менялся колорит узора.

В Орловской губернии известность получили елецкие кружева. Они относились к парным кружевам и отличались особой красотой. Парное плетение применялось для выделки мерного кружева, которое использовалось для украшения костюма, отделки белья и салфеток. В Ельце наряду с парным кружевом выплетали и сцепное кружево. Орнамент сцепного кружева обрисовывается непрерывно выходящей плотной вилюшкой в виде бесконечной тесьмы, близкой по фактуре к ткани полотняного переплетения. В елецком сцепном кружеве преобладали растительные мотивы¹⁶.

М.К. Каблукова-Горбунова и С.А. Давыдова — женщины с немецкими корнями, всю свою жизнь посвятившие организации в России женского профессионального образования и кружевного промысла. Под их руководством были созданы известные и малоизвестные центры кружевоплетения, некоторые из них продолжают традиции русского народного искусства и сегодня.

1. Каталог коллекций отдела Европы // Памятники культуры народов Европы и Европейской части СССР. Сб. МАЭ. Л., 1982. Т. XXXVIII. С. 153–191.

2. Колл. МАЭ РАН, № 786 (поступила в 1903 г.).

3. Колл. МАЭ РАН, № 298-20 (поступила в 1883 г.). Возможно, со временем удастся обнаружить и другие предметы, так как С.А. Давыдова передала коллекционные предметы в Музей РГО, а уже затем они попали в Кунсткамеру.

4. Кустарная промышленность в России. Женские промыслы. СПб., 1913. С. 3–182, 195–218, 347–371, 241–248, 279–343.

5. Давыдова С.А. Очерк кружевной промышленности в России // Кустарная промышленность в России. Женские промыслы. СПб., 1913. С. 3–182.

6. Климова Н.Т. Кружево // Основы художественного ремесла / Под ред. В.А. Барадулина, О.В. Танкус. М., 1978. С. 65–94.

7. Давыдова С.А. Названия кружев и кружевных узоров в центрах кружевной промышленности в России // Кустарная промышленность в России. Женские промыслы. СПб., 1913. С. 179–182.

8. Фалеева В.А. Художественное развитие вологодского кружева // Русское народное искусство Севера. Л., 1968. С. 122–127.

9. Каблукова-Горбунова М.К. // Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. СПб., 1894. Т. XIII. С. 791; Каблукова-Горбунова Мина Карловна // Пензенская энциклопедия. М., 2001. С. 756.

10. Каблукова-Горбунова М.К. Женские промыслы Московской губернии. СПб., 1880; *Она же*. Кружевной промысел. СПб., 1880.

11. Каблукова-Горбунова М.К. Учебник кройки по методу Клемма. СПб., 1887; *Она же*. Как малограмотный мужик в старостах ходил. СПб., 1887.

12. Каблукова-Горбунова // Педагогический энциклопедический словарь / Гл. ред. Б.М. Бим-Бад. М., 2002. С. 351.

13. Давыдова С.А. // Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. СПб., 1893. Т. XIX. С. 22; *Осовский Е.Г.* Развитие теории профессионально-технического образования в СССР (1917–1940). М., 1980. С. 287.

14. Некролог // Огонек. 1925. № 19. 10 (23) мая.

15. *Жерихина Е.И.* Мариинская практическая школа кружевниц. URL: <http://encblago.lfond.spb.ru/showObject.do?object=2806450168>.

16. *Климова Н.Т.* Указ. соч. С. 66–70.

М.Т. Валиев

ЭРНЕСТ КАРЛОВИЧ ПЕЦОЛЬД — АВТОР ЛУЧШЕГО УЧЕБНИКА НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Более десяти лет мы занимаемся историей знаменитой петербургской гимназии Карла Мая. Созданная в середине XIX в. по инициативе немецкой диаспоры Петербурга, эта школа оставила заметный след в истории российской культуры, науки и государственной службы. Первым залогом качества подготовки питомцев служил девиз школы «Сперва любить, потом учить!» Но не менее важным фактором всегда являлся тщательный подбор педагогов, при котором учитывался не только высокий уровень профессиональной подготовки, но и умение постигать и воспитывать душу ребенка. «Воспитание имеет целью не сломить волю ребенка, а образовать ее» — гласил еще один педагогический принцип школы Мая. Главной целью школа провозглашала приготовление юноши к труду, полезному обществу¹.

К началу XX в. школа достигла пика своего развития. Среди бывших учеников школы — члены Государственного Совета, губернаторы, ректоры высших учебных заведений, министры, крупные военачальники, деятели культуры и науки. Достаточно упомянуть такие имена, как губернатор Петербурга А.Д. Зиновьев, министр внутренних дел Д.С. Сипягин, генерал от инфантерии Н.А. Епанчин, контр-адмиралы И.В. Коссович, П.В. и Ф.В. Римские-Корсаковы, генералы флота А.И. Варнек и П.Н. Вагнер, ректор С.-Петербургского университета Д.Д. Гримм, члены объединения «Мир искусства» А.Н. Бенуа, Н.К. Рерих, В.А. Серов, К.А. Сомов, А.Е. Яковлев, писатели Г.И. Алексеев и Л.В. Успенский, российский ученый-литературовед академик Д.С. Лихачев, известный славист Р.Р. Фасмер, академики С.Г. Елисеев, Д.Н. Андрусов и многие другие. Не меньшей славой пользовались педагоги школы К. Мая. Учебники физики О.Д. Хвольсона, матема-

тики Н.М. Гюнтера, математической географии К.К. Арнгейма, немецкого языка Глезера и Пецольда считались лучшими на всем пространстве Российской империи. К сожалению, сохранилось очень мало документов той эпохи. Редкие удачи являются результатом долгих и не всегда результативных поисков. Особый интерес для нас представляет информация, выходящая за рамки сухих формулярных списков. К числу таких удач можно отнести и сведения о герое нашей статьи Эрнсте Карловиче Пецольде (1862–1940) (рис. 1), оставившем заметный след не только в нашей школе.

Биография этого человека выглядит удивительной даже в наш динамичный и всеохватный век: родившись в туманной Эстляндии и получив образование в знаменитом Дерптском (ныне — Тартуском) университете, Эрнст Карлович за свою долгую карьеру педагога успел учительствовать в Санкт-Петербурге и Рыбинске, в Умани и Вологде, в Ярославле и Ревеле (совр. Таллин).

Эрнст Вильгельм родился 17 апреля 1862 г. в Мярьямаа (немец. Meßjama, ныне — посёлок городского типа в уезде Рапламаа, Эстония) в лютеранской семье пастора прихода Мярьямаа Карла Пецольда (Carl August von Pezold, 07.06.1826–06.12.1904)² (рис. 2). Был назван

Рис. 1. Эрнст Карлович Пецольд (1862–1940)

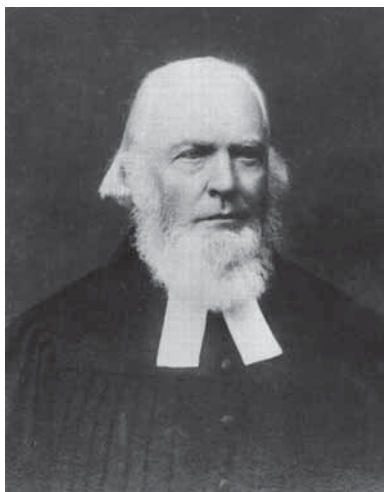

Рис. 2. Карл Пецольд (1826–1904), отец Э.К. Пецольда. ЕАА. Ф. 5238. Оп. 1. Д. 619. Л. 14

Эрнестом в честь своего деда. Духовное звание не мешало Карлу Пецольду быть приписанным к благородному сословию «дворян Эстляндской губернии»³.

Через два года после окончания гимназии, в 1881 г., Эрнест продолжил образование в Дерптском университете (рис. 3), обучаясь

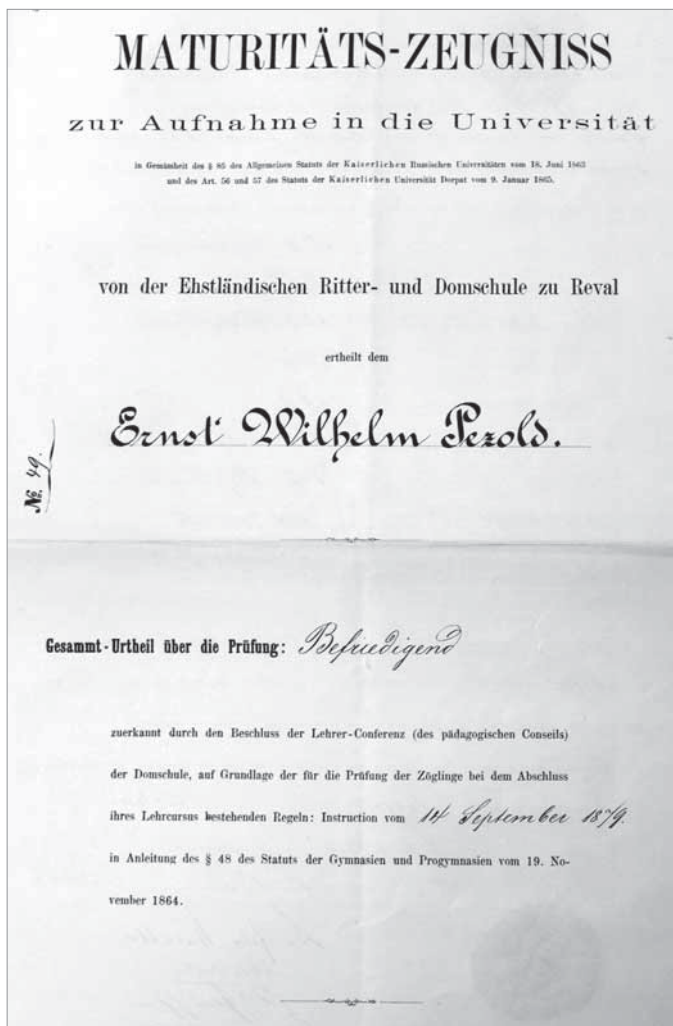

Рис. 3. Аттестат зрелости Э.К. Пецольда. Ревель, 1881 г. ЕАА. 402.2.18794

Рис. 4. Э.К. Пецольд — студент
Дерптского университета
(около 1885 г.).

ЕАА. Ф. 1843. Оп. 1. Д. 222. Л. 284

кого языка. Первое обнаруженное нами издание появилось на прилавках в 1900 г.

По этому учебнику учились многие поколения учеников в России, Эстонии, Латвии, Литве, Украине, Польше. Учебник «был допущен Ученым комитетом Министерства народного просвещения в качестве учебного руководства в двух младших классах средних учебных заведений министерства; рекомендован Главным управлением военно-учебных заведений для преподавания в кадетских корпусах; одобрен Учебным комитетом Министерства финансов для двух младших классов коммерческих училищ и торговых школ» (рис. 5).

В дальнейшем учебник многократно переиздавался — последнее обнаруженное нами дореволюционное издание имело номер XX⁶. Однако известны и более поздние тиражи — издание 1922 г. (Рига, Ревель, Берлин)⁷, издание 1925 г. (Эстония) и даже издание 1930 г.

филологии и истории. 29 января 1888 г. бывший студент историко-филологического факультета был удостоен звания действительного студента всеобщей истории (рис. 4).

После окончания университетского курса в 1888 г. переехал в Санкт-Петербург и год работал помощником учителя в немецкой школе Анненшуле. Однако, понимая, что в столичном Петербурге карьерный рост будет медленным и трудным, молодой учитель уже в 1890 г. перевелся в Уманское училище земледелия и садоводства на Украине⁴. Затем последовало четыре года работы в Вологодском реальном училище и почти семь лет, с 1897 по 1904 г., — в Кадетском корпусе Ярославля⁵. Именно к этому периоду относится совместная работа Э. Пецольда и П. Глезера над знаменитым учебником немецкого языка.

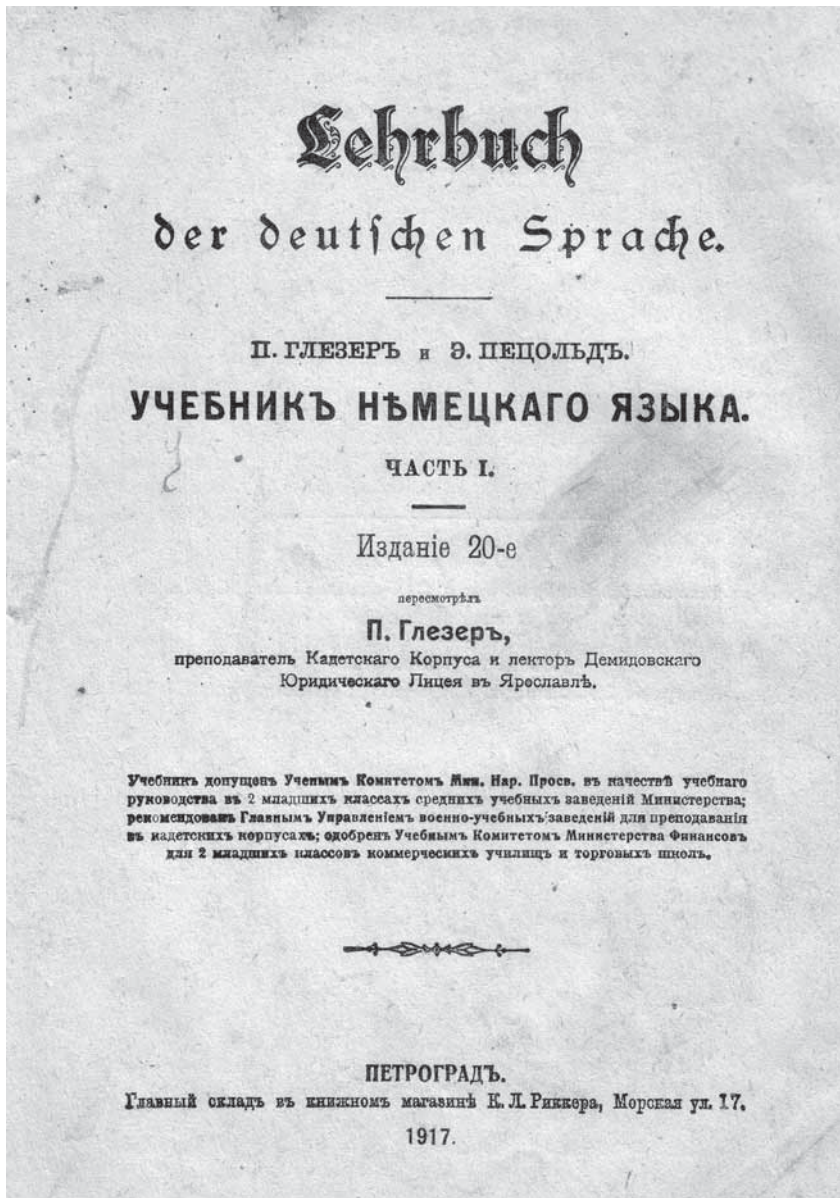

Рис. 5. Глезер П., Пецольд Э. Учебник немецкого языка. 1917 г.

на Украине. Интересно отметить, что после получения Эстонией независимости публикацией учебника в прибалтийской республике занимался брат Эрнста, Германн Пецольт (Hermann Pezold, 1877–1936), специально для этого основавший издательство «Полиглот»⁸.

Выпускник Ярославского кадетского корпуса Юрий Владимирович Макаров в своих воспоминаниях⁹ пишет: «5 августа 1896 г., в девятилетнем возрасте, после экзамена... я был принят в 1-й класс Ярославского кадетского корпуса... Было два отличных немца (слово “наци” тогда еще не было выдуманно) — Глезер и Пецольт (рис. 6). Они под шумок составили учебник немецкого языка, настолько хороший, что он вскоре был принят как обязательное руководство для всех военно-учебных заведений».

В сентябре 1904 г. уже в возрасте 42 лет и в звании отца семейства педагог Пецольт прибывает в Рыбинск, где начинает свою карьеру в недавно открытом городском Коммерческом училище (рис. 7), попутно инспектурируя школы. Следует отметить, что 1 февраля 1890 г. Э.К. Пецольт женился на дочери действительного статского советника Марте Павловне Фрезе (1862–1945), брак с которой был заключен в Ревеле. К моменту переезда в Рыбинск в семье Пецольтов росли сыновья: Роман-Карл-Павел (1890 г.р.), Георгий-Иоганн-Сигизмунд (1892 г.р.), Эрнст-Федор (1894 г.р.) и дочь Маргарита (1896 г.р.)¹⁰.

Городское коммерческое училище было открыто в 1902 г. по инициативе местного купечества. В училище принимались дети всех сословий и вероисповеданий. Учебная программа базировалась на Уставе реальных училищ, при этом значительное внимание уделялось иностранным языкам и специальным коммерческим наукам. Выпускники училища получали аттестат и удостоивались звания личного почетного гражданина, если по рождению не принадлежали к высшему званию. Окончившие полный курс с отличием удостоивались звания кандидата коммерции.

Директором училища был выпускник Петербургского университета М.И. Черников (1858–1917), отношения с которым у принципиального Эрнста Карловича не сложились. О характере конфликта можно судить по нижеприведенному отрывку из заявления от 30 июля 1910 г. Эрнста Пецольты в Попечительский совет Рыбинского коммерческого училища¹¹: «В течение восьмилетнего существования Рыбинского коммерческого училища — это Попечительскому совету известно — неоднократно происходили более или менее серьезные

Рис. 6. Кадетский корпус. Ярославль

Рис. 7. Коммерческое училище. Рыбинск

столкновения между директором училища и равными членами Педагогического комитета. Последствием этих столкновений был уход преподавателей: г. Филатова, Великопольского, Дизера. Наконец, эти столкновения вызвали в декабре месяце 1908 г. продолжительную и основательную ревизию со стороны главного инспектора учебного отдела Афанасия Гавриловича Малинина. Эта ревизия обнаружила серьезные беспорядки и недостатки в режиме директора училища М.И. Черникова. Тем не менее Попечительский совет счел возможным доверить училище и на следующий год Черникову, не придавая серьезного значения ни жалобам господ преподавателей, ни ревизии главного инспектора. Последствием этого был уход преподавателей: г. Н.А. Цветкова, Э.Б. Фрея и Серебрякова К.П. Преподаватели В.Г. Покровский, Б.Г. Верди и я должны были остаться, так как не нашли подходящих мест. Учебный год прошел, но атмосфера не улучшилась, и поводов к неудовольствию было достаточно! Наконец в марте сего года произошло между мною и господином директором сильное столкновение из-за экзаменационной работы по немецкому языку. Работы двух учеников VII класса Крюкова и Двойникова мною были признаны написанными самостоятельно...

Директор старался доказать неправильность моих показаний в рецензии по поводу оценок годовых письменных работ Крюкова.

...Однако, когда ученик VII кл. Двойников сознался мне в том, что действительно им была списана часть экзаменационной работы, директор в разговоре с ним назвал его “святым дураком”, потому что сознался господину инспектору.

Обо всем этом 22 мая мною лично было сообщено господину председателю Попечительского совета Е.С. Калашникову. Последний посоветовал мне подать письменное заявление в Попечительский совет, что я и сделал 4 июня. До сих пор ни на мое заявление Попечительскому совету, ни на письмо господину Калашникову с просьбой ускорить дело ответа не последовало. Из этого я должен заключить, что и в этом случае Попечительский совет одобряет образ действий господина директора.

При таких условиях в Рыбинском коммерческом училище я служить больше не могу и поэтому должен известить Попечительский совет о том, что веду переговоры с некоторыми ректорами в Санкт-Петербурге с целью перехода туда.

Считаю, однако, еще долгом указать на то, что в течение 8 лет ушел 21 человек и постоянные столкновения преподавательского персона-

ла с директором только пагубно должны влиять на дальнейшее развитие молодого учебного заведения».

Образ учителя Пецоляда хорошо дополняет отзыв Н.Д. Григорьева, воспоминания которого готовит к изданию рыбинский краевед Владимир Иванович Рябой¹²: «Из учителей мне особенно запомнились Эрнест Карлович Пецоляд и Мария Ильинична Черникова. Эрнест Карлович преподавал нам немецкий язык по учебнику, автором которого был сам. Представительный худощавый мужчина лет под пятьдесят, с пышной совершенно белой шевелюрой и длинными белыми же усами, он одевался с иголки, носил крахмальные рубахи и мыл руки после каждого урока. С учениками обращался изысканно вежливо, а когда сердился, принимал холодно-иронический тон. На его уроках доминировала немецкая речь (хотя он прекрасно владел русским языком) — он преподавал по принципу от практики к теории. Ребята любили и хорошо усваивали этот предмет».

К рыбинскому периоду относится и поучительная переписка Э.К. Пецоляда с Канцелярией дворянства (аналог канцелярии Дворянского депутатского собрания) Эстляндской губернии¹³. Целью переписки являлось сопричисление детей педагога к дворянскому сословию. По действующим в Российской империи уложениям этому акту предшествовал достаточно сложный и длительный процесс — на рассмотрение Дворянского собрания предоставлялись метрики родителей и детей, копии брачного свидетельства и документы, доказывающие дворянское происхождение родителя. После рассмотрения дела в Дворянском депутатском собрании представленные документы вместе с протоколом пересылались в Департамент герольдии Правительствующего Сената и только по его решению принималось окончательное решение. В нашем случае переписка продолжалась два года, и положительное решение было получено только в 1911 г.

По данным, предоставленным членом Рыбинского историко-родословного общества Ольгой Николаевной Крейн, в 1910 г., к моменту отъезда из Рыбинска, Э.К. Пецоляд имел чин статского советника и был награжден орденами Святого Станислава и Святой Анны III степени, серебряной медалью в память царствования Александра III для ношения на груди на Александровской ленте¹⁴.

В 1910 г. Эрнест Карлович вернулся в Санкт-Петербург и заменил в школе Карла Мая будущего знаменитого языковеда М. Фасмера (1886–1962), который был командирован за границу. Школа только что переехала в роскошное здание на 14-й линии Васильевского

Рис. 8. Гимназия Карла Мая. Санкт-Петербург. Открытка начала XX в.

острова (рис. 8), построенное на средства Попечительского совета. В этот период Пецольд квартировал по адресу: Выборгская сторона, Симбирская улица, д. 10, кв. 4¹⁵.

Как уже говорилось, в начале XX в. школа К. Мая переживала период своего расцвета. Гимназия пользовалась заслуженной репутацией одного из лучших средних учебных заведений России.

Несколько строк педагогу Пецольду посвятил выпускник гимназии К. Мая Л.В. Успенский¹⁶: «Большинство моих сверстников помнят “Глезера и Пецольда”, учебник немецкого языка. Так вот, господин Пецольд, высокий старик в военной форме (он преподавал также в каком-то кадетском корпусе), был нашим учителем».

С 1911 г. Пецольд преподавал в Кадетском корпусе Александра III (рис. 9), «с оставлением сверхштатным преподавателем в гимназии К. Мая». Ниже приводятся заметки еще одного бывшего ученика школы К. Мая Леонида Львовича Кербера (1903–1993), поступившего в Первый кадетский корпус¹⁷: «Наш немец Пецольд был дремучий. И требовал перед уроком молитву. Православная, но произносилась на немецком языке. Точно не помню, кто заканчивал молитву перечислением всякого рода страждущих и обремененных, а под самый финал по-русски добавлял: “Унд набалдашник”».

Рис. 9. Первый кадетский корпус. Санкт-Петербург. Снимок начала XX в.

Долго все шло нормально. Пока на немецкий язык не появился инспектор. Дежурный отбарабанил молитву, но вот от “унд набалдашник” воздержался.

Пецольд долго недоумевал и ждал, а потом произнес: “Абер потчему нет унд набалдашник?”

Ну дальше, как вы понимаете, кому где-то сколько-то дней без отпуска на воскресенье.

...Второй раз меня выгнали из корпуса за организацию демонстрации (несанкционированной). Я купил в писчебумажном магазине штук 20 плакатов “Здесь просят по-немецки не разговаривать!” Такие плакаты продавали всюду квасные патриоты во время войны, я такие плакаты даже в сортирах видел.

Перед уроком немецкого языка плакаты были мною прибиты кнопками по всем стенам класса, включая и доски, на которых мелом писали вокабулы. Прикнопил и на кафедре.

Господин Пецольд окаменел, пискнул: “Смирно!” — и исчез. Через пять минут он вернулся с классным наставником и ротным командиром. Ротный разъяснил, что хотя Пецольд и немец, но русский патриот, затем традиционное: “Кто это сделал? Подойдите к кафедре!” Я гордо, печатая шаг, подошел (примечательно, что Леонид даже

не вспомнил, что и сам по национальности является немцем. — *Прим. М. Т.*) Меня повели в учительскую, а оттуда дядька на извозчике привез домой. Мать была в отчаянии. Но, как и в первый раз, адмирал-отец помог, и после трех дней пребывания дома опять все вернулось на круги своя...»

Если о первом эпизоде можно говорить только с улыбкой — Э.К. Пецольд прекрасно владел русским языком, то второй отрывок вызывает смешанные чувства, так как свидетельствует о возраставших в российском обществе антинемецких настроениях, что не могло не сказаться на судьбах тысяч российских немцев.

Вершиной педагогической карьеры Э.К. Пецольда в России было место директора немецкой коммерческой школы в Санкт-Петербурге, которое он занимал с 1913 по 1918 г. Переворот 1917 г. не вызвал большого восторга у сторонника немецкого ордунга, и в 1918 г. Эрнст Карлович возвратился на родину, в уже независимую Эстонию.

В короткий период немецкой оккупации Эстонии в 1918 г. Эрнст Пецольд был назначен руководителем 2-й реальной школы в Ревеле (Таллине) (рис. 10). Однако антинемецкие настроения были уделом

Рис. 10. Немецкая реальная школа (Revaler Ober-Realschule). Таллин, 2013 г.
Фото автора

не только России, кроме того, недовольство эстонского общества усугублялось наличием у Э. Пецольда «российского следа». Для прекращения взаимного непонимания между учениками и директором Управление школ г. Таллина временно закрыло школу. После вывода немецких войск из Эстонии школа открыла двери под именем Таллинской городской коммерческой школы для мальчиков уже под руководством Вольдемара Раама (Voldemar Raam). Э.К. Пецольд с 1919 г. вплоть до выхода на пенсию в 1925 г. находился на должности преподавателя Немецкой реальной школы (Revaler Ober-Realschule)¹⁸, которая располагалась в одном здании с эстонским Таллинским реальным училищем. Преподавание в школе велось на немецком языке. Дети учились во вторую смену после окончания занятий в эстонской школе. Интересно отметить, что одновременно с Э.К. Пецольдом в этой же школе преподавала хорошо знакомая нам петербургская художница Клара Цейдлер — сестра бывших питомцев гимназии Карла Мая.

Как уже отмечалось, адаптированный к требованиям эстонских школ знаменитый учебник немецкого языка Пецольда выдержал несколько изданий в Эстонии. Кроме того, известны многочисленные издания «Истории немецкой литературы» для эстонской средней школы, опубликованные под редакцией Э. Пецольда в 1922–1925 гг.¹⁹ Брат Эрнеста Пецольда, Германн (Hermann Pezold) (рис. 11), в 1925 г. отдельной книгой издал сборник упражнений к знаменитому учебнику²⁰.

Земной путь талантливого педагога завершился на семьдесят девятом году жизни, 22 декабря 1940 г., в польском городе Шветц, куда семья бежала после советской оккупации Эстонии в 1940 г. Скорее всего сердце педагога не выдержало трудного и долгого переезда...

В заключение хочу поблагодарить моих терпеливых и бескорыстных друзей, которые смело могут считаться соавторами этой работы. В первую очередь слова благодарности должен

Рис. 11. Германн Пецольд (1877–1936) — брат и издатель Э.К. Пецольда. ЕАА. Ф. 1843. Оп. 1. Д. 222. Л. 473

адресовать моему постоянному и деятельному коллеге, Ирине Леонидовне Лейнонен (Лауша, Германия), которая взяла на себя труд по поиску источников и переводу немецких текстов. Не менее важный вклад в подготовку публикации внесла Наталья Лачинова (Таллин, Эстония), благодаря которой мы получили бóльшую часть архивных материалов из эстонских архивов. Отмечу также важные дополнения члена Рыбинского историко-родословного общества Ольги Николаевны Крейн и традиционную помощь моей супруги Натальи Валиевой, без которой эта статья не увидела бы свет.

1. *Благово Н.В.* Школа на Васильевском острове. СПб., 2005. Ч. 1.
2. Фонд Амбургепа. URL: <http://dokumente.ios-regensburg.de/amburger/index.php?id=74486> (дата обращения: 17.03.2014).
3. ЦГИА СПб. Ф. 144. Оп. 2. Д. 76. Л. 13.
4. Там же.
5. Справочная книга Ярославской губернии на 1908 г. / Сост. А.П. Морозов. Ярославль, 1908. С. 62.
6. *Глезер П., Пецольт Э.* Учебник немецкого языка. 20-е изд. Пг., 1917. Ч. 1.
7. *Глезер П., Пецольт Э.* Учебник немецкого языка (Lehrbuch der deutschen Sprache). 17-е изд. Рига; Ревель; Берлин, 1922. Ч. 2. (Leipzig: Druck von Metzner & Bittig).
8. *Saksa keele õpetus / P. Gläser ja E. Pezold; Eesti koolidele ümbertõotanud H. Pezold.* Tallinnas, 1925.
9. *Макаров Ю.В.* Моя служба в старой гвардии. 1905—1917. Мирное время и война. Буэнос-Айрес, 1951.
10. ЦГИА СПб. Ф. 144. Оп. 2. Д. 76. Л. 14.
11. *Чубукова Ю.И.* Рыбинское коммерческое училище. 1902—1918. Рыбинск, 2008. С. 115.
12. URL: <http://wid-m-2002.ru/ethnographerandlocalhistory/nikolaygrigoriev/memoriesexcerpt.html> (дата обращения: 17.03.2014).
13. ЕАА. Ф. 0854. Оп. 003. Д. 0000563.
14. *Чубукова Ю.И.* Указ. соч. С. 116.
15. ЦГИА СПб. Ф. 144. Оп. 2. Д. 76. Л. 1.
16. *Благово Н.В.* Указ. соч. С. 379.
17. Воспоминания Леонида Львовича Кербера // Копытов Г.А. Керберы. Фамильный код. XIV—XXI вв. СПб., 2013. Т. 2. С. 58.
18. *Märt Karmo.* Must-kuldne müts me peas... . II: Tallinna Reaalkool 1920—1940. Saksa Reaalkool 1919—1939. Tallinna Reaalkool, 2011.
19. *Saksa keele õpetus / P. Gläser ja E. Pezold; Eesti koolidele ümbertõotanud H. Pezold.* Tallinnas, 1921.
20. *Harjutused P. Glaeser'i ja E. Pezold'i saksa keele õpetusele.* Tallinnas, 1925. (Tartu: J. Varrak).

Е. В. Фасман

**АЛЕКСАНДР КОНСТАНТИНОВИЧ ЕРЖЕМСКИЙ —
ПЕРВЫЙ ФОТОГРАФ РУССКОГО МУЗЕЯ
ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III**

Потомственный дворянин А.К. Ержемский родился в 1845 г. в немецкой семье. Его младший брат Платон (1848–1916) — мой прадед. Их отец, дед, прадед по отцовской линии были «лекарями», служили в воинских лазаретах. Были отмечены «за беспорочную службу» орденами, медалями, званиями.

Отец А.К. Ержемского, Константин Иванович (1814–1866), — коллежский советник, служил окружным врачом в сельском лазарете в местечке Ержемовка Воспитательного дома Ведомства императрицы Марии Федоровны, член Санкт-Петербургского опекунского совета.

Мать, Софья Григорьевна, урожд. Фишер фон Вальдгейм (1815–1866(?)), — дочь известного ученого, натуралиста, профессора МГУ, д.с.с.

С 1858 по 1863 г. Александр обучался в I Санкт-Петербургской мужской гимназии, затем воспитанник А. Ержемский, «имея непреодолимое желание и склонность посвятить себя технологической части», принимается без экзаменов в I спецкласс Технологического института и продолжает там обучение в течение четырех лет.

В 1870 г. он поступил на службу в Государственный контроль, где оставался до 1873 г., когда совместно с А.Н. Канаевым основал торговую фирму «Санкт-Петербургская мастерская учебных пособий и игр», которая располагалась по адресу: Б. Московская, 6.

Фирма с 1876 г. ежегодно исполняла заказы для Двора Е.И.В., например в мае 1877 г. для цесаревича Николая Александровича был изготовлен гигиенический стол и счеты, в декабре 1880 г. — волшебный фонарь и картины к нему.

В 1889 г. он подал ходатайство о даровании его торговой фирме звания «Поставщика Высочайшего двора», но оно «по существующим правилам не могло быть удовлетворено».

А.К. Ержемский совместно с А.Н. Канаевым открыли книжный магазин и мебельную мастерскую, где разработали различные типы классной мебели и прочих принадлежностей для классных помещений.

О своих посещениях этого магазина рассказал А.Н. Бенуа в своих «Воспоминаниях», он ценил и признавал деятельность А.К. Ержемского. «В позднейшие времена я лучше оценил магазин Канаевых, впрочем, одно только отделение его, а именно то, которым заведовал почтенный А.К. Ержемский, великий специалист по фотографии и особенно по изготовлению диапозитивов научного характера. С ним мы еще встретимся в дальнейшем, так как он делал для меня и для Дягилева фотографические снимки для наших изданий».

«...каждый новый выпуск (Мир искусства) вызывал новые огорчения, а порою отчаяние. Снимков с картин делать не умели. На помощь пришел старик А.К. Ержемский, автор известного руководства по фотографии».

Александр Константинович отдал много труда и энергии развитию педагогики в России. Он принимал участие в Постоянной комиссии по техническому образованию, состоял членом Комиссии по народным чтениям при Министерстве народного просвещения.

В 1885 г. началась деятельность А.К. Ержемского в Императорском Русском техническом обществе в качестве неперменного члена V фотографического отдела.

В отдел ИРТО был учрежден в 1878 г. с целью взаимного общения ученых и фотографов, изучения новинок и достижений в фотоделе. Это первое в России (по времени возникновения) фотографическое общество. Изучение и исследование фотографии как отрасли техники входило в круг занятий ИРТО с момента учреждения этого общества в 1866 г. Изобретение фотопластинок и бумаг отразилось в России активностью изучения фотографии с научной стороны.

В 1900 г. Ержемский был избран председателем V фотографического отдела. В этой должности он оставался до конца жизни (1905).

В Петербурге устраивались фотовыставки в 1888, 1889, 1891, 1898 гг., имевшие всероссийский и международный статус. В организации этих и других фотовыставок принимал участие и А.К. Ержемский. Также он бы экспертом в различных комиссиях.

На выставке 1897 г. в Стокгольме он был награжден серебряной медалью. На Парижской выставке 1900 г. А.К. Ержемский получил Grande prix за копии с картин.

Большое внимание V отдел уделял фотографическому образованию. В 1891 г. были организованы курсы для любителей, теоретические и практические курсы светописи, чтение лекций (рис. 1). В них участвовал и А.К. Ержемский.

Спб. мастерская учебныхъ пособій и игръ. (Волшебные). Троицкая, 9 Влад.: Ержемскій, Алкс. Конст. и Нанавъ, Алкс. Никл.

● ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ ●

На Всероссийской выставкѣ въ Н.-Новгородѣ 1896 г.

СПЕЦИАЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО ВОЛШЕВНЫХЪ ФОНАРЕЙ

и картинъ къ нимъ (болѣе 8000 №№).

Спеціальнй каталогъ ихъ со спискомъ народн. чтен., съ рисунк. высыл. за 40 к. п. марками.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ МАСТЕРСКАЯ УЧЕБНЫХЪ ПОСОВІЙ И ИГРЪ.

(Основана въ 1873 г.)

— Поставщики учрежден. по Высочайшему повелѣнію Постоян. Коммис. народ. чтен. въ С.-Петербур. и Московск. Комисс.

18 наградъ на выставкахъ,
изъ нихъ **15 медалей.**

● Мед. Император. Русск. Техн. Об-ва за самост. постановку изготвл. волшеб. фонарей и за ихъ доброкачественность.

● Золотая медаль на выст. при съѣздѣ дѣятел. по техн. и проффес. образов. въ Москвѣ 1896 г.

Образовательныя игры и занятія.

Классная обстановка.— Дѣтскія книги. Справочн. каталогъ учебн. пособ. и игръ высыл. за 14 коп. Болѣе 200 собств. изданій.

С.-Петербургъ, Троицкая ул., 9.

Рис. 1. Объявление в справочнике «Весь Петербург» (1902)

Серьезное занятие фотографией впоследствии стало его основной профессией. В этой области он достиг глубоких знаний и за свои работы был удостоен наград на выставках в России и за рубежом.

А.К. Ержемский одним из первых в России разработал ортохроматическую фотографию для съемок художественных произведений.

Эти специальные знания по фотографии дали основание президенту Музея императора Александра III пригласить А.К. Ержемского для устройства в нем фотографического отдела, а затем и заведовать фотоотделом музея.

В марте 1898 г. состоялось открытие первого в России музея национального искусства — Русского музея императора Александра III.

Фотографирование началось в начале 1897 г. и проводилось «под наблюдением приглашенного специалиста А.К. Ержемского» (рис. 2). Он не только исполнял обязанности фотографа, но и стал организатором «собственной фотографии» — «фотографической лаборатории» музея.

По его инициативе в 1898 г. из Берлина высылают фотоаппаратуру и фотопринадлежности для изготовления качественных снимков, в том числе «больших форматов с наиболее любимых публикой картин».

С этой целью А.К. Ержемский попросил:

- «1) устроить отдельный светлый павильон для копирования отпечатков и увеличить количество копирных рам;
- 2) усилить состав служащих в фотографии с переплетчиком для монтировки изготавливаемых отпечатков;
- 3) устроить соответствующие помещения для удобного хранения и учета готовых негативов».

Музей предлагал своим посетителям каталоги, путеводители, а также фотографии как отдельных произведений, так и «видовые».

Фотофиксация жизни музея не прекращалась.

Мастерство А.К. Ержемского оценили такие художники, с которыми ему приходилось работать, как И. Репин, А. Бенуа, С. Яремич. Сохранилось несколько писем и воспоминаний о Ержемском и его искусстве. В 1900 г. вышла брошюра А.В. Половцова «Прогулка по Русскому музею императора Александра III» (рис. 3). В ней собраны фотографии, сделанные специально для этого издания А.К. Ержемским. Сохранилась их переписка, где Половцов просил прислать ему «еще все фотографии здания музея как снаружи, так и внутри (залы, лестницы, двери и т.п.), которые будут печататься в брошюре».

Рис. 2. Церковь архангела Михаила при Михайловском дворце.
Вид на Царские врата. Фотограф А.К. Ержемский.
Государственный Русский музей, 1900 г.

Рис. 3. Обложка брошюры А.В. Половцова «Прогулка по Русскому музею императора Александра III в СПб. С 39-ю рисунками» (М., 1900)

А.К. Ержемскому было поручено выполнить серьезную работу по съемке старых исторических портретов и коллекций портретных миниатюр, издаваемых великим князем Николаем Михайловичем. Эти издания представляют значительный художественный и исторический интерес. К сожалению, пока мы не нашли ни одной его подлинной фотоработы.

Он же выполнил обширный труд по съемке предметов, хранящихся в галерее драгоценностей Императорского Эрмитажа.

Приведенный перечень фоторабот А.К. Ержемского далеко не полный. Нельзя не упомянуть о его постоянном сотрудничестве (изготовление фотоснимков) в двух художественных журналах —

«Мир искусства» и «Художественные сокровища России» (рис. 4). Художественные требования этих журналов были так высоки, что удовлетворить их мог только такой художник, как Александр Константинович Ержемский.

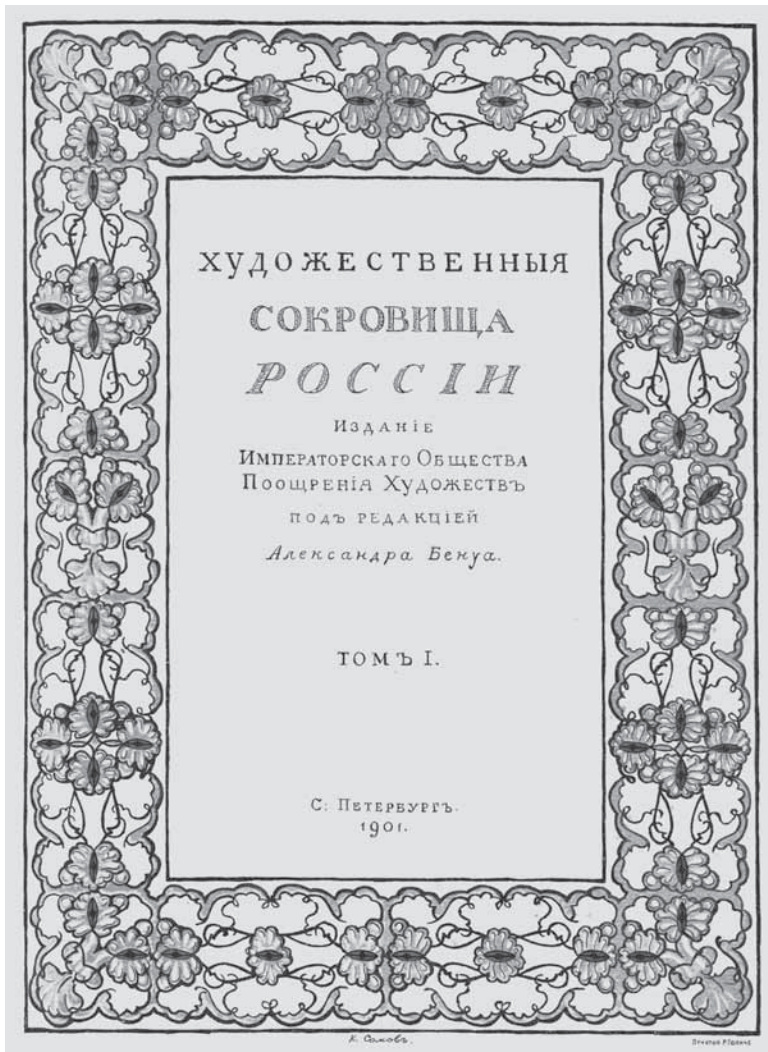

Рис. 4. Журнал «Художественные сокровища России»

А. К. ЕРЖЕМСКИЙ.

САМОУЧИТЕЛЬ

ФОТОГРАФИИ

НА БРОМЖЕЛАТИННОЙ ЭМУЛЬСИИ И
БРОМО-ХЛОРОСЕРЕБРЯНЫХЪ БУМАГАХЪ.

ПЯТОЕ, ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНИЕ.

съ 407 рисунками.

Подъ редакціей М. А. Ризникова.

Издание Я. П. Польшана.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія и переплетная А. Давровъ и Ю. ул. Гоголя, 9.
1916.

Рис. 5. А.К. Ержемский «Самоучитель фотографии» (1916)

В специальной фотографической литературе А.К. Ержемский известен своими трудами по фотоделу. В первую очередь это «Самоучитель фотографии на бромжелатинных пластинках и хлоросеребряной бумаге» (СПб., 1890). Было выпущено пять изданий этого «Самоучителя» с большими переработками и дополнениями. Последнее, пятое, издание (под редакцией М.А. Ризникова) увидело свет уже после смерти автора в 1916 г. (рис. 5). Также несколько работ по фотоделу было напечатано в журналах «Русский фотограф» и «Фотограф-любитель».

А.К. Ержемский работал совместно с первым российским мастером цветной фотографии С.М. Прокудиным-Горским.

Большую часть своей жизни Александр Константинович Ержемский посвятил V отделу ИРТО. Его волновало все, что происходило

в отделе. И сотрудники ценили это. «Редкие качества души Александра Константиновича, его преданность делу, уважение к труду и доброжелательность к людям привлекали к нему всех знавших его: у него не было ни врагов, ни завистников, его уважали как люди науки и искусства, так и все его сотрудники» — это слова из некролога А.К. Ержемскому. Он кавалер ордена Св. Станислава 3-й степени и Св. Анны 3-й степени.

А.К. Ержемский умер 31 января 1905 г. после продолжительной болезни. Панихида была отслужена в Евангелической церкви на Лиговке. Погребен на Волковском православном кладбище.

После его кончины сотрудники V отдела ИРТО провели заседание, посвященное памяти покойного. В зале были выставлены фотографические работы Ержемского, около стола заседания был установлен большой портрет Александра Константиновича работы Л.А. Берггольца из коллекции В.И. Срезневского. На заседании было решено издать брошюру с портретом Александра Константиновича и поместить все воспоминания и доклады, посвященные А.К. Ержемскому.

Нам известен только один фотопортрет А.К. Ержемского, выполненный фотографом М.А. Ризниковым осенью 1898 г. в Павловске (рис. 6). Есть еще один групповой снимок 1904 г., сделанный в павильоне фотоателье «Рентц и Шрадер» по Б. Морской, 27, на котором А.К. Ержемский изображен сидящим в кресле (рис. 7).

Недавно мне удалось найти место захоронения А.К. Ержемского (рис. 8). В одной могиле с ним похоронена его жена Терезия Александровна Кис-

Рис. 6. А.К. Ержемский. Павловск, осень 1898 г. Фото М.А. Ризникова

Рис. 7. Групповой снимок неперменных членов V отдела ИРТО, 1904 г.

лова (1850–1934). Она была крестной матерью моей мамы, Натальи Леопольдовны Фассман. На памятнике сохранился мраморный крест. Потомков нет.

В этой же ограде находится захоронение близких друзей его семьи. Благодаря знакомству с этими людьми ко мне попала семейная фотография, на которой А.К. Ержемский запечатлен среди родных и близких на даче в Павловске (Тярлево) в 1898 г. (рис. 9). Рядом с ним — супруга Терезия Александровна Ержемская, далее — младший брат Платон Константинович Ержемский, перед ними сидит молодая пара, Евгения Платоновна Ержемская и Леопольд-Адольф Фассман, мои бабушка и дедушка. Я бережно храню память о предках.

Рис. 8. Могила А.К. Ержемского на Волковском православном кладбище.
Июль 2014 г.

Рис. 9. А.К. Ержемский в кругу родных и близких. Павловск, 1898 г.

А.Ю. Мазинг

ПАСТОР КАРЛ МАЗИНГ (1811–1877) И ЕГО СЫНОВЬЯ

Я родился на Васильевском острове. Хотя, по рассказам моего отца, он не исключал возможности моего рождения на Петроградской стороне, где жила наша семья. Мои родители шли пешком в роддом им. Д.О. Отта. Некоторое время назад я переехал и теперь живу на Васильевском острове с женой и дочкой. Передвигаясь по острову, невозможно хотя бы раз не пересечь Средний проспект. И невозможно не заметить лютеранский собор архангела Михаила на углу Среднего проспекта и 3-й линии. Начав заниматься историей семьи два года назад, я осознал, что это здание связано с историей нашей семьи и первых представителей семьи Мазинг в Петербурге — пастора Карла Мазинга и его детей.

Карл Иванович Мазинг (Carl Johannes Masing) (рис. 1) родился 9 октября 1811 г. (ст. ст.) в городе Везенберге (Раквере, Эстония) в семье управляющего имением и кистера Иоганна Рейнгольда Мазинга (1768–1824) и его жены Антуанетты Элизабет Крафт (1791–1852). Позднее Иоганн Рейнгольд стал управляющим имения Каревере прихода Экс, где пастором был его четверюродный брат — известный пастор и пробст Отто Вильгельм Мазинг¹. В Каревере на свет появился брат Карла Иоганнеса, мой прапрапрадед Детлоф Людвиг (Логин) Мазинг. Крестил его и стал приемным отцом Отто Вильгельм Мазинг. Иоганн Рейнгольд был связан с гернгутерами и на-

Рис. 1. Пастор
Карл Иванович Мазинг
(1811–1878)

писал несколько религиозных книг для детей на эстонском языке². В конце жизни Иоганн Рейнгольд был учителем в школе для детей бедных при Домском соборе в Ревеле. Отец Карла Ивановича скончался 27 ноября 1824 г. в Ревеле³.

Карл Иоганнес учился в Ревельской гимназии с 1823 по 1831 г. Под влиянием отца и гернгутерского братства он решил стать пастором и в 1832 г. поступил на теологический факультет Дерптского университета. Одним из учителей, определившим теологические взгляды молодого человека, был профессор Эрнст Сарторий. В университете Карл также изучал сельское хозяйство и эстонский язык⁴. После окончания университета в 1835 г. он отправился на остров Эзель (Саремаа), где стал пастором прихода Мустьяла (1835–1860). В 1836 г. Карл Иоганнес женился на Аделаиде (Иде) Эльмире (1809–1894)⁵, дочери барона и художника Карла Унгерн-Штернберга (1773–1830). Проповеди пастора были популярны среди народа, что способствовало строительству нового здания церкви, которое было закончено в 1863 г. Здесь Карл Иоганнес активно занимался литературной деятельностью. В основном он делал переводы религиозных трудов на эстонский язык. Другой вид его деятельности — библейские истории на эстонском языке: первая часть была опубликована в 1842 г., вторая — в 1869 г. Это издание многократно переиздавалось и фактически стало школьным пособием по чтению. Карл Иоганнес также занимался развитием сельского хозяйства и способствовал развитию народных школ⁶.

В Мустьяле родились все восемь детей пастора: Карл Рейнгольд Михаил (6.11.1836), Альберт Людвиг Иммануил (22.10.1839), Вольдемар Эрнст (5.5.1843), Готхильф Леонард (21.11.1845), Рихард Эрвин (23.9.1847), Бертольд Конрад Детлоф (21.9.1849), Мария (20.9.1850) и Берта Элеонора (22.2.1853)⁷.

В 1860 г. Карла Мазинга выбрали пастором прихода архангела Михаила в Петербурге⁸. В то время церковь не имела своего здания и снимала помещение у госпожи Тиблен (Тиблен Эмилия Мартьяновна, ур. Форбек, 1812–1880), жена придворного архитектора Льва Яковлевича Тиблена (25.03.1803 — ок. 1860), мать Николая Львовича Тиблена (06.06.1834 — 30.10.1883), известного издателя 1860-х годов, работавшего с Ф.М. Достоевским и Н.Н. Страховым). Проповеди Карла Иоганнеса в Петербурге также были популярными. Одним из его прихожан был Отто фон Бисмарк: «Князь Бисмарк сделал визит пастору Мазингу. Об этом визите много говорили, потому что пастор Ма-

зинг — один из всех пасторов Петербурга — говорит свои проповеди по-русски. Опять же, кажется нам, тут трудно допустить какой-либо политический повод к этому визиту: вероятнее всего, то, что Бисмарк посетил его потому, что в бытность свою в Петербурге в начале 60-х годов посланником Бисмарк принадлежал к приходу пастора Мазинга»⁹. Надо отметить, что в этой заметке есть некоторая путаница. Дозволения проповедовать по-русски получил сын Карла пастор Альберт Мазинг, но в начале 60-х он учился в Дерпте, поэтому речь идет об отце, пасторе Карле Мазинге.

При содействии генерал-адъютанта князя Александра Петровича Барклая-де-Толли-Веймарна, шурина сына Альберта, было получено высочайшее разрешение на строительство нового здания церкви, также были собраны деньги на строительство. В 1872 г. началось строительство по проекту Роберта Егоровича Бергмана. В 1874—1876 гг. строительством руководил инженер Карл Карлович Бульмеринг (1820—1888), который внес изменения в проект. 19 декабря 1876 г. новая церковь была освящена¹⁰.

С 1869 г. в приходе трудился второй пастор — молодой Павел Леш (Paul Eduard Leopold von Loesch/Lösch, 1845—1888)¹¹. Но в 1877 г., с началом Русско-турецкой войны, он отбыл в Дунайскую армию. Впоследствии внучатый племянник Павла Леша женился на правнучке Карла Мазинга (дочке пастора Ивана Альбертовича Мазинга).

Пастор Карл Иванович Мазинг скончался 22 февраля 1878 г. и был похоронен на Смоленском лютеранском кладбище, на участке № 17. К сожалению, могила не сохранилась, и только по могилам малолетних детей можно найти место захоронения.

Старший сын пастора *Михаил Карлович Мазинг* (Karl Reinhold Mikhael Masing) (рис. 2) родился 6 ноября 1836 г. Михаэль с детства мечтал стать военным, когда его в возрасте четырех лет спросили: «Кем ты хочешь стать?» он уверенно ответил: «Генералом»¹². После окончания Аренбургской гимназии Михаил отправился в Петербург и поступил в Михайловское артиллерийское

Рис. 2. Генерал от артиллерии Михаил Карлович Мазинг (1836—1911)

училище. Михаил стал первым из семьи пастора, кто прибыл в Петербург, — за ним последовали и другие члены семьи. Затем он продолжил обучение в Михайловской артиллерийской академии и 17 сентября 1860 г. был произведен в подпоручики. В 1861 г. его назначали в полевую артиллерию, а 29 августа Мазинг был переведен в третью батарею лейб-гвардии второй артиллерийской бригады с чином подпоручика гвардейской артиллерии. В 1865 г. командирован в Туркестан в распоряжение генерала Черняева. 21 мая 1866 г. Михаил Мазинг, находясь в колонне ротмистра Баранова, участвовал в штурме Ходжента и первым ворвался в Келенауские ворота, затем поднялся на крепостную стену, причем будучи уже контуженным. За отличие 30 августа был произведен в гвардии поручики и награжден орденом Св. Анны 4-й степени. 25 декабря 1866 г. Мазинг был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени (№ 10238 по кавалерскому списку Григоровича—Степанова): «В воздаяние за отличие, оказанное в сражении против бухарцев, при штурме г. Ходжента, 24 мая 1866 г., где, находясь в числе охотников, первый перешел крепостную стену, причем штурм увенчался полным успехом».

В 1867 г. за кампанию против бухарцев награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом. 30 августа того же года получил чин штабс-капитана. Продолжив службу в Туркестане, Мазинг в 1871 г. получил орден Св. Станислава 2-й степени.

В начале 1872 г. Мазинг вернулся в Санкт-Петербург и 16 апреля был произведен в капитаны. 2 октября 1873 г. он получил назначение командиром четвертой батареи лейб-гвардии второй артиллерийской бригады, 30 марта 1874 г. был произведен в полковники, в 1875 г. получил орден Св. Анны 2-й степени.

Продолжая командовать батареей, Мазинг принял участие в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. и в 1878 г. был награжден орденами Св. Владимира 4-й и 3-й степеней с мечами и бантом, а 13 января 1879 г. удостоен золотой сабли с надписью «За храбрость». Определением Правительствующего Сената от 13 апреля 1882 г. полковник Михаил Карлович Мазинг с женою Элеонорою-Екатериною и детьми (Карлом-Вильгельмом-Альбертом-Николаем, Бертольдом-Михаилом, Идою-Софией и Дагмарою-Александрою-Оттилией) признан в потомственном дворянском достоинстве с внесением во вторую часть дворянской родословной книги, на основании прав на дворянство с производством его в 1874 г. в чин полковника (Герб. XIV ч.)¹³.

5 марта 1886 г. Мазинг был произведен в генерал-майоры и назначен заведующим артиллерийской частью в Закаспийской области; в 1890 г. награжден орденом Св. Станислава 1-й степени. С 3 марта 1891 г. — командир третьей артиллерийской бригады, с 27 сентября 1895 г. — начальник артиллерии 13-го армейского корпуса. 14 мая 1896 г. произведен в генерал-лейтенанты. В 1901 г. Мазинг вошел в число членов Александровского комитета о раненых и 6 декабря 1906 г. получил чин генерала от артиллерии. Среди прочих наград он имел ордена Св. Анны 1-й степени (1899), Св. Владимира 2-й степени (1903) и Белого орла (1908)¹⁴.

Помимо военной деятельности, Михаил Карлович был очень музыкальным. С 1877 г. он (баритон) являлся членом хора любителей духовой музыки, состоящей под августейшим государя императора покровительством, с 1888 г. — почетным членом хора. С 1879 г. Михаил Карлович заведовал хозяйственной частью. В 1886 г. ему пришлось покинуть хор в связи с отбытием к новому месту службы¹⁵.

Михаил Карлович вместе с Эмилией Павловной Шаффе владел домом, расположенным на углу Большого пр. В.О., 17, и 5-й линии В.О., 16. В этом доме располагалась частная женская гимназия Э.П. Шаффе¹⁶.

Скончался генерал Михаил Карлович 7 мая 1911 г.

Второй сын Карла Мазинга *Альберт Карлович* (рис. 3) родился 22 октября 1839 г. Окончив курс Аренбургской гимназии, поступил в Дерптский университет на богословский факультет, который окончил в 1863 г. В 1865—1867 гг. — пастор-адъюнкт при евангелическо-лютеранской консистории в Петербурге. В 1867 г. становится пастором прихода Св. Марии на Петроградской стороне. Альберт Мазинг возглавлял этот приход более 40 лет, затем, в 1910 г., передал его своему сыну Ивану Альбертовичу Мазингу. В 1870 г. Альберт женился на Ольге Александрине Вильгельмине Кристине Веймарн (1843—1871). Обряд венчания провел его отец, пастор Карл Мазинг (запись в приходе Св. Михаила на В.О.)¹⁷

Рис. 3. Пастор
Альберт Карлович Мазинг
(1839—1914)

в деревне Каськово¹⁸ Петербургской губернии, которая принадлежала старшему брату Ольги Веймарн Александру Петровичу, генерал-адъютанту, князю Барклаю-де-Толли-Веймарну (Alexander Friedrich Magnus Barclay-de-Tolly-Weymar, 1824–1905)¹⁹. При активном содействии Александра Петровича были получены разрешения на постройку новых зданий церкви Св. Михаила на Васильевском острове и Св. Марии на Петроградской стороне. Деревянная на каменном фундаменте церковь Св. Марии на 500 мест была построена архитекторами В.А. Шрёгером (1839–1901) и И.С. Китнером (1839–1929) в 1872–1874 гг. Проект церкви архитекторы выполнили бесплатно. 14 сентября 1874 г. церковь была освящена суперинтендантом Форманом²⁰. Служба в этой церкви велась как на немецком, так и на русском языках. Пастор Альберт был первым пастором, кому было дозволено вести лютеранскую службу на русском языке (разрешение Министерства внутренних дел от 10 мая 1870 г. на основании Высочайшего повеления 25 декабря 1869 г. об отмене последовавшего в 1848 г. запрещения произносить на русском языке проповеди в иноверческих церквях). В это же время дозволение также получил пастор Павел Леш из церкви Св. Михаила. Ведение службы в церкви Св. Марии на русском языке приводило к трениям с православной церковью и Священным Синодом. Так как проповеди Альберта Мазинга привлекали православных и «являлись поводом к совращению в лютеранскую веру», пастору Альберту было запрещено проводить проповеди на русском языке (только в утренние часы, когда совершается богослужение в православных церквях)²¹.

Читая проповеди на русском языке, Альберт продолжил дело отца по распространению веры на понятном народу языке. В приходе Св. Марии были также организованы школа (частное учебное заведение 3-го разряда), приют и вдовый дом, которые находились на попечении Альберта Карловича. Помимо церкви, Альберт Карлович преподавал закон Божий для лютеран во многих учебных заведениях Петроградской стороны, включая Императорский Александровский лицей, училище Св. Елены, Петровскую женскую академию, Женское училище принцессы Терезии Ольденбургской и др. С 1892 г. до конца жизни (1914) Альберт Карлович являлся членом евангелическо-лютеранской консистории при МВД. Из студенческого дела сына известны награды пастора на 1892 г.: Всемиловитвейше награжден золотым наперсным крестом 4 апреля 1876 г., Всемиловитвейше причислен к ордену Св. Анны 3-й степени 1 апреля 1879 г. и к ордену

Св. Станислава 2-й степени 24 марта 1885 г. Имеет ранг Общества Красного Креста 9 апреля 1879 г.²²

Первая жена пастора Ольга Веймарн рано скончалась (1871), оставив единственного сына Ивана (Johannes Konstantin, 1871–1921). Иван Альбертович пошел по стопам отца и деда — окончил теологический факультет Дерптского университета и стал пастором в Петербурге²³. В 1910 г. сын принял на себя заботу о приходе Св. Марии. В это время школа при приходе была реорганизована в коммерческое училище И.А. Мазинга. После революции Иван Альбертович покинул Россию и организовал школу для мальчиков в Берлине, умер в 1921 г. под Лейпцигом.

В 1879 г. Альберт Карлович женился вторично на Луизе Софии Гебауэр, дочери доктора Иоганна Юстиниуса Гебауэра. В этом браке детей не было.

Пастор Альберт Карлович скончался 18 июня 1914 г. под Выборгом.

После 1917 г. здание церкви Св. Марии отдали адвентистам, а в 1935 г. использовали как клуб. Во время блокады Ленинграда здание разобрали на дрова²⁴.

Третий сын пастора Карла Ивановича *Эрнест* (Woldemar Ernst Masing) родился 5 мая 1843 г. Так же как и старший брат, Эрнест в 1861 г. поступил в Дерптский университет, но на медицинский факультет. Со званием доктора медицины окончил его в 1867 г. С 1867 г. служил ординатором больницы Марии-Магдалины в Петербурге. Около 1870 г. служил в немецком полевом лазарете, затем — в почтовом госпитале. Был пожалован чином статского советника. Был главным врачом страхового общества «Нью-Йорк» и практикующим врачом в Санкт-Петербурге²⁵. В частности, лечил жену инженер-генерала и сенатора барона А.И. Дельвига, о чем последний упоминает в своих воспоминаниях²⁶. Был членом Петербургского общества немецких врачей, с 1885 по 1891 г. — секретарь общества. Вместе с братом Альбертом состоял в Обществе распространения Св. Писания в России²⁷.

Женился Эрнест Карлович в 1878 г. в Петербурге на дочери врача Александра фон Таубе Юлии Александрине (1858–1944)²⁸. В семье родилось 10 детей, 5 мальчиков и 5 девочек. Все мальчики учились в Петришуле. Наиболее известен старший сын, тоже врач, Эрнест Эрнестович Мазинг (Karl Ernst Alexander Masing, 1879–1956). Как и отец, он окончил медицинский факультет Юрьевского университета. После смерти отца в 1915 г. и революции 1917 г. семья перебралась

в Эстонию. Брат Эрнеста, Альберт, погиб под Ямбургом в 1919 г. в войне между Эстонией и Россией. Эрнест Эрнестович женился на вдове Альберта и усыновил его детей. Одним из этих детей был Вальтер Мазинг (1915–2004), впоследствии известный немецкий инженер и специалист в области управления качеством, почетный президент Немецкого общества качества²⁹. Эрнест Эрнестович продолжил работу в Тартуском университете (которую начал в 1910 г.) и был директором университетской клиники. Другие члены семьи тоже работали в Эстонии. В 1939 г. вследствие заключения пакта Молотова–Риббентропа семья Мазингов (как этнические немцы) переселилась на немецкую территорию. Эрнест Эрнестович продолжил работу в качестве профессора Познаньского университета. На территории современной Польши в 1944 г. скончалась жена Эрнеста Карловича и мать Эрнеста Эрнестовича. Эрнест Эрнестович умер в Гейдельберге в 1956 г. Его потомки сейчас живут в Германии.

Эрнест Карлович скончался 10 декабря 1915 г. в Петербурге.

Четвертый сын пастора Карла Леонгард/Леонард Мазинг (Gotthilf Leonhard) (рис. 4) родился 21 ноября 1845 г. По семейной традиции в 1863 г. он поступил на богословский факультет и окончил его в 1869 г. со степенью кандидата богословия. Но Леонард Карлович не выбрал призвание пастора, как его отец и брат, — он стал учителем

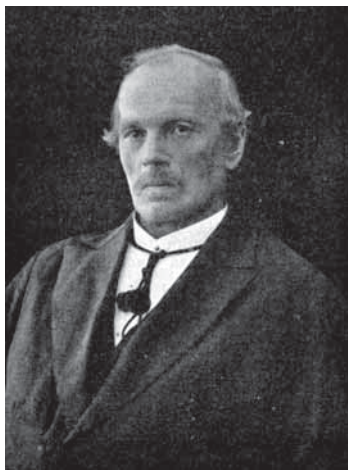

Рис. 4. Профессор Леонард Карлович Мазинг (1845–1936)

и исследователем. В 1869–1871 гг. работал в качестве домашнего учителя. С 1871 г. продолжил образование в Геттингене, слушал лекции по языковедению, философии и истории. Затем, в 1872 г., отправился Лейпциг, где в течение трех лет посещал лекции по языковедению. Пользуясь присутствием в то время в Лейпциге студентов — сербов и хорватов, практически изучал живой язык этого народа. После соответствующего испытания и предоставления диссертации (об ударении в сербохорватском языке) Лейпцигский университет в 1876 г. удостоил Леонарда Карловича степени доктора философии. С 1876 по 1880 г. Леонард Карлович занимал должность преподавателя

в Петровской женской гимназии и частной гимназии Видемана в Петербурге. Потом преподавал в гимназии в Феллине (Вильянди). В 1879 г. выдержал испытание в Дерптском университете и получил степень кандидата по русскому языку и славянскому языковедению. В этом же году он был избран доцентом русского языка и литературы Дерптского университета. В должность вступил 9 сентября 1880 г., утвержден в должности 19 января 1881 г. В 1886 г. получил степень магистра, а в 1890 г. — доктора сравнительного языковедения. 3 мая 1902 г. Леонард Карлович был назначен экстраординарным профессором по кафедре сравнительной грамматики славянских наречий Юрьевского университета. В течение этого времени Л.К. Мазинг был в командировках:

1) в 1884 г. в Москве, где занимался изучением некоторых важнейших рукописей, принадлежавших Синодальной и Типографической библиотекам, Румянцевскому музею и частным лицам, рукописей, относящихся главным образом к первому «Изборнику» великого князя Святослава Ярославича;

2) в 1886 и 1887 гг. — в Лейпциге, где снова слушал лекции Лескина и вместе с тем практически изучал новоболгарский язык у студентов-болгар, а затем в самой Болгарии, где продолжал занятия живым болгарским языком;

3) в 1895 и 1896 гг. — на Кавказе, где изучал преимущественно фонетику некоторых языков (особенно мингрельского, абхазского и чеченского)³⁰.

В 1915 г. Л. Мазинг получил чин действительного статского советника³¹.

В 1885 г. Леонард Карлович женился на Венделе Билдт (Wendela Charlotte Maria Bildt, 1848—1893). В этом браке детей не было. Леонард Карлович удочерил Венделу 1902 г.р. и Клару 1905 г.р. Впоследствии они вышли замуж за пасторов в Эстонии.

После обретения Эстонией независимости Леонард Карлович продолжил работу в качестве профессора Тартуского университета. В это время он жил в Тарту, на Ревельской улице, 41³², вместе с сестрой Бертой, которая перебралась туда из Петербурга. Скончался профессор Л. Мазинг 4 апреля 1936 г. и похоронен на кладбище Раади в Тарту.

Пятый сын, *Рихард Мазинг* (Richard Erwin Masing), родился 23 сентября 1847 г. Карьера Рихарда Карловича началась в 1874 г. на строительстве Литейного моста (ранее — Александровского, в честь императора Александра II) в Петербурге, где он был одним из четырех

инженеров-руководителей работ под началом инженера Аманда Егоровича Струве (1835–1898) и его ближайшего помощника инженер-капитана А.А. Вейса. В 1879 г. сооружение моста было завершено³³. Рихард Карлович продолжил работу на реке Волге. В 1882 г. обследовал среднее течение реки Волги в поисках места для казенных мастерских. Такое место было выбрано в деревне Василёво (Чкаловск). Первым начальником мастерских был назначен Р.К. Мазинг³⁴. В 1887 г. Рихард Карлович окончил Императорский институт путей сообщения. Был награжден орденом Св. Станислава 2-й степени в 1888 г. и бронзовой медалью в память войны 1877–1878 гг. С 1895 г. начальник дноуглубительных работ на реке Волге³⁵. Участвовал в подготовке Всероссийской выставки в Нижнем Новгороде в 1896 г. 4 апреля 1902 г. получил чин действительного статского советника. Был женат на Евгении Августовской (1867–?)³⁶. В этом браке родились трое детей: Рихард, Аделаида и Роберт.

Скончался Рихард Карлович в Казани в 1921 г.³⁷

Немногое известно о трех младших детях пастора. Бертольд Конрад Детлоф (21.9.1849–1911) был студентом Петербургского технологического института, работал инженером в Германии, директором фабрики под Лейпцигом. Был женат на Марте Фрике (1858–1928), имел троих детей³⁸. Младшая дочка Кристина (1888–1932) была замужем за немецким философом Гансом Липпсом (1889–1941)³⁹. Дочь Мария (1848–1926) вышла замуж за генерал-лейтенанта артиллерии Александра Феофилактовича Бабакина⁴⁰ (1848 — после 1932). Самая младшая дочь пастора Берта Элеонора (1853 г.р.) работала учительницей для глухонемых в Петербурге. В 1914 г. проживала вместе с братом Альбертом по адресу: Волховский пер., д. 3, на В.О.⁴¹ После 1917 г. жила вместе с братом Леонардом в Тарту⁴².

В 1907 г. Мартин Липп написал книгу о клане Мазингов⁴³, в которой восхищался количеством учителей и пасторов, которые были воспитаны в этой семье. Семья пастора Карла Ивановича Мазинга была очень успешна — его сыновья достигли высоких постов в России в разных областях: военный, пастор, врач, ученый-филолог, инженер — каждый исполнил свое призвание.

1. Отто Вильгельм Мазинг (1763–1832). URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Мазинг_Отто_Вильгельм.

2. Иоганн Рейнхольд Мазинг (1768–1824). URL: <http://www.utlib.ee/ekollekt/eeva/index.php?lang=ru&do=autor&aid=254>.

3. *Lipp Martin*. Masingite suguvõsa: Hariduse- ja perekonnaloolised uurimised // Postimees. Tartu, 1907. S. 116–124. URL: <http://digar.nlib.ee/digar/show/?id=107889>.

4. *Кайрум Каур*. Карл Иоганнес Мазинг (1811–1878). Писатель, лингвист, священник. URL: <http://www.utlib.ee/ekollekt/eeva/index.php?lang=ru&do=autor&aid=92>.

5. ЕАА. Метрические книги прихода Мустьяла. ЕАА.3135.1.36 S. 8.

6. *Кайрум К.* Указ. соч.

7. ЕАА.3135.1.36. S. 135, 155; ЕАА.3135.1.4. S. 30, 52, 74, 100, 113; ЕАА.3135.1.5. S. 25.

8. ЦГИА СПб. Ф. 1005. Оп. 1. Д. 42.

9. Журнал «Гражданин». 1873. № 18. 30 апр.

10. Здание церкви Св. Михаила на В.О. URL: <http://www.citywalls.ru/house91.html>.

11. Amburger Datenbank: Paul Eduard Leopold von Lösch. URL: <http://www.dokumente.ios-regensburg.de/amburger/index.php?id=95128>

12. *Lipp M.* Op. cit. S. 133.

13. *Бобринский А.* Дворянские роды, внесенные в общий гербовник Всероссийской империи. СПб., 1890. Ч. II. С. 734.

14. Генерал Мазинг М.К. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Мазинг_Михаил_Карлович.

15. *Колокольцов К.В.* Хор любителей духовной музыки, состоящий под августейшим государя императора покровительством: очерк. 1858–1897. СПб., 1897. С. 75.

URL: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01003678911#?page=96>.

16. Весь Петербург на 1895 г. Адресная и справочная книга С.-Петербурга. Ч. 3. С. 137.

17. Метрическая книга собора Св. Михаила на В.О. URL: <https://familysearch.org/pal:/MM9.1.1/VTSQ-NKL> (РГИА. Ф. 828. Оп. 14. Д. 68. Л. 32).

18. Amburger Datenbank: Albert Ludwig Emanuel Masing. URL: <http://dokumente.ios-regensburg.de/amburger/index.php?id=95159>.

19. Александр Петрович Барклай-де-Толли-Веймарн. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Барклай-де-Толли-Веймарн_Александр_Петрович

20. Здание церкви Св. Марии. URL: <http://www.citywalls.ru/house10346.html>.

21. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 82. Д. 17.

22. ЕАА.402.2.16062.

23. Ibid.

24. Здание церкви Св. Марии. URL: <http://www.citywalls.ru/house10346.html>

25. Amburger datenbank: Ernst Woldemar Masing. URL: <http://dokumente.ios-regensburg.de/amburger/index.php?id=72378>.

26. *Дельвиг А.И.* Мои воспоминания. М., 1913. Т. 4: 1867–1876. С. 545, 553.

27. Весь Петербург на 1898 г. Адресная и справочная книга С.-Петербурга.
28. Amburger Datenbank: Ersnt Woldemar Masing. URL: <http://dokumente.ios-regensburg.de/amburger/index.php?id=72378>.
29. Prof. Walter Masing. URL: http://de.wikipedia.org/wiki/Walter_Masing.
30. Биографический словарь профессоров и преподавателей Юрьевского, бывшего Дерптского, университета за 100 лет его существования (1802–1902). 1903. Т. 2. С. 503–505.
31. Amburger Datenbank: Gotthilf Leonhard Masing. URL: <http://dokumente.ios-regensburg.de/amburger/index.php?id=94349>.
32. ERA. ERA.85.1.542 S. 14002.
33. Литейный мост. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Литейный_мост.
34. Лукин В.П. Василевская сноровка. Н. Новгород, 2010. С. 192–193.
35. Список личного состава Министерства путей сообщения на 1896 г. Канцелярия МПС. СПб., 1896. С. 1333.
36. Amburger Datenbank: Richard Erwin Masing. URL: <http://dokumente.ios-regensburg.de/amburger/index.php?id=72379>.
37. Deutsches Geschlechterbuch. Bd. 79; Genealogisches Handbuch bürgerlicher Familien Baltisches Geschlechterbuch. Bd. 1 // Görlitz. Starke, 1933. S. 313.
347. URL: <http://mbc.cyfrowemazowsze.pl/dlibra/docmetadata?id=6184&from=publication>.
38. Ibid.
39. Philosoph Hans Lipps. URL: <http://www.deutsche-biographie.de/sfz51851.html>.
40. Deutsches Geschlechterbuch. Op. cit. S. 337.
41. Весь Петербург на 1914 г. Адресная и справочная книга С.-Петербурга. Ч. 3. С. 402.
42. ERA.85.1.542 S. 13913.
43. Lipp M. Op. cit.

С.В. Шевчук

**ЭМИЛИЙ БРЕТШНЕЙДЕР (1833–1901) —
ВРАЧ, КИТАЕВЕД, БОТАНИК**

Часто бывает, что человек, получивший образование в одной области, проявляет способности в других сферах. Наверное, особенно многогранно раскрывают данные свыше таланты те, кто получил первоначально медицинское образование. Как много среди них тех, кто стал известным писателем, путешественником, а также ботаником.

Примером яркой, разносторонне одаренной личности в полной мере является Эмилий Бретшнейдер. Уважаемым читателям предстоит в очередной раз убедиться в том, каких высот может достичь личность, совмещающая талант, трудолюбие и, самое главное, безграничную щедрость в дарении своих научных находок человечеству.

Полное имя нашего героя — Эмилий Васильевич Бретшнейдер (Emil Bretschneider). Он родился 4 июля (по н.с.) 1833 г. в селении Банкаусгоф (Bankaushof) курляндской губернии. (Сейчас это усадьба Бенкавас Салдуского края, Республика Латвия (Benkavas muiža, Saldus novads, Latvia).)

Его отец служил местным лесничим. С детства Эмилия окружала лиричная природа юго-западной Латвии. Наш герой окончил гимназию в Митаве (ныне — г. Елгава, Латвия). В 1853 г. поступил в Императорский Дерптский университет на медицинский факультет (ныне — г. Тарту, Эстония). По окончании университета Бретшнейдер отправился для приобретения практических навыков за границу: в клиники Парижа, Берлина и Вены. Наконец, обогащенный опытом, он вернулся в Россию, где был причислен к Министерству иностранных дел. Через два года, в 1862 г., Бретшнейдер назначается врачом при русском посольстве в Тегеране, а в 1865 г. переводится на ту же должность в Пекин, куда и приехал в следующем, 1866 г.

Эмилию Бретшнейдеру только исполнилось 33 года, и его ждало увлекательное знакомство с древнейшей на земле цивилизацией, непрерывно поступательно развивавшейся в течение тысячелетий.

Наверное, мудро поступают те, кто, желая правильно оценить народ, его историю и культуру, начинают с изучения языка этой страны. Именно этим всецело занялся Эмилий Васильевич в Пекине вскоре после своего приезда. Бретшнейдеру повезло с учителем, поскольку им был знаменитый китаист — архимандрит отец Палладий. Освоив язык, Бретшнейдер осознал, что перед ним раскрывается безграничная сокровищница культуры и истории великого китайского народа. В какой-то мере искренность глубокого интереса к истории восточной цивилизации Бретшнейдера перекликалась с интересом американца (тоже врача) Вильяма Бигелоу (William Sturgis Bigelow, 1850–1926). Но если Вильяма Бигелоу «покорило» прошлое Японии, то Бретшнейдер посвятил свои лучшие годы многогранному исследованию Китая.

В Китае Бретшнейдер провел 18 лет и все это время посвятил плодотворной деятельности. Освоив китайский язык, Бретшнейдер занялся изучением истории отношений китайцев с соседними странами в Средние века, потом исследовал историю и археологию китайской столицы Пекина, затем изучил китайские источники, касающиеся китайской медицины. Свои огромные сведения по китайской ботанике и фармацевтике (начиная с древнейших времен) он изложил в ряде серьезных работ.

При прочтении его литературных трудов у меня постоянно возникало удивительное ощущение, что Бретшнейдер и сейчас современен. Уже тогда большинство работ он написал на английском языке, принятом в настоящее время как язык общения ученых всего мира.

Меня, занимающегося растениеводством и историей интродукции, в первую очередь интересовала именно эта сторона деятельности Бретшнейдера в Китае. Об этом Эмилий Васильевич подробно и живописно написал в своей работе “History of European Botanical Discoveries in China”, опубликованной в 1898 г.¹ В ней приводится история ботанических исследований европейцев в Китае, начиная от Марко Поло и заканчивая современной эпохой. Много интересных сведений можно почерпнуть из работы Бретшнейдера о знаменитых российских ботаниках. Среди них прежде всего следует отметить Карла Ивановича Максимовича (Karl Johann Maximowicz, 1827–1891) и Александра Андреевича Бунге (Aleksandr Andreevič von Bunge, 1803–

1890). Множество растений, произрастающих в Восточной Азии, было описано этими великими ботаниками. Стоит отметить, что Бретшнейдер в своем труде затронул историю исследований российских ботаников не только в Китае, но и в целом в Восточной Азии.

Отметим также, что в указанной работе Бретшнейдер не только приводит интересные сведения о профессиональных ботаниках, но и много внимания уделяет судьбам простых естествоиспытателей-любителей. Среди них — врач Генрих Вильгельмович Вейрих (Heinrich Weyrich, 1828—1863), морской офицер Александр Егорович Шлиппенбах (Baron Alexander von Schlippenbach, 1828—?), врач Михаил Альбрехт (Dr. Michael Albrecht, 1821 — около 1870). Отметим, что эти естествоиспытатели открыли для науки новые высокодекоративные виды рододендронов, которые в 1870 г. были описаны Карлом Максимовичем, давшим им имена первооткрывателей: рододендрон Вейриха (*Rhododendron weyrichii* Maxim.), р. Шлиппенбаха (*R. schlippenbachii* Maxim.), р. Альбрехта (*R. albrechtii* Maxim.). Именно М. Альбрехт послал в Санкт-Петербург семена ореха сердцевидного (*Juglans cordiformis* Maxim, non Wangenh.). Этот вид был описан К. Максимовичем в 1872 г. Известно, что в 1876 г. сеянцы ореха сердцевидного неплохо привились в Санкт-Петербургском ботаническом саду. Практическая значимость этого вида растения для России только сейчас в должной степени может быть оценена. Так, один из московских садоводов, Наталья Замятина², оценивая перспективность различных орехов, ставит орех сердцевидный на одно из первых мест. Она отмечает, что это самый вкусный из подмосковных орехов, имеющий бóльшую жирность, чем у грецкого ореха, плод, и что его плоды абсолютно лишены внутренних перегородок. В Москве, по данным Н. Замятиной, орех сердцевидный переносит температуру —36° С без потерь. Было бы замечательно, если бы один из сортов этого вида назвали в честь М. Альбрехта. Благодаря Бретшнейдеру мы имеем возможность не забывать тех, кто был первым.

За этот титанический труд Бретшнейдер в 1899 г. был награжден Большой золотой медалью Русского географического общества.

В период с 1866 по 1883 г. (за исключением двух лет, 1871 и 1878 гг., когда Бретшнейдер отсутствовал в Пекине) он все свое свободное время тратил на ознакомление с флорой префектуры Пекина, особенно его северной горной части. Хотя прежде эти районы были исследованы известными российскими ботаниками Александром Андреевичем Бунге, Александром Алексеевичем Татариновым и др., а также из-

вестным французским католическим миссионером и натуралистом Арманом Давидом (Armand David), все же на долю Бретшнейдера выпало немало ботанических находок. Так, Бретшнейдер собрал почти все растения, найденные предшественниками, и открыл несколько новых видов. Собранные растения посылались в Петербург, где они обрабатывались Карлом Максимовичем.

Из этой же книги можно узнать о заслугах Бретшнейдера в деле конкретной интродукции. При всем уважении ко многим российским ботаникам-первопроходцам, стоит отметить, что они часто уделяли внимание сбору гербария, а не семян или живых растений. В результате описывались новые виды, иногда очень красивые и полезные, которые, однако, вводились порой через многие годы. Бретшнейдер во многом восполнил этот пробел. Он, отправляясь в горные районы в разные времена года, главной своей целью считал сбор спелых семян интересных растений, неизвестных в Европе, особенно деревьев и кустарников, а также экономических растений. Собранные семена Бретшнейдер передавал для выращивания в большие ботанические и сельскохозяйственные учреждения всего мира, не ограничиваясь Россией. Среди научных ботанических учреждений можно назвать: Арнольд-Арборетум (Бостон, США), Кью (Лондон), Музей натуральной истории (Париж), Берлинский ботанический сад. В России для Бретшнейдера основным адресом был Санкт-Петербургский Императорский ботанический сад.

С чувством удовлетворения Э. Бретшнейдер отмечает, что лучшие результаты в культивировании растений из присланных семян были достигнуты в Музее натуральной истории в Париже и Арнольд-Арборетуме в США. По поводу этих результатов Бретшнейдер, в частности, пишет: «Мистер Сарджент (Арнольд-Арборетум) порадовал меня несколько раз. Последний раз — в 1893 г. со списком моих растений, цветущих в его саду. О моих растениях отмечает Max Cornu из Музея натуральной истории в Париже в различных источниках в 1882 и 1888 гг.». Великий Чарльз Сарджент, в будущем директор лучшего дендрария мира, описал в своей работе «Сады и леса» северо-китайские деревья, что были выращены из семян, присланных Бретшнейдером в Арборетум, и стали цвести и плодоносить. Отметим лишь некоторые из растений, которые послал Бретшнейдер ботаникам мира. Одними из важных в научном и хозяйственном отношении являлись семена диких предков таких ценных плодовых культур, как персик (*Persica davidiana* (Carr.) Franch.) и абрикос (*Prunus armeniaca* L.).

Сарджент отмечает, что дикая форма абрикоса открыта именно Бретшнейдером. Также в Арнольд-Арборетум были отправлены семена “Pai li” (белой груши), дающей очень вкусные плоды.

Из высокодекоративных растений, отправленных в Арборетум, следует отметить рододендрон остроконечный (*Rhododendron mucronulatum* Turcz.). Ботанический сад в Санкт-Петербурге от Бретшнейдера в числе прочего получил такие высокодекоративные растения, как дейция мелкоцветковая (*Deuzia parviflora* Bunge) и гортензия, которую немецкий ботаник, директор ботанического сада в Дармштадте Леопольд Диппель (Leopold Dippel, 1827–1914) в 1893 г. описал как новый вид, названный в честь Бретшнейдера, — *Hydrangea bretschneiderii* Dipp. Эта гортензия и сейчас украшает дендрарий Ботанического института им. В.Л. Комарова — преемника Санкт-Петербургского Императорского ботанического сада. Большое число видов из семейства тыквенных было послано Бретшнейдером французскому ботанику Шарлю Нодену (Charles Victor Naudin, 1815–1899) в ботанический сад г. Антиба во Франции.

Как в этой связи ни вспомнить слова Уильяма Джеймса (William James): «Величайшая польза, которую можно извлечь из жизни, — потратить жизнь на дело, которое переживет нас».

За свои многочисленные заслуги перед Санкт-Петербургским Императорским ботаническим садом в 1883 г. Бретшнейдер был избран его почетным членом.

Выйдя в отставку в 1884 г., доктор Бретшнейдер поселился в Петербурге и занялся обработкой собранных материалов. В результате было написано много значимых для науки трудов на самые различные темы. Среди них — история и география Китая, пособия по изучению китайского языка. Его книги и статьи посвящены флоре, истории, географии, экономике Китая, Кореи, Тибета. За большой вклад в науку Французская академия избрала Бретшнейдера своим членом-корреспондентом.

Хотя серьезной литературной работой Бретшнейдер занялся после выхода в отставку, то есть после 1884 г., некоторые труды были написаны им во время пребывания в Китае. Так, в 1871 г. вышла его работа с интригующим названием: “Fu Sang, or who discovered America?”

Будучи врачом, Бретшнейдер не обошел вниманием и китайскую медицину, имевшую древние корни и до сих пор до конца не оцененную по достоинству. Так, в третьем томе (“Botanical Investigations into the Materia Medica of the Ancien Chinese”) труда под общим названием

“*Botanicum sinicum*”, вышедшем в 1895 г., даются сведения о древней китайской фармакологии. В этой фундаментальной работе (объемом 623 страницы!) Бретшнейдер подробно описал 358 лекарственных средства, которые применялись в китайской медицине задолго до нашей эры.

Из его географических работ следует особо выделить издание карты Китая на английском языке. За картографические труды и переводы с китайского языка Императорское Русское географическое общество наградило Бретшнейдера Малой золотой медалью им. П.П. Семенова.

Стоит отметить удивительную скромность этого человека. Огромную работу по обработке материалов он проводил, довольствуясь пенсией, положенной ему за службу. Как отмечал академик Карл Германович Залеман, Эмилий Бретшнейдер предлагавшееся ему звание члена-корреспондента академии отклонял из-за скромности³. К.Г. Залеман указал также, что до последних недель жизни доктор Бретшнейдер был усердным посетителем Императорского Ботанического сада и Азиатского музея. Признательность и интерес, которые он питал к этим учреждениям, благородно проявились в его завещании.

Эмилия Васильевича Бретшнейдера не стало 12 мая (по н.с.) 1901 г. Он был похоронен на Смоленском лютеранском кладбище в Петербурге. На его могиле стоит скромный памятник. Долг нашего поколения — обеспечить большую сохранность этого исторического места и защитить его от вандализма.

Безусловно, научное наследие Э.В. Бретшнейдера достойно дальнейшего изучения. Общий список его работ достаточно велик (всего 48), он приводится в отзыве члена ИРГО И.И. Кузнецова о труде Бретшнейдера “*History of European Botanical Discoveries in China*”⁴. Тем, кто захочет более глубоко изучить научное наследие Бретшнейдера, следует ознакомиться с первоисточниками, то есть с архивными материалами, которые сохранились, по сведениям М.Ш. Файнштейна⁵, в архивах Института востоковедения РАН, СПФ АРАН. Так, по сведениям М.Ш. Файнштейна, в 1992 г. в СПФ АРАН был сформирован небольшой фонд ученого (Ф. 1109) в количестве 85 дел (все они размещены в одной описи). Думаю, что и в архиве РГО тоже могут храниться важные первоисточники.

Хочу выразить искреннюю благодарность работнику библиотеки Ботанического института Тамаре Александровне Чорной, без помощи которой эта статья не состоялась бы. Благодарю также Владимира Ивановича Дорофеева за техническую работу.

1. *Bretschneider E.* History of European Botanical discoveries in China. Leipzig, 1962. Vol. I, II (Reprint of original edition 1898). 1167 p.
2. *Замятина Н.* Орехи для Подмосковья // Вестник цветовода. 2010. № 7 (147). С. 10–12.
3. Академик К.Г. Залеман. Бретшнейдер (некролог) // Известия Императорской академии наук. СПб., 1901. Т. 15. С. XVI.
4. *Кузнецов Н.И.* Отзыв д. чл. ИРГО Н.И. Кузнецова о труде “History of European Botanical Discoveries in China” by E. Bretschneider // Отчет ИРГО за 1899 г. СПб., 1900. С. 10–18. Приложения.
5. *Файштейн М.Ш.* Эмилий Васильевич Бретшнейдер и его материалы в Архиве РАН (Санкт-Петербург) // Русско-немецкие связи в биологии и медицине. СПб., 2002. Вып. III. С. 60–64.

Е.Г. Друкарев

СЕРГЕЙ ПАВЛОВИЧ ГЕРНЕТ (1859–1918), ЕГО ПРЕДКИ И ПОТОМКИ В ПЕТЕРБУРГЕ

Словарь Брокгауза и Ефрона сообщает, что Гернеты — «русский дворянский род, происходящий из Англии, откуда предки его выехали в Померанию. Петр Гернет был там бургомистром в г. Гольднове в 1550 г. Правнук его, Иоахим Гернет, переселился в около 1675 г. в Ревель, где был бургомистром»¹.

Сергей Павлович Гернет, о котором идет речь в настоящей статье, стал последним представителем петербургской ветви Гернетов, чья деятельность полностью проходила в дореволюционной России.

Задача исследователя, желающего изучить историю семьи Гернет, облегчается благодаря деятельности Акселя фон Гернета (1865–1920), видного историка и генеалога. С 1891 г. он работал в Департаменте герольдии Правительствующего Сената. Аксель фон Гернет занимался историей прибалтийских провинций России, в частности, опубликовал труд «Происхождение семьи Гернет»².

В книге приводятся документированные сведения о Петре (Пите-ре) Гернете, упомянутые выше. Он был бургомистром города Гольнова в Померании. В сентябре 1710 г., во время войны между Россией и Швецией, Иоахим Гернет (1648–1710), недавно ставший бургомистром Ревеля (современное название — Таллин), принадлежавшего тогда Швеции, вручил ключи от города российскому императору Петру I. После этого И. Гернет остался бургомистром, однако вскоре на город обрушилась эпидемия чумы, от которой он умер.

Его старший сын Карл Готлиб (1700–1791) состоял на гражданской государственной службе, отвечая за сборы налогов в Эстляндии (часть современной Эстонии, непосредственно примыкавшая к Ревелю), которая тогда принадлежала России. В 1760 г. по указу Франца I, императора Священной Римской империи (объединения, во многом

формального, германских государств, просуществовавшего до начала XIX в.), «так как его предки... обосновавшись в Померании, неоднократно занимали посты бургомистра и другие почетные должности, а сам Карл Готлиб Гернет вел похвальный образ жизни и постоянно оказывал своему отечеству необходимые, неоценимые услуги, Гернет и все его потомки... удостоены Священным Римским государством дворянского звания». В 1773 г. этот указ был признан российской императрицей Екатериной II³.

Далее в поиске информации нам помогают государственные архивы. Фридрих Вильгельм Гернет (1783–1857), внук Карла Готлиба и дед Сергея Павловича, стал, по-видимому, первым Гернетом, жившим в Петербурге⁴. Поступив на военную службу в 1798 г. в качестве прапорщика Ревельского гарнизонного полка, переведенный затем в Ревельский мушкетерский полк, он встретил войну с Францией 1806–1807 гг. уже в чине штабс-капитана. Фридрих Гернет участвовал в битвах при Пултуске (Польша) в декабре 1806 г. и при Гейлсберге (Восточная Пруссия) в мае 1807 г. В последней из них он «ранен пулей в левую руку и получает контузию в левую ногу» (здесь и далее в кавычках даются цитаты из архивных документов). Затем началась война со Швецией, и Фридрих Гернет участвовал в сражениях на территории нынешней Финляндии, в частности вблизи города Куопио.

Еще до окончания войны, в начале 1809 г., Фридрих Гернет, к тому времени уже капитан, «за раной и контузией по Высочайшему повелению уволен от службы». Однако в ноябре того же года он «принят опять в службу» и назначен смотрителем Каменноостровского инвалидного корпуса в Петербурге.

Это здание, сильно перестроенное, сохранилось до сих пор. Оно находится на Каменном острове, напротив церкви Рождества Иоанна Предтечи по адресу: Каменноостровский пр., 68. Так Гернеты поселяются в Петербурге.

В феврале 1811 г. Фридрих Гернет был назначен также помощником начальника комиссариатской комиссии Адмиралтейства, занимавшейся распределением финансирования. Он совмещает две должности до апреля 1813 г.

Звание пехотного (в отличие от морского) капитана в «Табели о рангах» соответствовало гражданскому чину титулярного советника. В романсе А.С. Даргомыжского «он был титулярный советник, она — генеральская дочь. Он робко в любви объяснился — она прогнала его прочь...» Отношения между капитаном Фридрихом Гернетом и до-

черью генерала фон Бергмана Юлианой сложились иначе. Они поженились, в браке у них было два сына и четыре дочери.

Фридрих Гернет оставался смотрителем Инвалидного корпуса до марта 1817 г., когда он был «по прошению, за болезнями, уволен от службы». Впоследствии Ф. Гернет был назначен почетным смотрителем Гдовского уездного училища. Вблизи Гдова у него было «имение с 74 душами». К этому времени Ф. Гернет был уже чиновником 7-го разряда, то есть надворным советником.

Его младший сын Павел Бернгард (1819–1860), отец С.П. Гернета, «окончив воспитание в частном учебном заведении, поступил в декабре 1835 г. на службу в Гренадерский наследного Принца Прусского полка рядовым»⁵. Спустя месяц Павла Гернета произвели в унтер-офицеры. Далее П. Гернет довольно быстро продвигается по службе. В 1840 г. он переводится в лейб-гвардии Павловский полк, расквартированный в Петербурге. В 1849 г. Павел Бернгард Гернет находится в Венгрии в составе экспедиционного корпуса, введенного туда по просьбе императора Австрии (Венгрия была частью Австрийской империи) для подавления движения за независимость. В 1854–1855 гг., во время Крымской войны, он, уже в звании подполковника, находился в составе войск, охранявших побережье Финского залива вблизи Петербурга. В июне 1855 г. его батарея, расположенная в Сестрорецке, вела артиллерийскую дуэль с британскими и французскими военными кораблями. Свообразным завершением военной карьеры стало то, что он «с 26 июля по 14 сентября 1856 г. находился в Москве в составе отряда войск гвардейских и гренадерских корпусов, собранного там по случаю коронации ...императора Александра II». В январе 1857 г. П. Гернет был «уволен от службы по болезни». При отставке ему было присвоено звание полковника.

В Гдовском уезде, где у Гернетов, как уже упоминалось, было родовое имение, он в сентябре 1857 г. утверждается в должности земского исправника, то есть начальника местной полиции. Три года спустя, в сентябре 1860 г., Павел Бернгард Гернет трагически погиб (лодка, на которой он переправлялся через реку Нарва, опрокинулась). Не ясно, был ли это просто несчастный случай. По семейному преданию, с ним расправились уголовники.

Младшему сыну П. Гернета Сереже в сентябре 1860 г. было девять месяцев. Заботу о нем взяла на себя семья барона Михаила Павловича Фридерикса, жена которого была родной сестрой вдовы Павла Гернета. В 1875 г. Сергей поступил воспитанником в Морское училище⁶.

Рис. 1. Сергей Павлович Гернет,
1905 г.

При окончании училища в 1879 г. его наградили премией адмирала Нахимова, ежегодно присуждавшейся шести лучшим выпускникам. В 1880 г. С. Гернет (рис. 1) получил звание мичмана и был направлен слушателем в Минный офицерский класс.

Минный класс был основан в Кронштадте как учебное заведение, которое готовило специалистов-минеров, а впоследствии, при внедрении электрификации на кораблях, минные офицеры стали также заведовать их электротехнической частью⁷. Минный класс стал одной из первых в России электротехнических школ. Здесь были созданы прекрасные физический и механический кабинеты, библиотека, мастерская, лаборатория и чертежная. Электротехническое оборудование минного офицерского класса было в то время лучшим в стране. В создании минного класса принимал участие Д.И. Менделеев, здесь преподавал А.С. Попов. Когда в 1877 г. на кораблях российского флота появились первые установки электрического освещения, заведовать этим оборудованием поручили воспитанникам минного офицерского класса.

В октябре 1881 г. Сергей Павлович был зачислен минным офицером 2-го разряда в экипаж строившегося в те дни в Петербурге фрегата «Владимир Мономах». До его спуска на воду оставался год. А пока С.П. Гернет «прикомандирован к минному классу на зимнее время». Затем следует несколько плаваний по Балтийскому морю, в основном это учения по установке минных заграждений. Зимой 1883—1884 гг. он вновь был прикомандирован к минному классу. В 1884 г. «уволен для службы на коммерческих судах с зачислением по флоту».

У нас нет сведений о службе Сергея Павловича на коммерческих судах. Однако известно, что еще до 1884 г. он заинтересовался проблемами электрификации и сотрудничал с П.Н. Яблочковым. Внедрил в 1870-х годах свой вариант электрической лампочки, Яблочков пред-

ложил и новый вариант трансформатора. Морское ведомство выпускало эти трансформаторы в Кронштадте для применения на флоте. Видимо, в это время и происходит знакомство Гернета с Яблочковым. При первой возможности, в феврале 1890 г., С.П. Гернет окончательно выходит в отставку, чтобы полностью посвятить себя этой работе. В прошении об отставке в качестве места жительства он, к тому времени капитан 2-го ранга, указывает завод Яблочкова в Петербурге (Обводный канал, 80).

Много лет спустя дочь Сергея Павловича Татьяна сообщала в частном письме, что «под руководством Яблочкова Сергей Павлович проводил электричество в Зимнем дворце, а также на первом электрифицированном мосту через Неву», но документов, подтверждающих эти сведения, нам не удалось найти.

Вскоре после окончания обучения Сергей Павлович женился на сестре своего товарища по Морскому училищу, «дочери капитана корпуса флотских штурманов Павла Александровича Дьячкова, девице Евгении Павловне, православного вероисповедания». До этого Гернет и его жена были лютеранами. Теперь же все шестеро детей Сергея Павловича и Евгении Павловны (рис. 2) были крещены по

Рис. 2. Сергей Павлович и Евгения Павловна с детьми, 1906 г.

православному обряду. Кстати, в послужном списке С.П. Гернета указано, что ни он, ни его жена «имений не имеют».

Сохранилась купчая крепость, согласно которой в июне 1894 г. «отставной капитан 2-го ранга Сергей Павлович Гернет приобрел участок площадью 2200 кв. саженей (примерно 10 тыс. квадратных метров) со строениями по адресу: Петербургская сторона, Песочная ул., 41» (участок находился на Аптекарском острове, тогда — далекая окраина). Согласно архивной справке, «строениями на этом участке были деревянный двухэтажный жилой дом, деревянный двухэтажный флигель, деревянная двухэтажная дача, деревянное одноэтажное здание для конторы и мастерской и каменное одноэтажное здание для мастерских». Затем городская управа утвердила проект постройки на участке двух одноэтажных зданий — для паровых машин и паровых котлов.

Здесь была создана фабрика аккумуляторов «С.П. Гернет». В 1899 г. этой фабрике, как и еще одной петербургской фабрике по производству аккумуляторов, пришлось объединиться с более могущественным Российско-германским акционерным обществом аккумуляторных заводов «Тюдор». И в июне 1899 г. недвижимое имущество С.П. Гернета, расположенное по адресу: Песочная ул., 41, перешло во владение этого общества. При этом Сергей Павлович вошел в правление «Тюдора». Основные корпуса «Тюдора» расположились на противоположной стороне улицы по адресу: Песочная ул., 42 (в соответствии с современной нумерацией это дом 38).

«Электротехническая направленность» этого уголка города сохраняется и сегодня. В 1920 г. «Тюдор» был преобразован в Государственный аккумуляторный завод, переименованный затем в «Ленинскую искру». Завод занял большую территорию, его корпуса не позволяют выйти на берег Карповки ниже Иоанновского монастыря. В 1992 г. предприятие было преобразовано в аккумуляторную компанию «Ригель». Дома на противоположной стороне улицы, именуемой с 1940 г. улицей Профессора Попова, были отданы Электротехническому университету (ЛЭТИ). А на участке, где располагалась фабрика «С.П. Гернет» в 1915 г. был построен жилой дом. Лет двадцать назад на его первом этаже расположился офис НПО «Кабельные сети».

Впоследствии Сергей Павлович стал членом правления еще нескольких предприятий, входящих в военно-промышленный комплекс (например, «Акционерное общество электромеханических сооружений, бывшее товарищество «Дюфон»»), занимавшееся, в част-

ности, изготовлением радиотелеграфной техники; «Акционерное общество металлургических, механических и судостроительных заводов Беккер и К⁰», непосредственно связанное с постройкой военных кораблей).

Кроме того, С.П. Гернет писал стихи, а также басни на политические темы, которые подписывал псевдонимом «Скальд». Стихи С.П. Гернета, как и его одноактные пьесы в стихах, публиковались в газете «Новое время», а с 1914 г. — в журнале «Лукоморье». Следует отметить, что оба издания были весьма консервативны. Среди стихов есть, например, такие:

Над долиной пышет зной,
Солнце светит ярко, жарко.
Коз ведет на водопой
Смуглолицая дикарка...

А вот стихотворение, написанное в 1906 г. и не оставляющее сомнений в политических взглядах автора:

У буржуа однажды пролетарий
Стащил динарий,
Быть может, четвертак — не в этом дело тут.
Буржуй того, конечно, тянет в суд...

Однако пролетарий умело защищается:

Но пролетарий мой — не будь дурак —
Перед судом явился для ответа,
Вздвиг красным на себя колпак:
Знал, видно, силу он такого цвета!

— и выигрывает процесс. В конце своей длинной речи он говорит:

...и, продолжал судья, в словах буржуа
Достаточных улик не нахожу я,
Не совершают краж под красным колпаком!
Экспроприация ж, хотя бы и тайком,
Не может быть заклеяна позором —
Экспроприатора не смешивают с вором!

Впрочем, среди стихов и басен С.П. Гернета встречается и сатира на правительственных чиновников. Иногда они изображаются карикатурно. Известно также, что Сергей Павлович с иронией относился к приставке «фон» перед своей фамилией, что соответствовало титулу барона, на который он имел право. Этой приставкой он никогда не пользовался, объясняя, что «баронский титул может купить кто угодно».

В 1915 г. в издательстве «Сириус» вышли две книги С. Гернета. Стихи и басни опубликованы под названием «Сатиры Скальда»⁸, а одноактные пьесы составили сборник «Миниатюры Скальда»⁹ (рис. 3). Таким образом автор сам раскрыл свой псевдоним. Рисунок на обложке «Миниатур Скальда» был сделан Георгием Петровичем Блоком, двоюродным братом поэта Александра Блока.

Рис. 3. Обложка книги С.П. Гернета, оформленная Г.П. Блоком

Впоследствии Г.П. Блок стал известен как филолог и переводчик художественной литературы. С Гернетами у Георгия Петровича были и родственные связи: он был женат на племяннице жены Сергея Павловича. Сестра Евгении Павловны Ольга была замужем за Константином Стаалем, морским офицером, погибшим в битве при Цусиме. Их дочь Ольга была женой Георгия Блока. В 1915 г. Г.П. Блоку было 27 лет, он работал в канцелярии Сената.

С начала XX в. материальное положение С.П. Гернета непрерывно улучшалось. В справочнике «Весь Петербург» за 1898–1900 гг. он числится живущим на Аптекарском острове. В 1906 г. Сергей Павлович живет уже в престижной Литейной части, в знаменитом доме Сюзора на Кирочной улице. В 1912 г. он переезжает в только что построенный дом 21 по Надеждинской улице (сегодня она называется улицей Маяковского, номер дома не изменился), принадлежащий страховому обществу «Россия». В доме были паровое отопление и горячая вода, что тогда встречалось нечасто. Это здание легко найти по мемориальной доске, напоминающей, что в 1930-х годах здесь жил Леонид Утесов.

В начале XX в. Сергей Павлович приобрел имение на Карельском перешейке, к северу от Петербурга, на восточном берегу Лемболовского озера. Имение, называвшееся Ненюмякки (по наименованию расположенной поблизости деревни), находилось в устье реки Грузинка, неподалеку от нынешней железнодорожной станции Васкелово. Здесь С.П. Гернету принадлежало 1360 десятин (около 1400 га) земли¹⁰.

Судя по приведенному выше стихотворению (а в «Сатирах Скальда» есть еще несколько произведений в таком же духе), общественно-политические взгляды Сергея Павловича были консервативными. Даже Февральская революция была для него слишком радикальна, не говоря уже об Октябрьской. Однако известно, что он был категорически против эмиграции. Возможно, Сергей Павлович считал, что все произошедшие в 1917 г. перемены — ненадолго.

В 1918 г. на Петроград обрушились голод и эпидемии. Сергей Павлович заболел тифом и 31 мая умер. Он был похоронен на 11-м участке Волковского лютеранского кладбища, рядом со своей матерью Дарьей Антоновной (Dorothea), урожденной Флигенринг (Fliegenring), скончавшейся в 1905 г., и ее сестрой Александрой, умершей в 1917 г.¹¹ Вдова С.П. Гернета умерла в блокадном Ленинграде в феврале 1942 г.

Судьба детей С.П. Гернета сложилась следующим образом. Старший сын Евгений (1882—1943), крайний справа на семейной фотографии (рис. 2), — морской офицер. Во время Русско-японской войны участвовал в обороне Порт-Артура. Во время Первой мировой войны — на Черноморском флоте. Был тяжело ранен весной 1916 г. при осаде Трапезунда. С июня 1917 г. — капитан 2-го ранга. Во время Гражданской войны занимал ряд командных должностей на Красном флоте¹². В частности, в 1920 г. был командующим Азовской флотилией. В 1926—1927 гг. работал в группе советских консультантов при армии Гоминьдана в Китае. В 1931 г. вернулся в Ленинград, работал в Главсевморпути, участвовал в нескольких полярных экспедициях. В ходе одной из них был открыт архипелаг, названный островами Арктического института. Разработал метод составления карт приполярных областей. Сделанными им картами пользовались летчики во время первых полетов к Северному полюсу. В 1938 г. Евгений Гернет был арестован по политическим обвинениям, решением Особого совещания сослан в Казахстан. В 1998 г. постановлением Правительства РФ его именем назван пролив в Карском море¹³. На биографии Е.С. Гернета основана книга¹⁴.

Старшая дочь Людмила (1885—1941) (крайняя слева на рис. 2) окончила гимназию Таганцева, затем — Екатерининский институт благородных девиц, где впоследствии работала воспитательницей. Была сестрой милосердия на фронтах Русско-японской и Первой мировой войн. В 1920-х годах работала медсестрой в Обуховской больнице в Ленинграде. В середине 1930-х годов в течение нескольких лет была секретарем-переводчиком на строительстве ГЭС в Заполярье. Умерла от голода в блокадном Ленинграде в декабре 1941 г., по свидетельству соседней, отдавала весь свой хлеб матери.

Сын Сергей (1890—1927) (второй слева на рис. 2, стоит) окончил Морской корпус в 1913 г. Во время Первой мировой войны служил на Балтийском флоте на крейсере «Олег». С 1915 г. — лейтенант. Во время Гражданской войны сражался в армии Врангеля. Эмигрировал в Китай, жил в Шанхае. Его жена Елизавета Густавовна (ур. Лилиенталь) в 1920—1930-х годах была хозяйкой модного салона в Шанхае. Год смерти С.С. Гернета удалось установить совсем недавно, когда исследователь «русского Шанхая» В.Г. Шаронова¹⁵ нашла упоминания о нем в газете русской эмиграции «Шанхайская заря».

Дочь Антонина (1895—1941) (крайняя справа на рис. 2, стоит) окончила Екатерининский институт, занималась скульптурой. В 1920-х го-

дах она работала в музеях Детского Села (так было переименовано Царское Село) и Павловска. В частности, занималась инвентаризацией личной библиотеки императора. В 1930-х годах преподавала немецкий и французский языки в школах. Умерла во время блокады Ленинграда.

Сын Георгий (1897–1955) окончил Морской корпус в 1916 г. В 1919 г. — командир катера Средне-Днепровской флотилии (армия Деникина). В 1920 г. — в армии Врангеля. В последние дни войны был ранен. Эмигрировал в Бизерту. С 1923 г. жил во Франции, работал на заводах.

Дочь Татьяна (1902–1982) в начале 1920-х годов работала няней в семье врача в Царском Селе. В 1924 г. покинула СССР. Жила в г. Алансоне (Франция). Работала в мастерской, изготавливавшей кафельную плитку, впоследствии стала ее совладелицей.

Последними потомками Сергея Павловича, жившими в Ленинграде и носившими фамилию Гернет, были две его внучки, дочери Е.С. Гернета. Ирина Евгеньевна (1917–1942), астроном по специальности, аспирантка Института астрономии. Летом 1942 г. была эвакуирована в Казань, где умерла от последствий голода в блокадном городе. Галина Евгеньевна (1920–2006), тоже астроном, в течение нескольких десятилетий была доцентом кафедры высшей математики Электротехнического института связи (ЛЭИС). В Париже живет Мишель Гернет (1955 г.р.), правнук С.П. Гернета, внук его сына Георгия. В его семье растет одна дочь, сыновей нет. Так что и эта линия пресекается.

1. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. СПб., 1893. Т. VIIIа. С. 542.

2. *Gernet Axel von*. Über die Herkunft der Familie von Gernet // *Jarhbuch für Genealogie, Heraldik und Sphragistik*, 1903. Mitau, 1905.

3. РГИА. Ф. 1343. Оп. 19. Д. 1467. Л. 6.

4. РГИА. Ф. 1343. Оп. 19. Д. 1467. Л. 32.

5. ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 6. Д. 5073. Л. 7–11.

6. ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 6. Д. 5073. Л. 1–6; РГАВМФ. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 1582. Л. 30; РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 4. Д. 3446. Л. 54–56.

7. *Житков Г.К.* Краткий очерк истории минного офицерского класса в Кронштадте. СПб., 1908.

8. *Гернет С.П.* Сатиры скальда. Пг., 1915.

9. *Гернет С.П.* Миниатюры скальда. Пг., 1915.

10. Памятная книжка С.-Петербургской губернии: описание губернии с адресными и справочными сведениями. СПб., 1905. С. 374.

11. *Бем В.Г.* Волковское лютеранское кладбище Санкт-Петербурга. СПб., 2003. Т. 2.
12. ЦГАКА. Ф. 103. Д. 492. Л. 147–155.
13. Постановление Правительства РФ № 383 от 6 апреля 1998 г. (Российская газета. 17.04.1998).
14. *Гернет Г.Е., Друкарев Е.Г.* Он умер от радости. СПб., 2011.
15. *Шаронова В.Г.* Некрополь русского Шанхая. М., 2013.

XX век

А. фон Депп, Н.И. Иванова

ФАМИЛИЯ ФОН ДЕПП В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Георгий (Георг), Александр (Александр Август), Николай — сыновья известного в свое время детского врача Филиппа Филипповича фон Деппа, происходившего из дворян Санкт-Петербургской губернии.

Георгий (Георг) Филиппович фон Депп (1854–1921) родился 29 ноября 1854 г. в Петербурге. В юношеские годы его особенно интересовало естествознание. Желание его опекуна — министра путей сообщения, генерал-лейтенанта Германа фон Паукера — побудило Георга избрать технический путь. В 1876 г. Георгий фон Депп поступил в Высшую техническую школу в Штутгарте, которую окончил в 1879 г. До 1880 г. он стажировался в высших технических школах в Мюнхене и Дрездене, затем вернулся в Санкт-Петербург. Фон Депп получил также русский диплом инженера, поэтому он смог устроиться на хорошую работу — в Технологический институт в Санкт-Петербурге. Последующие два года он работал здесь в должности инженера-технолога. (Технологический практический институт был основан 28 ноября (10 декабря) 1828 г. по Указу императора Николая I. Все документы по созданию института готовил министр финансов Е. Канкрин.)

Одновременно в 1882 г. началась практическая деятельность Георгия фон Деппа на Металлической фабрике, продолжилась научная деятельность. В 1885 г. он стал доцентом Технологического института. Состоял профессором механики в Санкт-Петербургском технологическом институте; заведовал отделом котлов инженерной лаборатории. В 1894 г. был внеочередно (досрочно) назначен профессором. С 1896 г. фон Депп читал лекции в Технологическом институте. Направления исследовательской деятельности профессора фон Деппа: паровые турбины, машины, котлы, противопожарная техника, моторы. Фон Депп опубликовал около ста статей на русском и немецком языках. В 1889 г. фон Депп опубликовал на русском языке учебник

«Паровые котлы», многократно переиздававшийся в России. В 1903 г. фон Депп подтвердил титул профессора и стал действительным профессором. В 1912 г. он впервые был выбран директором Технологического института.

Георгий Филиппович был лично знаком с Дизелем, проводил испытания моторов, изобретенных этим ученым. В институте он осуществлял экспериментальные работы, руководил студентами. До конца жизни фон Депп не оставлял исследовательской работы. Значительной была и его роль в организации учебного процесса в институте. Он стремился к тому, чтобы каждый студент стал успешным в образовательном процессе, чтобы студенты добивались успехов в теоретических предметах, таких как математика. По его мнению, это положительно способствовало проведению научно-технических экспериментов. Фон Депп ежегодно совершал образовательные поездки, посещал немецкие центры высших школ, что позволяло использовать работе передовой европейский опыт в образовательном процессе и научной. Это нашло отражение в научных опытах, проводимых профессором в институте, а также в научной работе в основанной им в 1900 г. первой в России лаборатории по испытанию машин и механизмов.

Фон Депп вел большую общественную работу: являлся членом технического жюри-коллегии на международных выставках, в частности на Всемирной выставке в Париже (1900) и Турине (1911). Он был действительным экспертом российской патентной организации. По его инициативе и под патронажем после многолетних усилий в 1905 г. был открыт первый в России Высший политехнический институт для женщин (в доме на углу Загородного проспекта и Серпуховской улицы). Занятия в этом учебном заведении начались 15 января 1906 г. Уже в 1912 г. состоялся выпуск 800 студенток.

Свободное время профессор фон Депп посвящал общественной работе, активно участвуя в деятельности различных обществ и организаций в качестве председателя и члена. Состоял членом Общества немецких инженеров, старался присутствовать на его ежегодных заседаниях. Долгое время профессор Депп состоял в Петербургском политехническом обществе, куда представил заявку на использование парового котла в отоплении. Эта заявка с большим энтузиазмом была принята и одобрена. Его предложение было доработано с открытием профессиональной школы.

Начало Первой мировой войны и «борьба с немецким засилием» способствовали увольнению многих представителей немецкой нацио-

нальности. В 1912 г. фон Депп первый раз был избран директором Технологического института.

Профессор Технологического института императора Николая I Георгий Филиппович Депп с 1881 г. входил в число действительных членов Общества технологов, основанного в 1883 г. (в годовом Отчете общества технологов (№ 10) в числе действительных членов указан профессор Депп)¹. Его правление располагалось в доме № 165 на набережной р. Фонтанки. Одновременно он являлся членом конференции Михайловской артиллерийской академии, где читал курс «Паровые машины и котлы». С 1866 г. фон Депп состоял членом Императорского Русского технического общества².

В 1915 г. во второй раз инженер-технолог, действительный статский советник, заслуженный профессор Петроградского технологического института им. Николая I Депп был утвержден в качестве директора на два года³.

Фон Депп проживал на Загородном пр., 72, кв. 10.

Главные труды Деппа: «Курс паровых котлов» (СПб., 1908. 2-е изд.), «Бездымное сжигание топлива в топках паровых котлов» (СПб., 1897); «Топки для сжигания угольной пыли» (СПб., 1898); «Опыты с двигателями Дизеля» (СПб., 1901); «Образцы котельной порчи в музее Санкт-Петербургского технологического института» (СПб., 1894); “Neuere Kreisbogenverzahnungen” (СПб., 1887); “Die Dampfkessel auf der Weltausstellung zu Paris 1900” (СПб.; Фрейбург, 1900).

Фон Депп умер в 1921 г. Студенты Технологического института, испытывая чувство глубокого уважения к К.Ф. фон Деппу, несли гроб с его телом на руках до самого кладбища⁴.

Генерал **Александр Филиппович (Александр Август) фон Депп** (1835–1889) родился 23 июня 1835 г. в Санкт-Петербурге. Лютеранского вероисповедания. С 1850 г. обучался в Николаевском инженерном училище. 17 июня 1854 г. был выпущен из училища и произведен в полевые инженер-прапорщики. Как одного из лучших офицеров для повышения квалификации его определили в офицерские классы, которые в дальнейшем были переименованы в Инженерную академию. После завершения образования академии был произведен в поручики. В 1856 г. Александр фон Депп был зачислен в Санкт-Петербургскую инженерную команду и командирован в Керчь. Здесь он должен был заниматься съемкой Керчь-Еникальского пролива. Спустя год фон Депп за прекрасно выполненную работу удостоился поощрительного Высочайшего благоволения. Его перевели в Херсонскую инженерную

команду. В мае 1859 г. в качестве поощрения он был направлен в заграничную командировку в Европу и США для изучения современных технических механизмов. Через год фон Депп был произведен в штабс-капитаны. В 1864 г. его перевели в лейб-гвардии саперный батальон, где он стал командиром роты Его Императорского Величества. В 1866 г. был произведен в полковники. Через год фон Делпа назначили командиром 5-го саперного батальона, в 1868 г. наградили орденом Св. Анны 2-й степени. Спустя два года он получил императорскую корону к этому ордену. В 1872 г. Александр фон Депп был переведен в Киевский военный округ и назначен помощником начальника инженерных войск. На следующий год фон Делпа направили в город Дубно Волынской губернии для произведения геодезической съемки (здесь предполагалось последующее строительство крепости). После выполнения этой работы фон Депп был назначен офицером по особым поручениям при Главном инженерном управлении и награжден ценным подарком. В феврале 1875 г. Александр фон Депп назначается помощником начальника инженерных войск Варшавского военного округа и производится в генерал-майоры.

Фон Депп состоял в дружеских отношениях с Тотлебенем, последний высоко ценил профессиональные качества фон Делпа и перед началом Русско-турецкой войны рекомендовал его на должность начальника инженерных войск. 1 ноября 1876 г. Александр фон Делп приступил к своим обязанностям в чине генерал-майора. В дальнейшем принимал участие в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг.

В достаточно молодом возрасте Александр фон Делп принял командование инженерными войсками, кроме того, разрабатывал планы военных действий, в частности переправу через Дунай. Его намерение состояло в захвате Дуная участками, одновременном укреплении флангов осадными батареями и установке минных заграждений. Следующим этапом было уничтожение вражеских судов, затем высадка десанта. План фон Делпа был одобрен великим князем Николаем Николаевичем. В процессе проведения данной операции фон Делп в ночь с 15/16 июня лично провел 132 понтона, находясь на первом из них. Сложность операции состояла в том, что она проходила рядом с городом Никополем, принадлежавшим туркам. В последующие ночи он также проводил понтоны и плоты для установки наплавного моста мимо вражеских батарей Никополя.

Участник этой операции капитан 1-го ранга Новосильский докладывал: «Смелый, но глубоко обдуманый план, составленный

начальником инженеров генерал-майором Деппом, по всей справедливости должен быть причислен к небывалым в летописях истории важнейшим военным операциям, которые могут увенчаться полным успехом только при безграничном самоотвержении и беззаветной отваге». 17 июня 1877 г. фон Депп «в награду отличного мужества и распорядительности во время войны с Турцией и за блестящее состояние инженерной части в действующей армии» получил золотую саблю с надписью «За храбрость» и украшенную бриллиантами.

После этой операции фон Депп принимал участие в боях под Плевной, во время взятия Телиша и др. С января 1878 г. инженерные войска под руководством фон Деппа восстанавливали железные дороги. В мае после заключения мирного договора он уехал лечиться за границу, но уже в августе вернулся и занял свою прежнюю должность в Варшаве. В 1880 г. фон Деппа командировали за границу для осмотра крепостей на северо-западе Пруссии. За выполнение этой работы он получил орден Св. Станислава 1-й степени, в 1885 г. — Св. Анны 1-й степени. 30 августа 1886 г. был произведен в генерал-лейтенанты. Через два года фон Депп был назначен командиром 27-й пехотной дивизии, но к месту своего назначения прибыть не успел: Александр фон Депп 3 марта 1889 г. (в возрасте 53 лет) скончался на прощальном обеде в Варшаве, устроенном в его честь. Похоронен в своем имении Муромицы, в 12 верстах от станции Молосковицы Балтийской железной дороги. Был награжден орденом Св. Анны 2-й степени (1868), золотым оружием «За храбрость» (1877), орденами Св. Владимира 3-й степени (1878), Св. Георгия 4-й степени (1880), Св. Станислава 1-й степени (1882), Св. Анны 1-й степени (1885).

Николай Филиппович фон Депп — юрист и писатель. По окончании курса в Училище правоведения в 1858 г. поступил на службу в Сенат, где дослужился до звания обер-секретаря. В 1865 г. был назначен в Рязань сначала губернским прокурором, а затем прокурором окружного суда. Одним из первых привел в действие Судебные уставы 1864 г. С 1868 по 1875 г. был в Петербурге присяжным поверенным; в 1876 г. назначен товарищем прокурора Одесской судебной палаты, а в 1877 г. — товарищем обер-прокурора Общего собрания кассационных департаментов Сената. С конца 1878 г. фон Депп состоял редактором «Журнала гражданского и уголовного права», сотрудничал в «Журнале Министерства юстиции» и «Журнале гражданского и торгового права». Умер в 1880 г.

1. Отчет за 18-й год деятельности о-ва технологов (1.10.1901–1.10.1902). СПб., 1903. Адрес правления: наб. р. Фонтанки, 165, кв. 2.
2. Памятная книжка членов Императорского Русского технического общества. 1866–1888 гг.
3. Петроградский курьер. 1915. 5 окт.
4. Источники: 86-томный Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона (1890–1907) и Новый энциклопедический словарь (1910–1916).

Е.Н. Груздева

ИСТОРИК И ПРЕПОДАВАТЕЛЬ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА МАРГАРИТА ЭМИЛЬЕВНА ЛИБТАЛЬ

В церковной книге столичного евангельско-лютеранского прихода Св. Михаила за 1889 г. сохранилась запись о том, что 29 октября (ст. ст.) была крещена Маргарита Анна Луиза Либталь (Liebthal), дочь вольмарского¹ гражданина, немца Эмиля Фридриха Германа Либталь, управляющего фабрикой, и его жены Каролины, урожденной Керкер². Родилась девочка 11 сентября 1889 г. в Санкт-Петербурге. Позднее в семье появились еще две дочери. Они учились в немецкой школе при соборе Св. Петра — Главном немецком училище (Петришуле). Маргарита при его окончании получила золотую медаль. За годы учебы в школе она приобрела и первый опыт преподавания — давала частные уроки.

В 1909 г. для продолжения образования М. Либталь поступила на словесно-историческое отделение Женского педагогического института и сразу зарекомендовала себя как серьезная слушательница. Еще будучи на IV курсе, Маргарита Либталь подала прошение о допущении ее к сдаче испытаний за университетский курс и за 1913 г. сдала большую часть экзаменов³. В качестве дипломного сочинения девушка представила профессору А.Г. Вульффиусу⁴, специалисту по западноевропейской истории Нового времени, работу «Идея/учение о республике у Руссо и Монтескье», в которой профессор отметил «несомненные достоинства» и дал следующий отзыв: «Работа очень хорошая и вполне заслуживает высшую оценку»⁵. Во время весенней сессии 1914 г. М. Либталь успешно сдала экзамены по оставшимся дисциплинам⁶ и получила диплом, подтверждающий знание курса российского университета⁷ и дававший право на преподавание в любых учебных заведениях и занятие научной работой.

Как способная слушательница, проявившая интерес к научным изысканиям, М.Э. Либталь по предложению профессора А.Г. Вульфуса была на два года оставлена при институтской кафедре Новой истории для «усовершенствования в науках»⁸. Это давало возможность продолжать индивидуальные занятия по избранной теме под руководством профессора и пользоваться богатой библиотекой института. Девушка посещала занятия своего научного руководителя и на Высших женских курсах, где Вульфус читал курс Новой истории. Постепенно она расширяла круг занятий — включилась в работу семинариев Э.Д. Гримма, И.М. Гревса, Е.В. Тарле⁹.

Но подготовка к научной карьере не могла обеспечить ее материально, и М.Э. Либталь, используя диплом педагогического института, устроилась на преподавательскую работу. Поскольку за время учебы в институте она освоила две специальности — историю и немецкий язык, то смогла вести уроки истории в частной гимназии Федоровой, а немецкий язык — в Тенишевском училище и старших классах Смольного института¹⁰.

После закрытия в 1917–1918 г. ряда учебных заведений Маргарита Эмильевна сумела получить часы занятий немецким языком в I Высшем педагогическом институте (бывшем Женском педагогическом институте), Красноармейском учительском институте им. Толмачева¹¹ и уроки истории в 4-й трудовой школе (бывшей Петришule, где учебной частью заведовал А.Г. Вульфус). После слияния педагогических институтов (1922) она перешла на должность старшего ассистента Педагогического института им. А.И. Герцена по кафедре немецкого языка и его истории. Ее педагогическая нагрузка в 1920-е годы заключалась в проведении практических занятий по истории культуры Германии (на немецком языке), по истории социализма Германии¹², в чтении и толковании текстов сочинений немецких публицистов — Маркса, Энгельса, Лассаля, Бебеля, Либкнехта, Меринга и др. М.Э. Либталь вела занятия и по немецкому языку, совершенствуя методику преподавания предмета¹³. Бывшие студенты, вспоминая учебу в институте в 1927 г., составили словесный портрет Маргариты Эмильевны на семинаре по аналитическому чтению: «Преподавательница, немолодая и неторопливая женщина невысокого роста, с тихим голосом, начала читать “Поэзию и правду” Гёте, поясняя трудные обороты и кратко рассказывая о людях, чьи имена упоминались в тексте»¹⁴.

Все эти годы Маргарита Эмильевна не прекращала и научных занятий по истории. Первые темы, которые она разрабатывала само-

стоятельно, относились к средневековой истории («Меровингские короли по “Истории франков” Григория Турского», «Блаженный Августин и неоплатонизм», «Разбор литературы по Возрождению») или к истории французской общественной мысли XVIII в. («Республика в учении Монтескье», «Политическая система Руссо», «Общественно-политические интересы французской интеллигенции в XVIII в. (по журналу Мельхиора Грима, по мемуарам и переписке современников)»¹⁵). После вынужденного перерыва в научных занятиях, вызванного трудностями первых советских лет, она возобновила их, поступив в 1921 г. в университетский семинарий Е.В. Тарле, посвященный изучению взглядов сторонников и противников демократии. Одновременно она посещала семинарий Н.И. Кареева «Французская рационалистическая и революционная идеология XVIII в.», который он читал в 1920–1923 гг. сначала в университете, а затем у себя на квартире¹⁶. Темой исследования М.Э. Либталь стала социологическая система французского философа Жозефа Артюра де Гобино.

В 1922 г. Маргарита Эмильевна была избрана научным сотрудником II разряда недавно созданного при университете Исторического исследовательского института. Она стала и непременным участником заседаний неофициального «кружка молодых историков», объединявшего учеников известных петербургских профессоров — Н.И. Кареева, Е.В. Тарле, А.Г. Вульфiusа, С.Ф. Платонова, С.В. Рождественского и др. По воспоминаниям Н.С. Штакельберг, основной целью кружка было ознакомление его членов с готовыми работами, имевшимися у каждого в портфеле, но еще не опубликованными из-за трудностей с печатанием и нигде не доложенными (Исторический исследовательский институт тогда только начал функционировать, и первое время лишь небольшая часть работ молодых историков могла быть сообщена на его заседаниях)¹⁷. В собраниях кружка принимали участие многие молодые исследователи, впоследствии ставшие известными учеными: С.И. Тхоржевский, С.Н. Валк, А.Н. Шебунин, М.Н. Мартынов, А.А. Введенский, Б.А. Романов; среди участников было много девушек: М.А. Тиханова, М.К. Гринвальд, Т.И. Шатилова, сестры Платоновы, И.И. Любименко, Е.Ч. Скржинская и др.

На ученых заседаниях читались доклады, рецензии, велась дискуссия, сообщалось о новинках литературы и т. д. Собирались в разных местах — в университетских аудиториях, Доме ученых, но чаще на квартирах участников кружка. Время от времени вместо научного заседания объявлялась вечеринка, на которой пили чай, шутили, стави-

ли шарады, играли, танцевали и т. п. М.Э. Либталь на собраниях кружка бывала часто, иногда предоставляла для их проведения свою квартиру. О ее активном участии в жизни кружка свидетельствует и сохранившееся шуточное стихотворение:

В обращении политична
И в делах она практична,
Но доклад отложен вдаль.
И взамен его тактично
Печет пряники Либталь¹⁸.

На заседаниях М.Э. Либталь действительно выступала нечасто. Участниками кружка упоминался лишь один ее доклад «Мемуары Вильсона о мировой войне и Версальский мир»¹⁹. Между тем Маргарита Эмильевна много трудилась в области исследования немецкой и французской политической мысли эпохи Просвещения и франко-германских отношений в эпоху Великой Французской революции. Ее работы положительно оценивались научными руководителями, предполагались к публикации статьи «К вопросу об анализе внешней политики Франции старого режима у Альбера Сореля» и «Новые данные о Вильгельме II»²⁰, но они так и остались неизданными. Лишь в 1924 г. в академическом журнале по всеобщей истории «Анналы», редактировавшемся Е.В. Тарле и Ф.И. Успенским, была опубликована ее рецензия на книгу «Вудро Вильсон»²¹. К публикации в 5-м номере «Анналов» была намечена статья М.Э. Либталь «Вильгельм II (по новым данным)»²², однако 4-й номер журнала оказался последним. Маргарита Эмильевна во второй половине 1920-х годов еще продолжала заниматься вопросами истории, но ее интересы постепенно смещались в сторону преподавания иностранного языка в высшей школе.

С целью углубления знаний о немецкой культуре и постановке школьного дела в Германии М.Э. Либталь оформила отпуск для поездки в Берлин в период летних каникул в 1924 г. Пробыв два месяца за границей, она доложила о результатах своей поездки на заседании «Общества изучения преподавания языка и литературы» при Государственном институте научной педагогики. Ее коллеги — преподаватели иностранных языков — признавали высокий уровень преподавательской и методической работы Маргариты Эмильевны: она входила в состав комиссии по разбору учебников по иностранным языкам.

Летом 1928 г. М.Э. Либталь второй раз совершила поездку в Германию с целью научно-педагогической работы. Уже находясь за границей, она обратилась в правление рабфака Педагогического института с просьбой продлить предоставленный отпуск: «Осуществив с большим трудом заграничную поездку, хотелось бы максимально ее использовать. Одной из намеченных мною задач было знакомство с работой вузов в Германии. Но, к сожалению, зимний семестр начинается только с 15 октября, и осуществить свое намерение я смогу лишь при условии отсрочки отпуска. Кроме того, я имею возможность остановиться в книжном центре Германии, именно в Лейпциге, и пользоваться его богатейшими библиотеками <...> Для моей работы по специальности более продолжительное пребывание здесь чрезвычайно важно»²³. Руководство Педагогического института ее просьбу поддержало: отпуск был продлен сначала на осенний, а затем и на весенний семестры (до 1 сентября 1929 г.)²⁴. Зиму Маргарита Эмильевна провела в Лейпциге, занимаясь в библиотеке и университете, знакомясь с разными типами школ, весной переехала в Берлин. Весь год в Ленинграде ждали ее возвращения. Считая весьма желательным продолжение ее работы в институте, правление даже в отсутствие М.Э. Либталь поддержало ее переизбрание на должность «как лица с историческим образованием и марксистской установкой»²⁵. Осенью 1929 г., вернувшись в Ленинград, Маргарита Эмильевна продолжила преподавать немецкий язык.

При аттестации педагогического персонала в 1929 г. она получила положительный отзыв: «За время пребывания ее в составе преподавателей Педагогического института им. Герцена она обнаружила умение и любовь к преподаванию, и ей поручались занятия как межкафедретские, так и специальные по чтению марксистской литературы на немецком языке. М.Э. Либталь вела эти занятия с большим успехом, будучи прекрасно подготовленной в этой области»²⁶. По отзыву заведующего иностранным отделением профессора А.А. Брока, «в качестве преподавательницы по межотделенческому преподаванию она из года в год руководила рядом групп по немецкому языку и обнаружила методический талант при ведении этого дела, особенно трудного вследствие незначительного количества предоставленных для преподавания языков времени»²⁷. Решением комиссии она была утверждена в ученом звании старшего ассистента по кафедре германской филологии факультета иностранных языков.

Общаясь со своими знакомыми историками, Маргарита Эмильевна знала о тех тревожных событиях, которые происходили в академи-

ческих учреждениях: о проверках, «чистках», арестах и увольнениях. Но тогда, осенью 1929 г., никто не предполагал, что это начало большого политического процесса, в который будут вовлечены сотни людей. Постепенно формировалось дело по обвинению в контрреволюции, шпионаже, подготовке антисоветского заговора, готовящегося российской интеллигенцией под руководством известного историка академика С.Ф. Платонова. Поскольку среди «преступных действий» обвиняемых значилась и организация молодежных групп «для создания и воспитания антимарксистских и антисоветских кадров»²⁸, в начале 1930 г. начались аресты бывших участников неформальных научных кружков — студентов и молодых исследователей (в том числе и «кружка молодых историков»), работавших под руководством «подозрительных» университетских профессоров.

М.Э. Либталь, понимая, что подойдет и ее очередь, подготовилась к аресту: уничтожила все, что имело отношение к кружку, и всю частную переписку. После ареста ее подвергли не только допросам, но и психологической обработке. По свидетельству Н.С. Штакельберг, сидевшей с ней в одной камере, Маргариту Эмильевну «запирали в карцер без света, кровати, стула, с мокрым каменным полом, без уборной, на хлебе и воде»²⁹. От нее требовали сказать, где хранится архив «кружка молодых историков». На одном из допросов следователь добился того, что измученная женщина подписала протокол с абсурдными утверждениями. Хотя Маргарита Эмильевна и считала, что «вне зависимости от поведения каждого из арестованных в результате следствия будет сделано то, что найдено будет нужным», она очень переживала, что поддалась на провокации следствия³⁰.

По «академическому делу» М.Э. Либталь была приговорена к 10 годам отбывания в лагере³¹. В автобиографии в 1938 г. Маргарита Эмильевна скупо писала, что получила административную высылку на три года (до 16.10.1932), «через год по пересмотру дела в Москве была освобождена, но продолжала работать на Беломорканале уже в качестве вольнонаемной ОГПУ до конца строительства»³².

Так она оказалась в Карелии, в Медвежьей Горе — станции по Мурманской железной дороге, в 567 км от Ленинграда: с 1930 г. Медвежья Гора была местом расположения лагеря ГПУ в связи с постройкой Беломорско-Балтийского канала (ББК). Там Маргарита Эмильевна познакомилась с известным ленинградским преподавателем и методистом по естествознанию Борисом Евгеньевичем Райковым. Арестованный в июне 1930 г. и осужденный Б.Е. Райков с марта 1931 г.

отбывал наказание в Кемском лагере, где с конца 1931 г. заведовал санитарно-бактериологической лабораторией дорсанотдела ББК НКВД. В своих воспоминаниях Борис Евгеньевич писал: «Наиболее удачным лаборантом была очень умная и культурная женщина средних лет, русская немка, по профессии преподавательница истории и немецкого языка <...> Маргарита Эмильевна Либталь. Она не имела никакого отношения ни к естествознанию, ни к медицине и попала в лабораторию следующим образом. Мне сообщили наши врачи, что в Повенце работает прачкой очень интеллигентная заключенная женщина-историк, которую надо бы выволочь из ее положения, так как она хрупкого здоровья. Я вытребовал ее в лабораторию и стал обучать простейшим анализам. Она оказалась очень способной и скоро усвоила несложную технику исследования мочи и т.п. Это была очень симпатичная и культурная женщина, которая попала в лагерь по делу известного историка Платонова. <...> Кроме работы в лаборатории, Либталь при ее знании немецкого литературного языка помогала мне совершенствовать мой собственный язык, читая мне вслух в свободное время сочинения Гауптмана, Зудермана и других немецких писателей. <...> М.Э. Либталь мне рассказывала, что она, прежде чем попала в лабораторию, спала в одном бараке с прачками на общих нарах»³³. С переходом в лабораторию Б.Е. Райкова Маргарита Эмильевна не только освоила новую для нее специальность, но вернулась в привычную интеллигентскую среду, приобрела новых друзей. В октябре—ноябре 1932 г. даже ездила на две недели в Ленинград в отпуск³⁴.

В 1934 г. она получила разрешение НКВД вернуться в Ленинград, где жили ее сестры, Елизавета и Вера. М.Э. Либталь вновь начала вести занятия по немецкому языку для студентов и аспирантов в ряде учебных заведений города: в Строительном техникуме (1934—1935), Академии наук (в комитете по подготовке кадров) (1934—1936), Институте внешней торговли (1934—1936), Институте инженеров коммунального строительства (1934—1938), на филологическом факультете университета (1935—1938).

Маргарита Эмильевна встречалась с Б.Е. Райковым, оставшимся в Медвежьегорске как вольнонаемный служащий, привозила ему на станцию бумагу, книги, а летом 1936 г. даже гостила у Райковых две недели³⁵. Казалось, жизнь возвращалась в нормальное русло. Однако в 1938 г. на волне антинемецких политических акций сестры Либталь как лица немецкого происхождения были лишены права проживания

в Ленинграде и получили предписание покинуть родной город³⁶. Отныне они могли бывать в нем лишь как гости.

Маргарита Эмильевна на какое-то время исчезла из поля зрения ее друзей и лишь в апреле 1942 г. «отыскалась около города Бежецка, в селе, где преподает в средней школе немецкий язык, ботанику и зоологию»³⁷. Б.Е. Райков, получивший в декабре 1943 г. должность декана естественно-географического факультета в Архангельском пединституте, хотел выписать свою бывшую сотрудницу в Архангельск, но узнал, что она уже полгода как лежит парализованная после инсульта и едва говорит³⁸.

После войны Маргарита Эмильевна, здоровье которой так и не восстановилось, жила в инвалидном доме в Лубенкино, близ станции Удомля в Калининской (ныне — Тверской) области. Ее навещали сестры, часто приезжала Маргарита Константиновна Гринвальд, дружба с которой завязалась еще в юности в исторических кружках; друзья поддерживали письмами, посылками с необходимыми вещами и «вкусеньким». Свой досуг М.Э. Либталь заполняла чтением. Она писала Б.Е. Райкову: «Что я делаю? Я очень много читаю в этом году. Герцен “Былое и думы”, Бобров “Чкалов”, Ал. Толстой “Хождение по мукам”, Мамин-Сибиряк “Хлеб”, “Приваловские миллионы”, Войнич “Овод”, “Наша великая Родина”, Коптяева “Товарищ Анна”, Калатозов “Лицо Голливуда”, Л. Толстой “Война и мир” (много нового), Влад. Попов “Сталь и шлак”, Лаптов “Заря”, Новиков-Прибой “Цусима”. Как раз второй том задержал меня, так как я заболела. Я не все перечислила, более мелкие пропустила. Я очень люблю читать газеты. Я выписала себе “Известия”, 3 месяца. Не знаю, как будет дальше для меня. Я принимаю участие в политическом кружке. Мы изучаем биографию Сталина и историю Всесоюзной коммунистической партии. Вот и все...»³⁹

После второго инсульта, случившегося 20 июля 1959 г.⁴⁰, врачи констатировали, что ее положение безнадежно, и через несколько дней⁴¹ Маргариты Эмильевны Либтали не стало.

1. Вольмар — немецкий вариант названия уездного города Valmiera в Лифляндской губернии (ныне — в Латвии).

2. ЦГИА СПб. Ф. 2. Оп. 1. Д. 18776. Л. 6.

3. ЦГИА СПб. Ф. 918. Оп. 1. Д. 5711. Л. 242.

4. О нем см. статью: Груздева Е. Н. Александр Германович Вульфийс (1880–1941) // Новая и новейшая история. 2012. № 4. С. 152–162.

5. ЦГИА СПб. Ф. 918. Оп. 1. Д. 3506. Л. 10, 12.

6. РО РНБ. Ф. 585 (Платонова). Д. 439. Л. 8 об.—9.

7. ЦГИА СПб. Ф. 918. Оп. 1. Д. 3506. Л. 3—4.

8. ЦГИА СПб. Ф. 918. Оп. 1. Д. 5697. Л. 25.

9. ЦГА СПб. Ф. 3976. Оп. 1. Д. 1096. Л. 8.

10. ЦГИА СПб. Ф. 2. Оп. 1. Д. 18776; ЦГА СПб. Ф. 3976. Оп. 1. Д. 1096. Л. 41.

11. Институт был создан в Петрограде в 1919 г. в целях подготовки учителей для красноармейских школ грамотности, в 1925 г. преобразован в Военную политическую академию.

12. ЦГА СПб. Ф. 3976. Оп. 1. Д. 1096. Л. 21об.

13. ЦГА СПб. Ф. 4331. Оп. 2. Д. 791. Л. 4.

14. *Стильман Т., Адмони В.* Мы вспоминаем: роман. СПб., 1993. С. 118, 145.

Любопытно, что М. Э. Либталь запомнилась студентам как «немолодая женщина», хотя в 1927 г. ей было всего 38 лет.

15. ЦГА СПб. Ф. 3976. Оп. 1. Д. 1096. Л. 6, 8.

16. *Кареев Н.И.* Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 284—285.

17. *Штакельберг Н.С.* «Кружок молодых историков» и «Академическое дело» // In мемориал: Исторический сборник памяти Ф.Ф. Перченка. М.; СПб., 1995. С. 34.

18. Там же. С. 40.

Б. Е. Райков в своем автобиографическом очерке «На жизненном пути» приводит эпиграмму (возможно, со слов самой М.Э. Либталь) — строки, по-видимому, из того же стихотворения, но несколько переиначенные: «Но прошли два-три собрания, / А доклад отложен вдаль. / И, забыв про обещанья, / Печет пряники Либталь» (СПФ АРАН. Ф. 893. Оп. 2. Д. 24. Л. 152).

19. Архив УФСБ РФ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 17. Л. 50 (из показаний С.И. Тхоржевского от 16.01.30).

20. ЦГА СПб. Ф. 3976. Оп. 1. Д. 1096. Л. 3, 6.

21. *Либталь М.Э.* Вудро Вильсон (рец. на кн.: *Вудро Вильсон.* Мировая война. Версальский мир. По документам и запискам председателя Американского комитета печати на Версальской конференции Стеннарта Бекера / Пер. А.Н. Карасика; предисл. М. Павловича. ГосИзд., 1923. Т. I) // *Анналы.* 1924. Т. IV. С. 301—304.

22. Фигура Вильгельма II была очень популярна в начале 1920-х годов: в тех же «Анналах» к ней уже обращались А.Г. Вульфийус (в № 3 рец. на его мемуары «Вильгельм II о себе самом») и П.П. Щеголев (в № 4 рец. на опубликованную переписку Вильгельма II и Николая II).

23. ЦГА СПб. Ф. 3976. Оп. 1. Д. 1096. Л. 4.

24. Там же. Л. 34, 36.

25. ЦГА СПб. Ф. 4331. Оп. 2. Д. 791. Л. 4.

26. Там же. Л. 1.

27. Там же. Л. 4.
28. Архив УФСБ РФ по СПб. и ЛО. П-65245. Т. 5. Л. 54 об.
29. *Штакельберг Н.С.* Указ. соч. С. 59.
30. Там же.
31. См.: *Перченко Ф.Ф.* Академия наук на «великом переломе» // Звенья: исторический альманах. М., 1991. Вып. 1. С. 230.
32. СПФ АРАН. Ф. 222. Оп. 5. Д. 38. Л. 105, 111 об.
33. СПФ АРАН. Ф. 893. Оп. 2. Д. 24. Л. 151–152, 154.
34. СПФ АРАН. Ф. 902. Оп. 2. Д. 423. Л. 48.
35. Там же. Д. 422. Л. 60–62.
36. Вера Эмильевна обосновалась в Енисейске (ум. в 1957 г.), а Елизавета Эмильевна после войны жила в Латвии, мечтала вернуться в Ленинград, но так и не дождалась соответствующего разрешения прокуратуры. Б.Е. Райков в 1965–1966 г. пользовался услугами Е.Э. Либталь как переводчицы с немецкого, пересылая ей письма членов семьи Бэра.
37. СПФ АРАН. Ф. 902. Оп. 2. Д. 422. Л. 132 об.
38. Там же. Л. 147–147 об.
39. СПФ АРАН. Ф. 893. Оп. 4. Д. 254. Л. 3 об.—4.
40. Там же. Д. 255. Л. 3.
41. Точная дата смерти не установлена: на открытке из Удомли с известием о втором инсульте стоит дата 22 июля, тогда Маргарита Эмильевна еще была жива (СПФ АРАН. Ф. 893. Оп. 4. Д. 255. Л. 3).

В.Г. Шаронова

ХОЗЯИН РУССКОГО ЗАМКА В ШАНХАЕ

История пребывания российских подданных в Шанхае начинается с середины 1860-х годов, когда в порт стали заходить русские торговые и военные суда. Расширение торгового и военного сотрудничества между Китаем и Россией способствовало увеличению русской колонии в Шанхае.

Наряду с другими китайскими городами, где были консульские учреждения императорской России, в ходе Русско-японской войны 1904–1905 гг. Шанхай активно информационно и материально поддерживал осажденный Порт-Артур. В местных госпиталях были размещены раненые моряки с расстрелянного в боях с японцами крейсера «Аскольд». После окончания войны в Шанхай из Японии прибыли многочисленные русские военнопленные, часть из них осталась здесь на заработки, осваивая новые профессии.

В 1911 г. на пост Генерального консула России был назначен известный дипломат Гроссе Виктор Федорович¹. Его карьера началась в МИДе в ноябре 1892 г. Он был свидетелем основания Русско-китайского банка, участником подписания договора об аренде Ляодунского полуострова, при нем завершилось мирное завоевание Маньчжурии. До Шанхая Виктор Федорович занимал различные должности в российских загранучреждениях в нескольких городах Китая и Японии.

Спустя год после назначения на новую должность в Шанхай В. Гроссе поставил вопрос о строительстве собственного здания Российского генерального консульства в Шанхае как знака укрепления политических позиций в этом регионе. Его просьба была удовлетворена, и в 1914 г. на берегу реки Вампу (при слиянии с каналом Сучжоу) началось строительство нового здания. Первая мировая война разделила многоголосый Шанхай на несколько лагерей. Русское консульство закупало ткани и продовольствие и отправляло их на судах на родину.

Для поддержки нуждающихся соотечественников было создано Русское благотворительное общество «Помощь», которое возглавлял сам Генконсул.

Одновременно со многими проблемами военного времени возникла еще одна, связанная с прекращением финансирования строительства здания на Вампу-роуд. Виктор Федорович был вынужден продолжать стройку за счет собственных средств и частных пожертвований русских купцов в Ханькоу.

К концу декабря 1916 г. обстановка была закончена. Власти Шанхая и дипломатический корпус были приглашены на его торжественное открытие, которое приурочили к первому дню нового (тогда казавшегося счастливым) 1917 г. Среди почетных гостей в церемонии принимали участие китайский лидер Сунь Ятсен² и российский посланник Д.Д. Покотилов³.

Спокойствие и размеренный образ жизни русской колонии были нарушены Октябрьской революцией. Все ждали побед белой армии и скорого избавления от власти большевиков. В 1919 г. численность российских поданных в Шанхае составляла около 1600 человек. В ситуации всеобщей паники и непонимания было важно наличие лидера, который смог бы удержать перепуганных людей от отчаянных поступков. Им стал В.Ф. Гроссе.

Начиная с 1920 г. в Шанхай стали прибывать первые беженцы, в основном они добирались на пассажирских и торговых судах.

В 1922 г. флотилия контр-адмирала Старка⁴ бросила якорь в устье реки Янзцы, в нескольких километрах от Шанхая. На борту кораблей было три тысячи пассажиров из России, среди них — белые офицеры, кадеты и гражданские лица.

Несмотря на протесты со стороны представителей Шанхайского международного селтльмента, благодаря договоренностям Гроссе с властями города и его авторитету адмиралу Старку удалось высадить на берег большую часть беженцев. Русское благотворительное общество, возглавляемое В.Ф. Гроссе, работало на пределе. Благодаря заботам общества многие беженцы находили себе работу, было роздано около 20 тыс. бесплатных обедов.

Трагична сложилась судьба русского Генерального консульства. Оставаясь в должности, В.Ф. Гроссе проводил в здании консульства различные благотворительные акции и мероприятия: в июле 1920 г. в Зеленом зале консульства открылось первое общее собрание представителей Российской армии в Шанхае.

В сентябре 1920 г. Бэйпинское правительство⁵, готовясь признать новое советское правительство, сообщило Гроссе о непризнании правомочий бывших дипломатов царской России. В 1924 г. под усиленной охраной европейских и сикхских полицейских «белый консул» В.Ф. Гроссе передал здание российского консульства новому советскому вице-консулу Р.О. Элледеру⁶. Перед отъездом бывших российских дипломатов казаки с фронта здания сняли герб с двуглавым орлом⁷ и спустили флаг Российской империи.

В 1926 г. Гроссе создал Русский эмигрантский комитет (РЭК), который играл важную роль в правовой поддержке российской диаспоры на протяжении многих лет. Сам Виктор Федорович мог принять подданство любой страны, и коллеги из дипломатического корпуса предлагали ему помощь в этом вопросе. Но он избрал другой путь — служения своим соотечественникам, попавшим в беду, оставшимся без родного дома. Много лет Виктор Федорович возглавлял Российский эмигрантский комитет: он устраивал людей на работу, вел консульский учет, выдавал паспорта со своей подписью, которые считались основным документом изгнанников из России. Это были люди разных национальностей (русские, евреи, украинцы, латыши, грузины, армяне, тюрко-татары, литовцы, эстонцы и др.), но для него это был народ той страны, в которой он родился и вырос. В конце февраля русская общественность отметила 35-лентий юбилей пребывания В.Ф. Гроссе в Китае в консульских чинах. В популярном ресторане «Кавказ» планировалось устроить банкет. Однако скромность Виктора Федоровича проявилась и здесь, поэтому он решил ограничить торжество чашкой чаю, а собранные для него средства перевести на счет благотворительной организации «Помощь».

В ноябре 1929 г. жена Виктора Федоровича, Элла Павловна Гроссе, возвращаясь домой от организаторов благотворительного бала в пользу неимущих русских учеников в отеле «Мажестик», получила травму, поскользнувшись на улице. В результате она перенесла несколько операций. Несмотря на запреты врачей, Элла Павловна приняла участие в новогоднем благотворительном бале накануне 1930 г. Спустя несколько дней после Нового года Элла Павловна скончалась от осложнений, вызванных переломом.

Виктор Федорович ненадолго пережил жену. Последние годы в память о своей супруге он активно занимался благотворительными проектами, читал лекции по истории России, участвовал в общественной жизни русской колонии и по-прежнему возглавлял созданный им

Эмигрантский комитет. В октябре 1931 г. он скончался от сердечного приступа и был похоронен рядом с супругой на кладбище Бабблинг Велл роад (не сохранилось).

Сегодня в здании, построенном В.Ф. Гроссе, располагается Генеральное консульство России в Шанхае. Память об этом выдающемся дипломате и замечательном человеке сохраняется здесь до сих, его портрет вывешен в зале приемов.

1. Гроссе Виктор Федорович (16.05.1869, Грива-Земгале — 06.10.1931, Шанхай).

2. Сунь Ятсен (12.11.1866—12.03.1825) — китайский революционер, основатель партии Гоминьдан, один из наиболее почитаемых в Китае политических деятелей. В 1940 г. посмертно получил титул «отца нации».

3. Покотилев Дмитрий Дмитриевич (1865—1908) — русский дипломат и предприниматель, действительный статский советник (1900), посол в Китае.

4. Старк Георгий (Юрий) Карлович — русский адмирал, последний командующий Сибирской военной флотилией. В 1922 г. флотилия Старка вышла из Владивостока, с потерей кораблей пришла в Гэндзан (Япония), а затем в Шанхай, где высадила гражданских лиц, после этого отправилась на Филиппины.

5. Пекинское правительство.

6. Элледер Ричард Осипович (Иосифович) — советский дипломат. Работал в Народном комиссариате по иностранным делам в 1923—1925 гг. Был внештатным уполномоченным в Шанхае (1923—1924), вице-консулом СССР в Шанхае (1924—1925).

7. Ныне находится в Казачьем союзе в г. Сан-Франциско.

М.В. Шкаровский

НАСТОЯТЕЛЬ ПЕТРИКИРХЕ ПАСТОР ГЕЛЬМУТ ГАНЗЕН

Один из самых известных настоятелей церкви святого апостола Петра в Санкт-Петербурге на Невском проспекте (Петрикирхе) — пастор Гельмут Германович Ганзен — родился 13 марта 1892 г. в Тифлисе (ныне — Тбилиси) в семье немецкого лютеранского пастора. До 1898 г. он проживал в Тифлисе, но затем его родители переехали в столицу Российской империи, и Гельмут в 1901—1910 гг. учился в петербургской гимназии св. Анны. В 1911—1916 гг. он изучал теологию в Юрьевском (Дерптском) университете, после окончания которого был ординирован.

С 1916 г. Гельмут Ганзен служил в церкви святых апостолов Петра и Павла в Стрельнинской колонии под Петроградом, а с 1918 г. одновременно и в ленинградской Петрикирхе. Многие годы он проводил в Стрельне детские богослужения и занятия по изучению Библии (Бибельштунден). Когда в апреле 1924 г. Ганзен стал главным пастором Петрикирхе, он продолжил свою деятельность, но уже в большем масштабе. Под его руководством было создано около 20 детских кружков по изучению Закона Божия (в среднем по 5—8 детей от 7 до 16 лет в каждом). 23 преподавателя, в основном прихожане церкви святого Петра и некоторые учащиеся Ленинградских библейских курсов, вели занятия с детьми на частных квартирах по 19 адресам. По пятницам преподаватели собирались на квартире у пастора для педагогических бесед. Кроме того, по вторникам (вечером) в кирхе Ганзен проводил специальные Бибельштунден для молодежи, которые посещали 25—40 человек.

Именно из них в 1925 г. молодые люди, дважды совместно бывшие у причастия, создали группу «Югендбунд». Она не имела устава, но ее члены вели большую работу в храме: убирали и украшали здания, регистрировали прихожан, пели на богослужениях и т.д. Осенью

1925 г. 13 девушек занялись выявлением неимущих членов общины. После составления списка они посещали нуждающихся и выдавали им полученные от пастора пособия. Сбор денег осуществлялся за счет пожертвований по подписным листам, доходов от концертов, бронирования мест в кирхе (пригласительные карточки стоили от 50 коп. до 2 руб.) и устройства лотерей, которые проводились один раз в год (400–500 билетов по 50 коп. каждый). Кроме того, определенную сумму на бедных выделял германский консул. Денежная помощь даже отправлялась за границу, например вдове пастора в Будапешт. В страстную субботу 1926 г. Ганзен устроил общее причастие, заказав накануне около 30 специальных значков, которые вручили конфирмантам. Молодежь собиралась и на квартире пастора на так называемые «чайные вечера» (до 60 человек одновременно) с пением, играми, постановками на религиозные темы¹.

Сборы от продажи билетов на концерты религиозной музыки в Петрикирхе и Немецкой реформаторской церкви (в которой Ганзен периодически проводил богослужения) шли не только на благотворительные цели, но и на уплату все возраставших налогов. Безработным прихожанам при содействии Германского консульства помогали в вопросах трудоустройства — таким образом на работу было направлено 7 человек. Вообще консульство оказывало общине разнообразную помощь: в 1928 г. выделило 4 тыс. марок на ремонт храма, помогало в приобретении дров для отопления здания и др. Деньги на оплату пасторам шли в основном от Густав-Адольф-Союза — по этой линии Ганзен получал через епископа Артура Мальмгрена в 1924–1927 гг. по 50 долларов ежегодно, в 1928 г. — 100, а в 1929 г. — 150 долларов.

Деятельность главного пастора Петрикирхе была разнообразной. В частности, Ганзен с разрешения Высшего церковного совета разослал в приходы по всей стране свыше четырех тысяч экземпляров религиозной литературы, с дореволюционных времен хранившейся в церкви святого Петра. На Синоде 1924 г. Ганзен, единственный из присутствующих, не подписал приветственное слово к советскому правительству. В 1925–1929 гг. он был доцентом Ленинградских евангелическо-лютеранских библейских курсов, где преподавал библейскую теологию Нового Завета, жизнь Иисуса. Поддерживал пастор связь и с бывшей Петришуле (в конце 1920-х годов — 41-й советская школа), директор которой Павел Вульфийус до 1924 г. состоял в «двадцатке» (приходском совете) Петрикирхе. Он и инспектриса Рейгольд покровительствовали ученикам, посещавшим церковь².

3 декабря 1926 г. в Ленинградский губернский исполнительный комитет поступил первый анонимный донос на главного пастора церкви святого Петра: «Ганзен у себя на квартире каждую среду в 7 часов вечера устраивает вечеринки; мальчики и девочки, около 30 человек, там поют духовные песни... И его жена тоже дает уроки пения, и в воскресенье в 1 час дня будет в церкви детский праздник, там они будут петь, и этим детям он дает уроки Закона Божия под видом богослужения, и так каждый понедельник и четверг в 5 часов в здании церкви он обучает детей». Административный отдел Ленгубисполкома переслал копии этого письма в Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) и заведующему районным столом регистрации, но на прямые репрессии в то время власти не решились³.

Ситуация начала меняться через полтора года. 9 мая 1928 г. газета «Ленинградская правда» поместила статью с яростными нападками на пасторов Гельмута Ганзена и Курта Мусса (возглавлявшего общину русских лютеран): «В центре города, сотворившего революцию, рядом с марксистскими семинариями, на проспекте 25-го Октября в древней облупившейся кирхе, как 400 лет назад... сумрачные мистерии служб, экзальтированные выкрики проповедей... Ганзен — воинственный проповедник, лукавый философ. Цитирует Лютера, Кальвина, Ницше, Конфуция и даже, о боже, Маркса. Воинственные призывы, откровенная проповедь антисемитизма и контрреволюции — вот что привлекает добрый пастор детям... В его контрреволюционной работе подпевает младший пастор Мусс... Позволяет себе обратиться к трезвым проповедникам из прокуратуры, дабы они оградили нас от контрреволюционного шипения, которое исторгается из желчного рта пастора Г. Ганзена»⁴.

В обстановке начавшего в 1928 г. резкого ужесточения религиозной политики в СССР, репрессий и прямых провокаций ОГПУ между пасторами порой возникали конфликты. Архиепископ Михаил (Мудьюгин) позднее вспоминал: «Надо заметить, что ревностное служение пасторов Мусса и Ганзена, их безоговорочная миссионерско-просветительная деятельность встречала неодобрение и даже осуждение со стороны более осторожных и менее воодушевленных собратьев-пасторов, а также со стороны многих рядовых членов церковных общин. Им внушали, что не следует “лезть на рожон”, что “плетью обуха не перешибешь”, что нет смысла и недопустимо ставить под удар не только себя, но и свою семью и даже общину в целом»⁵.

17 декабря 1929 г. последовали массовые аресты лютеран. Всего по данному делу органы ОГПУ привлекли 86 человек: четырех пасторов, учащихся библейских курсов и прихожан, в том числе родственников священников — их жен, сестер, братьев, трех дочерей скончавшегося епископа К. Фрейфельда — Эльзу, Марту, Магдалину, племянника епископа Т. Мейера Густава Гольде и др. 17 декабря по обвинению в антисоветской деятельности и обучении подростков катехизису был арестован и Гельмут Ганзен, ставший главным обвиняемым.

При обысках были изъяты пишущие машинки, несколько сотен конспектов на религиозные темы, карточки учета состава детских кружков и их работы, значки членов «Югендбунда», валюта, переписка с иностранными религиозными организациями, образцы работы ремесленных кружков (у пастора Мусса), билеты на концерты и лотереи. Все это следственные органы посчитали «неопровержимым доказательством» контрреволюционной деятельности. Особое их внимание привлекли изъятые у Ганзена конспекты проповедей, хотя в них не было ничего антисоветского и содержались лишь призывы к стойкости и вере в конечное торжество христианского учения и церкви: «Христианству угрожало учение ложных пророков, которые возникли из среды нехристей. Угроза эта была опасней, чем налоги Рима»; «Окруженные врагами, но братья между собой, они были сильны и шли навстречу борьбе, которая не заставила себя долго ждать»; «Те, кто со слезами сеет, будут с радостью жать»; «Действуйте, пока день длится»; «Десять лет тянется непрерывная борьба за существование. Мы все небогаты, но давайте сомкнемся в память наших отцов и в ответственности перед нашими преемниками с единой решительной волей поддержать нашу церковь, и тогда мы будем сильны и богаты»⁶.

Согласно показаниям других арестованных, Ганзен призывал к противостоянию безбожью, а не к борьбе с органами советской власти. Так, Г. Тиссен 14 января 1930 г. сообщила, что пастор, приводя пример из Библии о гонениях на христиан, указал: «Тогда верующие были в меньшем количестве, но благодаря их стойкости, они сумели победить, и в результате над всем миром стали властвовать верующие, и в мире и в настоящее время происходит борьба с безбожниками, и я уверен, что победа будет на стороне Христа». А в проповеди на конфирмации Ганзен сказал: «Нам зажимают рты, нам лгут, пока не устают, но это недолго будет продолжаться — эта болтовня, правда восторжествует, так как ее нельзя победить, людей же можно порабо-

тить». Арестованная жена пастора Эрна Ганзен категорически отвергла все обвинения в антисоветской деятельности и заявила: «Мой муж... всю свою жизнь посвятил служению Богу и человеку и [стремился] учение Иисуса Христа о правде, чистоте, любви и справедливости в жизни человека передать своим прихожанам. В богослужениях Ганзена других толкований не было»⁷.

Обвинения некоторых подследственных являлись совершенно надуманными и бездоказательными. Например, председатель «двадцатки» Немецкой реформаторской церкви И. Гроссман якобы в связи с поднятой в прессе кампанией о ликвидации храма по указанию Ганзена умышленно затопил подвалы здания из фановых труб. В обвинительном заключении без тени сомнения говорилось: «Все перечисленные факты в достаточной мере устанавливают, что вся деятельность Ганзена, его жены, Мусса и всех обвиняемых по делу лиц была определена направлена к развитию и укреплению пангерманизма, к срыву мероприятий советской власти не только по религиозным вопросам и культурно-советскому воспитанию масс немцев, но и по противодействию социалистическому строительству в интересах зарубежной буржуазии, причем большое старание в данной плоскости Ганзен и Мусс приложили в деле отрыва молодежи от советской действительности с тем, чтобы подготовить и создать будущие антисоветские кадры».

Внесенные 17 сентября 1930 г. тройкой Полномочного представительства ОГПУ в Ленинградском военном округе приговоры оказались очень жестокими. Гельмут Ганзен был приговорен к 10 годам лагерей, отправлен отбывать срок в страшный Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОН), его жена и Эльза Фрейфельд получили по 5 лет лагерей и 3 года ссылки, Марта, Магдалина Фрейфельд, И. Гроссман и председатель «двадцатки» Петрикирхе Б. Бидерман — 3 года лагерей и 3 года ссылки и т.д. Удар, нанесенный этим делом, оказался для Евангелическо-лютеранской церкви очень тяжелым. Достаточно сказать, что в Ленинградскую консисторию в 1929 г. входили четыре человека — епископ Мальмгрен, пасторы Фришфельд, Ганзен и Бидерман, и трое из них через год были арестованы и приговорены к заключению⁸.

Отбыв почти весь срок заключения, Гельмут Ганзен в 1938 г. был освобожден по инвалидности как неспособный к работе. К проповеднической деятельности он уже не возвращался (все лютеранские церкви в СССР к тому времени были закрыты). Здоровье пастора ока-

залось подорвано пребыванием в лагере, и вскоре он скончался. Однако самоотверженная деятельность пастора в 1930-е годы, несомненно, заслуживает памяти и изучения.

1. АУФСБ СПб. ЛО. Ф. архивно-следственных дел. Д. П-87890. Т. 1. Л. 123; Т. 2. Л. 609–614.
2. Там же. Т. 2. Л. 603–605, 620–624.
3. ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 10. Л. 13; Д. 18. Л. 114–115.
4. Ленинградская правда. 1928. 9 мая.
5. *Архиепископ Михаил (Мудьюгин)*. Из воспоминаний о жизни ленинградских евангелическо-лютеранских общин перед их ликвидацией // Церковь Ингрии. 1943. № 3–4 (8). С. 16.
6. АУФСБ СПб. ЛО. Ф. архивно-следственных дел. Д. П-87890. Т. 2. Л. 605, 607.
7. Там же. Т. 1. Л. 163, 285; Т. 2. Л. 606.
8. Там же. Т. 1. Л. 283, 373; Т. 2. Л. 627; Т. 3. Л. 275.

И.А. Половникова

**«ПОТОМКАМ, КОТОРЫХ У МЕНЯ НЕТ...»
(Судьба русского аристократа в Советской России)¹**

Ничто не могло изменить натуры Федора Федоровича Кудрявцева: ни необходимость с 14 лет скрывать свое истинное имя и графский титул, ни сталинская каторга... Он до последнего часа оставался достойным представителем русского аристократического рода, в котором волею судьбы оказались переплетены известнейшие фамилии государства Российского: Бибиковы, Муравьевы, Волконские, Раевские и Канкрины. Его необыкновенная и трагическая жизнь вместила безоблачное детство в лоне семьи, обучение в Пажеском корпусе², Февральскую и Октябрьскую революции, Гражданскую войну с Ледовым походом белых и Конной армией Буденного и Городовикова, преподавание фехтования в Хореографическом училище (ныне — Академия хореографии им. А.Я. Вагановой) и учебу в университете в Петрограде, работу военным советником в Афганистане, Высшие курсы комсостава, Финскую и Великую Отечественную войны, освобождение Монголии, участие в войне в Корее, десять лет лагеря, ссылку и реабилитацию... Как рассказывал Ф.Ф. Кудрявцев, его арестовали на фронте под Сталинградом, взяли прямо из окопов — покритиковал действия Верховного главнокомандующего Вооруженными силами СССР; по Л. Васильевой, Ф.Ф. Кудрявцев «был арестован по доносу офицера, увидевшего в его руках английский фотоаппарат»³. Другу дома Р.А. Соболевской Федор Федорович рассказал, что «среди воевавших с ним солдат оказался бывший осветитель Мариинского театра»; он не раз видел юного Федора в ложе Салтыковых: мать Федора дружила с Салтыковой, и та нередко предлагала свою ложу подруге. Однако энкавэдэшники не смогли доказать, что Федор Федорович не Кудрявцев, а Салтыков. Сыграл роль и донос знакомой Федора Федоровича, с которой его в прошлом связывали романтические отношения.

Ф.Ф. Кудрявцев был осужден по ст. 58 п. 10 (10 лет лагерей и 5 лет поражения в правах); в лагере пробыл с 1943 по 1950 г., а в ссылке в Калуге — с 1950 по 1957 г.⁴ Во времена Хрущева реабилитирован («Дело было прекращено за отсутствием состава преступления»), ему вернули воинское звание (подполковник). Все последующие годы он оставался благодарным Никите Сергеевичу и мог бы называть себя «хрущевцем», вслед за Анной Ахматовой, которая называла себя «хрущевкой». Ответ на вопрос, кто лучше переносил лагерь, дал племянник другого графа, отбывший 10 лет в лагере строгого режима на Балхаше, — это «“белая кость” ... они и страдали меньше: богатая внутренняя жизнь, было над чем поразмышлять, что вспомнить»⁵.

Благодаря сохранившимся документам Ф.Ф. Кудрявцева и биографическим заметкам его жены Галины Георгиевны известно, что он окончил Метеорологические курсы (1920) и с 1920 по 1924 г. «служил летчиком-наблюдателем и инструктором аэронавигационного класса сухопутно-морского отряда Высшей военной школы летчиков-наблюдателей. В 1925 г. самолет Федора Федоровича потерпел аварию, он получил тяжелые травмы. После выздоровления его перевели в артиллерию на должность начальника связи, начальника управления дивизии».

Галина Георгиевна писала: «Федор Федорович читал раза в четыре быстрее других и, прочитав один раз, уже не перечитывал». Он «поражал эрудицией, обладал исключительной памятью. Он окончил Военную академию им. Фрунзе. В те же годы, оставаясь на военной службе, окончил Ленинградский университет, физмат, а затем ЛИСИ (Ленинградский инженерно-строительный институт. — *И.П.*) (окончил в 1935 г.) и Артиллерийские курсы усовершенствования комсостава (1939 г.). <...> Он был не рядовой военный тех лет... Это был очень разносторонне образованный человек уже в те годы. Блестяще знал историю. Очень любил литературу и поэзию, хорошо их знал. Знал сотни стихов наизусть. Хорошо их читал. Обожал Ленинград (он родился на Крестовском острове. — *И.П.*), защищал в войну, знал каждый интересный дом, кто там жил и бывал, изъездил верхом его окрестности⁶, преподавая курсантам в военном училище топографию и другие предметы. Знал каждый кустик, каждое болото, что помогло ему в 1941 г. выйти из окружения и вывести к Ленинграду всю свою часть, и людей, и пушки без всяких потерь. За это был награжден Ждановым в Смольном орденом Ленина». Он имел и другие награды: ордена Красного Знамени и Красной Звезды.

«Ф.Ф., безусловно, был личностью, — читаем в записках 1989 г. — к нему тянулись люди. С ним всегда было интересно. Знаниями, мыслями своими он охотно делился со всеми... Доброжелательный, открытый, с чувством юмора и легкой иронией, он на все имел свою точку зрения... Страдал... от того, что о многом должен молчать. К людям относился хорошо, но в антипатиях своих был тверд... Говорил, что люди к нему тоже относятся или очень хорошо, или почти ненавидят... Он очень выделялся среди военных, даже манерой держаться... Начальники тоже, бывает, недолюбливают (конечно, исключая таких, как К.К. Рокоссовский, очень хорошо относившийся к нему... высоко ставя его как военного специалиста)».

Автору настоящей статьи вместе с двумя коллегами посчастливилось воспользоваться рекомендациями Федора Федоровича, касающимися маршрутов, объединенных дорогой из Москвы на юг — по Протве и близ нее, вокруг Калуги и от Калуги до Козельска.

Ф.Ф. Кудрявцев рассказывал, что известие о смерти Сталина застало его в Калуге. Там после выхода из лагеря он работал главным инженером в Калужском областном отделе местной промышленности и однажды использовал для ограды одного из калужских мостов известный на весь мир узор решетки, украшающей берега реки Мойки в Ленинграде. Тогда, в Калуге в марте 1953 г., Федор Федорович и его товарищ, тоже бывший лагерник, ликовали, поминая вождя, целых пять дней.

Вспоминаю, как в 1971 г. в Ленинграде в доме моего отца Ф.Ф. Кудрявцев в течение нескольких часов рассказывал о своем лагерном бытии. А потом попросил принести нитроглицерин из кармана его пальто, висевшего в передней. Кстати, первый приступ стенокардии, по словам Федора Федоровича, случился у него после того, как он «организовал» встречу со следователем, который когда-то вел его дело (Ф.Ф. много лет занимался боксом, успешно выступал на соревнованиях).

Однажды Ф.Ф. Кудрявцев упомянул об Афганистане, сообщив, что после некоего инцидента с местным населением в его служебном формуляре появилась запись о свойственной ему жестокости.

Последние двадцать с лишним лет своей жизни Федор Федорович жил в Москве. «Окончание инженерно-строительного института дало [ему] возможность, ... выйдя в отставку и являясь по гражданской профессии архитектором, заняться историко-архитектурными памятниками и охраной их»⁷, а с литературным трудом он был знаком с юно-

сти. Ф.Ф. Кудрявцев писал книги и статьи о Москве и ее окрестностях, ее истории и архитектуре, готовил материалы для радиопередач, составлял альбомы и буклеты. Первую свою книгу «Золотое кольцо», изданную в 1974 г. в Ленинграде, он успел не только подержать в руках, но и одарить ею своих друзей. «Золотое кольцо» не раз переиздавали на русском и английском, немецком и французском языках.

Главные труды Ф.Ф. Кудрявцева были опубликованы после его кончины в 1976 г. — благодаря совместным усилиям его вдовы Галины Георгиевны Вершининой и заведующей редакцией издательства «Московский рабочий» Нины Семеновны Буденной, дочери Семена Михайловича Буденного, командующего Первой конной армией в Гражданскую войну. Шашка, полученная из рук Оки Городовикова⁸, с выбитой на ней надписью «Краскому Ф.Ф. Кудрявцеву за храбрость. 1920 г.» красовалась на стене гостиной в доме Федора Федоровича.

Издательством «Московский рабочий» были изданы его новеллы «Тогда были лошади» (в кн. «Большой приз», 1980) и «В четвертом измерении» (в альманахе «Чистые пруды», 1989) и книги «Примечания к анкете» (1990) и «Мальтийские рыцари» (1993). На обложке последней впервые напечатано подлинное имя автора — Алексей Викторович Канкрин — вместо Федора Федоровича Кудрявцева в советской жизни⁹. Алексея Викторовича (1903(?)—1976) давно нет с нами, но остались его письма с подробными наставлениями, как знакомиться с московскими пригородами и другими уголками средней полосы России. А.В. Канкрин был знатоком и ценителем дворцов и парков Подмосковья, его церквей и монастырей; остались его книги, а сколько замыслов и планов он не успел осуществить!

Седьмого сентября 2012 г. Россия отметила 200-летие Бородинского сражения. Одним из его героев был генерал Н.Н. Раевский, прадед матери Алексея Викторовича. А. В. Канкрин родился в Петербурге в семье потомственных военных. Воспитанник Пажеского корпуса, из «досрочного» выпуска 1917 г., он профессионально разбирался в военной истории. Его труд о Бородинском сражении «Поле русской славы» вышел в свет через 14 лет после кончины автора в упомянутой книге «Примечания к анкете». В предисловии издатели отметили «Поле...» как «высокохудожественный рассказ...», который «наверное, впервые возрождает ясную, зримую, объемную картину этого кульминационного момента Отечественной войны 1812 г., несмотря на то что описание Бородинской битвы уже существует, созданное

пером великого Толстого». Кстати, в «Поле...» присутствует критика видения Толстым Бородинской битвы — Алексей Викторович пере-сказал то, что слышал от своего отца, офицера Генерального штаба. На Бородинское поле Алексей Викторович приезжал на своем стареньком «москвиче». Он отметил ошибку реставраторов поля и 1912, и 1962 гг.: когда углубляли рвы и насыпали валы, сделали барбетты (площадки за бруствером окопа для установки орудия), которых не могло быть в 1812 г. Точка зрения Алексея Викторовича не совпадала с тогдашней позицией официальных историков.

* * *

По словам Алексея Викторовича, его отношения с матушкой и старшим братом, оказавшимися после революции в эмиграции, были безвозвратно прерваны, а когда в начале 1970-х годов в центральной газете «Известия Советов депутатов трудящихся СССР» появилось объявление Инюрколлегии о розыске потомков Канкриных, он предпочел не отзываться. Настоящий материал подготовлен с надеждой исполнить неосуществившееся при жизни А.В. Канкринина желание найти родных за рубежом.

Прежде чем ознакомиться с письмами¹⁰ Алексея Викторовича Канкринина, стоит коротко сказать о Галине Георгиевне Вершининой (1909—2003), уроженке г. Костромы. Венчанная жена жила жизнью своего мужа, отправляла и отвозила посылки в места его заключения. Она преподавала английский язык в МГИМО, а потом на кафедре иностранных языков физического факультета Московского государственного университета, давала частные уроки; иногда ей удавалось облегчить участь мужа через своих учеников, тех, что занимали ответственные государственные посты (бывало, в день урока к дому Галины Георгиевны подавали «чайку»). В конце 1984 г. она писала: «...случайно в одном специфическом учреждении в Москве, в помещении, где выдают пропуска, мне только что отказали дать его и даже номер телефона нужного мне человека со словами “Он никого не принимает, и телефон запрещено давать” — всегда нелюбопытная, почти отчаявшаяся, почти механически стала смотреть и запоминать номер, который набирал в этой проходной какой-то военный, и когда он назвал фамилию и сказал: “Я явился по Вашему приказанию”, я поняла, что это именно тот телефон, который мне не дают, и тот человек, который мне нужен. ...так я попала к этому человеку, после чего Федора оставили, можно сказать, в Москве, сначала на Нижегородской

улице, потом в Серебряном Бору и т.д., и ни в какие дальние края он не поехал».

Вот что писал Алексей Викторович.

...На склоне лет люди как правило охотно возвращаются к дням юности, даже детства. Я не исключение. Первые тринадцать лет моей жизни я вспоминаю всего охотнее...

27.08.69

Грустно... думать о том, что целые разделы культуры, «не созвучные с духом эпохи», были безжалостно растоптаны. Это не только безобидное богословие, но и генетика, и многое-многое другое. Тесанные топором иконы XIV в. в Коломне складывались в костры, сжигались.

03.09.69

По приезду на меня свалилась гора заказов (история архитектурных памятников вошла в моду), и я, а также Г<алина> Г<еоргиевна> (она помогает мне перепечатывать...) находимся в постоянном цейтноте.

11.11.69

...с неделю назад получил поздравление от Райвоенкомата: 50 лет Первой конной. Четырнадцатилетним мальчишкой начал я в ней свою взрослую жизнь.

27.11.69

Подрабатывая к лету (на ремонт автомашины и прочее), я только что провел под конец зимы около десятка экскурсий — для экскурсоводов, получив двойную ставку оплаты.

08.04.70

Сколько мягкости, нежности в среднерусской природе. Сколько нестеровских и рериховских сюжетов на каждом повороте, казалось бы, плоских полей и совсем не дремучих лесов! Владимирский край не похож ни на какое другое место России. По обаянию с ним может сравниться лишь другое — прекраснейшее: пушкинские места! Там самая черствая и сухая душа «размокает».

14.05.70

...вспомнили далекие годы юности, съемки «Чапаева», я же был его (исполнителя главной роли Бабочкина. — И.П.) дублером — в «конных

номерах» — пешим я никогда не котировался; даже в объемистой записной книжке главного администратора Ленкино я был записан не на «К», а на «Л» — «лошади»! <...> Подписал договорышко на три малюсенькие книжечки, всего на два печатных листа, и стучу на пишмашинке вовсю: сроки сжатые, зато и монету будут гнать без задержки... я — левша, вернее «симметричный»: обе руки у меня от природы приспособлены делать, что с них потребуют: скажем, писать могу обеими, рисовать — тоже; правда, рисую чаще левой, а пишу почти всегда правой, кроме заголовков на чертежах...

05.06.70

Всегда страдал рассеянностью, при довольно приличной памяти, позволившей мне легко менять специальности и приобретать разнообразные дипломы — от звания «ковачного кузнеца» (было и такое) до геофизика (тоже было так давно, что и самому не верится). Несомненно, оба порока наследственные <...> Один из моих прадедов занимал скромное место министра финансов¹¹, и утверждали, что он помнил в лицо и по имени всех чиновников, с которыми хоть раз встречался. Но имена своих трех сыновей и двух дочек постоянно путал.

Стучу на пишмашинке по восемь часов в день — иначе не успею сдать к сроку рукописи по двум договорам. И легко выношу такую нагрузку. Сам удивляюсь. А занятие нелегкое, потому еще, что пишу о своем любимом Подмосковьи, материала — в голове и в записках — так много, что задыхаюсь! С трудом втискиваю его в «прокрустово ложе» договорных печатных листов...

24.06.70

Я — в цейтноте <...> Сложил пачкой книги, которые необходимо протудировать. Оказалось = 68 см. Одолею пока шесть, а 62 еще впереди. Это помимо «творческого горения» за пишмашинкой <...> Пока отыскиваю редкости: малоизвестное, спорное, но эффективное. Складываю в памяти и в папках — каждая на свой город. Появляются в папках забавные сопоставления. Например: Суздальщина славилась, помимо прочего, «ловчими птицами»: кречетами, соколами. И старинный герб города — белоснежный сокол на синем щите. Напрашивается сказка о «Финисте — Ясном Соколе» <...> Но как втиснуть ее в строгий академический текст?

11.10.70

...Жив, но не очень здоров <...> И даже пишу одной левой рукой, довольно бойко. Итог (в порядке чистого бахвальства — я же из гусаров!) следующий: в начале года сдал «Золотое кольцо» — пять печатных листов («Аврора») <...> Затем: «Троицкая лавра в Загорске» — три печатных листа <...> Далее три буклета на 2,5 печ. листа. Они скоро выйдут <...> Только что сдал <...> жду рецензии <...> «По Звенигородской долине» — 5,5 печ. листов.

...Из двенадцати месяцев следует вычеркнуть ровно четыре — отданные хворобам. Полагаю, хвастаться можно?

22.12.71

Из моего окна такой чудесный вид на старое Замоскворечье, что хочется писать и писать: вот церковь Григория Неокесарийского (сто метров от моей пишмашинки). Об ее строителе, попе Андрее Савинове, хоть повесть строчи — <...> такой материалец! Вот цитата из обвинительного заключения: «Стрельчиху Офросинью во двор свой поповский взял и жил с ней блудно... Стрельца облыжно в ереси показал... в Сибирь усла». Неплохо, верно? Мужа в ссылку, жену к себе <...>

А немного подальше черный купол Марфо-Мариинской обители. Самый последний до революции монастырь. Помнишь «Чистый понедельник» Бунина? А левее Никола в Пыжах. Строителями его были стрелецкие полковники Пыжов и Грибоедов (прапрадед драматурга). Их обоих били кнутом на Красной площади, пред чем по обычаю читали им «сказки» — перечисление провинностей.

Еще дальше блестит червонным золотом собор Клементия второго Папы Римского (пап до разделения церквей православие тоже признавало). А перед носом моим — Успенье в Казачьей (слободе). А там — Ново-Спасский монастырь, Кадашевское Воскресение, Никольская в Вешняках, Троицкая на Солянке <...> И у каждой <...> биография, достойная опубликования <...> Но туго идут на это люди, приставленные к литературе <...> нет недостатка в мелких работенках, дающих и заработок приличный, и удовольствие, ибо писать о том, что мне не по душе, я ни за какие деньги не стану <...>

26.02.73

Жизни остается совсем мало, а любопытство не уменьшается. К тому же памятники старины так быстро исчезают, что скоро они станут такими редкими, как зубры, глухари, тигры и другая симпатичная живность. Двадцать лет езжу по Подмоскovie и другим местам —

и всё хуже и хуже. Самое ужасное — реставрация! Это сплошная пока-зуха, уничтожение самого ценного во имя вкусов тех, кто приставлен к реставрации <...> Два-три часа стучу на пишмашинке — воспомина-ния, конечно. Оказывается есть что рассказать потомкам, которых у меня нет, близких во всяком случае <...> Проживу я еще немного, от-четливо это сознаю, но не впадаю в панику: всё проходит, сменяются поколения, нравы, природа. Я даже рад, что видел настоящую природу, ездил на лошадях, ходил в конные атаки, как во времена Мюрата, в че-тырнадцать лет в первый раз убил человека — врага, желавшего меня убить, но я оказался проворнее; в семнадцать — стал отцом (умерла доч-ка, к сожалению). Много любил и меня любили — меньше, конечно. Что еще нужно для одной жизни? Пять войн — больших и маленьких. Шесть ранений и две контузии (все зажило как на собаке), изрядная порция тюрьмы и каторги <...>

08.08.73

Лежит предо мной «Загорск» в издании «Сов. России» (М., 1974, аль-бом. — И.П.). <...> Текста мне дали так мало, а «впихнуть» потребова-ли так много: архитектуру, историю и все содержание музея, все сакко-сы, митры, иконы, картины, мелкую пластику, лубок, деревянную игрушку, гжельский фаянс, народные костюмы и пр. и т.п., что я сначала «офонарел», как говорит молодежь. Но принял бой. «Впихнул» всё, и счи-таю это своеобразным трюком.

<...> Суворов получил чин фельдмаршала, расставил в зале стулья, перепрыгивал через них и приговаривал: «Салтыкова обскакал! Михельсо-на обскакал! Каменского обскакал! Прозоровского обскакал!» Я бы мог сказать: «Академика Воронина обскакал! Профессора Ильина обска-кал!», мог бы добавить еще несколько кандидатов искусствоведения, членов Союза писателей, также добивавшихся написать «Кольцо». И главное <...> так мне хотелось, чтобы издательство было родное, ле-нинградское. Трудно мне было «обскакать» <...> Но солдат и боксер даже с грудной жабой остается бойцом.

12.08.74

Уже два месяца подряд тружусь, пишу, спешу выдать на-гора лит-чтиво в разные <...> редакции к юбилею декабристов <...> Когда нахожу свободную минутку, яростно стучу на пишмашинке будущую книгу «Тогда были лошади». Это для души. Собираюсь целиком броситься на рыжих, буланых, соловых, саврасых и прочих, на сёдла, мундштуки, под-

перся, арчаки, ухнали, шамберьеры, буль-финиши, ногавки, мартингалы, обер-троки (предметы снаряжения верхового строевого коня, для выездки лошадей и т.д. — И.П.) <...>

05.02.75

«Золотое кольцо» выходит вторым изданием — лестно. К 30-летию <Победы СССР в Великой Отечественной войне> подарили часы и обещали медаль <...>

12.05.75

«Лошадиная песня» (где уж «лебединой» быть?) <...> написана процентов на 70. Имеется 8 предварительно одобренных редакцией рассказов. Строчу дальше <...> Нравится мне писать о лошадях, но не меньше и о «лошадиных» дядях. Вымирает это племя. С трудом набирают конно-спортивные клубы энтузиастов. Нет опытных тренеров. Котируются даже заведомые древности, лет на 10 меня постарше <...>

Не дописал послание: начались боли в боку, вызвал врача, чуть было не уложили меня сызнова в больницу. Отбился! Отлежался! Отделался от операции! Околевать? Отнюдь! Оклемаюсь! Обойдется! <...> Кстати говоря, на военной службе многие приятные вещи имеют название на «о»: обед, отдых, обход, отступление (чего лезть на рожон?!), отставка, орденешко и пр. Неприятные же, наоборот, на букву «п»: подъем, проверка, переключка, поход, приказ, перебежка, переползание пластунское, приговор, похороны <...>

13.12.75

*Написал 12 новелл лошадиного содержания. В заготовках еще столько же. Показал три новеллы издательству «Колос» <...> Одновременно привел в порядок и пересылаю в Пушкинский Дом «на вечное хранение» 15 печатных листов автобиографических <...> Рецензировал мои воспоминания *Вс<еволод> Рождественский* (Всеволод Александрович Рождественский (1895–1977), русский советский поэт. — И.П.) <...> Печатать при жизни не хочу. Решение окончательное. Амен.*

...Москва значительно солнечнее Питера. Сейчас сижу у окна, смотрю на <...> колокольню Ново-Спасского монастыря, «свечечку» колокольни Воскресенья в Кадашах, другие церковки (всего в поле зрения 12 штук) и с удовольствием вспоминаю: о 7 церквушках я печатал, а о 5 из них «засорял эфир» своими писаниями. Оказывается, я для радио сделал около сотни радиопередач разного масштаба <...> Точно сосчи-

тать не смог: не то 86, не то 89. Но и этого немало <...> Ты вспоминай меня, пожалуйста. Дорога моя такая стала короткая <...>

14.02.76

[за две недели до кончины]

«Бывшего пажа, “беляка”, буденовца, летчика, артиллериста, боксера, конноспортсмена, математика, архитектора...»¹², Алексея Викторовича Канкрин не стало 2 марта 1976 г. Он скончался в Москве, дома на руках у жены. «С большими сложностями и нервотрепкой мне все же удалось исполнить волю Федора Федоровича. Прах его лежит в могиле моего отца (Г.П. Вершинина) и других родственников на старой территории Новодевичьего кладбища», — писала Г.Г. Вершинина 4 мая 1976 г. Отпевали Канкрин в церкви Всех Скорбящих Радости (Преображенской) на Большой Ордынке — в доме № 14 по этой улице Ф.Ф. Кудрявцев с женой жили первое время после реабилитации.

Стоит добавить, что Федор Федорович стал героем одного из стихотворений Бориса Пастернака. Он, как писала Галина Георгиевна, «когда-то давно... отдыхал вместе с Бор<исом> Леонид<овичем>... в... санатории или доме отдыха под Москвой... Они много гуляли... разговаривали... В начале стихотворения говорится, что в парке... теперь госпиталь. Лежит раненый и вдруг вспоминает прошлое, что было связано с этим парком:

<...>

Парк преданьями состарен.
Здесь стоял Наполеон,
И славянофил Самарин
Послужил и погребен.

Здесь потомок декабриста,
Правнук русских героинь,
Бил ворон из монтекристо
И одолевал латынь.

Если только хватит силы,
Он, как дед, энтузиаст,
Прадеда-славянофила
Пересмотрит и издаст.

<...>

Б. Пастернак. Старый парк. 1941».

Экслибрис Федора Федоровича задуман им самим, а выполнен Василием Андреевичем Меньшиковым¹³. В центре изображен силуэт всадника на лошади — он берет барьер; барьер составляют буквы слова «Ex-libris», внизу изображение упомянутой городовиковской шашки, а под шашкой в одну строчку размещены авторский знак в виде подковы и инициалы «F.F.K.». Экслибрис обрамляют вертикально расположенные изображения: слева — стек с ручкой из конского копыта, справа — «букет» из заточенного карандаша, циркуля и кисти.

В верхней части экслибриса — герб. Геральдический щит разделен горизонтально, в верхнем поле — на золотом фоне три пчелы (эмблема трудолюбия и покорности), в нижнем, на красном фоне, — птица, но не графский орел, а журавль — эмблема бдительности. Венчают щит рыцарский шлем с четырьмя решетинами, декоративный намет, корона с пятью жемчужинами и три султана из страусовых перьев. Видимо, автор включил в описываемый герб некоторые элементы герба своей ветви рода Канкриных из Курляндской и Лифляндской губерний Российской империи. По Лакиеру, девиз герба Канкриных «Labore», то есть «трудом»¹⁴.

В этом экслибрисе, на мой взгляд, закодирована вся жизнь Алексея Викторовича Канкрин — советского гражданина Федора Федоровича Кудрявцева.

1. Урезанный более чем наполовину текст настоящей статьи был опубликован в 2012 г. в «Альманахе библиофила» (2012. Вып. 35). Имя Ф.Ф. Кудрявцева в «АБ» появлялось и ранее, см. его статью «Семья русских библиофилов» (1989).

2. Коллекция материалов по Пажескому корпусу Федора Кудрявцева включала фото интерьеров здания, формы пажей, церемонии празднования столетия корпуса (в строю — будущий генерал Эрдели, сподвижник Л.Г. Корнилова, и брат собирателя — И. Канкрин), меню парадного обеда и многое другое.

3. Красный командир Кудрявцев и юный граф Канкрин // Васильева Л. Дети Кремля. М., 2011.

4. ЦМА МЛС. Ф. 291. Оп. 1. Д. 125. Кудрявцев Ф.Ф. (1903–1976).

5. Чудаков А.П. Ложится мгла на старые ступени. М., 2012. С. 32.

6. Ф.Ф. Кудрявцев «начал учиться верховой езде с восьми лет. Всегда стремился быть в войсках, где были лошади. Изучил профессионально не только самих лошадей, но и ветеринарное и ковальное дело» (ЦМА МЛС. Ф. 291. Оп. 1. Д. 125. Л. 3. Г.Г. Вершинина. Биографическая справка).

7. ЦМА МЛС. Ф. 291. Оп. 1. Д. 125. Л. 3.

8. Ока Иванович Городовиков (1879—1960) — советский военачальник, герой Гражданской войны, генерал-полковник (1940), Герой Советского Союза (1958).

9. Р.А. Соболевская запомнила рассказ Ф.Ф. Кудрявцева, как в 1918(?) г. он, босой, пришел в г. Николаев к тетке; тогда-то она и дала ему документы своего умершего сына.

10. В личном архиве Половниковой хранятся 46 писем Ф.Ф. Кудрявцева за 1969—1976 гг. и более 140 писем и записок Г.Г. Вершининой за 1976—1989 гг.

11. Канкрин Егор Францевич (1774—1845) — граф, министр финансов (1822—1844), член Государственного совета, писатель, экономист, военный инженер, архитектор. РГИА. Ф. 1570, 1717—1750 гг. 215 л.; Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1895. Т. 27. С. 292—294; Канкрин Егор Францевич // Русские люди. Жизнеописания соотечественников... СПб.; М., 1866. Т. 1; Канкрин Франц Людвиг (1738—1816) / Черняк А.Я. Энциклопедия технических знаний XVIII в. и ее автор (Ф.Л. Канкрин) // Книга: Исследования и материалы. М., 1991. Сб. 63. С. 117—124; *Божерянов И.Н.* Граф Егор Францевич Канкрин: его жизнь, литературные труды и двадцатилетняя деятельность управления Министерством финансов. СПб., 1897. XIV с. (предисловие). 250 с.

12. Из дарственной надписи на книге «Золотое кольцо».

13. Автор благодарен Надежде Георгиевне Морозовой за установление имени создателя экслибриса и детальное описание герба рода Канкриных.

14. *Лакиер А.* Русская геральдика. СПб., 1855.

Т.А. Шрадер

ШКОЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В НЕМЕЦКИХ КОЛОНИЯХ ПЕТРОГРАДСКОЙ–ЛЕНИНГРАДСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1920-е ГОДЫ

В 1917–1918 гг. в губерниях Советской России предпринимались первые шаги по возобновлению школьного образования. Определенное представление о педагогической работе среди национальных меньшинств дает знакомство с опубликованными в разные годы протоколами совещаний наркомов просвещения союзных и автономных республик, в том числе с тезисами доклада председателя Совнацмена РСФСР Н.К. Мухитдинова о согласовании просветительной работы среди национальных меньшинств¹, а также с резолюцией I Всероссийского совещания комитетов по просвещению национальных меньшинств². После окончания Гражданской войны и периода военного коммунизма начался сложный процесс выработки единой государственной политики в области культуры и образования. В 1923 г. Советом народных комиссаров выносятся решение о введении всеобщего образования³. На IV совещании наркомов просвещения союзных и автономных республик, состоявшемся в 1924 г., постановили организовать специальный культурный фонд в целях расширения сети школ и просветительских учреждений среди национальных меньшинств и обеспечения их учебниками и литературой. После этого совещания началась работа на местах, в частности была введена должность инспектора по делам нацменьшинств в уездных аппаратах⁴. В 1925 г. состоялась Всесоюзная методическая конференция работников по ликвидации неграмотности, на которой был поставлен вопрос о необходимости урегулирования и объединения работы в области просвещения нацменьшинств, переводе обучения на родной язык, соответствующей подготовке учителей, снабжении школ учебниками и т.д.⁵ В структуру созданного в первые годы советской власти

Наркомпроса РСФСР входит Совет по национальным меньшинствам (Совнацмен), объединяющий 13 отделов: украинский, белорусский, польский, тюркский, немецкий⁶ и др. В губерниях РСФСР функционировали отделы народного образования, включающие секции по работе с национальными меньшинствами. В частности, в Петроградском—Ленинградском отделе были эстонская, финская, немецкая и другие секции.

Цель данной работы — показать, каким образом вышеуказанные постановления, резолюции и деятельность Наркомпроса отразились на развитии школьного образования в немецких колониях Петроградской—Ленинградской губернии.

В государственном историческом архиве Санкт-Петербурга среди дел Ленинградского губернского отдела народного образования сохранились материалы немецкой секции, дающие представление о состоянии национальных школ в 1918—1927 гг. практически во всех немецких колониях губернии.

В 1921 г. в докладе подотдела при Наркомнаце о положении немецких колонистов Петроградской губернии указывалось на предвзятое отношение местных и губернских властей к немецкому населению. К примеру, при выполнении продналога картофельный налог на немецких крестьян был в три раза больше, чем на крестьян других национальностей. В ряде колоний отбирали земли на общественные нужды, с немецких крестьян требовали больше трудовых повинностей, чем с других⁷. Поэтому немецким крестьянством советская власть воспринималась как власть русских.

Представители немецкого подотдела указывали на то, что проводить просветительскую и культурную работу среди немецкого населения без участия и помощи центральных органов трудно. Но тем не менее культурная жизнь в немецких колониях не прекращалась. Так, во многих крупных колониях Петроградской (Ленинградской) губернии, а именно в Новосаратовской, Колпинской, Стрельнинской, Гражданской, Ново-Александровской, Кипенской⁸, организацию культурной жизни взяли на себя местные клубы, в которых были организованы кружки, ставились любительские спектакли, читались лекции по истории культуры⁹. Например, на заседании совета политуправления Новосаратовской волости 2 августа 1921 г. шел разговор о работе кружков: музыкального (фортепиано), в котором занимались 25 человек, научного, где читались лекции по географии, физике, сельскому хозяйству, и группы по изучению эсперанто. Работали так-

же литературный и драматический кружки, причем планировалось постепенно перейти к постановке пьес на немецком языке. Средства, вырученные за спектакли, шли в пользу клуба. На заседании общего собрания членов немецкого клуба в Стрельнинской колонии, на котором присутствовали 46 человек, сообщалось, что библиотека открыта для читателей по понедельникам и пятницам, также рекомендовалось танцевать по-старинному, соблюдая приличия¹⁰.

В июле 1921 г. в Губнаробразовании Петрограда в немецкую секцию отдела национальных меньшинств было направлено письмо из колонии Новая Саратовка с сообщением, что согласно постановлению бюро немецкой секции и собрания всех работников культпросвета в колонии решено создать Дом просвещения, в котором работа должна будет проводиться под руководством членов немецкой секции и на немецком языке¹¹.

Но если культурно-просветительскую работу немецкие колонисты в послевоенный и послереволюционный период были в состоянии наладить самостоятельно, то положение со школьным образованием было более сложным. Так, в 1921 г. в колонии «Этюп» (около Павловска) на 117 учеников было всего три учительницы: одна немка и две русские, преподавание велось на русском языке, в школе не было библиотеки, имелась всего одна карта, помещение школы находилось в плачевном состоянии¹². Немецкая школа в Ямбурге (Кингисепп) существовала до революции на протяжении многих лет. Ее посещали дети из Ямбурга, колоний Луцкая, Пороховская и Франкфуртская. В 1915 г. школа была закрыта по распоряжению царского правительства. Только в 1921 г. вновь начались занятия в четырех классах этой школы. В ней преподавали три учителя и обучался 101 школьник, дети занимались в две смены. В школьный совет, состоящий из четырех человек, входили представители из Ямбурга и колоний. Уроки между учителями были распределены следующим образом: заведующий школой Ф.К. Феттелейн вел математику, природоведение, ручной труд (38 уроков в неделю), учительница М.Э. Рунге — немецкий язык, географию, рукоделие (34 урока в неделю), учительница А.К. Сколковская — русский, обществоведение, пение (33 урока в неделю). Среди немецких детей, в связи с тем что школа долго не работала, было много неграмотных. Не знали они и немецкого языка, со многими приходилось начинать обучение языку с азбуки. Старшие дети говорили по-немецки на особом жаргоне, мешая русские и немецкие слова, соединяя корни русских слов с немецкими окончаниями и наоборот¹³.

Преподавание в колониальных школах велось на русском языке, но когда в Петроградском уезде были предприняты попытки перевести школы на немецкий язык, немецкие крестьяне, вероятно, после пережитого в годы войны, потребовали оставить все как было. Занятия на немецком языке проводились с теми учащимися, которые хотели продолжить учебу после окончания четырех классов.

Это время было тяжелым для всех начальных колониальных и русских школ. Школьные здания находились в ужасающем состоянии. Правда, немецкие крестьяне оказывали посильную помощь школам дровами, ремонтом, поддерживали учителей, материальное положение которых было катастрофическим. Об этом свидетельствуют, например, как коллективные, так и индивидуальные письма учителей Среднерогатской колонии в отдел нацменьшинств в Петрограде¹⁴. В Ижорской колонии местные советские власти использовали помещение школы под клуб, хотя там занимались младшие школьники, а школьные учителя жили в четырех верстах от школы и не всегда в зимнее время могли добраться до работы¹⁵.

В начале 1923 г. в Губсовнацмен Петрограда пришел запрос из Москвы о состоянии просветительской работы с немецким населением в Петрограде и губернии. В ноябре того же года в столицу был направлен отчет о состоянии дел, в котором сообщалось, что немецкое население состоит в основном из крестьян-колонистов и мелкобуржуазного городского населения: крестьяне (в большинстве своем середняки) находятся под большим влиянием лютеранской церкви; с кадровым составом учителей возникают трудности, так как новые учителя еще не пришли в школы, а замена старых преподавателей происходит очень медленно. Самыми ценными в этом отчете были статистические данные: указывалось, что в 1923 г. в 27 немецких колониях Петроградской губернии проживало 8394 человека немецкой национальности, начальные школы 1-й ступени имелись в 12 колониях (Новая Саратовка, Средняя Рогатка, Колпино, Стрельна, Овцино, Новое Парголово, Каменка, Янино, Красненькая, Кипень, Смольнинская и Ямбург); 29 учителей обучали 1115 детей; во всех колониях насчитывалось 14 клубов¹⁶. В отчете, направленном в Москву уже в 1924 г., сообщалось о 12 колониях в Ленинградской губернии, где проживало 5729 жителей, о 12 немецких школах, в которых 25 учителей обучали 597 школьников¹⁷. Довольно трудно объяснить некоторое расхождение в данных.

В связи с недостаточным количеством учителей для всех немецких школ не только в Петроградской, но и в других губерниях, где ком-

пактно проживали немецкие колонисты, в 1922 г. в Москве на базе Немецкого педагогического института был открыт Центральный немецкий педагогический техникум, целью которого являлась подготовка высокообразованных учителей для немецких сельских школ. Курс занятий был рассчитан на 4 года, владение немецким языком было для студентов обязательным. В 1925 г. это педагогическое учреждение было переведено в Ленинград. Оно располагалось на набережной реки Мойки, 74–76, и называлось Немецким педагогическим техникумом.

В 1924 г. в Москве были организованы 11-месячные курсы по переподготовке учителей немецких сельских школ. Программа курсов была составлена следующим образом: политическим занятиям отводилось 44 часа, педагогике — 56 часов, общим и просветительским дисциплинам — 28 часов. Из письма делегата на эти курсы от Ленинграда, учителя колонии Гражданская В.И. Глейцмана явствует, что всего на курсах занимались 25 человек из всех районов СССР, условия жизни были трудными, денег не хватало (делегат просил в письме деньги на обратный путь)¹⁸.

В 1926 г. на базе ленинградского Немецкого педагогического техникума проводились двухмесячные курсы по переподготовке учителей немецких школ. Программа, составленная на основе программы отдела переподготовки учителей русских школ районного масштаба, все же была приспособлена к сельской немецкой школе.

Немецкий педагогический техникум в Ленинграде проводил большую работу по подготовке кадров для всей страны. В 1925 г. здесь обучались 150 человек: 11 рабочих, 104 крестьянина, 23 служащих, 6 учителей, 6 прочих¹⁹. В 1927 г. преподаватели этого техникума выступили с инициативой создать методическую комиссию по выработке единой программы образования учителей для немецких школ. В состав комиссии были включены проф. Жирмунский, проф. Вульфийус, тов. Юхансен, тов. Вознесенская, тов. Михайлов (в архивных документах все фамилии приведены без имени и отчества) и др., в основном являвшихся преподавателями техникума²⁰.

Разработку программ для немецких школ Ленинградской области проводили немецкая секция и методическая комиссия при Совнацмен губоно. На заседаниях комиссии в 1926–1927 гг. обсуждались различные подходы к обучению в немецких школах, рассматривались педагогические методики Германии, большое внимание уделялось

созданию новых учебников на немецком языке и знакомству с педагогической немецкой литературой, причем предпочтение отдавалось работе проф. Гаулича “Die freie geistige Arbeit” как наиболее близкой советской педагогике.

Во время заседаний секции анализировались программы обучения, темы сочинений для сельских школ в колониях, разрабатывалась методика экскурсионной работы в деревенских школах, а также программы обучения немецкому языку в советских школах и техникумах, уделялось внимание истории немецких колоний. Кроме того, ставился вопрос о создании немецкого педагогического кабинета в Ленинграде. В планы секции входила разработка комплексной программы для немецких сельских школ области, касающейся всех сторон школьной жизни (трудовое воспитание, экскурсии, работа уголков живой природы и пр.). Большое внимание уделялось обучению сельских школьников немецкому языку и обеспечению школ необходимыми учебниками, причем надежды возлагались на централизованное издание учебников на немецком языке²¹. Но, к сожалению, как указано в резолюции I Всероссийского совещания комитетов по просвещению национальных меньшинств, состоявшегося в 1930 г., договор с Госиздатом об издании учебников и учебных пособий для национальных школ не был выполнен²².

Активная деятельность методической комиссии при немецкой секции не замедлила сказаться: в марте и июне 1926 г. были проведены конференции учителей немецких школ Ленинградской области. На июньской конференции присутствовали учителя из колоний Средняя Рогатка, Ново-Саратовская, Парголово, Стрельнинская, Каменка, из Овцино, Кингисеппа.

Таблица, составленная на основе отчетов учителей²³, дает представление о состоянии немецких школ в указанных колониях.

Для всех немецких школ была разработана обязательная программа внешкольной работы:

- 1) выпуск стенгазеты;
- 2) создание кооперации в школе;
- 3) работа детских кружков;
- 4) смычка учащихся со школьниками Германии;
- 5) смычка учащихся со школьниками г. Ленинграда;
- 6) создание книгопередвижек из фондов центральной детской библиотеки;
- 7) экскурсии в город.

Название	Количество учеников	Количество учителей	Сведения из отчетов учителей школ
Стрельна	42	2	Введен комплексный метод обучения. В школе имеется кооператив по выращиванию картофеля, в библиотеке 80 книг, драмкружком подготовлено три спектакля
Средняя Рогатка	105	2	Введен комплексный метод обучения, проводятся экскурсии школьников в город, работает школьный совет
Новая Саратовка	118	3	Введен комплексный метод обучения, во время сельской страды школьники плохо посещают занятия, имеется детская артель
Каменка	52	2	Введен комплексный метод обучения, ведется клубная работа, имеются санитарная и метеорологическая группы, организован школьный кооператив, выпускается школьная стенгазета, в библиотеке 120 книг на русском языке
Овцино	76 (50 немцев, 7 финнов, 19 русских)	2	Введен комплексный метод обучения, выпускается стенгазета, подготовлено три детских спектакля
Парголово	65	2	Введен комплексный метод обучения, проводятся экскурсии школьников в город, есть уголок природы
Кингисепп	80 (75 немцев, 4 эстонца, 1 поляк)	4	Во время учебного года школьники посещают школу 183 дня
Всего	473	17	

На конференции говорили и о трудностях — религиозность детей, сложность контакта с родителями, недостаточное количество учебников, отсутствие литературы на немецком языке для драматических кружков.

Руководство немецкой секции разрабатывало планы по созданию летних школ для сельской местности с компактным проживанием немцев — они могли бы способствовать удлинению учебного процесса. Планировалось открытие немецких школ и детских садов для служащих Немецкого педагогического техникума и немецкого отделения Педагогического института им. А. И. Герцена, участие ленинградских специалистов в составлении новых немецких учебников и написании детских книг и т.д.

Постепенно пополнялись ряды учителей в немецких сельских школах. Весной 1926 г. восемь студентов окончили Немецкий педагогический техникум, двое из которых продолжили обучение в других учебных заведениях, шесть пошли учительствовать в школы²⁴. Педагогический коллектив техникума состоял из выдающихся педагогов, специалистов в различных областях знаний. Немецкий язык и литературу преподавал профессор Вульфиус. Он прививал ученикам любовь к немецкой классической литературе, прекрасно знал историю Петербурга. Педагогику преподавал профессор Эфрусси, он был знатоком детской психологии. Курс русского языка и литературу читал Митюшин. Доцент Ленинградского университета Швейер преподавал эволюционную теорию, политэкономии вел Фиттинхоф, естествознание — Фоорсман, химию — преподаватель Шнелл. Курс дошкольного воспитания вела Воскресенская, которая проводила практические занятия в детских садах. Частым гостем техникума был профессор Жирмунский. Краткий перечень различных областей знаний, которые постигали студенты, указывает на широкое образование, которое получали будущие учителя немецких сельских школ²⁵.

Итак, можно отметить, что государственная политика в области просветительской деятельности среди национальных меньшинств в 1920-е годы, несмотря на все трудности, приносила определенные плоды. Работа немецкой секции при Петроградском (Ленинградском) губернском отделе народного образования является тому примером. Организация курсов, разработка методик преподавания на немецком языке, конференции для учителей сельских немецких школ области, безусловно, способствовали развитию процесса образования детей немецких колонистов.

После 1929 г., начала коллективизации, школы в организованных на базе немецких колоний колхозах продолжали работать. В них создавались пионерские организации, выпускались политически ориентированные стенгазеты, то есть политическая направленность про-

грамм сельских школ в бывших немецких колониях отражала общие процессы, происходившие в советских школах в 1930-е годы.

Тема закрытия национальных школ в СССР в целом и Ленинградской области в частности требует специального исследования.

1. Протоколы совещаний наркомов просвещения союзных и автономных республик. 1919–1924 гг. История культурного строительства в СССР. 1917–1977: Документы и материалы. М., 1985.

2. Резолюции I Всероссийского совещания комитетов по просвещению нацмен / Наркомпрос РСФСР. М., 1930.

3. Народное образование в Ленинградской области за 15 лет / Леноблотдел народного образования. Л., 1932. С. 45.

4. Протоколы совещаний народного просвещения... С. 181.

5. Там же. С. 169.

6. Народное просвещение в РСФСР. К 1924–25 учебному году: Отчет Наркомпроса 1923–24. М., 1925.

7. ЦГА СПб. Ф. 2552. Оп. 1. № 929. Л. 12.

8. Там же. Л. 22.

9. Там же. Л. 19.

10. Там же. Л. 67–68.

11. Там же. Л. 69.

12. Там же. Л. 7.

13. Там же. № 1122. Л. 4–4 об.

14. Там же. № 930. Л. 10, 11–13, 15.

15. Там же. № 929. Л. 8.

16. Там же. № 1234. Л. 19.

17. Там же. Л. 29.

18. Там же. № 1234. Л. 31–32.

19. Там же. № 2101. Л. 7.

20. Там же. № 1543. Л. 10.

21. Там же. № 2101. Л. 2–8.

22. Народное просвещение в РСФСР... С. VIII.

23. ЦГА. Ф. 2552. Оп. 1. № 2101. Л. 35.

24. Там же. № 2564. Л. 11.

25. *Смирницкая С.В.* Центральный немецкий педагогический техникум в Ленинграде // Немцы и развитие образования в России. СПб., 1998. С. 268–269.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Архив СПбИИ РАН	— Архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук
АУФСБ СПб и ЛО	— Архив Управления Федеральной службы Российской Федерации по Санкт-Петербургу и Ленинградской области
БАН	— Библиотека Академии наук
ДДС	— Дворянское депутатское собрание
ДРК	— Дворянская родословная книга
ЕИВ	— Его Императорское Величество
ИАН	— Императорская Академия наук
ИИЕИТ	— Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук
ИМЛИ	— Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук
ИРГО (РГО)	— Императорское Русское географическое общество
ИРТО	— Императорское Русское техническое общество
МВД	— Министерство внутренних дел
МКК	— Морской кадетский корпус
НКВД	— Народный комиссариат внутренних дел
РАН	— Российская академия наук
РГАВМФ	— Российский государственный архив военно-морского флота
РГАДА	— Российский государственный архив древних актов
РГАЛИ	— Российский государственный архив литературы и искусства
РГИА	— Российский государственный исторический архив

РНБ	— Российская национальная библиотека
РО РНБ	— Рукописный отдел Российской национальной библиотеки
Сб. ОРЯС	— Сборник Отделения русского языка и словесности
СПбГУ	— Санкт-Петербургский государственный университет
СПФ АРАН	— Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
СССР	— Союз Советских Социалистических Республик
ТОДРЛ	— Труды отдела древнерусской литературы
ФЭ	— Флотский экипаж
ЦГА СПб.	— Центральный государственный архив Санкт-Петербурга
ЦГАКА	— Центральный государственный архив Красной армии
ЦГИА СПб.	— Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
ЦМА МЛС	— Центральный московский архив Музея личных собраний
ЕАА	— Эстонский исторический архив
ЕРА	— Эстонский государственный архив

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Авдеев Л. 130
Адам, князь 107
Аделунг Ф. 30
Адемар Дж. 14
Актов П.Я. 25, 26
Актова В. 26
Александр I 156
Александр II 162, 215, 298, 311
Александр III 205, 272, 273, 278, 281, 283
Алексеев Г.И. 264
Алексеев И. 141
Алексей Михайлович 30
Алопеус Д.М. 21
Альбрехт Е.К. 237–244
Альбрехт К.К. 243
Альбрехт К.Ф. 237, 238
Альбрехт Л.К. 242, 243
Альбрехт М. 304
Анаксагор 8
Анаксимандр 8
Ангальт-Цербстская принцесса 39, 43
Андреев А.И. 185
Андрусов Д.Н. 264
Анна Иоанновна 100
Анна Леопольдовна 168
Антокольский А.М. 206
Аристотель 9, 10, 25
Арногейм К.К. 265
Арнольди Г. 113
Арсений Переславский 125, 141
Ахматова А.А. 350
Бабакин А.Ф. 299
Бабочкин Б.А. 354
Бакмейстер И.Ф. 98–102
Бакунин А.М. 164
Бакунина А.А. 164
Баптизманская А.И. 157
Барбаро 29
Барклай-де-Толли-Веймарн А.П. 292, 295
Батурин И. 70, 71
Бебель 330
Беггеров Ф.И. 242
Бекман А. 177
Белау 223, 226
Белау О.И. 241
Белый А. 234
Бенуа А.Н. 264, 279, 281
Берггольц Л.А. 286
Бергман Р.Е. 292
Бергман Ю. фон 311
Бернов 170
Бестужев А.П. 38, 52, 68
Бестужев А.П. 38, 52, 68
Бестужев-Рюмин К.Н. 27, 125
Бибиковы 349
Бигелов В. 303
Бидерман Б. 347
Билдт В. 298
Бирон Е.И. 62, 65
Бисмарк О. фон 291, 292
Блок (Стааль) О.П. 317
Блок А.А. 234, 316
Блок Г.П. 316, 317
Бобров 336
Богаевский К.Ф. 205, 206
Бодиско Г. 251
Болтин С. 143
Бонапарт Ж. 113
Борзова Н.Г. 163
Борисов А. 116, 125, 137
Борисов А.А. 205
Браун А.Е. 77, 78
Браун И.А. 77–80, 93, 94
Брейденбах Б. фон 26
Бреттшнейдер Э.В. 305–307
Бригер А.М. 202, 203

- Броваллиус Й. 13
 Брок А.А. 333
 Брокгауз Ф.А. 309
 Брокет Д. 122
 Брокман Й. 110
 Брюммер О. 42, 47, 48
 Брюс П.А. 35
 Бубнов А.Н. 172
 Бубнов Д.К. 172, 174
 Бубнов Д.Н. 160
 Бубнов Н.Д. 172
 Бубнов Н.Н. 173
 Бубнова А.Д. 172–174
 Бубнова В.Д. 172–174
 Бубнова М.Д. 172, 174
 Буденная Н.С. 352
 Буденный С.М. 349, 352
 Булгарин 22
 Бульмеринг К.К. 292
 Бунге А.А. 303, 304
 Бунин И.А. 356
 Бурлюк Д.Д. 173
 Буров Н.В. 251
 Бутлеров А.М. 196, 200
 Бутурлин А.Б. 59, 60
 Бух Л. фон 13
 Бухвостов Н.М. 202
 Бычков А.Ф. 184
 Бюффон Ж.-Л. Л. де 13
 Ваганова А.Я. 349
 Вагнер В. 198
 Вагнер Е.А. 198
 Вагнер И. 193, 194
 Вагнер М.Н. 201
 Вагнер Н.П. 196–198, 200, 206, 207
 Вагнер Н.Ю. 200
 Вагнер О.А. 195, 196, 200
 Вагнер О.М. 201
 Вагнер П.И. 193–196, 201
 Вагнер П.Н. 200, 201, 203–207, 264
 Вагнер Ю.Н. 198–200
 Вагнер Ю.П. 196
 Вагнер-Заднепровская Т.Н. 207–209
 Вагнер-младший Н.П. 207, 208
 Валиева Н.Б. 209
 Валк С.Н. 331
 Валла Л. 27
 Вальков Н.Е. 29
 Варнек А.И. 264
 Васильева Л. 349
 Введенский А.А. 331
 Веймарн А.П. 295
 Веймарн О. 295, 296
 Вейрих Г.В. 304
 Вейс А.А. 299
 Вейтбрехт 78, 79, 93, 94
 Венк К.-Ф.-Х. 21, 22
 Венцель Г. 174
 Вергунов А.П. 122
 Верди Б.Г. 271
 Вержбилович А. 243
 Веркиев С. 130
 Вершинин Г.П. 359
 Вершинина Г.Г. 352, 353, 359
 Веселовский К.С. 187
 Вессель Н.Х. 240
 Вессель Н.Х. 241
 Вестинье М. да 147, 148
 Вехель А. 30
 Визе Г.-Д. 212
 Вильбоа А. 57
 Вильковский Г.-Ф. 153
 Вильм М.Ф. 207
 Винчи Леонардо да 10
 Вишневский В.К. 177
 Владиславова П.Н. 62, 63, 65, 67
 Вознесенская 366
 Войнич 336
 Волконские 349
 Вольтер 58, 185
 Вольф К.Ф. 98, 101
 Воронин Н.Н. 357
 Вроблевский К.К. 205
 Всеволожский И.А. 240, 244
 Вульф А. 153
 Вульф А.А. 155, 160

- Вульф А.А. 164
 Вульф А.Н. 168, 170–172
 Вульф В.А. 155
 Вульф В.П. 169
 Вульф Г.В. 153, 159–161, 163–165
 Вульф Г.Х. 156
 Вульф Д.А. 163, 169, 172
 Вульф Е.П. 164
 Вульф Е.С. 155
 Вульф И. 154
 Вульф И.И. 155
 Вульф И.П. 159, 162, 164–166, 168, 170
 Вульф И.Р. 155
 Вульф И.Х. 166
 Вульф К. 159
 Вульф М.Н. 165
 Вульф Н. 171
 Вульф Н.А. 154
 Вульф Н.И. 159, 161, 165–168
 Вульф Н.П. 156, 158, 161, 162, 167, 169, 171
 Вульф О.К. 155
 Вульф П. 154, 160
 Вульф П.Г. 159
 Вульф П.И. 161, 162
 Вульф П.Н. 154, 158, 159, 169
 Вульф П.-Ф.-К. 155
 Вульф С. 171
 Вульф Э.Н. 169
 Вульф Э.Х. 156
 Вульф Ю.А. 155
 Вульф Я.И. 155
 Вульфиус А.Г. 329–331, 366, 369
 Вульфиус П. 344
 Вымдомский А.М. 168
 Вымдомский М.Д. 168
 Вюртембергский Ф.-В.-К. 105, 112
 Галилей Галилео 10, 16
 Галицкий Д. 255
 Галлей Э. 11
 Ганзен Г. 343–347
 Ганзен Э. 347
 Ганф А.Г. 237
 Гапт А.-Д. 155
 Гарнифелт Л.В. 119, 122, 137
 Гартзекер Н. 12
 Гауде 78
 Гебауэр И.Ю. 296
 Гебауэр Л.С. 296
 Гедоонов А.М. 239
 Геер Г. де 14
 Гейне Б. 243
 Генике Д.А. 226
 Генике К.И. 226, 227
 Генике О.-А. 223–225
 Генрих Н. 25
 Герасимов Ф. 130
 Герберштейн С. 29, 30
 Герман Е.Ф. 155
 Гернет А. 309
 Гернет Д. 317
 Гернет Е.Г. 318
 Гернет Е.П. 313
 Гернет Е.С. 318, 319
 Гернет И. 309
 Гернет И.Е. 319
 Гернет К.Г. 309, 310
 Гернет М. 319
 Гернет П. 309
 Гернет П.Б. 311
 Гернет С.П. 309, 311–319
 Гернет С.С. 318
 Гернет Т.С. 313
 Гернет Ф.В. 310, 311
 Геродот 8
 Герцен А.И. 330, 333, 335, 369
 Гёте 330
 Гилле О.Ф. 242, 243
 Гильдебрандт Р.Н. 243
 Гильдебрандт Ф.Н. 242, 243
 Гинцель К. фон 111
 Гифман Я. 136
 Глезер П. 265, 267–269, 273
 Глейцман В.И. 366
 Глинка М.Н. 230

- Гмелин С.Г. 98
 Гобино Ж.А. де 331
 Гойер А.Н. фон 258
 Гойер Н.Ф. фон 258
 Гойер С. 258
 Головнин А. 163
 Головнин Б.С.
 Головнин В.Г. 233
 Головнин Д. 160
 Головнин М.В. 233
 Головнин П.А. 160
 Головнин П.С. 163, 233
 Головнин С.Д. 160, 169, 229, 233
 Головнина Н.С. 160, 163, 170, 171
 Голоктионов Е. 179, 180
 Гольде Г. 346
 Гомилиус Л.Ф. 242
 Гоминьдан 318
 Гончарова 173
 Горлицкий И.С. 100
 Городовиков О.И. 349, 352
 Горохов В.А. 122
 Горчаков 221
 Гофман И.Я. 23
 Граф Г.К. 202
 Гревс И.М. 330
 Грефе А. 183
 Грефе Ф.Б. 177, 180
 Грибовский А.М. 65
 Грибоедов А.С. 171
 Грибоедов Ф.И. 356
 Григорий IX 24
 Григорьев В.В. 23
 Григорьев Н.Д. 272
 Григорьев С. 135
 Гримальди Дж. 146
 Гримм Д.Д. 264
 Гримм Д.И. 218
 Гримм Э.Д. 330
 Гринвальд М.К. 331, 336
 Гроссе В.Ф. 339–342
 Гроссе Э.П. 341
 Гроссман И. 347
 Гус Я. 32, 33
 Гутенберг И. 24
 Гуттен У. фон 27
 Гуйон 65
 Гюнтер М. 251
 Гюнтер Н.М. 265
 Давид 238
 Давид А. 305
 Давыдова С.А. 253–255, 258–262
 Далин О. 12, 13
 Данте А. 10
 Даргомыжский А.С. 310
 Дашкова Е.Р. 185
 Девьер П.А. 49, 50, 57
 Дельвиг А.И. 296
 Депп А.Ф. 323, 325–327
 Депп Г.Ф. 323–325
 Депп К.Ф. 325
 Депп Н.Ф. 327, 323
 Депп Ф.Ф. 323
 Дервиз Г.И. 212, 213
 Дервиз Д.Г. 212, 214
 Дервиз И.-А. 212
 Дервиз И.И. 212
 Дервиз М.Г. 214
 Дервиз М.С. 220, 222
 Дервиз Н.Г. 212
 Дервиз П.Г. 212, 214–218, 223
 Дервиз П.П. 215, 221
 Дервиз С.П. 219–222
 Десарно 183
 Джеймисон Т. 14
 Джеймс У. 306
 Дзвонкевич Е.Н. 200
 Диоген 8
 Диппель Л. 306
 Дмитрий Константинович 239
 Долгорукова И.А. 59
 Долгорукова Н.Б. 59
 Домашнев С.Г. 185
 Донат Э. 24, 25
 Донауров М. 109, 112
 Дорнер И.К. 246–251

- Дорофеев В.И. 307
 Достоевский Ф.М. 197, 291
 Драг П. 24
 Дубровский П.П. 32
 Дубяго Т.Б. 122
 Думокрит 8
 Дьячков П.А. 313
 Дягилев С. 279
 Егоров Е. 131
 Екатерина I 123, 124, 170
 Екатерина II 35–71, 106, 107, 111, 153, 160, 168, 253, 310
 Екатерина Алексеевна 123, 124, 165
 Елизавета Петровна 39, 40, 48–55, 59–61, 64, 65, 68, 70, 124–126, 137, 140
 Елисеев С.Г. 264
 Емелин А.Ю. 209
 Емельянов И. 130
 Епанчин Н.А. 264
 Ержемская Е.П. 287
 Ержемская с.Г. 278
 Ержемская Т.А. 287
 Ержемский А.К. 278–289
 Ержемский К.И. 278
 Ержемский П.К. 278, 287
 Ефимовский М.А. 171
 Ефрон И.А. 309
 Ешевский С.В. 196
 Жданов А.А. 350
 Жеребцов Н. 119, 135, 139
 Жеребцова Н.М. 229
 Жирмунский 366
 Жуков Г.К. 222
 Жуков П.Ф. 21
 Жуковский В.А. 184
 Журавлев И. 181
 Заднепровская А.Ю. 209
 Заднепровский Ю.А. 208
 Закарий ибн Магомет ибн Махмут аль-Казвини 9
 Залеман К.Г. 307
 Замятина Н. 304
 Зарубин В.И. 205, 206
 Зауэр 21
 Зауэр 21
 Зборомирский 78, 94
 Зверев И. 142
 Згибнев Т. 130
 Зеленая М. 172
 Зиновьев А.Д. 264
 Зыков Я.Л. 29
 Зюсс Э. 14
 Иван III 29, 170
 Иван IV 29
 Иванов И. 130
 Иванов Л. 130
 Иванов С. 130
 Ильин М.А. 357
 Иоганна Елизавета 43
 Каблукова-Горбунова М.К. 253–258, 262
 Калатозов 336
 Калашников Е.С. 271
 Калитин А.И. 165, 170
 Калмыков Г.О. 205, 206
 Кальвин 345
 Каменский М.Ф. 357
 Канаев А.Н. 278, 279
 Кандауров А.И. 205
 Кандинский В. 173
 Канкрин А.В. 352–354, 359, 360
 Канкрин Е. 226, 323
 Канкрины 349, 353, 360
 Кар Тит Лукреций 9
 Кардано Дж. 32
 Кареев Н.И. 331
 Карпов И.М. 156
 Карпова А.И. 162, 163
 Карпова Г.К. 233
 Карпова М.Г. 233, 234
 Карпцов Ф.Б. 32
 Кастелли 16
 Кастро П. де 24
 Кедринский А.А. 122
 Кеплер И. 10, 16

- Кербер Л.Л. 273
 Керн А.П. 168
 Кириллов 130
 Кирхер А. 7, 10, 11, 14–16
 Китнер И.С. 295
 Киттара М.Я. 196
 Кленовская Е. 160, 161, 163, 164
 Кленовский М. 161
 Коллинс Э.Д. 177
 Кондаков С.Н. 246
 Кондырева А.П. 196
 Кондырева П.С. 196
 Констан Б. 223
 Контарини 29
 Конфуций 345
 Конфуций 345
 Кормедон А. 120, 127, 132
 Корнелиус 246
 Короленко 234
 Корф И.А. 100
 Корц А. 178
 Коссович И.В. 264
 Котельников С.К. 99–101
 Кравченко В.С. 240
 Крамской И. 223
 Крафт Г.В. 101
 Крашенинников С.П. 185, 186
 Крейн О.Н. 272, 277
 Крестовский В.В. 244
 Крузе М. 49–51, 56–58, 62
 Крюков 156, 271
 Кудрявцев Ф.Ф. 349–352, 359, 360
 Кудрявцева Г.Г. 350
 Кузнецов А. 243
 Кузнецов И.И. 307
 Куинджи А.И. 205, 206
 Купреянов А.А. 202
 Купреянов Н.Я. 212
 Курбатов А.Н. 205
 Курторги М.С. 27
 Кьявери Г. 146
 Лакиер А.Б. 360
 Лампертус К. 116, 124, 126, 137
 Ларионов 173
 Лассаль 330
 Латри М.П. 205
 Лачинова Н. 277
 Левенвольд Р.Д.Г. 120, 125
 Левин А.А. 171
 Левинсон-Лессинг Ф.Ю. 14
 Левшин Б.В. 185
 Лейнонен И.Л. 209, 277
 Леннон Д. 174
 Ленц Э.Х. 14, 15
 Леопольд III Фридрих Франц 177
 Лепешкина В. 258
 Леш П. 292, 295
 Либкнехт 330
 Либталь М.Э. 329–336
 Линар Р.Ф. 38
 Линней К. 12, 13
 Липп М. 299
 Липперт Ф.Д. 182
 Липпе Г. 299
 Лихачев Д.С. 242, 264
 Лобачевский Н.И. 196
 Ловягин А.М. 30
 Ломоносов М.В. 78, 100, 101
 Лоос Д.-Ф. 177
 Лосева Е. 160, 166, 167
 Лукьянов Л. 130, 131
 Лукьянов С. 116, 119, 120, 128–130, 137
 Лыдерсе Д. 127, 128, 136
 Любименко И.И. 331
 Лютер М. 21, 25, 27, 28, 345
 Мазинг А.К. 292, 294–297
 Мазинг А.Л.И. 291
 Мазинг А.Э. 290
 Мазинг Аделаида (Ида) Эльмира 291
 Мазинг Аделаида 299
 Мазинг Б.К.Д. 291, 299
 Мазинг Б.М. 293
 Мазинг Б.Э. 291
 Мазинг В. 298
 Мазинг В.Э. 291

- Мазинг Г.Л. 291
Мазинг Д.А.О. 293
Мазинг Д.Л. 290
Мазинг Е. 299
Мазинг И.А. 294, 296
Мазинг И.Р. 290, 291
Мазинг И.С. 293
Мазинг К. 299
Мазинг К.В.А. 293
Мазинг К.И. 290–299
Мазинг К.Р.М. 291
Мазинг Л.К. 297, 298
Мазинг М. 291
Мазинг М.К. 292–294, 299
Мазинг О. 294–296
Мазинг О.В. 290
Мазинг Р.К. 298, 299
Мазинг Р.Э. 291
Мазинг Э.-Е.Л. 293
Мазинг Э.К. 296, 297
Мазинг Э.Э. 297
Мазинг Ю.А. 296
Май К. 198, 200, 264, 273
Майор Г. 28
Макаров Ю.В. 269
Максимов Д. 135
Максимович К.И. 303–305
Малевиц 173
Малеев Ж.В. 107
Малеин А.И. 29
Малинин А.Ф. 271
Мальет Б. 12
Мальмгрен А. 344, 347
Мамантов М. 130
Мамин-Сибиряк 336
Манфреди Э. 12
Мариотт Э. 11
Мария Федоровна 106, 107, 112, 260, 278
Маркс К. 330, 345
Мартынов М.Н. 331
Массенбах 246
Матвеев Т. 130
Маурер Л. 238
Маяковский В. 173
Мейер Г.Г. 346
Мейер Т. 346
Мейерберг А. 30
Меланхтон Ф. 27, 28
Менделеев Д.И. 312
Меншиков А.Д. 116
Меншиков А.С. 158
Меньшиков В.А. 360
Меринг 330
Меркель Г. 257
Мессер В.П. 201
Метальников С.И. 199
Меттенлейгер Я. 109, 111
Миддендорф А.Ф. 185, 187
Микетти Н. 146
Микулин И. 128, 135, 136, 139, 140, 142, 143
Милетский Ф. 8
Милоков Я. 136, 139, 140
Миранда Фр. де 112
Митюшин 369
Михайлов 366
Михельсон И.И. 357
Монферран О. 247–250
Мудьюгин М. 345
Муравьева А.Ф. 161, 163, 170
Муравьевы 163, 349
Мусс К. 345–347
Мухитдинов Н.К. 362
Мюнстер С. 27
Мюрат И. 357
Назон Публий Овидий 9
Нартов А.К. 100
Нарышкин А. 128, 135
Нарышкина С.П. 229
Неелов И. 135
Неронов Б. 122
Неттсгеймский Г.К.А. 27
Нидер И. 23, 24
Николай I 179, 247, 323, 325
Николай Александрович 278

- Николай Л.Г. 105, 106, 109, 112, 113
 Николай Михайлович 283
 Николая Павлович 165
 Ницше 345
 Ноден Ш. 306
 Норштедт Й. 110
 Ньютон И. 11
 Олеарий А. 30, 33
 Оледжио Д. де 147
 Оно Й. 174
 Орлов А. 129
 Орлов В.Г. 78, 79, 94, 99, 100
 Орлов Г.Г. 36
 Орлов Н.В. 219
 Орреус М. 108
 Осипов И.С. 168
 Осипов П.А. 163, 168
 Осипова А.А. 166
 Отг Д.О. 290
 Павел I 35–39, 106
 Павел II 23
 Павел Иовий 29
 Палисси Б. 10
 Паллас П.С. 98
 Палуде П. де 24
 Панин Н.И. 36, 37
 Парланд А.А. 207
 Парланд П.М. 208
 Пастернак Б.Л. 359
 Паукер Г. фон 323
 Перро П. 11
 Петр I 26, 27, 31, 38, 68, 123, 124, 147,
 149, 160, 170, 215, 226, 253, 254,
 260, 309
 Петр III 35, 36, 38–71, 212
 Петр Ломбардский 24
 Петр Федорович 38, 39, 43, 54, 56, 61,
 71
 Петров А.Н. 122
 Петров О. 98
 Пецольд Г. 269, 276
 Пецольд Г.-И.С. 269
 Пецольд К. 265, 266
 Пецольд М. 269
 Пецольд Р.-К.-П. 269
 Пецольд Э.К. 264–269, 272–276
 Пецольд Э.-Ф. 269
 Пино Н. 146
 Пифей 9
 Платон 8, 9
 Платонов С.Ф. 331, 334, 335
 Плейфэр Дж. 13
 Плетнёв П.А. 184
 Плутарх 8
 Погодин М.П. 184
 Покотилов Д.Д. 340
 Покровский В.Г. 271
 Полибий 9
 Поллион Марк Витрувий 9
 Половцев А.В. 281, 283
 Понятовский С. 107
 Попов А.С. 219, 312, 314
 Попов В. 336
 Попов Н.И. 78
 Попова Л. 173
 Посидоний 9
 Поссевин А. 29
 Прасковья Иоановна 121
 Пратасов В. 137
 Прейсер С. 78, 79, 93
 Преображенская З.Н. 163
 Прозоровский А.А. 357
 Прокудин-Горский С.М. 285
 Прянишников М. 130
 Пурвит В.Е. 205
 Пушкин А.С. 159, 163, 168, 169
 Пыжов 356
 Радовиц И. 184
 Раевские 349
 Раевский Н.Н. 352
 Райков Б.Е. 334–336
 Рампо Я. 109, 110
 Растрелли Ф.Б. 146
 Рахманова Т.Я. 183
 Рёдигер И.Л.С. 176
 Рейгольд 344

- Рейхлин И. 27
Репгов Э. фон 22
Репин И. 281
Репнин В.Н. 52
Репнин В.Н. 52
Рерих Н.К. 205, 264
Рехлин Я. 125, 138–142
Ржевская Л.К. 160, 163, 171
Ригер И.Ю. 121, 125, 127, 132, 134–136
Ризников М.А. 285, 286
Римский-Корсаков М.Н. 198, 199
Римский-Корсаков Н.А. 243
Римский-Корсаков П.В. 264
Римский-Корсаков Ф.В. 264
Рихтер Р. 243
Ричардсон Я. 12
Рогаль-Левицкая А.И. 157
Родченко А. 173
Рождественский Вс.А. 358
Рождественский С.В. 331
Рождественский З.П. 240
Розенкампф Г.А. 30
Рокоссовский К.К. 351
Романов Б.А. 331
Роозен Я. 122
Рунге М.Э. 264
Рунеберг Э.О. 13
Рушиц Ф.Э. 205
Рылов А.А. 205
Рябой В.И. 272
Савельев А. 130
Савинов А. 356
Сайтов В.И. 183
Салтыков П.С. 349, 357
Сальдерн К. 37
Самарин П.К. 139, 143
Самарин Ю.Ф. 359
Сарджент Ч. 305
Сафонов А. 135
Сведенборг Э. 11, 12
Свистуновы 169
Севинье 58
Сейджер 183
Семенников В.П. 185
Семенов Г. 130
Семенов П.П. 307
Сенека Л.А. 9
Серебряков 159
Серебряков К.П. 271
Серов В.А. 223, 264
Сикст IV 23
Симонов Я. 130
Сипягин Д.С. 264
Сколковская А.К. 364
Скочков М. 135
Скржинская Е.Ч. 331
Смецкий П.И. 156
Смолянинов А.Н. 231, 233
Смолянинов К.Н. 227, 230
Смолянинов Н.В. 228, 232
Смолянинова Г.А. 235
Смолянинова Е.Н. 229, 230
Смолянинова М.Г. 234
Снаксаре 156
Соболевская Р.А. 349
Сомов К.А. 264
Сорокин Н. 135
София Мария Доротея 105, 106
Срезневский В.И. 286
Стааль (Дьячкова) О.П. 317
Стааль К. 317
Сталин И.В. 336, 351
Станюкович 157
Станюкович Т.В. 101
Старк Г.К. 340
Стасов В.В. 254, 260
Стеллих К. 135, 139–143
Степанов Г. 130
Степанов Л. 130
Степанова В. 173
Стефани Л.Э. 180
Столица Е.И. 205
Страбон 9
Страхов Н.Н. 27, 291
Строганов С.Г. 55
Струве А.Е. 299

- Ступишин Н. 108
 Ступишин П.А. 105, 108, 109, 111
 Сумароков А.П. 33
 Сурмин И. 125
 Сытин 199
 Таннер Б.-Л.-Ф. 31
 Тарле Е.В. 330–332
 Татаринов А.А. 304
 Татищева 50
 Таубе А. 296
 Тауберт И.К. 98–101
 Тиблен Э.М. 291
 Тимофеев Т. 130
 Тиссен Г. 346
 Тиханова М.А. 331
 Толстая С.И. 233
 Толстой А. 336
 Толстой Л.Н. 170, 197, 234, 336, 353
 Тотлебен 326
 Третьяковский В.К. 100
 Трезини Д. 146, 149
 Триниус К.-Б. (К.А.) 177
 Трифонов Е. 130
 Тукалевская Н.Н. 198
 Тхоржевский С.И. 331
 Уваров С.С. 176–178
 Уденфельт О. 116, 125, 137
 Ульман И. 32
 Ульрих П. 40
 Унген-Штернберг К. 291
 Успенский Л.В. 264, 273
 Успенский Ф.И. 332
 Файнштейн М.Ш. 307
 Фалес Милетский 8
 Фальк Р. 173
 Фасмер М. 272
 Фасмер Р.Р. 264
 Фассман Л.А. 287
 Фассман Н.Л. 287
 Федоров А. 126
 Федотов Д. 130
 Фернер Б. 13
 Феррей Ф. 109
 Феттелейн Ф.К. 364
 Фехляйзен Е. 183
 Фехляйзен К. 183
 Филарет, митрополит 247
 Фитгинхоф 369
 Фишер фон Вальдгейм С.Г. 278
 Флах М. 24
 Флеминг П. 33
 Флигенринг Д.А. 317
 Фок Б. 117, 125
 Фок Д. 117, 125
 Фокин С.И. 198
 Фоков Б. 117, 125
 Фоков Д. 117, 125
 Фокт А.Е. 117, 121, 127
 Фокт А.К. 117, 121, 127
 Фокт Б. 117
 Фокт Д. 121
 Фокт И.Г. 117, 121
 Фокт И.К. 116–144
 Фокт К.Д. 117, 121, 127
 Фокт К.Ф. 117, 121, 127
 Фомин С. 130
 Фонлевеволд 127–129
 Фоорсман 369
 Форман 295
 Форсен А. 118
 Франц I 309
 Франц Ф.Л. 177
 Фрезе М.П. 269
 Фрей Э.Б. 271
 Фрей Э.Б. 271
 Фрейтаг Ф.К. 27
 Фрейфельд К. 346
 Фрейфельд М. 347
 Фрейфельд Э. 347
 Фридерикс М.П. 311
 Фридрих Великий 107
 Фридрих Вюртембергский 105–113
 Фридрих Евгений Генрих 105
 Фризи П. 13
 Фрике М. 299
 Фришфельд 347

- Фус П.Н. 177, 187
Хаймбюргер Б. 183
Хайнман 183
Хайям О. 183
Хан У. 23
Хаппелиус Э.Г. 11
Хвольсон О.Д. 264
Химона Н.П. 205, 206
Хои М. 122
Холмс О.У. 153
Христовская Т.М. 156
Христовский Н.И. 156
Хрущев Н.С. 350
Хьярне У. 11
Цветков Н.А. 271
Цельсий А. 12, 13
Цеппелин Й.К. фон 111
Циглер М. 149
Циглер М.Д. 1499
Циглер Ф.Л. 146, 149
Чаарторыйская М. 107
Чайковский П.И. 217, 243
Черников М.И. 269, 271, 272
Чернышев А.Г. 49, 51, 52, 56, 57
Чернышев П. 49–52, 131
Чехов А.П. 234
Чичерина А.А. 163
Чоглоков Н.Н. 52, 56, 68
Чоглокова М.С. 49–52, 58, 66–69
Черная Т.А. 307
Чумаков А.А. 205
Шабельская С.Н. 254
Шардиус (Шох) Э. 182
Шардиус В. 182
Шардиус И.Л.С.176
Шардиус Ф.Л. 176–187
Шаронова В.Г. 318
Шатилова Т.И. 331
Шаффе Э.П. 294
Швайпольт Ф. 28
Шебунин А.Н. 331
Шедель Г. 23, 27
Шедель Г.И. 146, 149
Шедель И.К. 149
Шейковский 204
Шефлер П. 122
Шеффер П. 23
Шехтель Ф.О. 215
Шильдер Н.К. 106
Шишанов И. 137
Шлёцер А.Л. 78
Шлиппенбах А.Е. 304
Шлихтегроль А.Г.Ф. 177
Шляхтин С. 130
Шмидт П.Ю. 198
Шнелл 369
Шнорре 246
Шнорре 246
Шопенгауэр А. 32
Шох В. 182
Шпекле К.И. 108
Шпенер 78
Шредер Д. 119, 128
Шрейдер К. 116, 124, 125, 137, 138
Шрейдер К. 123, 124, 129, 136, 140
Шрётер В.А. 295
Штакельберг Н.С. 331, 334
Штелин Я. 57, 79
Штурман А.И. 205
Шувалова М.Е. 60
Шуйский В.К. 250
Шульц И.Ю. 219
Шульц С.С. 7
Шульц Я. 116, 117, 119
Шумахер И.Д. 100
Эверц В.А. 226
Эгельгрессер А.М. 148
Эгельгрессер Э. 146, 148, 149
Эзоп 8
Эйлер Л. 77
Элледер Р.О. 341
Энгельс Ф. 330
Эриугена И.С. 32
Эфор 8
Эффрусси 369
Юнг Н.В. 200

Юхансен 366
Яблочков П.Н. 312, 313
Яворский С. 26
Яковлев А.Е. 264

Яковлев И. 116, 122–124, 136, 137
Ян А. 181
Яремич С. 281
Ятсен С. 340

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Архимандрит Августин (Никитин), доцент Санкт-Петербургской духовной академии.

Богданов В.И., кандидат физико-математических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института океанологии им. П.П. Ширшова РАН, член-корреспондент Метрологической академии.

Валиев М.Т., инженер-системотехник, общественный заместитель директора Музея истории школы К. Мая, создатель и руководитель виртуального проекта «Общество друзей школы К. Мая».

Головнин П.А., директор ассоциации «Русско-японский центр по науке и культуре» (Санкт-Петербург).

Груздева Е.Н., кандидат исторических наук, научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Архива РАН.

Депп А. фон, инженер-экономист, генеалог семьи фон Депп (Германия).

Друкарев Е.Г., доктор физико-математических наук, ведущий научный сотрудник НИЦ «Курчатовский институт».

Ефимов М.В., старший научный сотрудник Научно-исследовательского отдела ГИАПМЗ «Парк Монрепо» (Выборг).

Заднепровская А.Ю., кандидат исторических наук.

Иванова Н.И., руководитель музея «Немцы в Санкт-Петербурге и окрестностях».

Иодко О.В., старший научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Архива РАН.

Лаврентьева Л.С., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник МАЭ РАН.

Лупанова Е.М., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Кунсткамеры и российской науки XVIII в. (Музей М.В. Ломоносова) МАЭ РАН.

Мазинг А.Ю., специалист по разработке программного обеспечения, руководитель проектов в области разработки программного обеспечения для цифрового ТВ.

Макаров Б.С., кандидат физико-математических наук, сотрудник Нидерландско-российского центра (NRC, Университет г. Гронинген, Нидерланды).

Малова Т.И., научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института океанологии им. П.П. Ширшова РАН, ученый секретарь СПбФ ИО им. П.П. Ширшова РАН.

Мошник Ю.И., кандидат исторических наук, заведующая научно-исследовательским отделом ГИАПМЗ «Парк Монрепо» (Выборг).

Половникова И.А., кандидат геолого-минералогических наук. С 2002 по 2006 г. — главный библиотекарь группы «Энциклопедии БАН» Библиотеки РАН в СПб. Биограф (и потомок) сибирского библиофила Г.В. Юдина.

Самысловская Е.А., старший преподаватель кафедры философии и культурологии Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов.

Сафонов М.М., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

Удалова Е.Г., независимый исследователь (Санкт-Петербург).

Фасман Е.В., исследователь (Санкт-Петербург), член Русского генеалогического общества.

Фафурин Г.А., кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела редких книг Российской национальной библиотеки.

Хвостова Г.А., искусствовед, заслуженный работник культуры РФ.

Шаронова В.Г., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра комплексных исследований российской эмиграции Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН.

Шевчук С.В., ведущий агроном Ботанического сада Ботанического института им. В.Л. Комарова (Санкт-Петербург).

Шкаровский М.В., доктор исторических наук, главный архивист Центрального государственного архива Санкт-Петербурга.

Шрадер Т.А., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела европеистики МАЭ РАН.

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю.....	3
-----------------	---

XVIII век

<i>Богданов В.И., Малова Т.И.</i> АТАНАСИУС КИРХЕР И ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПРОНИЦАЕМОСТИ КРИСТАЛЛИЧЕСКОЙ ЗЕМНОЙ КОРЫ	7
<i>Архимандрит Августин (Никитин).</i> НЕМЕЦКАЯ СРЕДНЕВЕКОВАЯ КНИЖНОСТЬ НА БЕРЕГАХ НЕВЫ	21
<i>Сафонов М.М.</i> ПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА ПЕТРА III НА СТРАНИЦАХ «ЗАПИСОК ЕКАТЕРИНЫ II»	35
<i>Фафурин Г.А.</i> АКАДЕМИК ИОСИФ АДАМ БРАУН (1712–1768) КАК ЧИТАТЕЛЬ И ПОКУПАТЕЛЬ КНИГ В КНИЖНОЙ ЛАВКЕ ПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК	77
<i>Лупанова Е.М.</i> ДИРЕКТОР НА ПЯТЬ ДНЕЙ. ПОЧЕМУ ИОГАНН БАКМЕЙСТЕР НЕ СТАЛ ВО ГЛАВЕ КУНСТКАМЕРЫ?.....	98
<i>Мошник Ю.И., Ефимов М.В.</i> «СОТВОРЕНИЕ МОНРЕПО»: ПРИНЦ ФРИДРИХ ВЮРТЕМБЕРГСКИЙ В ВЫБОРГЕ В 1784–1786 гг.	105
<i>Макаров Б.С.</i> ИОГАНН КАСПЕР ФОКТ	116
<i>Самысловская Е.А.</i> НЕМЕЦКИЕ МАСТЕРА И АРХИТЕКТОРЫ В РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ОБЩИНЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII в.	146

XIX век

<i>Головнин П.А.</i> ДВОРЯНЕ ВУЛЬФ В РОССИИ	153
<i>Иодко О.В.</i> ФРИДРИХ ЛЮДВИГ ШАРДИУС — АРХИВАРИУС АРХИВА КОНФЕРЕНЦИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК	176
<i>Валиев М.Т., Заднепровская А.Ю.</i> ВАГНЕРЫ — ОТ АПТЕЧНОЙ СТОЙКИ ДО ГЕНЕРАЛА ФЛОТА	193
<i>Головнин П.А.</i> БАРОНЫ ФОН ДЕРВИЗ: ПРОМЫШЛЕННИКИ И МЕЦЕНАТЫ	212

<i>Удалова Е.Г.</i> ЕВГЕНИЙ КАРЛОВИЧ АЛЬБРЕХТ — ИНСПЕКТОР ИМПЕРАТОРСКИХ ТЕАТРОВ	237
<i>Хвостова Г.А.</i> МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ ХУДОЖНИКА ИОГАННА КОНРАДА ДОРНЕРА	246
<i>Лаврентьева Л.С.</i> НЕМЕЦКИЕ КОРНИ В ЖЕНСКОМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ РОССИИ (конец XIX — начало XX в.)	253
<i>Валиев М.Т.</i> ЭРНЕСТ КАРЛОВИЧ ПЕЦОЛЬД — АВТОР ЛУЧШЕГО УЧЕБНИКА НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ	264
<i>Фасман Е.В.</i> АЛЕКСАНДР КОНСТАНТИНОВИЧ ЕРЖЕМСКИЙ — ПЕРВЫЙ ФОТОГРАФ РУССКОГО МУЗЕЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III	278
<i>Мазинг А.Ю.</i> ПАСТОР КАРЛ МАЗИНГ (1811–1877) И ЕГО СЫНОВЬЯ	290
<i>Шевчук С.В.</i> ЭМИЛИЙ БРЕТШНЕЙДЕР (1833–1901) — ВРАЧ, КИТАЕВЕД, БОТАНИК	302
<i>Друкарев Е.Г.</i> СЕРГЕЙ ПАВЛОВИЧ ГЕРНЕТ (1859–1918), ЕГО ПРЕДКИ И ПОТОМКИ В ПЕТЕРБУРГЕ	309

XX век

<i>Депп А. фон, Иванова Н.И.</i> ФАМИЛИЯ ФОН ДЕПП В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ	323
<i>Груздева Е.Н.</i> ИСТОРИК И ПРЕПОДАВАТЕЛЬ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА МАРГАРИТА ЭМИЛЬЕВНА ЛИБТАЛЬ	329
<i>Шаронова В.Г.</i> ХОЗЯИН РУССКОГО ЗАМКА В ШАНХАЕ	339
<i>Шкаровский М.В.</i> НАСТОЯТЕЛЬ ПЕТРИКИРХЕ ПАСТОР ГЕЛЬМУТ ГАНЗЕН	343
<i>Половникова И.А.</i> «ПОТОМКАМ, КОТОРЫХ У МЕНЯ НЕТ...» (Судьба русского аристократа в Советской России)	349
<i>Шрадер Т.А.</i> ШКОЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В НЕМЕЦКИХ КОЛОНИЯХ ПЕТРОГРАДСКОЙ–ЛЕНИНГРАДСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1920-е ГОДЫ	362
Список сокращений	371
Именной указатель	373
Сведения об авторах	385

Научное издание

Немцы в Санкт-Петербурге

Биографический аспект

XVIII–XX вв.

Выпуск 9

Редактор *Т.В. Никифорова*
Корректор *Е.З. Чикадзе*
Компьютерный макет *Н.И. Пащковской*

Подписано в печать 20.08.2015.
Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура NewtonPS. Усл. печ. л. 22. Уч.-изд. л. 24.
Тираж 200 экз. Заказ № 3310.

МАЭ РАН
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 3

Отпечатано в ООО «Издательство “Лема”»
199004, Санкт-Петербург, 1-я линия Васильевского острова, 28
izd_lemma@mail.ru

ISBN 978-5-88431-284-5

